

ВЕСТНИК Тамбовского университета

ЖУРНАЛ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Научно-теоретический
и прикладной
журнал
широкого профиля

Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ

Издается с 15 мая 1996 года
Выходит 12 раз в год

Выпуск
2 (130)

2014

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации и рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций

СОДЕРЖАНИЕ

4 CONTENTS

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ТАМБОВЩИНЫ

- 7 *Н.Ю. Желтова* «Город лермонтовской казначейши сердцу радостно милейший»: творчество Д.Д. Бурлюка в контексте культурной истории Тамбовского края

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- 14 *Л.Н. Третьякова* Эволюция военной концептосферы в поэзии М.В. Ломоносова
- 18 *Р.С. Переславцева* Первая мировая война в творчестве И.А. Бунина: к вопросу о генетической связи войны и бунта
- 26 *В.Г. Руделев,
О.А. Руделева* К вопросу о необходимости использования термина «*физическое лицо*» в русском языковом общении
- 33 *А.А. Сускина* Дистантные аффиксы как комплексные форманты в диалектном глагольном словообразовании

ЭКОНОМИКА

- 39 *О.В. Савинова,
Е.А. Колесниченко* Роль трансграничного сотрудничества в формировании европейских инновационных кластеров
- 45 *И.И. Филатова* Общественный контроль как вектор формирования и развития гражданского общества
- 51 *Т.В. Касаева,
Т.А. Бондарская* Креативный человеческий капитал как движущая сила современной экономики
- 57 *И.И. Филатова,
В.М. Юрьев* Изменение в системе налоговых отношений в условиях формирования в России гражданского общества
- 63 *С.А. Мешков* Угрозы экономической безопасности в сфере земельных отношений
- 70 *М.И. Бородина* Механизм обеспечения экономической безопасности государства через призму развития энергосферы
- 75 *И.Э. Гурр* Оценка инвестиционных рисков предприятий водного транспорта на основе показателей стратегического управленческого учета

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

- 80 *К.В. Капраничкова* Психолого-педагогические условия обучения студентов иностранному языку на основе мобильных технологий
- 89 *В.П. Мамугина* Рисунок в системе довузовского архитектурного образования
- 96 *М.И. Долженкова,
О.Б. Мурзина* Некоторые тенденции развития социально-культурной инфраструктуры постиндустриального города
- 103 *А.А. Мударисова* Социально-культурная модель формирования ценностно-смысловых компетенций молодежи в условиях досуга
- 109 *А.А. Свиридов* Сущность и специфика социально-культурной деятельности вузов по профилактике экстремизма в молодежной среде
- 116 *В.Л. Будаговский* Сущность и специфика военно-патриотического воспитания молодежи в процессе социально-культурной деятельности общественных объединений поисковой направленности
- 122 *А.В. Мироненко* Модель этнокультурной социализации подростков в процессе освоения регионального фольклорного танца
- 129 *Н.А. Камнева* Гендерные межличностные конфликты в контексте семейных отношений

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- 141 *А.И. Юдин* Н.К. Михайловский и Г. Спенсер: борьба за индивидуальность
- 149 *Д.С. Пилипчук* Концепция И. Ильина о сопротивлении злу силой и русская христианская православная традиция

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- 158 *С.В. Пашков* Дискуссия М.П. Погодина и М.А. Максимовича по варяго-русскому вопросу
- 164 *А.Н. Николаева* Представления о совершенном государственном устройстве в идеологии патриотического движения в 1775–1783 гг.
- 173 *А.М. Козлов* Генезис и развитие национальных корейских боевых систем
- 177 *И.В. Дьячков* Ядерная проблема Корейского полуострова: подходы к оценке угроз
- 182 *М.А. Казаков,
И.В. Савельева* Институционализация региональных элит в процессе реализации национальных интересов современной России

ПРАВО

- 189 *Н.С. Цинцадзе* Классификация и иерархия правовых ценностей в теории права
- 195 *О.А. Кузнецова* Зарубежный опыт борьбы с коррупцией: проблемы и эффективность
- 198 *И.Г. Пирожкова* Пожарный устав как источник градостроительного права: особенности систематизации
- 205 *М.Ю. Дворецкий* Уголовная ответственность в отечественном законодательстве в контексте эффективности реализации: проблемы теории и практики применения
- 213 *В.В. Кидяев* Рецидив преступности как фактор, создающий угрозу общественной и национальной безопасности Российской Федерации, на примере Тамбовской области
- 219 *В.Ю. Стромов* Отдельные виды наказаний: проблемы и предложения по реализации
- 225 *Н.А. Огнерубов* Специфика преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности: криминологический анализ

ХРОНИКА

- 231 *Л.В. Полякова* Научный Замятинский центр в Тамбовском университете. К 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина

ПЕРСОНАЛИИ

РЕЦЕНЗИЯ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

АННОТАЦИЯ ЖУРНАЛА

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР д. э. н., проф. В.М. Юрьев.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев (зам. гл. редактора), д. филос. н., проф. И.В. Налетова (научный редактор серии), И.В. Ильина (отв. секретарь), д. эконом. н., проф. В.И. Абдукаримов, д. филол. н., проф. Р. Гольдт (Германия), д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева, д. психол. н., проф. И.В. Грошев, д. ист. н., проф. В.В. Канищев, д. психол. н., проф. Н.А. Коваль, д. филос. н., проф. М. Кросстон (США), д. пед. н., проф. Р.М. Куличенко, д. философии, доцент Дж. Куртис (Великобритания), д. эконом. н., проф. Л.В. Лысяк (Украина), д. эконом. н., проф. В.Д. Мамонтов, д. филос. н., доц. Н.В. Медведев, д. филол. н., проф. Л.В. Полякова, д. филол. н., проф. Н.Л. Потанина, д. ист. н., проф. Л.Г. Протасов, д. филос. н., проф. О.В. Ромах, д. юр. н., проф. С.В. Рыбакова, д. полит. н., проф. Д.Г. Сельцер, д. эконом. н., проф. О.А. Степичева, д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин, д. пед. н., проф. И.А. Шаршов.

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440. Факс (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru. Интернет: <http://vestnik.tsutmb.ru/rus/>; <http://vestnik.tsutmb.ru/eng/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-50435 от 3 июля 2012 г.

Подписной индекс 83371 в каталоге агентства «Роспечать».

Редакторы А.Н. Николаева, Ю.В. Ефимова.

Редактор английских текстов Ю.С. Поветкина.

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчанова.

Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2014. – Вып. 2 (130). – 264 с. – ISSN 1810-0201.

Подписано в печать 25.12.2013. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 32,01. Тираж 1000 экз. Заказ № 1123. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. 392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2014

© Журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки», 2014.

При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несет автор.

© Арзамасцев А.А., макет обложки, 1996

The journal is on the official list of scientific periodicals in the Russian Federation and recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations

CONTENTS

CULTURAL TRADITIONS OF TAMBOV REGION

- 7 *N.Y. Zheltova* "City of Lermontov's Paymaster's Wife is gladly dear to heart": work of D.D. Burlyuk within cultural history of Tambov region

PHILOLOGY AND ART CRITICISM

- 14 *L.N. Tretyakva* Evolution of military concept sphere in poetry of M.V. Lomonosov
18 *R.S. Pereslavl'tseva* World War I in work of I.A. Bunin: to question of genetic connection between war and rebellion
26 *V.G. Rudelev, O.A. Rudeleva* On the question of need to use the term "physical person" in Russian language communication
33 *A.A. Suskina* Distant affixes as complex formants in dialect verb word formation

ECONOMICS

- 39 *O.V. Savinova, E.A. Kolesnichenko* Role of trans-border partnership in formation of European innovation clusters
45 *I.I. Filatova* Public control as vector of formation and development of civil society
51 *T.V. Kasayeva, T.A. Bondarskaya* Creative human capital as driving force of modern economy
57 *I.I. Filatova, V.M. Yuryev* The change in the system of tax treatment under the conditions of civil society formation in Russia
63 *S.A. Meshkov* Threats to economic security in land relations
70 *M.I. Borodina* Mechanism to ensure the economic security of state through the prism of energy sector development
75 *I.E. Gurr* Assessment of investment risk shipping companies based on indicators of strategic management accounting

PEDAGOGICS AND PSYCHOLOGY

- 80 *K.V. Kapranchikova* Psychological and pedagogical conditions of foreign language teaching based on mobile technologies
89 *V.P. Mamugina* Drawing in pre-university architectural education

- 96 *M.I. Dolzhenkova, O.B. Murzina* Some tendencies of development of welfare infrastructure of post-industrial city
- 103 *A.A. Mudarisova* Socio-cultural model of formation of value-content competencies of youth in leisure conditions
- 109 *A.A. Sviridov* Essence and specificity of socio-cultural activity of universities on preventive work of extremism among youth
- 116 *V.L. Budagovsky* Essence and specificity of militarian-patriotic education of youth in process of socio-cultural activity of social unions of search direction
- 122 *A.V. Mironenko* Model of ethno-cultural socialization of teenagers in process of regional folklore dance study
- 129 *N.A. Kamneva* Gender interpersonal conflicts in the context of family relationships

PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND CULTURAL STUDIES

- 141 *A.I. Yudin* N.K. Mikhailovsky and H. Spenser: struggle for individuality
- 149 *D.S. Pilipchuk* Concept of I. Ilyin of resistance to evil by force and Russian Orthodox Christian tradition

HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

- 158 *S.V. Pashkov* Discussion of M.P. Pogodin and M.A. Maksimovich about Varangian-Russian question
- 164 *A.A. Nikolayeva* Concept of perfect state system in ideology of patriotic movement in 1775–1783
- 173 *A.M. Kozlov* Genesis and development of national Korean martial systems
- 177 *I.V. Dyachkov* Korean nuclear problem: approaches to assessing threats
- 182 *M.A. Kazakov, I.V. Savelyeva* Institutionalization of regional elites in the process of realization of national interests of modern Russia

LAW

- 189 *N.S. Tsintsadze* Classification and hierarchy of legal values in theory of law
- 195 *O.A. Kuznetsova* Foreign experience in corruption struggle: problems and efficiency
- 198 *I.G. Pirozhkova* Fire charter as a source of town-planning law: features of systematization
- 205 *M.Y. Dvoretzky* Criminal responsibility in domestic law in the context of the effectiveness of implementation: problems of theory and practice of application
- 213 *V.V. Kidayayev* Relapse of crime as a factor endangering the public and national security of Russian Federation on example of Tambov region
- 219 *V.Y. Stromov* Separate types of punishment: problems and suggestions for implementation
- 225 *N.A. Ognerubov* Specificity of crimes committed by medical professionals in the field of professional activity: criminological analysis

CHRONICLE

- 231 *L.V. Polyakova* Scientific Zamyatin's Center in Tambov University. To 130th anniversary of E.I. Zamyatin's birthday
- 245 *D.G. Seltser* Journal as factor of establishment of science and development public space of region: 10 years of "PRO NUNC: Modern political processes" journal

PERSONALIA

- 250 *V.G. Rudelyov* Professor Anatoly Leonidovich Sharandin and Tambov linguistic school

REVIEW

257 *S.F. Blumenau*

Review of educational handbook: Airapetov A.G., Akolzina M.K. Modern and Contemporary History. Part 1. Modern History of Europe and America (17th century. – 1870). Tambov: Publishing House TSU named after G.R. Derzhavin, 2013. P. 252.

REGULATIONS FOR CONTRIBUTORS

SUMMARY

Founder: Federal State Budget Educational Institution of High Professional Education
“Tambov State University named after G.R. Derzhavin” (392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya street)

EDITOR-IN-CHIEF: V.M. Yuryev, Doctor of Economics, Professor.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL: Doctor of Philology, Professor, N.N. Boldyrev (Deputy Editor-in-chief), Doctor of Philosophy, Professor I.V. Naletova (Series Scientific Editor), I.V. Ilyina (Executive Editor), Doctor of Economics, Professor V.I. Abdukarimov, Doctor of Philology, Professor R. Goldt (Germany), Doctor of Cultural Studies, Professor, E.I. Grigoriyeva, Doctor of Psychology, Professor I.V. Groshev, Doctor of Historical Sciences, Professor V.V. Kanishchev, Doctor of Psychology, Professor N.A. Koval, Doctor of Philosophy, Professor M. Crosston (USA), Doctor of Pedagogy, Professor R.M. Kulichenko, Doctor of Philosophy, Assoc. Professor J.A.E. Curtis (Great Britain), Doctor of Economics, Professor L.V. Lysyak (Ukraine), Doctor of Economics, Professor V.D. Mamontov, Doctor of Philosophy, Assoc. Professor N.V. Medvedev, Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova, Doctor of Philology, Professor N.L. Potanina, Doctor of History, Professor L.G. Protasov, Doctor of Philosophy, Professor O.V. Romakh, Doctor of Law, Professor S.V. Rybakova, Doctor of Political Science, Professor D.G. Seltser, Doctor of Economics, Professor O.A. Stepicheva, Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin, Doctor of Pedagogy, Professor I.A. Sharshov.

Editors address: 33 Internatsionalnaya street, Tambov, 392000, Russia.

Tel. number: (4752)-72-34-34 extension 0440. Fax: (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru. Интернет: <http://vestnik.tsutmb.ru/rus/>; <http://vestnik.tsutmb.ru/eng/>

The journal is registered by Federal service for supervision in communication, information technologies and mass communications sphere (Roskomnadzor). Certificate of registration of mass information mean ПИ № ФС77-50435 from 3 July, 2012.

Subscription index in the catalogue of the Rospechat agency is 83371.

Editors: A.N. Nikolaeva, Yu.V. Efimova.

English texts editor Yu.S. Povekina.

Computer layout T.Yu. Molchanova.

Tambov University Review. Series: Humanities. – Tambov, 2014. – Issue. 2 (130). – 264 p. – ISSN 1810-0201.

Подписано в печать 25.12.2013. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 32,01. Тираж 1000 экз. Заказ № 1123. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© FSBEI of HPE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”, 2014

© The journal “Tambov University Review. Series: Humanities”, 2014.

All rights of reproduction in any form reserved.

The author is responsible for the contents of publications.

© Arzamastsev A.A., Cover layout, 1996

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ТАМБОВЩИНЫ

УДК 821.161.1

«ГОРОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ КАЗНАЧЕЙШИ СЕРДЦУ РАДОСТНО МИЛЕЙШИЙ»: ТВОРЧЕСТВО Д.Д. БУРЛЮКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ

© **Наталья Юрьевна ЖЕЛТОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
e-mail: nata_zheltova@mail.ru

Рассматриваются основные вехи творческого пути основоположника, идейного вдохновителя русского футуризма Д.Д. Бурлюка в контексте тамбовских культурных связей. Несмотря на то, что в Тамбове он пробыл в юности всего три года, переключки с выдающимися именами «Цнинского края» в его творчестве присутствовали на протяжении всей жизни. В работе обращается внимание на специфику художнической индивидуальности Бурлюка, его выдающиеся способности арт-менеджера, издателя, пропагандиста искусства «будетлян» и творчества В.В. Маяковского. Прослеживаются связи русского футуризма и художественных экспериментов Бурлюка с литературой XVIII в., поэзией Г.Р. Державина. Проводятся тематические, языковые, стилистические параллели между стихами футуриста и одами Державина, исследуются их липограммы. Обозначается роль музыкальной поэмы С.В. Рахманинова «Остров мертвых» в формировании русского футуризма. Анализируется характер творческой деятельности Бурлюка в эмиграции, в США. В статье использованы материалы переписки Бурлюка с тамбовским краеведом Н.А. Никифоровым, изданной в Тамбове в 2011 г. Также рассматривается образ поэта и художника в творчестве В.В. Маяковского, В.В. Хлебникова, Е.А. Евтушенко, С.Е. Бирюкова.

Ключевые слова: русский футуризм; Д.Д. Бурлюк; В.В. Маяковский; культура Тамбовского края; С.В. Рахманинов; Г.Р. Державин.

Масштабная творческая личность русского художника и поэта Д.Д. Бурлюка (1882–1967) на протяжении последних двух десятилетий находится в центре внимания отечественных, украинских, американских, японских, западноевропейских исследователей [1–5]. Этот интерес обусловлен, видимо, той значительной и знаковой ролью, которую он сыграл в развитии русского и мирового искусства XX в.

Современники Давида Бурлюка не скупились на эпитеты. В его гениальности никто не сомневался. Писатель Дон-Аминадо, описывая вечер на котором выбирали короля русской поэзии, так охарактеризовал самопровозглашенного «отца русского футуризма»: «Гениальный Давид Бурлюк <...> с уверенностью опытного дрессировщика взошел на эстраду, презрительно поджав губы и по-

глядев на публику в серебряный лорнет, прокричал «стихи» о беременным мужчинам... Ни более и не менее» [6].

Но эти стихи Бурлюк «кричал» не для саморекламы, а для того, чтобы ярче представить главное открытие своей жизни – выдающийся талант В.В. Маяковского. «Бурлящий Давид» всегда первым выступал на поэтических вечерах, двигался, как ледокол, прокладывая путь подлинно художественному явлению и создавая Маяковскому литературную репутацию гениального поэта. Как талантливый продюсер Бурлюк прекрасно понимал, что самый быстрый путь к славе – «литературный скандал», и успешно пользовался этим инструментом в течение всей жизни, которая забрасывала «отца русского футуризма» то в Китай, то в Японию, то в Америку. Так же произошло и на вечере, ко-

торый описывал Дон-Аминадо. По его воспоминаниям, после эпатажных маневров Бурлюка строки Маяковского надолго запомнились слушателям: «С добросовестностью неуклюжего семинариста он прочитал «Облако в штанах» к немалому удовольствию собравшихся. <...> Этот неукротимый энтузиаст призывал «стереть вражью кровь на русских саблях шелковым бельем берлинских кокоток...». Ни более и не менее» [6].

Два имени – Бурлюк и Маяковский – стали знаковыми для русского авангарда. Бурлюк выступил как талантливейший организатор, идейный вдохновитель футуризма, придал форму новому русскому искусству, а Маяковский наполнил его новым вневременным содержанием. Футуристы намеревались реформировать русскую традиционную культуру, придав ей синтетический вектор. Их захватил вихрь революционных перемен, который, как им казалось, позволял выйти за рамки видовых границ искусства. Поэтому многие из футуристов старались совмещать разные формы художественности, занимались одновременно и литературным трудом, и изобразительным творчеством. Они поставили эксперимент даже над русским языком, заставив его работать на их идеи, последовательно развивать положения собственного манифеста.

Бурлюк и Маяковский, сознательно используя приемы литературного хулиганства, хотели «взорвать» изнутри обыденное сознание читателя и зрителя, изменить их привычный взгляд на мир и ход вещей. Поэтому «беременные мужчины» – обычное дело в поэзии футуристов. Маяковский был, конечно, глубже, интереснее в своих художественных экспериментах, а Бурлюк точно улавливал направление ветра и четко представлял, куда нужно плыть, чтобы достичь берегов нового искусства.

Видимо, первое ниспровержение классики Бурлюком случилось после того, как И.Е. Репин, председатель приемной комиссии Академии художеств, куда молодой художник пришел поступать, посмеялся над его желанием совершить переворот в современном искусстве. Бурлюк решил превзойти Репина. Ни более, и не менее. Обойдя несколько художественных школ, будущий «вождь русского футуризма» остановился на Московском училище живописи, где и позна-

комился с 18-летним Маяковским. Эта судьбоносная для русского искусства встреча чуть было не закончилась дракой. Маяковский в автобиографической статье «Я сам» вспоминал: «В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит напевая. Я стал задира. Почти задралась» [7, с. 19].

Воспоминание Бурлюка о Маяковском не менее колоритно: «Какой-то нечесаный, невымытый, с эффектным красивым лицом апаша верзила преследовал меня своими шутками и остротами «как кубиста» до того, что я готов был перейти к кулачному бою» [8, с. 3]. Возможно, бой и состоялась бы, но осторожность Бурлюка, имевшего неблагондежную репутацию и боявшегося исключения из училища, удержала его от открытого столкновения с будущим поэтом. С этого момента началась их многолетняя дружба, несмотря на то, что Бурлюк был на 11 лет старше Маяковского: «Мы посмотрели друг на друга и помирились, и не только помирились, а стали друзьями, а скоро и соратниками в той борьбе, которая закипала вокруг <...> между старым и новым в искусстве <...> и жизни» [7, с. 19].

Так случилось, что имя Бурлюка непосредственным и интереснейшим образом связано с Тамбовским краем. Несмотря на то, что в Тамбове поэт и художник всего лишь неполные три года (1895–1898) учился в мужской министерской гимназии, тамбовские ниточки оказались чрезвычайно крепкими. В переписке с краеведом Н.А. Никифоровым он сам обозначил ряд знаковых для Тамбова имен, символично включив в него и себя: «Державин, Лермонтов, Жемчужников, Мичурин, Бурлюк, Беккер, Алексеев, Рахманинов – кто еще?» [9, с. 155]. Некоторые имена оказались знаковыми и для самого Бурлюка.

Интересно заметить, что к рождению русского футуризма и рождению великого русского поэта Маяковского непосредственное отношение имеет композитор С.В. Рахманинов. Именно с исполнения его «Острова мертвых» сбежали Маяковский и Бурлюк, не вынеся «мелодизированной скуки»: «вышли шляться вместе». Эта симфоническая поэма молодого композитора, чье имя неразрывно связано с Тамбовским краем, стала одним из последних явлений позднего русского романтизма начала XX в. В ней Рахманинов

предпринял первую попытку реформировать принципы классического музыкального искусства, поэтому в произведении символично борются два начала: жизнь и смерть. Так, в результате вынужденной ночной прогулки Бурлюка и Маяковского «родился русский футуризм» и его общая идеологическая платформа. Она возникла на основе взаимодополняющих начал: у Бурлюка это «гнев обогнавшего современников мастера», у Маяковского – «пафос социалиста, знающего неизбежность крушения старья» [7, с. 19]. Получается, что рахманиновский «Остров мертвых» по каким-то мистическим законам дал жизнь новому искусству. Все это удивительным образом соответствует и музыкальной стратегии поэмы, которую сам Рахманинов охарактеризовал следующим образом: «Сначала – смерть, потом – жизнь» [10, с. 235].

Переписка Бурлюка и Никифорова свидетельствует о том, что художник живо интересовался судьбой Рахманинова и его дочерей в США, вклеивал в свои альбомы присылаемые тамбовским краеведом заметки из местных газет, посвященные композитору. Между тем художник постоянно подчеркивал антисоветскую позицию Рахманинова, противопоставляя ее своему лояльному отношению к СССР. В письме от 5 января 1960 г. Бурлюк вспоминал: «В самом начале (подчеркивание. – Н. Ж.) моей жизни в Нью-Йорке, м. б. в 1924 г., на одном из балов русской знати, куда я случайно (подчеркивание. – Н. Ж.) (даже танцевал там), я видел там Керенского (рыжий) и был представлен Рахманинову. Позже, когда моя просоветская (подчеркивание. – Н. Ж.) деятельность стала широко известна среди белых, керенщины, где вращались всякие князья, графини, включая Марию Павловну – кузину царя Ник. II-го, Рахманинов, конечно тогда уже со мной не познакомился бы» [9, с. 379-380]. Но в то же время Бурлюк, несмотря на критику антисоветской позиции Рахманинова, сохранил к нему уважение как к выдающемуся представителю русской культуры. В своем журнале «Colog and Rhyme» («Цвет и ритм») он опубликовал два портрета композитора работы Б. Григорьева. И за этим жестом, видимо, кроется негласная благодарность Рахманинову за его своеобразное участие в рождении русского футуризма.

По воспоминаниям Маяковского, именно на следующий день после «рахманиновской скуки» он написал первое стихотворение и, назвавшись другим именем, прочел свое творение близкому другу Бурлюку. Давид тут же распознал авторство Маяковского, объявил его «гениальным поэтом» и велел писать стихи: «Уже утром Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: «Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский». Толкаю. Но Бурлюк непреклонен. Еще и рычал на меня, отойдя: «Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение» [7, с. 20].

Это «бурлючье чудачество» дало России настоящего гения. Маяковский всегда тепло, с большой любовью отзывался о своем учителе, который не только поверил в него, но дал необходимое образование, обеспечил условия для раскрытия выдающегося таланта: «Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французских и немецких. Всовывал книги. Ходил и говорил без конца. Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневно 50 копеек. Чтоб писать не голодая» [7, с. 20]. Бурлюк прекрасно понимал и принимал упреки В.Я. Брюсова в том, что Маяковскому не хватает системных литературных знаний, поэтому не жалел сил и времени на их приобретение молодым поэтом.

Совместно «гениальный Давид Бурлюк» и «сукин сын» Маяковский создали и знаменитый манифест футуризма с характерным названием «Пощечина общественному вкусу» (1912). С этого момента искусство «будетлян» пошло в массы: «Газеты стали заполняться футуризмом» [7, с. 20]. Хотя новое с трудом преодолевало сопротивление сторонников традиционной культуры, откровенное недоброжелательство и враждебность. Интересно заметить, что в силу идеологических причин советское литературоведение долгое время отрицало факт серьезного влияния на творчество пролетарского поэта Маяковского эмигранта Бурлюка. Однако в поэме «Облако в штанах» его имя осталось навечно как признание в любви великого ученика своему выдающемуся учителю:

*И –
как в гибель дредноута
от душащих спазм
бросаются в разинутый лок –
сквозь свой
до крика разодранный глаз*

*лез, обезумев, Бурлюк.
Почти окровавив исслезенные веки,
вылез,
встал,
пошел
и с нежностью, неожиданной в жирном
человеке
взял и сказал:
«Хорошо!» [7, с. 380].*

Говоря о рождении эстетики футуризма, нельзя не упомянуть о том факте, что на ее формирование существенное влияние оказало творчество Г.Р. Державина, еще одного гения, чье имя непосредственным образом связано с Тамбовским краем. Бурлюк в письме Н.А. Никифорову прямо заявляет, что изучал Державина [9, с. 37]. В письме от 18 марта 1957 г. он выражается еще яснее: «Если Маяковский Пушкин – Бурлюк Державин» [9, с. 20]. Эта мысль чрезвычайно занимала поэта и художника. Позднее, в 1962 г., он даже написал характерное четверостишие:

*Державиным воспеты были три
Он их сравнил с эскадрой кораблей!
И если Маяковский, словно, Пушкин, славен
То старший брат его – Бурлюк – Державин
[9, с. 501].*

Представляется, можно говорить не только о метафорических и историко-литературных аналогиях искусства «будетлян» с новациями XVIII в. Футуризм взял на вооружение державинские принципы стихосложения и словообразования, подвергнув головокружительным экспериментам силлаботоническую систему стихосложения.

Ю.Н. Тынянов прямо связывал развитие русского футуризма с возрождением традиций русского классицистического искусства: «Русский футуризм был отрывом от срединной стиховой культуры XIX в. Он в своей жестокой борьбе, в своих завоеваниях сродни XVIII в., подает ему руку через голову XIX в. Хлебников сродни Ломоносову. Маяковский сродни Державину» [11, с. 121]. М.И. Цветаева также проводила параллель между Державиным и Маяковским, обнаруживая их сходство в понимании такого тезиса, что «поэзия – язык богов» [12, с. 305].

Действительно, видимо, от Державина Маяковский перенял манеру показа величественного, подлинно масштабного через сближение, сопряжение далеких друг от дру-

га смысловых и художественных категорий. По наблюдениям исследователей, Маяковский именно от Державина воспринял страсти к языковому новаторству, приверженность к т. н. «телеграфному стилю», что обуславливает общность их индивидуально-го слога.

Ранние стихи Бурлюка в сборнике «Садок судей» также отличаются явной ориентацией на художественную эстетику XVIII в., державинские философические оды («На смерть князя Мещерского», «Водопад», «Бог», «Грифельная ода»). В произведениях «будетлянина» ясно прослеживаются тематические, языковые стилизации «под Державина»:

*Весеннее шумящее убранство –
Единый миг... затерянный цветах!
Напрасно зришь живое постоянство
Струящихся, скоротекущих снах.
Изменно все! И вероломны своды
Тебя сокрывшие от хлада бурь!
Везде, во всем – красивость шаткомоды!
Ах, циник, щастлив ты! Иди и каламбур!*
[13].

Как и Державин, Бурлюк пытался осмыслить проблему быстротечности жизни, забвения поэта и его деяний в процессе движения «реки времен», часто акцентировал тему смерти как неизбежного следствия законов природы:

*Познавши здесь честную схему,
И изучивши тайны треб
Я даже смерть с восторгом приму,
Как враном принесенный хлеб [13].*

«Будетлянин», как и его великий предшественник (ода «Фелица»), прославился созданием нового мифологизированного образа счастья («щастья циника») для своих современников, типичной для Бурлюка была также державинская тема сна-смерти.

Важно заметить, что Бурлюк активно использовал художественные новации Державина в своем творчестве, например, липограммы. Великий поэт впервые в русской литературе использовал этот прием и написал целый цикл стихотворений без буквы «р» («Соловей во сне», «Кузнечик», «Бабочка»). В 1911 г. Бурлюк сочинил стихотворение, которое так и назвал «Без «р» и «с», затем были написаны еще несколько произведений

с одноименным названием, а также «Без «р», «Без «н», «Без «а». Эти стихи также образуют своеобразный цикл, тематически чрезвычайно схожий с державинским.

Большой вклад Бурлюка в русскую культуру и литературу никогда не оспаривался — ни современниками, ни потомками. Но это вклад не столько художественно-эстетического, сколько идеологического характера. Его называли «гениальным организатором», «вождем», «теоретиком», «коммерсантом». Очевидно, что Бурлюк выполнил роль своеобразного ледокола, который прорубил путь не только Маяковскому, но всему русскому футуризму, вывел на большую воду и сумел сплотить по-настоящему великих художников, которые способствовали развитию русского и мирового искусства XX в. Будучи человеком здравомыслящим, вождь футуризма никогда не рвался в его первые ряды как поэт и художник, умея оставаться на втором плане и выдвигая вперед более талантливых соратников.

Маяковский стал главным открытием Бурлюка, который, однако, прекрасно понимал, что талант его друга значительно ярче, масштабнее, чем художественные принципы одной литературной группы: «Маяковского он поднес на блюде публике, разжевал и положил в рот. Он был хорошим поваром футуризма и умел «вкусно подать» поэта» [14, с. 157]. Добавим: и умел отпустить поэта, когда тот перестал нуждаться в его опеке и покровительстве.

В 1918 г. Бурлюк покидает Петербург и в течение двух лет медленно, но верно двигается на восток страны, печатая стихи, читая лекции, продавая картины в Златоусте, Уфе, Челябинске, Екатеринбурге, Омске, Томске, Иркутске, Чите, Кургане, Владивостоке. Контрлозунг И. Северянина «Не Лермонтова — «с парохода», А бурлюков — на Сахалин!» («Поэза истребления», 1914) оказался пророческим. Этот исход «будетлянина» на восток закончился эмиграцией сначала в Харбин, затем — в Японию и США.

Любопытно, что дружба Бурлюка и Маяковского пережила и разлуку, и расстояния, разделявшие поэтов. Находясь в сентябре 1923 г. в Берлине, Маяковский пишет своему другу полное теплоты и сердечной привязанности письмо: «Дорогой Додичка! Пользуюсь случаем приветствовать тебя. Шлю кни-

ги. Если мне пришлете визу, буду через месяца два-три в Нью-Йорке. <...> Обнимаю тебя и весь твой род. Целую тебя. Твой В. Маяковский» [15, с. 1]. Однако свое намерение посетить Америку Маяковский осуществил только в 1925 г., спустя 7 лет после разлуки с другом. Возможно, это намерение было обусловлено желанием снова увидеть «дорогого Додичку». И оно осуществилось: друзья снова встретились в Нью-Йорке, Бурлюк сопровождал Маяковского в поездках по США, организовывал ему творческие встречи, которые неизменно заканчивались триумфом «посланника Советской России». Сохранилась фотография, на которой изображены Бурлюк и Маяковский, обнимающий его сыновей. Спустя 7 лет после этой встречи «дорогой Додичка» посвятит памяти друга альманах «Красная стрела» (Нью-Йорк, 1932), который открывается вышеупомянутым письмом.

«Отец русского футуризма» накануне Великой Отечественной войны предпринял попытку вернуться на родину, но получил отказ. Но ему все-таки удалось хотя бы и в качестве туриста дважды побывать в Советском Союзе — в 1956 и 1965 г. Встречавшийся с ним И. Эренбург точно описал характер американского периода его творчества: «Бурлюк в Америке рисует, прилично зарабатывает, стал почтенным, благообразным: ни лорнетки, ни «беременного мужчины» [16, с. 260]. Добавим: к своему титулу «отца русского футуризма» Бурлюк приписал еще один — «американский Ван Гог».

Эмигрировавший в Америку поэт, как и все русские, испытывал ностальгию по родине — «*morbus rossica*» — русскую болезнь. Бурлюк жаждал общения с Россией, поэтому охотно откликнулся на письмо молодого тамбовского краеведа Н.А. Никифорова. Эта переписка продолжалась много лет, но встретиться им удалось лишь однажды, и не в Тамбове, а в Москве. Видимо, Бурлюк, как большинство русских эмигрантов, мечтал когда-нибудь вернуться на родину, если не лично, то хотя бы своими произведениями. Возможно, именно поэтому он передал Никифорову немалое количество своих трудов, видя в нем человека, способного сохранить для будущих поколений память не только о нем самом, но и об ушедшей России. В од-

ном из писем к Никифорову Бурлюк ностальгировал:

Тамбов, Тамбов...
Там юнь – любовь
К отчизне, как во сне,
По жизненной весне,
Цвела на речке Цне.
И много лет спустя –
Готов,
Родной Тамбов,
Рифмежами тебя
Воспеть на речке Цне!! [9, с. 494].

Сегодня в частном музее С.Н. Денисова хранятся около трех тысяч писем Бурлюка тамбовским адресатам, а также его картины, книги. На основе этой коллекции в 2005 г. в Тамбовском краеведческом музее состоялась выставка «Давид Бурлюк. Живопись, графика», был издан сборник писем [9]. В настоящее время по инициативе ректора Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина В.М. Юрьева и депутатов Тамбовской областной думы в Тамбове решается вопрос об открытии культурного «Бурлюк-центра». Именно в Тамбове поэт и художник мечтал быть понятым и принятым:

Город лермонтовской казначейши
Сердцу радостно милейший –
Зримый наяву, во сне
Град Тамбов на реке Цне [9, с. 24].

Внимание в Тамбове к личности «отца русского футуризма» вполне закономерно. Любовь к этой черноземной земле он пронес через всю жизнь. Не случайно, В. Хлебников в стихотворении «Бурлюк» справедливо отмечает истоки творческой энергии своего соратника:

Краски учитель
Прозвал тебя
«Буйной кобылой
С черноземов России».
Ты хохотал,
И твой трясся живот от радости буйной
Черноземов могучих России [17, с. 166].

В заключение отметим еще одну знаменательную ниточку, связывающую имя Бурлюка с Тамбовом. Премия «Международная отметина Давида Бурлюка» была учреждена известным поэтом, филологом, основателем Академии Зауми С.Е. Бирюковым, начавшим

свою творческую деятельность в Тамбове и ныне поддерживающим с родиной тесную связь. Дело Бурлюка живет, а русский футуризм по-прежнему наносит пощечину современному общественному вкусу. Справедлива в этой связи оценка Е.А. Евтушенко творческой личности поэта и художника:

Не став «невнятным иностранцем»,
Бурлюк увидел, что не счесть
всех пароходов, улиц, станций
в его трагическую честь <...>.
И вновь сказав «Ты гений!» внятно,
привел бы он к нему обратно,
на перекресток его рук,
всех, кто его не оценили
и нежностью не осенили.
Вот что бы сделал он – Бурлюк! [18, с. 2].

1. Русский футуризм и Давид Бурлюк, «отец русского футуризма». СПб., 2000.
2. *Евдаев Н.* Давид Бурлюк в Америке: материалы к биографии. М., 2002.
3. *Марков В.М.* Русский след в Японии. Давид Бурлюк – отец японского футуризма // Известия Восточного института. 2007. № 14. С. 191-219.
4. *Чиэко Оваки.* Японский период в творчестве Давида Бурлюка (1920–1922): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Харьков, 2008.
5. *Култышева О.М.* Д. Бурлюк и В. Маяковский: теоретические декларации и поэзия // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2005. № 5. С. 137-146.
6. *Дон-Аминадо.* Король и принц (Уроки истории) // Рампа и жизнь. 1918. 12 марта. С. 9-10.
7. *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1955. Т. 1.
8. *Бурлюк Д.* Владимир Маяковский (поэт революции) // Творчество. 1920. № 1.
9. Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова / авт.-сост. А.С. Чернов. Тамбов, 2011.
10. *Рахманинов С.В.* Литературное наследие. М., 1978. Т. 1.
11. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
12. *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: в 7 т. М., 1997. Т. 5. Ч. 1.
13. *Бурлюк Д.* Щастье циника // Садок судей. СПб., 1910. С. 83-84.
14. *Шершеневич В.* Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990.
15. Красная стрела / авт.-сост. Д.Д. Бурлюк. Нью-Йорк, 1932.
16. *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: в 3 т. М., 2005. Т. 1.
17. *Хлебников В.* Творения. М., 1986.

18. *Евтушенко Е.* Бурлючик // Личность в истории культуры. Давид Бурлюк. М., 2012.
-
1. Russkiy futurizm i David Burlyuk, "otets russkogo futurizma". SPb., 2000.
 2. *Evdaev N.* David Burlyuk v Amerike: materialy k biografii. M., 2002.
 3. *Markov V.M.* Russkiy sled v Yaponii. David Burlyuk – otets yaponskogo futurizma // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2007. № 14. S. 191-219.
 4. *Chieko Ovaki.* Yaponskiy period v tvorchestve Davida Burlyuka (1920–1922): avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Khar'kov, 2008.
 5. *Kultysheva O.M.* D. Burlyuk i V. Mayakovskiy: teoreticheskie deklaratsii i poeziya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 2005. № 5. S. 137-146.
 6. *Don-Aminado.* Korol' i prints (Uroki istorii) // Rampa i zhizn'. 1918. 12 marta. S. 9-10.
 7. *Mayakovskiy V.V.* Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. M., 1955. T. 1.
 8. *Burlyuk D.* Vladimir Mayakovskiy (poet revolyutsii) // Tvorchestvo. 1920. № 1.
 9. D.D. Burlyuk. Pis'ma iz kollektsii S. Denisova / avt.-sost. A.S. Chernov. Tambov, 2011.
 10. *Rakhmaninov S.V.* Literaturnoe nasledie. M., 1978. T. 1.
 11. *Tynyanov Yu.N.* Poetika. Istoriya literatury. Kino. M., 1977.
 12. *Tsvetaeva M.I.* Sobranie sochineniy: v 7 t. M., 1997. T. 5. Ch. 1.
 13. *Burlyuk D.* Shchast'e tsinika // Sadok sudey. Spb., 1910. S. 83-84.
 14. *Shershenevich V.* Velikolepnyy ochevidets // Moy vek, moi druz'ya i podrug. M., 1990.
 15. *Krasnaya strela* / avt.-sost. D.D. Burlyuk. N'yu-York, 1932.
 16. *Erenburg I.G.* Lyudi, gody, zhizn': v 3 t. M., 2005. T. 1.
 17. *Khlebnikov V.* Tvoreniya. M., 1986.
 18. *Evtushenko E.* Burlyuchik // Lichnost' v istorii kul'tury. David Burlyuk. M., 2012.

Поступила в редакцию 17.12.2013 г.

UDC 821.161.1

"CITY OF LERMONTOV'S PAYMASTER'S WIFE IS GLADLY DEAR TO HEART": WORK OF D.D. BURLYUK WITHIN CULTURAL HISTORY OF TAMBOV REGION

Natalia Yuryevna ZHELTOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature Department, e-mail: nata_zheltova@mail.ru

The main stages of artistic way of founder, idea inspirer of Russian futurism D.D. Burlyuk within Tambov cultural links are considered. In spite of the fact that in Tambov he was in youth only three years the roll with outstanding names "Tsninsky region" in his work present throughout life. The paper draws attention to the specifics of artistic individuality of Burlyuk, his outstanding abilities of art manager, publisher, and advocate art of "budetliane" and creativity of V.V. Mayakovsky. The traces of Russian futurism and artistic experimentation of Burliuk of 18th century literature, poetry of G.R. Derzhavin are shown. The theme, linguistic, stylistic parallels between the poems of futurist and odes of G.R. Derzhavin are given, their lipogrammy are investigated. The role of musical poem of S.V. Rachmaninoff "Isle of the Dead" in the formation of Russian futurism is represented. The nature of the creative activity of Burlyuk in exile in the United States is analyzed. This article contains material correspondence of Burlyuk with Tambov regional specialist N.A. Nikiforov, published in Tambov in 2011. The poet's image and artist in the work of V.V. Mayakovsky, V.V. Khlebnikov, E.A. Yevtushenko, S.E. Biryukov is considered.

Key words: Russian futurism; D.D. Burlyuk; V.V. Mayakovsky; culture of Tambov region; S.V. Rakhmaninov; G.R. Derzhavin.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 81.366

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ В ПОЭЗИИ М.В. ЛОМОНОСОВА

© Людмила Николаевна ТРЕТЬЯКОВА

Российский университет дружбы народов, г. Москва,
Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка № 3, e-mail: ludmila-tretyakova@rambler.ru

Рассматривается когнитивная структура концепта «война» в русском языковом сознании на материале военных стихотворений Михаила Васильевича Ломоносова. Исследование выполнено в русле когнитивной лингвистики с использованием метода концептуального анализа.

Рассматривается возможность понимания русской военной культуры через ключевые слова и выражения языка данной культуры, проводятся различия между дисциплинами, в рамках которых рассматриваются вопросы соотношения языка в военной поэзии Михаила Ломоносова и культуры, а также отмечается тот факт, что концептуальный анализ является необходимым для любого из исследований в данной области. Обосновывается смена героического пафоса в военной поэзии М. Ломоносова пафосом религиозным и постепенное перерастание его в пафос национальный.

Ключевые слова: концепт; художественный концепт; концептосфера; военная культура; метафора; когнитивная модель.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках.
М.В. Ломоносов

Данная статья посвящена индивидуальной художественной концептосфере русского поэта XVIII в.

Понятие концептосферы является важнейшим понятием когнитивной лингвистики. Термин «концептосфера» принадлежит академику Д.С. Лихачеву, который определил концептосферу как совокупность концептов нации.

Обращение к данной теме вызвано следующими лингвистическими и экстралингвистическими причинами:

- большим интересом лингвистов к военной концептосфере;
- тревожными тенденциями снижения значимости военных компонентов в культуре современного российского общества [1, с. 124].

В данной статье мы опираемся на следующие положения, достаточно убедительно обоснованные в когнитивной лингвистике и метафорологии:

1. Этнокультурная специфика видения мира отражена в коллективном сознании и

коммуникативном поведении представителей соответствующей культуры (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Й. Вайсгербер, Е.М. Верещагин, Л. Витгенштейн, В. Гумбольдт, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, А.А. Леонтьев, А.А. Потебня, Л.В. Щерба, А. Wierzbicka и др.).

2. В основе порождения картины мира лежат концепты – ментальные образования разной природы, которые, как правило, получают вербальное воплощение (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, А. Wierzbicka и др.).

3. Основными единицами, создающими концептосферу поэтического текста, являются культурные концепты, которые могут объективироваться разными номинативными средствами (главным образом лексическими и фразеологическими) (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и др.).

Дадим определение концепта А.Д. Шмелевым: «Единицей языковой концептуализации действительности является концепт.

Можно сказать, что концепт осуществляет связь между смыслом языкового выражения и обозначаемым им фрагментом внеязыковой действительности» [2, с. 38].

Общественно-политический феномен «война» занимает важное место в творчестве М.В. Ломоносова. Наша задача – рассмотреть тексты поэта с позиций когнитивной лингвистики и метафорологии, которая сформировалась как самостоятельная научная дисциплина в начале XXI в.

Мы придерживаемся точки зрения Э.В. Будаева и А.П. Чудинова, которые писали: «В основе когнитивной теории метафоры лежит идея о том, что метафора – это не лингвистический феномен, а ментальный: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафоры в языке – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность. В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры» [3, с. 23].

Сфера-источник у Ломоносова заключалась в собственной теории войны. Характеристика отношения русского поэта к войне отличается определенной спецификой: у Ломоносова имела своя «теория» ведения войны, которую он излагал в своих одах и прозе. Войну легче начать, чем кончить: «...удобнее принять начало, нежели конца достигнуть» [4, с. 591]. Готовиться к войне нужно заранее, т. к. без предварительной подготовки невозможно победить врага. Поэт утверждал, что для победы нужна «храбрость воинов», правильный выбор времени и места для нанесения удара, необходим верный и надежный союзник. Ломоносов считал, что победы нужно добиваться «малым уроном», «чрез краткую войну». Большое значение великий поэт придавал артиллерии. Ломоносов полагал, что для успешного веде-

ния боя необходимо подавить артиллерию противника: «...гром громом отражать И пламень бы врагов в скоропостижный час от русской армии не разродясь погас» [4, с. 672]. Ломоносов утверждает, что противника легче одолеть, не дав ему возможности сосредоточить силы «И мы бы их полки на части раздробили» [4, с. 672].

В лингвокультурном отношении наиболее ценными являются метафорические словоупотребления, интерпретация которых дала возможность обнаружить сходства и различия в отражении войны как фрагмента окружающего мира в древнерусском и современном сознании русского человека. Ломоносов, как языковая личность, формирует свое, индивидуальное отношение к войне, ориентируется на национально-специфические культурные ценности.

Образная сторона концепта «война» в поэзии Ломоносова представлена в метафорических моделях, прежде всего, в природо-морфных метафорах: модель «ВОЙНА – ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ», фрейм «Непогода», слоты «Сильный ветер».

Метафора войны у Ломоносова – это «буря шумная», «зверское беспокойство». Как и в древнерусской литературе, широкое распространение в поэзии Ломоносова получило изображение стихийных сил природы. В оде 1742 г. Россия сравнивается с «сильным вихрем», а Швеция – с «прахом» [4, с. 87]; в трагедии «Тамира и Селим» татарские орды на Куликовом поле сравниваются с «бурей шумной»; в поэме «Петр Великий» русские войска – с «тучей грозной». При описании батальных сцен поэт широко использовал традиционные образы огня, молнии, пожара. Данные метафоры имеют универсальный характер, т. к. пришли в русскую литературу из европейских и библейских источников. Мы называем такие поэтические метафоры традиционными, ибо они имеют длительную традицию употребления в русской и мировой поэзии.

Концепт «война» у Ломоносова находит свое отражение в метафорических моделях, в которых выделяются образы стихийных сил природы, сравнения с животными.

В оде 1742 г. на прибытие Елизаветы Петровны в Петербург война изображается как пожар [4, с. 93]. Иногда битва сравнивается с извержением вулкана, с потоком го-

рящей лавы. В описании войны в целом и отдельного сражения поэт создает глубоко эмоциональный образ – картину стихии – бури, бури-непогоды и пожара.

В одах поэт широко использовал гиперболу: во многих батальных сценах от гула сражения трясется «понт», «стонут громады», «в крови тонут горы», стрельба пушек заставляет «завыть» Ладогу.

В своих одах Ломоносов часто использовал сравнения. В «Оде на взятие Хотина» Россия сравнивается с мирным пастухом, а турки – с хищными волками. Представлена зооморфная метафора, модель «УЧАСТНИКИ ВОЙНЫ – ЖИВОТНЫЕ», фрейм «Состав царства животных», слот «Хищники».

Близки сравнениям и олицетворения в поэзии классицизма: пушки у Ломоносова – в виде извергающего огонь дракона: «рыгал огонь жерлами», «громады вокруг ревут»; смерть – в виде чудовища с косой: «Там смерть меж готфскими полками бежит, ярясь из строя в строй. И алчну челюсть отверзает...». Метафорическая модель – «СМЕРТЬ – ЧУДОВИЩЕ С КОСОЙ».

Необходимо отметить яркие и эмоционально выразительные эпитеты в произведениях поэта: «шумный меч», «бурные ночи», «прехрабрый воин», «орлиные полки», «беглые полки», «разумная храбрость», «правдивый меч».

В своем творчестве Ломоносов активно развивает образы богов. Марс-Градив, как солдат, бродит по заснеженной России. Образ Марса нужен поэту для того, чтобы подчеркнуть воинственность Петра I: «В полях кровавых Марс страшился, свой меч в Петровых зря руках» [4, с. 200].

При описании сражений поэт использует образ древнеславянского языческого бога Перуна – покровителя воинов. В представлении древних славян Перун являлся с молниями и громом.

Ломоносов использует в своем творчестве образы устной народной поэзии: он сравнивает русского воина с орлом и соколом, численность вражеского войска определяется «тьмою», при поэтическом описании сражения – от пыли и дыма не видно солнца, от топота войска дрожит земля.

Поэт активно использует глаголы настоящего времени для описания битвы: в оде «Первые трофеи Иоанна III» о шведах гово-

рится, что они «...топчут, режут, рвут, губят, терзают, грабят, жгут»; в оде 1742 г. русский воин «пронзает, рвет и рассекает, противных силу презирает... кипит».

Ломоносов, как языковая личность, формирует свое отношение к вопросам войны и мира, ориентируясь на национально-специфические культурные ценности.

Поэт и мыслитель осуждает завоевательные войны: в оде 1757 г. Ломоносов отрицательно оценивает устремления Фридриха II, его желание «чужих держав». В трагедии «Тамира и Селим» Ломоносов гордится русскими воинами, однако и здесь говорит, что русские обнажили свой меч в интересах мира, чтобы «войнами укротить войны». Война противна природе, утверждает поэт:

В войну кипит с землею кровь,
И суша с морем негодует;
Владеет в мирны дни любовь,
И вся натура торжествует... [4, с. 750].

Метафорическая модель концепта «война» у Ломоносова в Надписи 1753 г. – это уподобление войны – зиме, а мира – весне. Представлены природоморфные модели «ВОЙНА – ЗИМА», «МИР – ВЕСНА»; фрейм «Времена года». Концепт «война» имеет отрицательный аксиологический статус.

В оде 1759 г. на победы в Семилетней войне в духе морально-этических понятий поэт размышляет над бессмысленностью войн:

Иль мало смертны мы родились
И должны удвоить свой тлен?
Еще ль мы мало утомились
Житейских тягостью бремен?
Воззри на плач осиротевших,
Воззри на слезы престаревших,
Воззри на кровь рабов твоих...
Низвергни брань с концов земных [4, с. 657].

Интересна позиция Ломоносова к вопросам войны и мира. С одной стороны, поэт гордится ратными подвигами своего народа, примерами «храбрости российской»; с другой стороны, он выше всего ставит мир – «наук питатель». «Свирепой брани звук» для него враждебен культуре и науке, война – «разрушитель знания».

Понятия войны и мира сопряжены у Ломоносова с переживаниями, и в коллектив-

ной памяти русского народа живет истина: «Война есть зло, а мир есть благо».

Таким образом, концепт «война» в творчестве М.В. Ломоносова тесно связан с концептом «мир» как основой процветания России: «Умолкни ныне, брань кровава... Всего превыше было мне, чтоб род Российский и соседы в глубокой жили тишине» [4, с. 633, 634];

– бинарные отношения «война – мир» тесно переплетаются в истории русского языка и русской культуры в целом;

– в метафорическом плане концептосфера «война» представлена антропоморфными, зооморфными и натуроморфными метафорами, что характерно для русского языкового сознания.

Когнитивно-культурологические параметры художественного концепта «война», отражая в поэтическом тексте и дискурсе единство языка, мышления и военной культуры, определяют его рассмотрение в качестве комплексной полевой субстанции. Согласно такому подходу художественный концепт «война» является основной единицей концептосферы авторского дискурса. Он включает в себя те ментальные признаки жизненных реалий, которые отражены в сознании народа и являются когнитивно-прагматически значимыми для поэтического произведения в рамках заданного поэтом сюжетного направления. В работе предложена следующая иерархия концептов: национальный концепт: российская храбрость, индивидуально-авторский концепт: война – разрушитель знания.

Говоря об эволюции военной концептосферы в поэзии М.В. Ломоносова, необходимо отметить своеобразное переплетение героического, религиозного и национального в авторском дискурсе поэта.

1. *Гребеньков В.Н.* Тенденции эволюции военной культуры современного российского общества // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 45. С. 118-124.
2. *Шмелев А.Д.* Русский язык и русская культура: точки соприкосновения и методы изучения // Мир русского слова. 2013. № 1.
3. *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. (1) 21. С. 22-31.
4. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. Москва; Ленинград, 1959. Т. 8.

1. *Greben'kov V.N.* Tendentsii evolyutsii voennoy kul'tury sovremennogo rossiyskogo obshchestva // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 45. S. 118-124.
2. *Shmelev A.D.* Russkiy yazyk i russkaya kul'tura: tochki soprikosnoveniya i metody izucheniya // Mir russkogo slova. 2013. № 1.
3. *Budaeve E.V., Chudinov A.P.* Metodologicheskie grani politicheskoy metaforologii // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg, 2007. Vyp. (1) 21. S. 22-31.
4. *Lomonosov M.V.* Polnoe sobranie sochineniy: v 11 t. Moskva; Leningrad, 1959. T. 8.

Поступила в редакцию 14.12.2013 г.

UDC 81.366

EVOLUTION OF MILITARY CONCEPT SPHERE IN POETRY OF M.V. LOMONOSOV

Lyudmila Nikolayevna TRETYAKOVA, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department № 3, e-mail: ludmila-tretyakova@rambler.ru

Within the limit of cognitive and cultural studies in linguistics the concept "war" in Russian concept sphere of Mikhail Vasilyevich Lomonosov's poems, focusing up on its cognitive structure are investigated.

The possibility of understanding Russian military culture through the key words and expressions of Russian language is considered. The distinction between the disciplines that study the relationship and claims that a thorough cognitive analysis is an essential prerequisite for any research in the area is disclosed. The gradual change of heroic inspiration in military poems to the religious and national inspiration is corroborated.

Key words: concept; artistic concept; conceptual sphere; military culture; cognitive model.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА: К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ВОЙНЫ И БУНТА

© Руслана Станиславовна ПЕРЕСЛАВЦЕВА

Воронежская городская дума, г. Воронеж, Российская Федерация,
кандидат филологических наук, руководитель информационно-аналитического
управления, e-mail: west30@yandex.ru

Предпринимается попытка анализа темы Первой мировой войны в творчестве И.А. Бунина. Данная тема актуализирована в рассказах писателя «Последняя весна», «Последняя осень», дневниках И.А. Бунина. Первая мировая война в творчестве писателя оказывается напрямую связанной с темами самоопределения и дальнейшего пути «страны» и «государства». Анализ указанных произведений позволяет сделать вывод о противопоставлении данных понятий в творчестве И.А. Бунина. Война предстает в творчестве автора не только как катализатор разрушения «обыденного мира», милитаризации сознания крестьян, но и как главная сила, подрывающая основы государства, отбрасывающая Российскую империю в эпоху раздробленной Руси монгольского нашествия. Выявление в рассказе «Последняя весна» прецедентного текста «Капитанской дочки» А.С. Пушкина служит своего рода маркером отношения автора к современным ему событиям разрушения российской государственности. Согласно И.А. Бунину, Первая мировая война моделирует ситуацию, когда на место «государева слуги», которым становился крестьянин, рекрутированный в мирное время, приходил в буквальном смысле «человек с ружьем», идущий на непонятную ему войну от скуки и жестокости. Важно, что пушкинский текст актуализируется не только в художественном творчестве И.А. Бунина, но и в его «Дневниках», впоследствии частично вошедших в «Окаянные дни». Он также способствует выявлению оппозиции понятий «Россия» и «Русь» в указанных произведениях И.А. Бунина как оппозиции государства, культуры и стихийного разгула, энтропии. И.А. Бунин делал вывод об отсутствии понятия «патриотизм» в сознании народа, готового отождествить немцев с помещиками, исходя из принципа неприкосновенности собственных избы и земли. Согласно И.А. Бунину, крестьянам неведомы и чужды интересы государства, чем, по сути, писатель объясняет дальнейший вектор развития событий в России во время революции и гражданской войны.

Ключевые слова: русская литература; литературоведение; творчество И.А. Бунина; тема Первой мировой войны; прецедентные тексты А.С. Пушкина.

Н. Поселягин в статье «Антропологический поворот в российских гуманитарных науках» пишет о том, что «в числе основных проблем, которые поднимает антропологический поворот, – проблемы идентичности «себя» и «другого», движение «от себя к другому» [1]. На наш взгляд, наибольшей актуализации эти вопросы достигают в переломные, кризисные моменты истории, моменты цивилизационного и культурного сдвигов.

Безусловно, к таким периодам можно отнести Первую мировую войну. Т.А. Никонova в своей работе «Проблема национального самосознания в русской литературе военных лет» приводит цитату из Анны Ахматовой: «XX век начался осенью 1914 года вместе с войной» [2, с. 28].

Тема Первой мировой войны занимает важное место в творчестве И.А. Бунина. Непосредственно о военных действиях 1914–1918 гг. он не писал, справедливо полагая, что сиюминутный отклик на событие такого масштаба может вылиться только в «барабанную лирику». Первой мировой войне

уделяется значительное внимание в бунинских дневниках 1914–1918 гг., записи из которых становятся отправной точкой для создания рассказов 1916 г. «Последняя весна» и «Последняя осень».

По мнению Е.А. Лазанской, писатель стремится показать «теневую» сторону войны: «внимание писателя сфокусировано на жизни «обычного человека» [3, с. 37–38].

Иван Бунин узнал о начале войны во время своего путешествия по Волге. В дневниковой записи от 21 июня 1914 г. тема войны напрямую связана с темой революции: «Война России за Сербию, а затем революция в России... Конец всей нашей прежней жизни» [4, с. 116].

Война, по мысли писателя, служит катализатором разрушения «обыденного мира», «неоспоримыми ценностями» которого являются, по мнению О.В. Пустовойтовой, «стабильность, основательность, постоянство» [5].

В рассказе «Последняя весна» рассказчик и природный мир погружены в атмосфе-

ру «пасхального переживания» [6, с. 133]: «К вечеру все убрано, все чисто, в полном порядке» [7, с. 293]; «В этих милых, как бы шутилых переливах такая весенняя прелесть, такая сладость жизни, надежд, счастья, что никакими словами не скажешь» [7, с. 292], «Блаженно дремлют ястреба, нежно сливаются со снегами и туманом, со всем этим густым, мягким и светло-белым, чем полон счастливый предвесенний мир» [7, с. 289], «Какая радость, молодость, этот предрассветный час! Валенки, полушубок – все счастье» [7, с. 287].

В то же время Пасха, знаменующая Воскресение Христово, в разговоре крестьян редуцирована до бытового бегства от войны и представлена как некий временной и политический рубеж, к которому «народ «обязательно» ждет мира» [4, с. 290]. Жители «деревни» демонстрируют внешнее отношение к вере – на уровне соблюдения формальных обрядов, свойственных христианским праздникам.

Т.А. Никонова пишет, что «органическое слияние человека и земли, человека и людей – первое и главное условие *жизни* (курсив автора. – Р. П.) на войне» [8, с. 77], в данном случае профанирование «пасхального переживания» сигнализирует об ориентированности крестьян на низший мир – хаоса и смерти. Так, Светлое Воскресение завершается проводами молодого крестьянина на фронт. Мотив спасения мира и человека замещается мотивом смерти без возможности воскресения.

По наблюдению Е.С. Сеньявской, в силу того, что во время мировых войн в армию призывают мирных людей, у последних существенно меняется психология. В ходе войны у них появляется «опыт, противоположный ценностям, установкам, нравственным и правовым нормам гражданского общества – опыт «профессионально убивать» [9].

Милитаризованное сознание мы видим у крестьянина, нещадно бьющего лошадь, провалившуюся в «большую колдобину», у Мотьки, стреляющего по галкам, чтобы научиться убивать и затем «проситься на войну», потому что в деревне **скучно** («а что тут сидеть?») [7, с. 289]]. Причем, и своя, и чужая жизнь представляются ему бессмысленными и ничего не стоящими: «– А не боишься, что убьют на войне? – Ну что ж, пускай убивают. Авось нас, молодых, и так немного осталось.

Да я и сам немало перебыю, покуда убьют» [7, с. 289].

Т.Ю. Сидорина справедливо пишет, что «мировая война несет с собой человечеству глубокий духовный кризис», «духовные последствия войны не менее значимы, чем последствия экономические и политические» [10, с. 291].

Кризисная ситуация духовного и нравственного одичания человека и, как следствие, разрушения «обыденного мира» и государства, согласно И. Бунину, происходит в русской истории не в первый раз, но, возможно, в последний.

По наблюдению О.А. Бердниковой, «метаисторизм в целом характерен для художественного мышления писателей и поэтов Серебряного века, стремившихся осознать происходящее в России в русле аналогий с подобными потрясениями в прошлом: эпохой Петра I, татаро-монгольским нашествием, периодом Смутного времени» [6, с. 95].

Если природная жизнь следует Божественному замыслу, бытийному и вечному началу, то в «обыденном мире» Первая мировая война приводит к разрушению веры, расчеловечиванию людей, отрыву их от родовых корней, возвращению в эпоху феодальной раздробленности, которая на Руси закончилась татаро-монгольским нашествием. Неслучайно время, описываемое в рассказе «Первая весна», напоминает Ивану Бунину «Древнюю Русь» [7, с. 291].

26 августа 1917 г. писатель записывает: «Нынче читаю о Владимирско-Суздальском царстве в книге Полевого. Леса, болота, мерзкий климат – и, вероятно, мерзейший, дикий и вульгарно-злой народ» [11]. Хотя традиционно Владимиро-Суздальское княжество считается колыбелью великорусской народности, писатель предлагает диаметрально противоположную точку зрения. По мысли автора, обособленность, погруженность русского народа только в свои сиюминутные проблемы, сужение территориальных границ страны до размеров своего дома и надела – родом из эпохи феодальной раздробленности. В рассказе «Последняя осень» Петр Архипов говорит: «Нам, мужикам, надо одно: ничего никому не давать, никого к себе с этими поборами и реквизициями не пускать. Чтобы никто к нам не ходил, ничего нашего не брал. Ни немец, ни свой» [7, с. 298]. В своих дневниках писатель горько иронизирует над устоявшимся, ложным

«представлением о организаторских способностях русского народа», подчеркивая, что «нигде в мире нет такой безорганизации!.. **Каждый живет только для себя** (выделено мной. – Р. П.)» (запись от 21 марта 1916 г.) [4, с. 127]. Жизнь в отрыве от родового начала приводит в Древней Руси к татаро-монгольскому игу, в современной Бунину России – «к нашествию» большевиков. В дневниковой записи от 3/16 января 1920 г. Вера Бунина цитирует слова мужа: «Троцкий правит Россией и что же? Не желают или не могут свергнуть это иго. Двести лет под татарами сидели, теперь советской власти подчиняются» [4, с. 273].

В дневниковых записях и в творчестве Ивана Бунина периода Первой мировой войны и последовавшей революции и гражданской войны важную роль играет противопоставление понятий «Русь» и «Россия».

Понятие «Русь», **этническое** название восточнославянских племен, для писателя – понятие, связанное с низшей, разрушительной стихией, с энтропией. Оно символизирует не только время феодальной раздробленности, но и состояние отрыва народа от родовых корней, сосредоточенности исключительно на собственных переживаниях и благах, сужение понятия страны до размеров дома и надела, забвение идеи патриотизма, православия и чувства собственно Родины, родовой и культурной памяти. Проявлением «подлинной Руси» [4, с. 274] становятся для четы Буниных беженцы в Новороссийске, люди, занятые только спасением своей жизни, при этом полностью потерявшие человеческий облик.

Понятие «Россия» носит **национально-культурный, православный и политический характер**, обозначает в творчестве писателя «Родину» и «государство», которые во многом для Ивана Бунина синонимичны.

В дневниковой записи от 13/26 декабря 1919 г. Вера Бунина приводит следующее высказывание мужа: «Я признавал мир, где есть I, II, III классы... Во всем чувствуется культура (Бунин пишет об особом запахе (!), присущем этому миру. – Р. П.). А теперь ничего этого нет. Никогда я не примерюсь с тем, что **разрушена Россия, что из сильного государства она превратилась в слабейшее** (выделено мной. – Р. П.)» [4, с. 267]. Практически одновременно встречаем в дневнике Веры Буниной запись, характеризующую писателей «Единой Руси»: «**Им и Россию**

хочется превратить в «Единую Русь», а не в Великую Россию (выделено мной. – Р. П.). Вот, в чем трагедия» [4, с. 268]. Отъезд из России в эмиграцию в 1921 г. сопоставим для писателя со смертью («радость жизни убита войной, революцией» [11]), причем не только личной, но и Родины: «Все как будто хоронил я – всю прежнюю жизнь, Россию» [11].

Образ сильного, стабильного, православного государства, образ Родины остается лишь в воспоминаниях, в реальности замещающаяся варварской, «**жадной, нелепой сволочью Русью**» (выделено мной. – Р. П.)» [11]. Также образ «Руси» неоднократно возникает в размышлениях Ивана Бунина над несовпадением реального образа «простого человека», жителя «деревни», с образом народа, представленным в современной писателю литературе.

Писатель приходит к мысли, что общинной психологии русского народа в реальности, возможно, никогда и не существовало, она была всего-навсего «литературным фактом», заблуждением интеллигенции. По мысли И. Бунина, вместо «мудрости, патриотизма, мессианства» (запись от 1 апреля 1916 г.) [4, с. 130] в эпоху смуты в крестьянах торжествует «атавизм» – «жажда саморазорения», «в этом **вся Русь** (выделено мной. – Р. П.)» (запись от 23 мая 1916 г.) [4, с. 131].

Процесс разрушения человека и государства, ускоренный Первой мировой войной, согласно И. Бунину, ведет к революции, случайно актуальный исторический период напоминает писателю время пугачевского бунта, также хронологически совпадающее с войной – первой турецкой.

Война, переходящая в бунт, вызывает в памяти повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка».

А. Баженова определяет прецедентные тексты как «потенциально автономные смысловые блоки речевого произведения, актуализирующие значимую для автора фоновую информацию и апеллирующие к «культурной памяти» читателя» [12, с. 107].

Отправляясь под вечер в село Знаменское, рассказчик неожиданно сбивается с дороги. Вынырнувший из потонувшей в сугробах избы крестьянин предлагает ему показать «табельную дорогу». Вспомним, в главе «Вожатый» Гринев сбивается с пути в степи во время выюги, неожиданно появляется прохожий, который позже оказывается Пугачевым, и выводит героя «на твердую полосу».

Достаточно сравнить нижеприведенные фрагменты из рассказа И.А. Бунина и повести А.С. Пушкина, чтобы увидеть совпадение не только в похожем лексическом и образном ряду, но и в идейном содержании.

Сравним: **И.А. Бунин**: «Въехав в село, сбились, не знали, по какой дороге ехать назад. А дело уже к сумеркам... Наконец, из-за сугроба, из маленькой черной двери потонувшей в снегу избы, вылез мужик и, не проваливаясь, в разбитых валенках, перешел по сугробам к нам. Узкая рыжая борода, тонкий восковой нос, легкий армяк и ореховая ...шапка. Подойдя, сперва **внимательно оглядел пестрыми глазами** лошадь, сани, нас, потом, не спеша сказал мне: – А ты, государь милый, не тут едешь. **Тут дороги нету. Табельная дорога там.** Поезжай за мной... И повел лошадь, **переваливая нас с сугроба на сугроб...** (текст везде выделен мной. – *Р. П.*)» [7, с. 287-288];

А.С. Пушкин: «Я приближался к месту моего назначения. Все покрыто было снегом. **Солнце садилось... Около кибитки подымался сугроб...** Вдруг увидел я что-то черное... Через две минуты мы поравнялись с человеком... – **Дорога-то здесь; я стою на твердой полосе,** – отвечал дорожный. **Лошади тяжело ступали по глубокому снегу...** В черной бороде его показывалась проседь; **живые большие глаза так и бегали. ...На нем был оборванный армяк** и татарские шаровары... (текст везде выделен мной. – *Р. П.*)» [16, с. 236-240].

Явление в рассказе прецедентного текста «Капитанской дочки» закономерно. И. Бунин всегда мечтал быть «вторым Пушкиным» и в юности подражал великому поэту «даже в почерке». Он трижды становился лауреатом Пушкинской премии, а в 1911 г. был награжден золотой медалью им. А.С. Пушкина.

Аллюзии и перифразы из стихотворений А.С. Пушкина можно обнаружить не только в бунинской лирике. Например, в рассказе «Последняя весна» встречаются отсылки к хрестоматийным стихотворениям Александра Сергеевича: «грусть зимнего вечера» [7, с. 290], «легкий мороз, и пригревает солнце» [7, с. 289], «черно сереют инеем леса» [7, с. 287]. Неоднократно обращается И. Бунин в своих дневниковых записях к образу Емельяна Пугачева.

В записи от 2/15 апреля 1917 г. он прямо цитирует «Капитанскую дочку»: «Полудикие народы... их поминутные возмущения, не-

привычка к законам и гражд. жизни, легкомыслие и жестокость...» («Капитанская дочка»). Это чудесное определение очень подходит **ко всему рус. народу** (выделено мной. – *Р. П.*)» [11]. А в дневниковой записи от 27 сентября 1917 г. писатель фактически перефразирует вышеприведенный текст: «Как возможно народоправство, если **нет знания своего государства, ощущения его, русской земли, а не своей только десятины!**.. Злой народ! **Участвовать** в общественной жизни, **в управлении государством – не могут, не хотят за всю историю** (выделено мной. – *Р. П.*)» [11].

Емельян Пугачев в повести А.С. Пушкина появляется из метели, имеющей в литературе зачастую inferнальную коннотацию, вспомним стихотворение поэта «Бесы». В фрагменте рассказа «Последняя весна» слова мужика в армяке, появившегося как бы из преисподней, «из-за сугроба, из маленькой черной двери потонувшей в снегу избы» («в иконописи черным закрашивали пещеры – символы могилы – и зияющую адскую бездну» [14]), можно интерпретировать как знак, что Россия потеряла правильное направление движения («тут дороги нету»), находится на перепутье.

Кстати, и название сборника дневниковых записей периода русской революции и гражданской войны «Окаянные дни», предполагаем, восходит к библейскому контексту не непосредственно, а через перефразируемые слова Емельяна Пугачева, сказанные А. Суворову: «Господу угодно было наказать Россию через мое окаянство» [цит. по: 15].

Таким образом, Иван Бунин, вслед за автором «Капитанской дочки», не снимает ответственности за складывающуюся кризисную ситуацию со всех сословий России, виновны и вовлечены в русскую смуту все. Недаром у Петра Гринёва, следуя логике повести, оказывается два отца – родной и посаженный (Емельян Пугачев). Александр Пушкин подчеркивал: «Злой роялист не лучше злого якобинца. На свете есть только одна хорошая партия: друзей человечества и добра. Они в политике составляют то же, что эклектики в философии» [цит. по: 16, с. 203]. По мысли И.В. Немировского, «поэту (А.С. Пушкину. – *Р. П.*) ...близок пафос единства «нравственности частной и государственной» [16, с. 204].

Первая мировая война моделирует ситуацию, когда вместо «государева слуги»,

которым становился крестьянин, рекрутированный в мирное время, мы видим в буквальном смысле «человека с ружьем», идущего на непонятную ему войну от скуки и жестокости. А.И. Иванов пишет: «Если в мирное время уход в армию для крестьянина означал, что он становился человеком, несущим «государеву службу», то... во время войны «солдат идет на войну с тем, чтобы умереть» [17, с. 94]. В рассказе «Последняя осень» Мишка, вернувшийся на побывку, дает следующую характеристику русской армии, набранной из ополченцев: «А войска наши какие? Легулярные войска, какие были настоящие, царские, все там остались, а это ополчение – какие это войска? Привезут их на позицию, а они все и разбегутся» [7, с. 297].

В дневниковой записи от 5 апреля 1916 г. Иван Бунин отмечает: «Все думаю о той лжи, что в газетах насчет патриотизма народа. А война мужикам так осточертела, что даже не интересуется никто, когда рассказываешь, как наши дела. «Да что, пора бросать. А то и в лавках товару стало мало. Бывало, зайдешь в лавку...» и т. д.» [11].

О феномене отсутствия в народе патриотизма говорит не только И. Бунин. К этой же проблеме обращался и легендарный генерал А.А. Брусилов. Он полагал, что вопрос упирался не столько в неэффективность государственной пропагандистской машины по «подготовке умов народа к войне», сколько «в глубочайшую пропасть между менталитетом государственной элиты и основной массы населения» [9]. Генерал подчеркивает: «Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей матушке России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, и на этом заканчивалось его знакомство со своим Отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой стране?» [Цит. по: 9].

В рассказе «Последняя осень» мужики уважительно говорят только об одном военачальнике: «Миколай Миколаевич Младший, вот это воин». Он имплицитно обозначает образ «добротого царя», который заботится о солдатах, а недобросовестным «господам офицерам» «без всякой церемонии шашкой голову долой» [4, с. 298]. В роли губителя «миллионов» солдатских жизней выступает «Сухомлин», имеется в виду военный министр В.А. Сухомлинов, которого в 1915 г.

стали считать главным виновником плохого снабжения русской армии, впоследствии под давлением общественного мнения был уволен царем, в апреле 1916 г. арестован и содержался в Петропавловской крепости. Не зная об аресте министра, хотя на дворе стоит уже осень 1916 г., мужики уверены, что он остался безнаказанным: «Его давно покрыли и спрятали!» [7, с. 298]. Петр Архипов рассуждает: «Сейчас вон опять берут, а зачем? Чтобы последних перебить? Вы, барин, – дерзко и громко спросил он, – вы нам уж откровенно скажите, **какая ваша задача: чтобы нас всех перебить** (выделено мной. – Р. П.), а скотину порезать да в окопах стравить?» [7, с. 299].

В рассказах «Последняя весна» и «Последняя осень» И. Бунин акцентирует внимание на враждебно-насмешливом отношении крестьян к рассказчику, который по их мысли «откупился» от войны и откровенно бездельничает: «Ишь шатаются, ходят! Их и на войну не берут!» [7, с. 289]; «Вы бы лучше на войну шли, чем тут без дела окопачиваться! – негромко и злобно сказал он нам сквозь зубы, дергая вожжи и работая кнутовищем» [4, с. 292]; «Все гуляете?» [7, с. 296]; «Господам, говорят, хорошо: посиживают, говорят, себе дома!» [7, с. 296], «Ходишь, гуляешь... Напился чаю и гуляй» [7, с. 291].

И. Бунин четко показывает, что Первая мировая война ведет к зарождению радикального противостояния внутри самого общества – ключевое понятие «свой» – «чужой» оказывается перенесенным с внешнего, заграничного театра военных действий на территорию России, внутрь страны. Е.А. Лазанская замечает: «Сквозь облик Первой мировой войны в 1916 г. уже просвечивает война гражданская. Оппозиция *свои* – *чужие* – главная в мужицком сознании военного времени, и включает она в моменте противостояние *мы / они* (курсив везде автора. – Р. П.) не только немцев» [3, с. 39]. И. Бунин в дневниковых записях фиксирует также пренебрежительно-презрительное, враждебное отношение крестьян не только к «господам хорошим», но и к представителям своего сословия: «О своих односельчанах как о швали говорил» (дневниковая запись от 8 октября 1917 г.) [4]. Врагом для них может стать даже родной человек.

В силу деформации общинного сознания, отрыва от родовых корней, упадка патриотизма, усугубления проблемы противо-

стояния «свой / чужой», несоответствия царя народным чаяниям («Вот он на Париж полез, да завяз! Всю свою державу ранеными забил!» [4, с. 294]; «Погоди, и до царя дойдут. Что ж он весь народ на эту войну обобрал? Вон опять надо на Красную Горку рекрутов отправлять. Разве это дело? Вся Россия опустела, затихла!» [4, с. 294]), **крестьяне** из «государевых слуг» превращаются в одичавших – морально и физически – «людей с ружьем» и **готовы пойти за любым самозванцем, даже за немцами.**

В дневниковой записи И. Бунина от 3 августа 1917 г. читаем: «Разговор, начатый мною, опять о русском народе. Какой ужас! В такое небывалое время не выделил из себя никого, управляется Гоцами, Данами, каким-то Авксентьевым, каким-то Керенским и т. д.!» [11]. Е.А. Лазанская, исследуя тему войны в «Окаянных днях», приходит к выводу, что «многими вчерашние «враги» стали восприниматься как «избавители»: «Все уверены, что занятие России немцами началось. Говорит об этом и народ: «Ну, вот немец придет, наведет порядок» [3, с. 41]. В рассказах «Последняя весна» и «Последняя осень» мы видим, что реальные враги – немцы – вызывают у крестьян симпатию: «Заговорили о войне, Федька и баба стала хвалить заграничное житье, о котором рассказывают пленные. – Вот, например, ученье в школах – у нас и у немцев... У нас все учительницы, а их никто не слушается – и что они могут знать?» [4, с. 288]; «– Его, врага-то, видать, нашими овцами не затопчешь!» [4]; «– Чем мы его выгонять будем? У нас и пушек нет, одни шестидюймовые мортиры. – Откуда ты это взял? – Агитаторы говорят. Да я и сам знаю. – Нет, у нас теперь всего много. И пушек и снарядов. – Нет, одни шестидюймовки. А крепостную артиллерию возить не на чем. – Опять неправда. – Какой там неправда! По такой дороге разве ее свезешь на лошадях? Только лошадей подушишь. Станешь ее вытаскивать, а она на два аршина в землю ушла, а хобот и совсем в грязи не видать. Нет, это вам не немцы! – А что ж немцы? – А то, что немец рельсы проложил – везет и везет» [4, с. 297]. Закономерно, что крестьяне в рассказе «Последняя осень» «никакой нашей победы не чают» [7, с. 298].

Первая мировая война, согласно И. Бунину, становится катализатором русской смуты, разрушения государства и Отечества, которое для мужиков сужается и замещается

понятием «своей десятины», а сильное государство Россия теряет вектор поступательного движения, превращается в варварскую «Русь».

Для самого писателя важным созидательным звеном, опорой становится культурная память, способная сохранить образ разрушенного Первой мировой войной русского «обыденного мира», стабильного, счастливого, открытого для «пасхального переживания», исполненного патриотизма, любви к Родине и служению государству.

1. *Поселягин Н.* Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // НЛЮ. 2012. № 113. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/po5.html> (дата обращения: 17.10.2013).
2. *Никонова Т.А.* Проблема национального самосознания в русской литературе военных лет // Тема войны в литературе XX века: межвузовский сборник научных трудов, посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Воронеж, 2005. С. 27–35.
3. *Лазанская Е.В.* Первая мировая война в общественном восприятии 1916–1918 годов (И.А. Бунин, «Последняя весна», «Последняя осень», «Окаянные дни») // Тема войны в литературе XX века: межвузовский сборник научных трудов, посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Воронеж, 2005. С. 36–42.
4. *Бунин И.А., Бунина В.Н.* Устами Буниных. Дневники / сост. М. Грин; в 2 т. М., 2004. Т. 1.
5. *Пустовойтова О.В.* Феномен повседневности в прозе И.А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2013.
6. *Бердникова О.А.* «Так сладок сердцу Божий мир»: творчество И.А. Бунина в контексте христианских традиций. Воронеж, 2009.
7. *Бунин И.А.* Поэзия и проза. М., 1986.
8. *Никонова Т.А.* Чтоб человеком ты родился и человеком остался (В. Распутин) // Человек и война в русском художественном сознании XX века: сборник научных работ. Воронеж, 2000. С. 75–83.
9. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. URL: http://www.krotov.info/library/18_s/en/yavskaya_00.htm (дата обращения: 17.10.2013).
10. *Сидорина Т.Ю.* Философия кризиса. М., 2003.
11. *Бунин И.А.* Дневники. URL: <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/dnevnik-bunina-1.htm> (дата обращения: 01.09.2013).
12. *Баженова Е.А.* Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2006.

13. Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. М., 1987. Т. 3. Проза.
14. Мир Православия. URL: <http://orthodoxworld.ru> (дата обращения: 17.10.2013).
15. Керсновский А.А. История Русской армии // Проект «Военная литература»: militera.lib.ru. URL: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/index.html> (дата обращения: 28.10.2013).
16. Немировский И.В. Идейная проблематика стихотворения Пушкина «Кинжал» // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 195-204.
17. Иванов А.И. Облик русского солдата в отечественной литературе периода Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 4 (38). С. 87-96.
6. Berdnikova O.A. “Tak sladok serdtsu Bozhiy mir”: tvorchestvo I.A. Bunina v kontekste khristianskikh traditsiy. Voronezh, 2009.
7. Bunin I.A. Poeziya i proza. M., 1986.
8. Nikonova T.A. Chtob chelovekom ty rodilsya i chelovekom ostalsya (V. Rasputin) // Chelovek i voyna v russkom khudozhestvennom soznanii XX veka: sbornik nauchnykh rabot. Voronezh, 2000. S. 75-83.
9. Senyavskaya E.S. Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii. M., 1999. URL: http://www.krotov.info/library/18_s/en/yavskaya_00.htm (дата обращения: 17.10.2013).
10. Sidorina T.Yu. Filosofiya krizisa. M., 2003.
11. Bunin I.A. Dnevnik. URL: <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/dnevnik-bunina-1.htm> (дата обращения: 01.09.2013).
12. Bazhenova E.A. Intertekstual'nost' // Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka. M., 2006.
13. Pushkin A.S. Sochineniya: v 3 t. M., 1987. Т. 3. Проза.
14. Мир Православия. URL: <http://orthodoxworld.ru> (дата обращения: 17.10.2013).
15. Керсновский А.А. История Русской армии // Проект “Военная литература”: militera.lib.ru. URL: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/index.html> (дата обращения: 28.10.2013).
16. Nemirovskiy I.V. Ideynaya problematika stikhotvoreniya Pushkina “Kinzhals” // Pushkin. Issledovaniya i materialy. L., 1991. Т. 14. С. 195-204.
17. Ivanov A.I. Oblik russkogo soldata v otechestvennoy literature perioda Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.) // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. № 4 (38). С. 87-96.

Поступила в редакцию 14.12.2013 г.

UDC 821.161.1

WORLD WAR I IN WORK OF I.A. BUNIN: TO QUESTION OF GENETIC CONNECTION BETWEEN WAR AND REBELLION

Ruslana Stanislavovna PERESLAVTSEVA, Voronezh State Duma, Voronezh, Russian Federation, Candidate of Philology, Head of Information and Analytic Management, e-mail: west30@yandex.ru

There is an attempt to analyze the theme of World War I in the work of I.A. Bunin. This topic is actualized in the stories of the writer “The Last Spring”, “Last fall”, diaries of I.A. Bunin. World War I in the writer’s work is directly related to the topics of self-determination and the future path of the “country” and “state”. The analysis of these works suggests the opposition of these concepts in the work of I.A. Bunin. War appears in the work of the author not only as a catalyst for the destruction of “the everyday world”, the militarization of consciousness of the peasants, but also as the main force, undermining the foundations of the state, bringing Russian empire in the era of fragmented Mongol invasion of Rus. The identification in the story “The Last Spring” precedent text “Captain’s Daughter” by A.S. Pushkin as a kind of marker of the author’s relationship to contemporary events destruction of Russian statehood. According to I.A. Bunin World War I simulates a situation where

instead of “sovereign’s servant”, which became a peasant recruit in peacetime, literally “man with a gun” came, going on an incomprehensible war on him from boredom and cruelty. It is important that Pushkin’s text updated not only in art, I.A. Bunin, but in his “Diaries”, later partly included in the “Cursed Days”. It also serves as disclosing of the opposition “Russia” and “Rus” in these works by I.A. Bunin as opposition nations, cultures and natural binge entropy. I.A. Bunin concluded that there is no concept of “patriotism” in consciousness of people, ready to identify Germans with landowners on the principle of the inviolability of their own cottages and land. According to I.A. Bunin the interests of the state, which essentially the writer explains the vector of further events in Russia during revolution and Civil War are unknown and alien to peasants.

Key words: Russian literature; literature study; work of I.A. Bunin; theme of World War I; precedential texts of A.S Pushkin.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «ФИЗИЧЕСКОЕ ЛИЦО» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ ОБЩЕНИИ

© Владимир Георгиевич РУДЕЛЕВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка, заслуженный работник высшей
школы РФ, член Союза российских писателей, e-mail: ifg06@meil.ru

© Ольга Алексеевна РУДЕЛЕВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры общей педагогики и образовательных
технологий, e-mail: pimno_tgu@mail.ru

Предпринимается попытка защитить современный русский язык от различного рода засорений, которые пагубно действуют на языковую материю и разрушают правила говорения и письма на русском языке, приводя язык к постепенной деградации. И это касается одного из самых развитых языков мира! Конечно, всякого рода засорения русского языка производятся бессознательно. Но и школа ослабила свое положительное влияние на говорящих по-русски, а учебники по русскому языку никогда еще не были столь беспомощны и бесполезны.

Приведена критика в отношении включения в языковой обиход и в языковую практику абсолютного безграмотного и вредного термина «*физическое лицо*». Это выражение оскорбляет достоинство русского человека, приравнивает его имя к нижайшим по значению реалиям, которые действительно имеют предметный характер.

Вместе с этим представляется попытка усовершенствования русской теоретической грамматики, освобождения ее от отягчающих догм и бессмысленной зубрежки.

Ключевые слова: физическое лицо; предметность субстантивных слов; описательный и теоретико-информационный методы; экология языка и речи.

Посвящается профессору А.Л. Шарандину

*

Что бы мы ни говорили, ни знали и ни думали о русском языке, о его благозвучии и выразительности, всегда на ум приходит одна и та же мысль: *«Язык русского народа создан для возвышения Человека, и никто из тех, кто может каким-то образом влиять на судьбу русского языка, не имеет права свои возможности ставить во вред человеку, говорящему по-русски, думающему по-русски, чтущему законы русского языка и познающему посредством своего языка законы мирового порядка и общественной жизни, в которой он, кем бы он ни был, занимает не последнее место и играет заметную и важную роль».*

Именно поэтому нам и многим близким нам людям не вполне нравится запущенное с некоторых пор в речевой обиход выражение «*физическое лицо*». Это *двусловное слово* (термин, почти прозвище!) заставляет простого русского человека чувствовать себя чересчур уж *предметно, неодушевленно, да-*

же не физиологически, а прямо-таки физически: *каменно, деревянно, железобетонно, подавленно, униженно и – второстепенно.*

Для того чтобы понять причину такой подавленности, мы попробуем разобраться в русском слове *лицо* и в подаренном этому слову эпитете *физическое*. Могут ли по законам русского языка сосуществовать два упомянутых слова, составляя «*двусловный термин*» [3, 4], получивший неожиданно столь высокую частотность в речевом обиходе?..

У всякого человека есть *лицо* – что-то самое чистое, светлое, ясное, возвышенное, читаем на этот счет в известном Словаре лучшего русского лексикографа В.И. Даля, жителя XIX в. (кстати говоря, по национальности – немца) [5, т. 2, с. 258-259].

И вот, что пишет Даль о слове *лицо*: «*Лице*» («*лицо*», «*личико*», возвыш. знач. «*лик*»). Есть и сниж. знач.: «*рожа*», «*харя*» и т. п. Далее: «*Лицо, особа, человек*» (яркий пример семантического словообразования –

в духе В.М. Маркова¹ [6]). Здесь возможно, по Далю, двусловное выражение с эпитетом «частный» (т. 4, с. 583): «частный человек» – в отличие от «служебного человека» и т. п., соответственно: «частное лицо» и т. д.

Интересно и живописно у Даля определение слова «лицо»: «часть головы человека, ...от рубежа головных волос, до ушей и нижнего края исподней скулы: лоб, глаза, нос, уши, щеки со скулами, губы и отвесная часть подбородка...». Далее – очень интересное: «Физиономия, лик, облик, обличье, выражение на лице духовных качеств. Лицо человека – представитель высших духовных даров: лоб – небесная любовь; глаза – разумление, разумное созерцание; уши – понимание и послушание; нос – постижение добра; щеки – постижение духовных истин; рот – мысль и учение; губы – духовная хвала; борода – внешность учения и пр...» (с. 258).

Все эти качества бесспорны, и они предсказаны древней внутренней формой (по Гумбольдту [7]) и.-е.**lii-* (с однородным дифтонгом **ii*), который сохраняется как рефлекс *i* в русских словах: *липа*, *лист*, *лиса*; а в слове *лен* упомянутая внутренняя форма, будучи вариантом основной, содержала краткий **i*, представленный в др.-р. языке фонемой *ь* (*льпъ* <*лен*>). Инвариантное значение древней внутренней формы и ее рефлексов в списке приведенных слов: <белый>, <светлый>, <блестящий>.

Авторы, однако, предупреждают, что представленные здесь этимологии и сближения являются *внутренними реконструкциями*, построенными на основе индоевропейских открытий Ф. де Соссюра [8–11] и могут не найти аналогий и подтверждений в этимологическом словаре русского языка М. Фасмера [12], отражающем сравнительно-исторические находки исследователей-этимологов прошлых поколений, в наше время уже не слишком убедительные...

Так или иначе, но у В.И. Даля никаких оснований для создания двусловного слова (термина) *физическое лицо* и для упоминания этого чудовищного образования в его Толковом словаре не было. Эпитет с внутренней формой «физика» Даль употребляет только применительно к выражению «физи-

ческая сила». У нас против такого употребления слова (термина) *физический* никаких возражений нет. А вот протест против термина *физическое лицо* в современном русском языковом обиходе только усилился...

*

Перенесемся, однако, из XIX в XX в. и заглянем в «Словарь русского языка», изданный в СССР в 1980-е гг. под редакцией А.П. Евгеньевой [14]. В XX в. языковая картина еще хранит возвышенное Далево представление *лица* русского человека и самого *русского человека*, хотя поэтический пафос в описании упомянутых реалий значительно снизился: «Лицо: Передняя часть головы человека... Черты лица». Приятное лицо...» (т. 2, с. 191). Далее: «З... с определениями, отдельный человек в обществе; индивидуум. Частное лицо. Исторические лица». Далее цитата из А.П. Чехова: ...Остров Сахалин: Ссылное население смотрит на меня, как на *лицо официальное*. Чуть далее: «Должностное лицо (в противовес *частному лицу*) и т. д.».

Термин *физическое лицо* первоначально возник в официальном языке – как чисто юридическое понятие (ср.: «Лицо физическое (в гражд. праве), термин, употребляемый для обозначения человека (гражданина) как участника правоотношения» [15, с. 728] – в антонимической паре с термином «лицо юридическое». Последнее определялось как «имя (в гражд. праве) **организации**, по закону являющейся субъектом (носителем гражданских прав и обязанностей)». В СССР таковые «юридические лица» обладали обособленным имуществом и имели определенные имущественные права и т. д.

Для нас, языковедов-русистов, чрезвычайно важно опереться на тот факт, что в обоих упомянутых словарях [14; 15] *юридическое лицо* определяется как <организация>, а *физическое лицо* – как <человек, гражданин>. Это значит, что у данных двусловных слов (терминов), представленных как якобы антонимическая пара, нет одинаковой (тождественной или конгруэнтной) *внутренней формы*. Это значит, далее, что термины *физическое лицо* и *юридическое лицо* не могут, по законам русского языка, составить *антонимическую пару*, т. е. в термине *юридическое лицо* неправомерным является сегмент *лицо*, а в термине *физическое лицо* таковым, т. е. неправомерным, является сегмент *физи-*

¹ Ни имени выдающегося ученого, основателя и главы современной Казанской лингвистической школы, ни его важного для науки открытия (семантическое словообразование) в «Большом энциклопедическом словаре» (см. [13]) не упоминается.

ческое. Термин *физическое лицо* следует отменить, упразднить, возродив старое, еще из Далеких времен, выражение *частное лицо*. Термин *юридическое лицо* также следует преобразовать, изъяв из него определение *юридическое*, поскольку это определение незаконно отнято у русского человека: его права, в конце концов, тоже юридически обоснованы. *Частному лицу*, по законам русского языка, могут быть противопоставлены только *официальные* или *служебные лица*. Официальные же конторы, общества, предприятия, имеющие *юридические права*, лицами именовать не следует.

*

Советские юристы до решения вопросов насчет *юридических* и *физических лиц*, подобно нашим решениям, могли и не дойти, не зная тончайших закономерностей русского языка, но Институт русского языка АН СССР устами своих выдающихся ученых, причастных к выпуску уже упомянутого «Словаря русского языка» 1981–1984 гг. (члена-корреспондента АН СССР С.Г. Бархударова, академика В.П. Обнорского, доктора филологических наук Ф.П. Филина и др.) должны были направить в нужное русло словотворчество юридических деятелей, которые наверняка бы пошли навстречу уважаемым всем народом выдающимся лингвистам СССР и не совершили бы тех грубых ошибок, которые мы отметили и описали в настоящей работе. Но дело в том, что у лингвистов-русистов было немало своих проблем и своих ошибок, как и «шедевров» в духе обидного термина-квалификатора *физическое лицо*.

Превращение, например, советской *теории частей речи* применительно к русскому языку из *формально-грамматической* (в духе Ф.Ф. Фортунатова [16]) в *семантико-грамматическую* (в духе Л.В. Щербы [17]), наряду с положительными моментами (например, разработкой теории объединения множества форм в одну лексему), возымело немало отрицательных качеств, наиболее опасным из которых было стремление навязать *субстантиву* («имени существительному»), занимающему, несомненно, *центральное* положение в системе частей речи русского языка, глобальную *предметную семантику*. Это было тем невероятнее и даже смешнее, что *<предметность>* пытались отыскать в

таких принципиально непредметных субстантивных словах, как *Бог, человек, птица* (ср. [18]).

Еще невероятнее, однако, было нахождение *<предметных>* значений в словах-предикатах типа *Бег, Уход* (ср. у Беллы Ахмадулиной такие дополнительно распределенные строки, как «*Мои друзья уходят*» и «*Друзей моих медлительный уход*» – с *<процессуальной предикативностью>*). И ничего страшного не происходило! Если нельзя было найти «чистой воды» *<предметность>*, находили *<опредмеченное действие>*, а в словах типа *правда* или *красота* улавливали *<опредмеченное качество>*; в словах же *степь* или *небо* – такое *<пространство>*, которое оказывалось *<опредмеченным>*.

Понятие *<предмет>* не поддавалось определению. В школах насчет *<предметов>* начали даже договариваться: «Договоримся: *людей, животных, растения и вещи* называть *предметами*». А насчет *уходов, красот* или *степеней* даже и договориться было невозможно. Тупиковое (в смысле теории) *<предметное>* представление субстантивов, помимо превращения науки о русском языке в чистейшую схоластику, имело и тяжелые нравственные и даже народно-хозяйственные последствия: приходится вспоминать гибель советских моряков в подводных лодках, которые невозможно было спасти... А уж по отношению к *<Богу>* и *<Человеку>* *<предметное>* было во всех отношениях кощунственно, и от него совсем недалеко было до *физического, предметно-вещественного лица*...

Труды в области русского языкознания выдающегося советского ученого В.В. Виноградова [19] были новаторскими для своего времени, и сейчас они еще не вполне реализованы и осмыслены. Речь в данном случае может идти об освобождении частеречного корпуса от вспомогательного отряда *предлогов, союзов и частиц*, которые ни до слов не дотягивали, ни до членов предложения. Вместо статуса «*части речи*» они получили второстепенный ранг «*частицы речи*», и в них, по крайней мере, уж *<предметность>* не искали. А в остальном все, как и было, так и осталось: та же *<предметная>* рутина, тот же гипноз знания «что такое *предмет*» и то же фортуновское нахождение субстантива по формам *падежа, рода* и *числа*. Плюс еще суррогатный вопрос «*в ком?*» / «*в чем?*» вме-

сто «где?» – в случае: «в поле», «в море» и под. – вот вам и «существительное», а значит – и <предмет>!

Над субстантивными словами висело проклятье <предметности>, и его невозможно было снять. Это проклятье было, однако, снято с существительных совсем не столичным человеком (принципиальным провинциалом), профессором педагогического института имени Алеку Руссо в молдавском городе Бельцы В.Н. Мигириным² [20]. Создав свою частеречную теорию, В.Н. Мигирин пришел к выводу, что существительное обозначает не только <предмет>, оно обозначает все, что только можно увидеть в частеречной семантике. Категорию <предметности> стало возможным оттеснить, освободив от нее по крайней мере все, что связывалось с <Человеком> и вообще с <Живым Миром>. Ее можно было не находить в субстантивных формах глагола, для которых придумывали неловкие названия – вроде <определенного действия>. Теория В.Н. Мигирин была названа *теорией переходности*. Ее уподобляли *трансформационному методу*, придуманному американцем Н. Хомским [21], подчеркивая все же независимость советского ученого от популярного американца. Но у самого В.Н. Мигирин это был замысел перехода от средневековых статических грамматик к новым, динамическим моделям. К сожалению, осуществить свой замысел нестандартно мыслящий советский ученый не успел, а в работах его учеников и последователей *теория переходности* все более отдалялась от идеи динамичности.

Вся беда В.Н. Мигирин в том, что он не представил себе фонологическую теорию Н.С. Трубецкого [22] как некий теоретико-информационный метод, универсальный и пригодный для работы в любой отрасли лингвистической науки. Это, кстати, было сделать трудно, почти невозможно. Имя Н.С. Трубецкого находилось после выхода его «Основ фонологии» в СССР (1960 г.) под некоторым запретом, и за пределами «фонетики» его методы исследования и описания лингвистических фактов не поощрялись. Однако в Тамбовском педагогическом институте (позже – университете) совершилось довольно рискованное предприятие: группа

молодых ученых, представителей тогда еще только рождавшейся в Тамбове *Лингвистической школы*³ [23], выступила с обоснованным требованием обновить способы изучения и описания частей речи русского языка, используя теорию оппозиций и нейтрализаций Н.С. Трубецкого [24].

Частеречная модель, построенная по законам оппозиций и (это самое главное!) нейтрализаций в духе фонологической теории Н.С. Трубецкого, частеречную единицу «существительное» позволяет представить как постоянный немаркированный элемент (т. е. по отношению к глаголу, качественно-предикативному слову и двум наречным классам слов – *локативных* и *темпоральных*). Категория <предметности> в качестве релевантного признака субстантива фактически не действует, не играет никакой роли [25; 26]. Русское существительное характеризуется только отрицательными значениями частеречных признаков: <процессуальной предикативности>, <качественной предикативности>, <локативности>, <темпоральности> и <нумеративности> [27]. Такая картина позволяет сделать вывод отнюдь не о высшей содержательности субстантива, а о его абсолютно нулевой семантике в частеречных рамках. Часть речи *существительное* есть начало русской частеречной системы, т. е. *частеречный ноль* [28].

Сказанное здесь не означает совершенно то, что открытый нами языковой факт обязует думать, что русский субстантив вообще свободен от какой-либо семантики. Нет, не свободен: он набирает положительные и отрицательные значения, сталкивая внутреннюю семантику своих подклассов: «Бог», «Человек», «Животное» («Зверь» и под.), «Растение», «Вещь» (в т. ч. и «любой предмет»), «Вещество», «Машина» и т. д.

Для нас в данной работе более всего сейчас важна оппозиция «Человек → Предмет» (в немаркированном оппозице находим нечто <физическое>; в случае нейтрализации оппозиции слово *Человек* теряет признак <человечности>, и в нем остается (!), возникает принудительно <вещественность>, <предметность>, <что-то физическое>, вплоть

² Ни имени выдающегося ученого, создателя весьма продуктивной теории переходности, ни каких-либо упоминаний об этой теории в Большом энциклопедическом словаре (см. [13]) нет.

³ О Тамбовской лингвистической школе, о теоретико-информационном методе, применяемом тамбовскими лингвистами, о самих этих лингвистах и их новаторских работах в упомянутом Большом энциклопедическом словаре (см. [13]) никаких сведений не приводится.

до самого <низкого>: «Зовет король портного: / «Послушай-ка, чурбан!»...»

В случае «*физического лица*» мы имеем дело как раз с аналогичной, оскорбляющей достоинство нейтрализацией лексических оппозиций внутри субстантивного класса. Такие нейтрализации в общем допустимы и они отражаются в русских фамилиях, прозвищах и, видимо, даже в именах. Но они могут принести большие неприятности. И двусловный термин *физическое лицо* – одна из таких неприятностей!..

*

Итак, мы доказали недопустимость хождения термина «*физическое лицо*». Трудов и времени, как видите, потрачено немало. Но зато и открыто немало. Вспомните хотя бы о *частеречном нуле*. Какое облегчение принесет это открытие школьной работе! Насколько проще будет детям учиться русской грамматике. Но главное – даже не в этом. Главное – в том, что мы уже умеем находить языковые ошибки в различных неуклюжих словообразованиях, особенно *сокращениях* типа «ООО» или «ОАО». Это ведь тоже оскорбления русского человека. Попробуйте объяснить, что такое «ООО». Звоним по телефону тому, другому. Некоторые знают: «Это Общество с ограниченной ответственностью» – говорят. А другие – не знают. И – знать не хотят. Не русский это язык! Маяковский над таким языком смеялся (вспомните его *Главначпуса Победоносикова*!). А Гитлер мечтал о том времени, когда у русских людей не только лесов не будет и черноземных полей, но еще и языка русского не будет. Будут птичьи звуки вроде ОАО <*Открытое акционерное общество*> или уже упомянутое ООО. Включим радио, а там: ОАО, ООО. И – по несколько раз в течение какой-нибудь пустынькой передачи. А содержания – никакого! Сбывается твоя мечта, кровавый фюрер.

С некоторых пор нас стали приучать к птичьему пению «ОАО, ООО, ОАО!» Раньше мы просто называли свои учебные учреждения (то ли ОАО, то ли ООО) *институтом* или *университетом*. А теперь – шалишь. Прежде чем произнести «*Тамбовский государственный университет*» и добавить в честь кого и как он назван, нужно впереди нашего речения пропеть (это и не пение даже, а какой-то скрип! – даже не *скрип*!): «ФГБОУ ВПО». И попробуйте не пропойте,

не напишите, не узнайте у кого-нибудь сведущего, что такое «ФГБОУ». А это, господа физические лица, в общем ничего не значит: не станем же мы утверждать, что расшифровка «ФГБОУ ВПО» дает нам в результате <*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования*>! Дорого нам дается звание **Государственного университета**. А ведь где-то надо еще что-то добавить. Ну, там совсем немного: «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

1. Руделев В.Г. Исследование проблем экологии языка и речи (научный отчет) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2001. Вып. 1 (21). С. 10-19.
2. Руделев В.Г. Молитва о русском языке // Славянский мир. Духовные традиции и словесность: сборник материалов научной конференции. Тамбов, 2013. С. 117-123.
3. Руделев В.Г. Текст – предложение – слово (к реализации идеи космического синтаксиса) // Предложение и слово: международный сборник научных трудов / отв. ред. О.В. Мякишева. Саратов, 2006. С. 14-17.
4. Руделев В.Г. Русский язык. Учение о предложении: учебник для 7–9 классов. Тамбов, 1992.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Копия изд. 1881 г. М., 1989.
6. Николаев Г.А. Виталий Михайлович Марков (1927–2010). Казань, 2011.
7. Humboldt W.v. Über die Kawi-Sprache auf der Insel Jawa. Bd. 1. Berlin, 1836–1839.
8. Соссюр де Ф. Мемуар о первоначальной системе гласных // Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 302-561.
9. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
10. Руделев В.Г. Заметки о происхождении индоевропейских придыхательных согласных (Общие выводы из чтения работы Э. Бенвениста) // Руделев В.Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5: Мифы о редуцированных. Избр. произв. по историческому языкознанию. Тамбов, 2001. С. 90-92.
11. Сафонова О.В., Руделев В.Г. Названия животных как средство создания героического образа (К реконструкции и герменевтической обработке «Слова о полку Игореве»). Тамбов, 2010. С. 10-16.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1986. Т. 2. С. 498-500.

13. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998.
 14. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1982.
 15. Советский энциклопедический словарь. М., 1979.
 16. *Фортунатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение / Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды: в 2 т. М., 1956. Т. 1.
 17. *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
 18. *Руделев В.Г.* «Шепот, робкое дыханье, трели соловья...» // Сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора А.А. Кретьева. Воронеж, 2011. С. 244-253.
 19. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва; Ленинград, 1947.
 20. *Мигирин В.Н.* Язык как система категорий отражения. Кишинев, 1973.
 21. *Хомский Н.* Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 2.
 22. *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960.
 23. *Шарандин А.Л., Пискунова С.В., Руделева О.А.* Тамбовская лингвистическая школа: В лабиринте сознания, времени и языка: сборник в честь 80-летия профессора В.Г. Руделева. Тамбов, 2013. С. 14-22.
 24. *Дриняева О.А., Каменская Н.В., Руделева О.А.* Фонологические методы, их универсальность и применение за пределами фонологии // Исследования по русской фонологии. Тамбов, 1987. С. 115-123.
 25. *Руделев В.Г.* Динамическая теория частей речи // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 1996. Вып. 1. С. 83-89.
 26. *Руделев В.Г.* Мимикрия в системе частей речи русского языка // Концептуальное пространство языка: сборник научных трудов. Посвящается юбилею профессора Н.Н. Болдырева. Тамбов, 2005. С. 132-140.
 27. *Руделев В.Г., Руделева О.А.* К уточнению некоторых положений динамической теории частей речи русского языка («пространство» и «время» в поэтических текстах В.В. Маяковского) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 2 (118). С. 144-154.
 28. *Руделев В.Г.* Идея частеречного нуля как путь создания непротиворечивой и реальной теории частей речи русского языка // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко): материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 13 ноября 2013 г. СПб., 2013. С. 374-382.
-
1. *Rudelev V.G.* Issledovanie problem ekologii yazyka i rechi (nauchnyy otchet) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2001. Vyp. 1 (21). S. 10-19.
 2. *Rudelev V.G.* Molitva o russkom yazyke // Slavyanskiy mir. Dukhovnye traditsii i slovesnost': sbornik materialov nauchnoy konferentsii. Tambov, 2013. S. 117-123.
 3. *Rudelev V.G.* Tekst – predlozhenie – slovo (k realizatsii idei kosmicheskogo sintaksisa) // Predlozhenie i slovo: mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov / otv. red. O.V. Myaksheva. Saratov, 2006. S. 14-17.
 4. *Rudelev V.G.* Russkiy yazyk. Uchenie o predlozhenii: uchebnyy dlya 7–9 klassov. Tambov, 1992.
 5. *Dal' V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. Kopya izd. 1881 g. M., 1989.
 6. *Nikolaev G.A.* Vitaliy Mikhaylovich Markov (1927–2010). Kazan', 2011.
 7. *Humboldt W.v.* Über die Kawi-Sprache auf der Insel Jawa. Bd. 1. Berlin, 1836–1839.
 8. *Sossyur de F.* Memuar o pervonachal'noy sisteme glasnykh // Sossyur de F. Trudy po yazykoznaniyu. M., 1977. S. 302-561.
 9. *Benvenist E.* Indoevropskoye imennoe slovoobrazovanie. M., 1955.
 10. *Rudelev V.G.* Zametki o proiskhozhdenii indoevropskikh pridykhatel'nykh soglasnykh (Obshchie vyvody iz chteniya raboty E. Benvenista) // Rudelev V.G. Sbornik sochineniy: v 6 t. T. 5: Mify o redutsirovannykh. Izbr. proizv. po istoricheskomu yazykoznaniyu. Tambov, 2001. S. 90-92.
 11. *Safonova O.V., Rudelev V.G.* Nazvaniya zhivotnykh kak sredstvo sozdaniya geroicheskogo obraza (K rekonstruktsii i germenticheskoy obrabotke «Slova o polku Igoreve»). Tambov, 2010. S. 10-16.
 12. *Fasmer M.* Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. M., 1986. T. 2. S. 498-500.
 13. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'.* Yazykoznaniye / gl. red. V.N. Yartseva. M., 1998.
 14. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / AN SSSR; In-t rus. yaz.; pod red. A.P. Evgen'evoy.* M., 1982.
 15. *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'.* M., 1979.
 16. *Fortunatov F.F.* Sravnitel'noye yazykovedeniye / Fortunatov F.F. Izbrannyye trudy: v 2 t. M., 1956. T. 1.
 17. *Shcherba L.V.* Izbrannyye raboty po russkomu yazyku. M., 1957.
 18. *Rudelev V.G.* «Shepot, robkoe dykhan'e, trel solov'ya...» // Sbornik nauchnykh statey k yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora A.A. Kretova. Voronezh, 2011. S. 244-253.

19. Vinogradov V.V. Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove). Moskva; Leningrad, 1947.
20. Migirin V.N. Yazyk kak sistema kategoriy otrazheniya. Kishinev, 1973.
21. Khomskiy N. Sintaksicheskie struktury // Novoe v lingvistike. M., 1963. Vyp. 2.
22. Trubetskoy N.S. Osnovy fonologii. M., 1960.
23. Sharandin A.L., Piskunova S.V., Rudeleva O.A. Tambovskaya lingvisticheskaya shkola // V labirinte soznaniya, vremeni i yazyka: sbornik v chest' 80-letiya professora V.G. Rudeleva. Tambov, 2013. S. 14-22.
24. Drinyaeva O.A., Kamenskaya N.V., Rudeleva O.A. Fonologicheskie metody, ikh universal'nost' i primeneniye za predelami fonologii // Issledovaniya po russkoy fonologii. Tambov, 1987. S. 115-123.
25. Rudelev V.G. Dinamicheskaya teoriya chastey rechi // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 1996. Vyp. 1. S. 83-89.
26. Rudelev V.G. Mimikriya v sisteme chastey rechi russkogo yazyka // Kontseptual'noye prostranstvo yazyka: sbornik nauchnykh trudov. Posvyashchaetsya yubileyu professora N.N. Boldyreva. Tambov, 2005. S. 132-140.
27. Rudelev V.G., Rudeleva O.A. K utochneniyu nekotorykh polozheniy dinamicheskoy teorii chastey rechi russkogo yazyka («prostranstvo» i «vremya» v poeticheskikh tekstakh V.V. Mayakovskogo) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2013. Vyp. 2 (118). S. 144-154.
28. Rudelev V.G. Ideya chasterechnogo nulya kak put' sozdaniya neprotivorechivoy i real'noy teorii chastey rechi russkogo yazyka // Slovo. Slovar'. Slovesnost': Kommunikatsiya. Tekst. Sintaksis (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya S.G. Il'enko): materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg, RGPU im. A.I. Gertsena, 13 noyabrya 2013 g. SPb., 2013. S. 374-382.

Поступила в редакцию 16.12.2013 г.

UDC 81'367.7

ON THE QUESTION OF NEED TO USE THE TERM "PHYSICAL PERSON" IN RUSSIAN LANGUAGE COMMUNICATION

Vladimir Georgiyevich RUDELEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Russian Language Department, Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department, Honored Worker of High School of RF, Member of Russian Writers Union, e-mail: ifg06@mail.ru

Olga Alekseyevna RUDELEVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, General Pedagogics and Educational Technologies Department, Candidate of Philology, Associate Professor, e-mail: pimno_tgu@mail.ru

There is an attempt to protect the modern Russian language from various kinds of blockages that are detrimental to the linguistic matter and destroy the rules of speaking and writing in Russian, leading to a degradation of language. And it's about one of the most developed languages of the world! Of course, all sorts of debris are produced in the Russian language unconsciously. But the school has weakened its positive impact on speaking in Russian, and Russian language textbooks have never been so helpless and useless.

The criticism towards the inclusion in language usage and language practice harmful and ignorant the term "physical person" is given. This expression violates the dignity of the Russian people, the name equates to the lowest value on the realities that are truly substantive in nature.

There is also an attempt to improve Russian theoretical grammar, release from aggravating dogma and senseless cramming.

Key words: physical person; objectivity of substantive words; descriptive information-theoretic methods; ecology of language and speech.

ДИСТАНТНЫЕ АФФИКСЫ КАК КОМПЛЕКСНЫЕ ФОРМАНТЫ В ДИАЛЕКТНОМ ГЛАГОЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

© Анна Александровна СУСКИНА

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец,
Липецкая область, Российская Федерация, аспирант, кафедра теории
и истории русского языка, e-mail: Lady.bogatikowa@yandex.ru

Рассматриваются глаголы с дистантными словообразующими комплексами в русских народных говорах. Особое внимание уделяется активному словопроизводству в сфере русских диалектов. Исследование производных глаголов в русских народных говорах включает изучение плана выражения, плана содержания, описание словообразовательной структуры. В этой статье дается структурная и семантическая характеристика производных глаголов в русских диалектах; подтверждается обусловленность функционального единства дистантного расположения частей словообразующих комплексов их формальным и семантическим единством. Представлено многоаспектное описание глаголов с дистантными аффиксами, в т. ч. их семантическая соотнесенность с мотиваторами; явление множественной мотивации среди циркумфиксных дериватов; отражена стилистическая предрасположенность изучаемых производных с комплексными формантами. Исследование расширяет представление о производном слове, его словообразовательном значении, дает сравнительную характеристику глаголов с дистантными словообразующими комплексами в русских народных говорах и в современном русском языке.

На основе анализа производных глаголов, характера взаимодействия с мотиваторами определяется степень их изученности в сфере русских народных говоров. Проанализированы характерные особенности дистантных аффиксов как словообразующих комплексных формантов в русских диалектах. Анализ показывает, что диалектное словообразование является неизученной сферой в области отечественного языкознания.

Ключевые слова: словообразование; производность; циркумфикс; диалект.

Народные говоры, разнообразные по своим фонетическим и грамматическим признакам, лексическому составу, особенностям сочетаемости слов, являясь средством общения людей на определенной территории, проецируют на себя общие законы развития языка, что позволяет исследователям рассматривать их как объект изучения многих языковых явлений и в сопоставлении с фактами литературного языка, и в специфике их самостоятельного функционирования. В народных говорах отражены знания, верования, представления об окружающем мире, веками накопленные носителями данной культуры и получившие свои особенные средства выражения. Диалектная речь создается и используется наряду с другими вариантами языка не в результате каких-либо «ошибок» языка, а в ответ на определенные коммуникативные потребности людей, порождающие, в частности, особые способы формо- и словообразования.

Несмотря на многочисленные исследования в области диалектологии, диалектное словообразование в отечественном языкознании характеризуется все же недостаточной изученностью. Наше исследование учитывает опыт работы известных лингвистов –

Р.И. Аванесова, Л.И. Баранниковой, О.И. Блиновой, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой, В.В. Лопатина, А.Н. Тихонова, И.С. Улуханова, Ф.П. Филина и др.

Особого внимания в диалектной словообразовательной системе языка заслуживает, на наш взгляд, глагол. Из всех частей речи именно глагол является самой сложной единицей, а проблема выявления его словообразовательного потенциала является актуальной для современной дериватологии. Русский глагол, характеризующийся сложной системой грамматических категорий, формообразования, словообразования, будучи предикативным центром высказывания, не может не привлекать внимание диалектологов [1; 2].

Основная сложность в описании особенностей словообразования глаголов в русских народных говорах – нечеткость его структуры, что осложняет вычленение производящей основы. Именно поэтому работ, посвященных полному описанию морфемной структуры глагола в говорах, почти нет. Можно назвать диссертационные исследования Е.Н. Шабровой, в которых анализируется морфемная структура глаголов [3; 4], С.А. Никишиной,

где дано описание отдельных особенностей морфемной структуры глаголов, функционирующих в говорах [5, с. 186].

Особенности глагольного словообразования в русских народных говорах описаны в работах таких лингвистов, как Л.З. Бояринова, Е.А. Дребнева, А.И. Завалишина, О.И. Литвинникова, Э.В. Марейчева [6–10] и др. Словообразовательная структура диалектных глаголов отражает общие закономерности строения глагольных слов в русском языке. Эту закономерность можно проследить на примере аффиксальных морфем и особенностей их функционирования.

В наших наблюдениях источником фактического материала послужил «Словарь русских народных говоров» [11]. Вышедшие в свет выпуски сводного словаря (1–43) содержат большое количество глаголов с дистантными словообразующими комплексами. Проблема выделения дистантных словообразующих комплексов не является новой, однако она не получила широкого распространения в сфере дериватологии. Под дистантно расположенными словообразующими комплексами мы понимаем комплексы, включающие префикс и суффикс, или префикс и постфикс, или суффикс и постфикс, или одновременно префикс, суффикс и постфикс, которые «охватывают корень с двух сторон, «разрываясь» при этом на части, но не «разрывая корень» [12, с. 34]. В лингвистике для обозначения таких аффиксов используются также термины «конфикс», «циркумфикс», «конфиксация», «циркумфиксация», «прерывистая морфема» (работы Л.Б. Бубековой, З.М. Волоцкой, В.М. Маркова, В.П. Старина, А.Н. Тихонова, М.В. Черепанова и др.). Важно отметить, что в русистике до сих пор нет единого мнения о выделении дистантных аффиксов как словообразующих комплексных формантов – прерывистость и похожесть их на недистантные аффиксы мешает видеть в них единые словообразующие единицы. Однако мы соглашаемся с мнением, что «наличие в языке первых и вторых компонентов циркумфиксов, которые не могут употребляться как приставки и суффиксы, и, напротив, невозможность употребления части приставок и суффиксов в качестве компонентов циркумфиксов, вынуждают признать наличие дистантных аффиксов в русском языке» [13, с. 119].

Выявленный словарный материал демонстрирует наличие среди таких глаголов образований нескольких видов:

- 1) дериватов префиксально-суффиксальной структуры;
- 2) дериватов префиксально-постфиксальной структуры;
- 3) дериватов префиксально-суффиксально-постфиксального типа.

Дериваты 1-го и 3-го вида довольно многочисленны в русских народных говорах: *закорениться* (укрепиться *корнями* в почве: *Рожь закоренилась* [11, т. 10, с. 152]), *закрасеть* (приобрести красный цвет, стать *красным*: *Так весь край-то и закрасеет от крови* [11, т. 10, с. 162]), *зароситься* (вымокнуть от росы: *Ходил Илья на Василья, замочился, заросился* [11, т. 11, с. 5]), *пригуцивать* (делать *густым* или *более густым*: *Просеешь муку, из отрубей опару сделаешь, а утром тесто пригуциваешь* [11, т. 31, с. 183]), *размутиться* (стать *мутным*: *Раскатались колеса, размутилась вода, разругалась я с миленком, нет мне ходу никуда* [11, т. 34, с. 29]), *разнежиться* (быть приученным к.-л. к неге, удобствам: *Катюшенька в горнице выросла, родной матушкой разнежилась* [11, т. 34, с. 34]) и др.

Данное наблюдение совпадает с выводами, сделанными нами в результате словообразовательного анализа глаголов с дистантно расположенными аффиксами в литературном языке, где образования данной структуры также представлены наибольшим количеством примеров [14; 15].

Наиболее многочисленную группу среди глаголов с дистантными словообразующими комплексами составляют дериваты отадъективной производности: *пригуцивать* – ‘делать *густым*’, *размолаживаться* – ‘становиться *молодым*’, *сдешевиться* – ‘стать *дешевым*’, *засвирипеться* – ‘стать *слишком свиристым*’ и др. Представленные глаголы имеют словообразовательное значение ‘стать / становиться / сделать таким, как названо мотиватором’. Это значение распространено и в современном русском литературном языке, что подтверждают наблюдения над глаголами с дистантными словообразующими комплексами в толковых словарях русского литературного языка, ср.: *округлиться* (Фигура *округлилась. Глаза округлились от страха*) (т. е. ‘стать *круглым*’) [16, с. 451]; *утяжелиться* (Конструкция *утяжелилась*) (т. е. ‘стать *тяжелым*’) [16, с. 844]; *смяг-*

читься – ‘стать мягким’ [16, с. 737]; *затупить* – ‘сделать тупым’ [16, с. 223].

Вторую по численности группу образуют глаголы отсубстантивной производности. Как показывает анализ, наиболее продуктивными являются глаголы, образованные от основ неодушевленных имен существительных. Это производные со словообразовательным значением ‘покрыть(ся) тем, что названо мотиватором’. Их структурная организация связана, как правило, с префиксально-суффиксальным и префиксально-суффиксально-постфиксальными способами словообразования: *залужиться* – ‘покрыться лужами’ (*Земля залужилась*) [11, т. 10, с. 223]; *обкориться* – ‘покрыться коркой’ (*Снеток обкорился*) [11, т. 22, с. 76]; *обмаслить* – ‘покрыть маслом’ (*Обмаслил увесь халат, ел хлеб с маслом и обмаслил всю рубашку*) [11, т. 22, с. 121] и др.

В русских народных говорах зафиксированы также глаголы, образованные от других имен существительных и имеющие другое словообразовательное значение, например: *засамоварить* – ‘поставить самовар’ (*Ну, засамоваривай скорей!*) [11, т. 11, с. 19], *засвадьбиться* – ‘загуляться на свадьбе’ (*Наши засвадьбились*) [11, т. 11, с. 20], *накудриться* – ‘сделать кудри’ (*Девки-то накудрились, когда в клуб-от пошли*) [11, т. 19, с. 354] и др. Данные глаголы имеют префиксально-суффиксальную или префиксально-суффиксально-постфиксальную структуру.

Особый интерес представляют глаголы отсубстантивной производности префиксально-суффиксального и префиксально-суффиксально-постфиксального типа модели *обез-...-и-*, *обез-...-и-...-ся* со словообразовательным значением ‘лишить(ся) того, что названо производящим именем существительным’.

Если в современном русском литературном языке глаголы данной группы можно считать как характеризующиеся явлением множественной мотивации, которая теснейшим образом связана с неединственностью словообразовательного значения и множественностью словообразовательной структуры, то глаголы в русских народных говорах имеют лишь один мотиватор, ср.: *обессмыслить* – ‘лишить смысла’ и ‘сделать бессмысленным’ [16, с. 427] и *обесхлебить* – ‘лишить хлеба’ [11, т. 22, с. 39]. В первом случае в качестве префиксальной части дистантного комплекса будет выступать не *обес-*, а *о-*.

Однако второй пример такой особенностью не характеризуется. Ср. еще: *обессониться* – ‘лишиться сна’ (*Люди обессонились, много тактических занятий, отдохнуть надо*) [11, т. 22, с. 38]; *обескумить* – ‘лишить кума, кумы’ (*Обескумил ты меня, отказавшись; кого звать – не знаю*) [11, т. 22, с. 37]; *обескормить* – ‘лишить кормов’ (*Обескормила нас засуха*) [11, т. 22, с. 37]; *обездолиться* – ‘лишиться доли’ (*Я сам обездолился, сам виноват бездолью своему*) [11, т. 22, с. 29]; *обесхрамить* – ‘лишить храма’ (*Обесхрамила нас война*) [11, т. 22, с. 39] и т. д.

Производные данной группы моносемичны; они мотивируются полисемичными немотивированными существительными. Семантическая соотносительность единиц мотивационных пар выражена следующим образом: семантический объем деривата у $\square$ же семантического объема мотиватора, и «роль имени существительного (ИС) в формировании словообразовательного значения (СЗ) глагола сводится, по существу, к указанию той функции, которую выполняет предмет, названный мотиватором в процессе, обозначенном производным глаголом» [9, с. 34].

«Определить семантическую роль мотивирующего имени не всегда легко, потому что лексическая семантика его не предопределяет его семантическую функцию при глаголе» [9, с. 34]. Лексическая семантика может меняться в зависимости от того, какое место занимает имя существительное в той ситуации, которую обозначает производный глагол: *засилить* – ‘поймать в силок’ [11, т. 11, с. 32], *обмелиться* – ‘сесть на мель’ [11, т. 22, с. 123].

Важно отметить еще одну особенность, проявляющуюся у глаголов с дистантными словообразующими комплексами в русских народных говорах: значение данных глаголов не всегда совпадает с лексическим значением глаголов с тем же фонемным составом в русском литературном языке, например: *закоптить* – ‘покрыть копотью’ [16, с. 208] и *закоптить* – ‘покрыть пылью, запылить’ [11, т. 10, с. 151]. Однако словообразовательное значение у этих глаголов совпадает – ‘покрыть чем-либо’. Заметим, однако, что такие примеры единичны.

Как показали наблюдения, дериваты внутриглагольной производности относительно продуктивны. Довольно многочисленны глаголы, образованные по моделям

вз-...-и-...-ся, вз-...-ова-...-ся, вз-...-е-...-ся, вз-...-а-...-ся. Причем префикс и постфикс у данных глаголов постоянны: *взбуяниться, взбушеваться, взбрюзжаться, взбунтиться* и др. Все эти дериваты имеют значение ‘начать интенсивно / усиленно совершать действие, названное мотивирующим глаголом’: *взбарабаниться, взгромыхаться, взгрохотаться, взволноваться, вздрожаться* и др. Ср.: *Дали ему барабан, а он **взбарабанился**, хоть уши затыкай* [11, т. 4, с. 239]; ***Взбахался** в стенку* [11, т. 4, с. 239]; *Чегой-то собака **взбрыхалась**, пойдй посмотри, не вор ли заляпался в амбар* [11, т. 4, с. 240]; ***Взбрюзжался**, все брюзжит и брюзжит* [11, т. 4, с. 241]; *Напился, **взбушевался** – и спать не ложится* [11, т. 4, с. 245]; *Собака увидела мясо, как **взвизжится*** [11, т. 4, с. 249].

Дериваты данной группы мотивированы, как правило, непереходными глаголами несовершенного вида. Эти характеристики совпадают с характеристиками глаголов такой же структуры в современном русском литературном языке.

В образовании глаголов с дистантными словообразующими комплексами в русских народных говорах мы отметили такую особенность, как появление протетического согласного *-н-* в суффиксальной морфеме, вызванное, возможно, аналогией с образованием других глаголов данного типа: *забуреть – забурнеть* (‘стать бурым’), *обросеть – оброснеть* (‘покрыться росой’), *обрыбиться – обрыбниться* (‘оскоромиться рыбой’).

Проведенный анализ показывает, что глаголы с дистантными словообразующими комплексами в русских народных говорах являются более распространенным явлением в сравнении с русским литературным языком. В качестве производящих, как правило, выступают глаголы, имена существительные, имена прилагательные, являющиеся общепотребительными в русском языке, не ограниченные территорией своего бытования. Дериваты, образованные от них в русских народных говорах, в большинстве случаев не отличаются от производящих слов ярко выраженной стилистической окрашенностью или образностью, и это подтверждает вывод о том, что глаголы с дистантными словообразующими комплексами – достаточно распространенное и естественное явление языка, закономерно проявляющееся в речи носителей говоров.

Так же, как и в литературном языке, в диалектах отмечается и процесс расширения семантики слова, возникающий, в частности, благодаря переходу слова из одной сферы употребления в другую [17, с. 56]. Соответственно увеличение семантического объема слова при заимствовании его говорами из литературного языка является явлением закономерным. Однако некоторые глаголы претерпевают обратный процесс – процесс сужения семантического объема. Это обусловлено, прежде всего, тенденцией к конкретизации, присущей в целом диалектному языку.

Модели образования дериватов, совпадающие с моделями, употребляющимися в современном русском литературном языке, представлены широко. Это дает право говорить о том, что словообразовательная система русских народных говоров принципиально не отличается от деривационной системы русского литературного языка, однако позволяет более свободно использовать возможности формо- и словообразования. Диалектный материал дает возможность понять природу словообразовательных значений отыменной и глагольной производной лексики, что способствует более полному описанию языковой картины того или иного региона.

1. Бубекова Л.Б. Основные этапы развития конfixации в сфере глагольного словообразования // 2 Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: труды и материалы: в 2 т. Казань, 2003. Т. 1. С. 80-82.
2. Каргина А.П. Русский глагол в отечественный диалектологии // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 18-40.
3. Шаброва Е.Н. Структура непроеизводных глаголов в вологодских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 1997.
4. Шаброва Е.Н. Морфемика диалектного глагола: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003.
5. Никишина С.А. Глагол в орловских говорах (в семасиологическом и морфологическом освещении): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1998.
6. Бояринова Л.З. Диалектное словообразовательное гнездо // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии. Орел, 1994. С. 25-27.
7. Дребнева Е.А. Глагол как производящая база субстантива (на материале среднеуральских

- говоров) // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Материалы Всесоюзной научной конференции «Говоры и разговорная речь» (март, 1991) / под ред. Л.А. Араевой, В.А. Волчек. Кемерово, 1992. С. 107-113.
8. *Завалишина А.И.* Словопроизводство глаголов в говоре села Михайловки Залегощенского района Орловской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1981.
 9. *Литвинникова О.И.* Глаголы отсубстантивной производности с дистантными словообразующими комплексами в диалектной речи // Проблемы русского и общего языкознания: межвузовский сборник научных трудов, посвященный году русского языка. Елец, 2008. Вып. 6. С. 33-39.
 10. *Марейчева Э.В.* Морфологические способы словообразования глаголов в говорах западной зоны Курской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1972.
 11. Словарь русских народных говоров: Вып. 1–43. Москва; Санкт-Петербург, 1965–2010.
 12. *Мельчук И.А.* О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках // Вопросы языкознания. 1963. № 4. С. 28-36.
 13. *Головин В.Г.* Очерки по русской морфемике и словообразованию. Воронеж, 1990.
 14. *Богатикова А.А.* Дериваты внутриглагольной производности с дистантными словообразующими комплексами в современном русском языке // ФИЛОЛОГОС. Елец, 2012. Вып. 13 (2). С. 12-18.
 15. *Сускина А.А.* Глаголы с дистантными словообразующими комплексами в детской речи // ФИЛОЛОГОС. Елец, 2013. Вып. 17 (2). С. 70-75.
 16. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М., 2005.
 17. *Балалыкина Э.А.* Основные принципы этимологического анализа // Приключения слов. Казань, 1993.
-
1. *Bubekova L.B.* Osnovnye etapy razvitiya konfiksatsii v sfere glagol'nogo slovoobrazovaniya // 2 Boduenovskie chteniya: Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: traditsii i sovremennost': trudy i materialy: v 2 t. Kazan', 2003. T. 1. S. 80-82.
 2. *Kargina A.P.* Russkiy glagol v otechestvennyy dialektologii // Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki. 2005. № 1. S. 18-40.
 3. *Shabrova E.N.* Struktura neproizvodnykh glagolov v vologodskikh govorakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Vologda, 1997.
 4. *Shabrova E.N.* Morfemika dialektного glagola: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 2003.
 5. *Nikishina S.A.* Glagol v orlovskikh govorakh (v semasiologicheskom i morfologicheskom osveshchenii): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Orel, 1998.
 6. *Boyarinova L.Z.* Dialektное slovoobrazovatel'noe gnezdo // Problemy regional'noy leksikologii, frazeologii i leksikografii. Orel, 1994. S. 25-27.
 7. *Drebneva E.A.* Glagol kak proizvodnyashchaya baza substantiva (na materiale sredneural'skikh govorov) // Aktual'nye problemy regional'noy lingvistiki i istorii Sibiri. Materialy Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii «Govory i razgovornaya rech'» (mart, 1991) / pod red. L.A. Araevoy, V.A. Volchek. Kemerovo, 1992. S. 107-113.
 8. *Zavalishina A.I.* Slovoпроизводство glagolov v govore sela Mikhaylovki Zalegoshchenskogo rayona Orlovskoy oblasti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Orel, 1981.
 9. *Litvinnikova O.I.* Glagoly otsubstantivnoy proizvodnosti s distantnymi slovoobrazuyushchimi kompleksami v dialektnoy rechi // Problemy russkogo i obshchego yazykoznaniiya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyy godu russkogo yazyka. Elets, 2008. Vyp. 6. S. 33-39.
 10. *Mareychева E.V.* Morfologicheskie sposoby slovoobrazovaniya glagolov v govorakh zapadnoy zony Kurskoy oblasti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 1972.
 11. Slovar' russkikh narodnykh govorov: Vyp. 1–43. Moskva; Sankt-Peterburg, 1965–2010.
 12. *Mel'chuk I.A.* O «vnutrenney fleksii» v indoevropeyskikh i semitskikh yazykakh // Voprosy yazykoznaniiya. 1963. № 4. S. 28-36.
 13. *Golovin V.G.* Ocherki po russkoy morfemike i slovoobrazovaniyu. Voronezh, 1990.
 14. *Bogatikova A.A.* Derivaty vnutriglagol'noy proizvodnosti s distantnymi slovoobrazuyushchimi kompleksami v sovremennom russkom yazyke // FILOLOGOS. Elets, 2012. Vyp. 13 (2). S. 12-18.
 15. *Suskina A.A.* Glagoly s distantnymi slovoobrazuyushchimi kompleksami v detskoy rechi // FILOLOGOS. Elets, 2013. Vyp. 17 (2). S. 70-75.
 16. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. S. I. Ozhegova, N. Yu. Shvedovoy. M., 2005.
 17. *Balalykina E.A.* Osnovnye printsipy etimologicheskogo analiza // Prikluyeniya slov. Kazan', 1993.

Поступила в редакцию 16.12.2013 г.

DISTANT AFFIXES AS COMPLEX FORMANTS IN DIALECT VERB WORD FORMATION

Anna Aleksandrovna SUSKINA, Yelets State University named after I.A. Bunin, Yelets, Lipetsk region, Russian Federation, Post-graduate Student, Theory and History of Russian Language Department, e-mail: Lady.bogatikowa@yandex.ru

The verbs with distant formative complexes in Russian folk dialects are considered. Special attention is paid to active formation of words in the sphere of Russian dialects. The study derived verbs in Russian folk dialects includes the study of the plan of expression, content, description of the word-formative structure. This article gives structural and semantic characteristic of derivative verbs in Russian dialects; confirms the conditionality of the functional unity of the distant location of parts formative complexes their formal and semantic unity. A multidimensional description of verbs with distant affixes, including their semantic correlation with motivators; phenomenon of multiple motivation of derivatives with circumfixes; reflected stylistic predisposition studied derivatives with complexes formants is presented. The investigation extends the exposition about a derivative word, its word-formative meaning, provides comparative characteristics of verbs with distant formative complexes in Russian folk dialects and in modern Russian literary language.

Based on the analysis of derivative verbs and the character of the interaction with motivators to determine the degree of their study in the sphere of Russian folk dialects are disclosed. The characteristics of distant affixes as formative complex formants in Russian dialects are analyzed. The analysis shows that the dialectal word formation is unexplored area in the field of Russian Linguistics.

Key words: word-building; derivation; circumfix; dialect.

ЭКОНОМИКА

УДК 332.122

РОЛЬ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ

© **Ольга Викторовна САВИНОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат экономических наук,
доцент, докторант, кафедра политической экономии и мирового
глобального хозяйства, e-mail: olgasavinova@inbox.ru

© **Елена Александровна КОЛЕСНИЧЕНКО**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор экономических наук,
профессор кафедры политической экономии и мирового
глобального хозяйства, e-mail: econom_404@mail.ru

Рассмотрены проблемы реализации масштабной кластерной инициативы на основе анализа опыта участия зарубежных стран с различным уровнем развития национальной экономики. Предлагается использовать в практике управления развитием российской экономики опыт европейских стран на основе исследования основных факторов, способствующих и препятствующих реализации кластерной политики. В последние годы происходит постепенное развитие трансграничных кластерных инициатив, в т. ч. между европейскими странами. Процесс обсуждения лучших практик развития промышленно-инновационных кластеров постепенно переводят в плоскость реального сотрудничества между европейскими кластерами с учетом экономической эффективности данных инициатив. Развитие общих программ и инициатив в регионе Балтийского моря, включая идею формирования единого регионального бренда, должно способствовать гомогенизации экономического пространства и снижению барьеров для объединения существующих национальных кластеров. Рассмотрены синергетические процессы, когда создаются устойчивые эффекты синергии между взаимодополняющими секторами одной производственной цепочки благодаря кластерам, стимулирующим инновации, способствующим активному информационному обмену между ее участниками. Фирмы, работающие в рамках кластеров, чаще патентуют и регистрируют собственные инновации, а также склонны осуществлять аутсорсинг исследований в других фирмах, университетах, научных центрах. Ключевым инструментом, способствующим ускорению развития предпринимательства, более быстрому поиску ресурсов, знаний и технологий, а также идей, которые могут быть трансформированы в развитие бизнеса, являются кластеры. В то же время европейский опыт был и остается основным примером для российской экономики.

Ключевые слова: транснациональный кластерный альянс; макрорегион; макрокластер; трансфер технологий; ядро протокластера; кластерный ландшафт.

По мере роста интернационализации бизнеса в последние годы происходит постепенное внедрение в практику управления территориями развития кластерных инициатив, в т. ч. и трансграничных, которые предполагают развитие взаимодействия между европейскими странами. Это закономерный процесс, связанный в первую очередь с необходимостью удовлетворения растущих потребностей потребителей, поисками новых возможностей для экономий и взаимодопол-

няющих конкурентных преимуществ партнеров на международном уровне [1].

Такая активизация процессов связана с тем, что создание такого типа кластеров помогает обеспечить положительную динамику развития, не допустить т. н. «эффекта замыкания», который чаще всего выступает причиной неэффективного развития кластерных форм. Однако следует отметить, что в современных условиях хозяйствования только Германия и Франция в полной мере участ-

вуют в процессе интернационализации промышленно-инновационных кластеров [1].

Обращаясь к опыту развития кластерных форм хозяйствования в европейских странах, отметим перманентную трансформацию состава и структуры формируемых инновационных кластеров: ядром кластера стали выступать сервисные и инновационные компании, которые являются обслуживающими для различных отраслей, но в то же время выступают источником инновационных идей и интеллектуальных решений.

На уровне европейских кластерных политик развитию трансграничных промышленно-инновационных кластеров также уделяется пока недостаточно внимания. Основная инициатива, ставящая своей целью развитие международных кластеров в Европе, – TACTICS (Transnational Alliance of Clusters Towards Improved Cooperation Support), или Транснациональный кластерный альянс в целях поддержки усиления сотрудничества.

Инициатива TACTICS объединила семь ведущих национальных и региональных государственных организаций (кластерных агентств), а именно:

- 1) VINNOVA (Швеция);
- 2) TMG (Австрия);
- 3) North West Development Agency (Великобритания);
- 4) OSEO (Франция);
- 5) IWT (Бельгия);
- 6) VENINN (Италия);
- 7) PAED (Польша) [2].

Данные структуры призваны активно взаимодействовать с целью выработки стимулирующих политик и инструментов реальной поддержки развития кластеров в ЕС, а также доносить результаты своей работы до всех заинтересованных лиц.

В рамках поставленной цели были определены 6 приоритетных направлений:

- 1) стимулирование международного кластерного сотрудничества;
- 2) оценка эффективности развития кластеров;
- 3) поддержка маркетинга и брендинга кластеров;
- 4) использование лучших практик развития кластеров в процессе развития новых кластеров и отраслей, включая инновационные услуги;

5) финансирование инноваций в отраслях по каналам развитых промышленно-инновационных кластеров;

6) вовлечение получателей результатов деятельности кластеров в совершенствование их развития.

Вышеуказанные цели постепенно переводят процесс обсуждения лучших практик развития промышленно-инновационных кластеров в плоскость реального сотрудничества между европейскими кластерами с учетом экономической эффективности данных инициатив.

Кроме того, одним из условий инициативы TACTICS является использование преимуществ других кластерных инициатив в рамках ЕС (т. е. их «валоризации») – CLUNET, CEE Cluster-Network и др.

Инициативы, подобные TACTICS, активно развиваются в Европе в последние несколько лет, однако пока, на наш взгляд, рано говорить об инновационном прорыве или полноценном эффективном взаимодействии.

Тем не менее, существует несколько примеров успешного развития транснациональных промышленно-инновационных кластеров в Европе. Данный опыт накоплен в первую очередь в биотехнологическом секторе, который уже анализировался выше, однако в данном случае интернационализация биотехнологических кластеров означает значительные перспективы для развития инновационных конкурентных преимуществ для Европы в целом [2].

1. Bio Valley Basel – совместная программа Швейцарии, Германии и Франции по развитию трансграничного биотехнологического кластера. Основная цель данной программы, действующей с 1996 г., – объединить сильные биотехнологические компании Северо-Запада Швейцарии (регион вокруг Базеля), Южного Бадена (Германия) и Эльзаса (Франция). Программа объединяет более 300 компаний, включая глобальных лидеров в фармацевтическом секторе и агро-бизнесе. Также в нее входят 40 научных организаций, 4 университета и более чем 280 исследовательских групп. Данная кластерная программа действует как один из самых больших биотехнологических регионов в Европе. Координация осуществляется с помощью центральной кластерной ассоциации, основанной тремя ассоциациями: в Швейцарии (Bio

Valley platform Basel), Франции (Association Alsace Bio Valley) и Германии (Bio Valley Germany).

Данный трансграничный кластер развивается уже 10 лет и, безусловно, относится к зрелым промышленно-инновационным кластерным системам, обладая полным набором преимуществ.

2. Инициатива частно-государственной сетевой организации ScanBalt, объединяющей научное и производственное сообщество в сфере естественных наук, направлена на формирование трансграничного сообщества биотехнологических кластеров “ScanBalt BioRegion”. Сообщество объединяет университеты, научные центры, биотехнологические компании, государственные структуры Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии, Швеции, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, северных районов Германии и Северо-Запада России.

Текущая стратегия ScanBalt – Инновации на вершине Европы 2008–2011 – нацелена на продвижение инвестиций в регионе Балтийского моря на региональном, национальном и международном уровнях.

Основными преимуществами инициативы ScanBalt BioRegion являются:

- развитые компетенции в области биотехнологий, объединенные в супер-кластер;
- сильные, конкурентоспособные бренды (AstraZeneca, LEO Pharma, Lundbeck, Novo Nordisk, Fermentas, Asla Biotech);
- возможности для проведения клинических испытаний и доступ к медицинским технологиям;
- существующие координационные и коммуникационные услуги для обеспечения свободного обмена знаниями;
- богатый опыт работы со структурами, предоставляющими финансирование (ЕС, Nordic Innovation Centre и др.);
- заинтересованность в международной кооперации;
- специализация на исследованиях стволовых клеток, морской биотехнологии и агробиотехнологии.

В 2010 г. био-регион включал: 632 компании естественнонаучного направления; 17 университетов (общее число студентов – 18800); 25 научных парков.

Значительные масштабы данной кластерной инициативы, участие в ней стран с

различным уровнем развития экономики в целом и инноваций в частности делают задачу формирования биотехнологического макро-региона, а впоследствии – макро-кластера трудновыполнимой. В то же время развитие общих программ и инициатив в регионе Балтийского моря, включая идею формирования единого регионального бренда, должно способствовать гомогенизации экономического пространства и снижению барьеров для объединения существующих национальных кластеров.

В современных условиях хозяйствования создана база идей и исследований, касающихся выявления преимуществ кластерного подхода как к развитию бизнеса, так и его территорий, что характерно для европейских стран. Так, считается, что наиболее результативным инструментом развития предпринимательства и территорий является включение предприятия в состав кластеров (в Европе 38 % занятых работает на таких предприятиях). Это связано с тем, что обеспечивается возникновение устойчивых эффектов синергии между взаимодополняющими секторами одной производственной цепочки благодаря кластерам, стимулирующим инновации, способствующим активному информационному обмену между ее участниками. Опыт показывает, что фирмы, работающие в рамках кластеров, чаще патентуют и регистрируют собственные инновации, а также склонны осуществлять аутсорсинг исследований в других фирмах, университетах, научных центрах [1].

Важную роль в интеграции бизнеса играют университеты, притягивая талантливых специалистов. Рост уровня кооперации является наиболее значимым фактором успешной кластеризации, поскольку кластер предстает как центр развития кооперации и конкуренции. Конкуренты, стимулируя развитие друг друга, создают более широкое поле конкуренции между компаниями, вовлеченными в формирование кластера, что приводит к успеху.

Путем сотрудничества кластеры не просто дают возможность их участникам делиться своими идеями: они определяют путь развития инноваций, стимулируют создание новых бизнесов, способствуют росту производительности компаний. Иными словами, формируется система взаимоотношений «тройной спирали» (университет – бизнес –

государство), в которой взаимодействие между ее участниками за счет формирования инновационных идей, внедрения этих идей в практику распространяется и на всю территорию – далеко за пределы представленной системы.

Это происходит благодаря более свободному доступу к имеющимся ресурсам, совокупности информации. В более упрощенном виде представляются возможности пользования общественными благами, объектами инфраструктуры, в т. ч. инновационной. В результате наблюдается рост финансовых результатов (повышение производительности и прибыльности), а это, в конечном итоге, привлекает к взаимодействию другие предпринимательские структуры.

Поскольку все вышеприведенные преимущества кластерной модели развития в той или иной мере характерны для европейских стран, следовательно, изучение и обобщение богатого европейского опыта кластерного развития с точки зрения его промышленной, инфраструктурной и инновационной составляющих представляется важным в контексте поиска эффективных стратегий для бизнеса и систем управления для государства.

В настоящее время, как показало наше исследование, страны ЕС отстают от Соединенных Штатов, в первую очередь это касается инновационно-технологического отставания от США, существуют определенные проблемы в области формирования эффективных промышленно-инновационных кластеров. Отстают по количеству и масштабу крупных корпораций – это является одной из причин отставания Европы по созданию кластеров «мирового уровня» [2].

До сих пор в Европе существует некоторый «раскол» между двумя типами соперничающих стратегий развития кластеров, а именно:

- при межотраслевых связях в рамках кластеров, когда стратегия направлена на межотраслевое развитие, включая развитие кросс-инноваций, актуальных в связи со стратегией энергосбережения и развитием новых материалов;

- при стратегии, основанной на территориальном расположении, когда кластеры в большей степени понимаются как «промышленные районы».

Вторую стратегию можно назвать более архаичной, но в некоторых отраслях и на некоторых территориях она доказала свою состоятельность (например, промышленные округа Италии).

В современной Европе происходит активный обмен опытом на уровне институтов поддержки кластерного развития, предприятий-участников кластеров и региональных властей – проводится ежегодная общеевропейская конференция организации Europa InterCluster.

С целью формирования стратегических альянсов и роста конкурентоспособности кластерных систем необходимо большее межкластерное и межотраслевое взаимодействие лучших практик и «историй успеха», что, по мнению самих участников, представляется недостаточным.

По данным European Cluster Observatory, в Европе насчитывается более 2000 региональных кластеров, из них лишь 7 % относятся к кластерам мирового уровня (“world-class clusters”) [3]. Для европейских стран характерно значительное количество кластеров небольшого масштаба.

Существующие в Европе кластеры имеют значительный потенциал для удовлетворения потребностей рынка, помогают развивать европейские регионы и способствуют устойчивому развитию на локальном уровне (в локальном масштабе), с одной стороны, а с другой – кластеры мирового уровня являются необходимым условием для международной конкуренции.

Но все же именно кластеры мирового уровня являются основным критерием конкурентоспособности европейских компаний, а следовательно, европейских стран.

Недостаточно развиты программы финансирования международного сотрудничества, формирования трансграничных кластеров, что могло бы сделать экономическое европейское пространство более однородным, а следовательно, увеличить как трансфер технологий, так и спилловер знаний между странами [4].

Из вышеприведенных проблем, стоящих перед участниками европейских промышленно-инновационных кластеров (предприятиями, научно-образовательными учреждениями, общественными организациями и властными структурами), становится понят-

но, что для Европы резервы кластерной парадигмы развития бизнеса еще далеко не исчерпаны [1].

В то же время европейский опыт был и остается основным примером для российской экономики. Дискуссия о допустимости и возможностях использования европейского опыта в процессе планирования и развития промышленно-инновационных кластеров в России ведется на практическом и научном уровне. Основные факторы, способствующие и препятствующие использованию европейского опыта развития кластеров в России, кратко представлены в табл. 1.

Следует отметить, что в настоящее время в России активно формируется кластерная парадигма повышения конкурентоспособности территорий и развития национального хозяйства, при этом происходит активное изучение зарубежного опыта развития, предпринимаются попытки формирования кластерных форм хозяйствования на базе создания особых экономических зон, использова-

ния агломераций (особенно в моногородах). Ядром кластера могут быть крупные предприятия из тех сфер деятельности, которые получают приоритетную государственную поддержку.

Движение к созданию собственных кластерных форм хозяйствования в России на основе использования опыта создания кластеров европейских, на наш взгляд, возможно по двум направлениям.

Первое направление предполагает использование следующих форм Европейского опыта: 1) использование методик выявления условий и объектов для включения в потенциальные кластеры, применяемые в Европе и используемые управлениями для оценки эффективности функционирования уже созданных кластеров; 2) формирование трансграничных промышленно-инновационных кластеров, в состав которых могут быть включены российские и европейские предприятия (в первую очередь – с Финляндией и странами Прибалтики).

Таблица 1

Факторный анализ использования европейского опыта развития кластеров в России

Факторы, препятствующие использованию европейского опыта развития кластеров в России	Факторы, способствующие использованию европейского опыта развития кластеров в России
1. Качественный разрыв в степени развития инфраструктуры (физической и нефизической). Особое значение имеет недостаточно развитая «мягкая» инфраструктура по финансированию инноваций: – частные и государственные инноваторы; – венчурные фонды; – сети знаний (трансфер технологий, диффузия информации)	1. Универсальность методик идентификации потенциальных кластеров: принцип географической близости предприятий пока является одним из определяющих при планировании развития кластеров в традиционных капиталоемких отраслях. Это предопределяет использования европейского инструментария идентификации потенциальных кластеров и возможности формирования межфирменных сетей кластерного типа вокруг крупных агломераций
2. Недостаточная критическая масса развитого малого и среднего бизнеса в России и его неравномерное распределение по территории страны, в отличие от Западной Европы	2. Наличие крупных производственных предприятий, которые в состоянии стать ядрами протокластеров и сформировать вокруг себя необходимую производственную, информационную и инновационную среду
3. Недостаточная информация о потенциальных инвесторах, поддерживающих структурах, партнерах – отсутствие развитого информационного поля для поиска будущих участников кластера	3. Постепенное формирование нормативно-правовой базы, способствующей развитию инноваций и промышленных кластеров в России на государственном и региональном уровне; определение приоритетных направлений развития российской промышленности на официальном уровне, активная «кластерная риторика» на уровне глав регионов и руководителей предприятий
4. Недостаток знаний по созданию кластеров на макро-, мезо- и микроуровнях и недостаток опыта развития сетевых структур на рыночных принципах – преобладание структур иерархического типа. Дефицит высококвалифицированных управленческих кадров	4. Страны ЕС остаются основными экономическими партнерами России, европейские инвесторы развивают проекты не только в базовых отраслях, но и в секторах с инновационной составляющей

Второе направление использования опыта кластеризации является более трудоемким для российских участников и более рискованным для потенциальных европейских партнеров, однако именно оно позволяет перенимать европейский опыт на основе критерия разумной достаточности и получить российским предприятиям доступ к технологиям управления потоками ресурсов, в т. ч. информации, а европейским компаниям – доступ на емкие российские рынки ресурсов и товаров [1].

Подводя итоги, отметим, что безоговорочное использование европейского опыта в реализации кластерной политики не может быть использовано в полном объеме, поскольку Россия имеет свои особенности, что должно быть учтено, а опыт – соответствующим образом адаптирован.

1. *Рекорд С.И.* Развитие промышленно-инновационных кластеров в Европе: эволюция и современная дискуссия. СПб., 2010.
2. *Третьяк В.П.* Квазиинтеграция – экономическая основа инновационных кластеров предприятий // Альманах Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере «Наука. Инновации. Образование». 2008. Вып. 4. С. 174-192.
3. Advanced Biotech Cluster platforms for Europe. Tools in support of internationalisation of innovative SMEs. Directory of Internationalization

Services (Work Package I). Deliverable 1.3. 2010. June 25. URL: http://www.europeinnova.eu/c/document_library/get_file?folderId=132990&name=DLFE-10371.pdf (accessed: 23.11.2013).

4. BioCat report on the state of biotechnology, biomedicine and medical technology in Catalonia. 1-st ed. December 2009. URL: http://www.biocat.cat/sites/default/files/v4Biocat_Report_2009_en.pdf (accessed: 23.11.2013).

1. *Рекорд С.И.* Развитие промышленно-инновационных кластеров в Европе: эволюция и современная дискуссия. СПб., 2010.
2. *Третьяк В.П.* Квазиинтеграция – экономическая основа инновационных кластеров предприятий // Альманах Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере «Наука. Инновации. Образование». 2008. Вып. 4. С. 174-192.
3. Advanced Biotech Cluster platforms for Europe. Tools in support of internationalisation of innovative SMEs. Directory of Internationalization Services (Work Package I). Deliverable 1.3. 2010. June 25. URL: http://www.europeinnova.eu/c/document_library/get_file?folderId=132990&name=DLFE-10371.pdf (accessed: 23.11.2013).
4. BioCat report on the state of biotechnology, biomedicine and medical technology in Catalonia. 1-st ed. December 2009. URL: http://www.biocat.cat/sites/default/files/v4Biocat_Report_2009_en.pdf (accessed: 23.11.2013).

Поступила в редакцию 12.12.2013 г.

UDC 332.122

ROLE OF TRANS-BORDER PARTNERSHIP IN FORMATION OF EUROPEAN INNOVATION CLUSTERS

Olga Viktorovna SAVINOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor, Candidate for Doctoral Degree, Political Economy and World Global Economy Department, e-mail: olgasavinova@inbox.ru

Elena Aleksandrovna KOLESNICHENKO, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Economics, Professor of Political Economy and World Global Economy Department, e-mail: econom_404@mail.ru

The problems of a large-scale cluster initiative on the basis of analysis of the experience of participation of foreign countries with different levels of development of the national economy are considered. The paper proposes to use in the practice of management of development of the Russian economy experience of European countries on the basis of studies of the main factors that facilitate and impede the implementation of cluster policy. In recent years there has been a gradual development of cross-border cluster initiatives, including among European countries. The process of discussing best practices and innovative development of industrial clusters gradually translate into real co-operation between European clusters in the economic efficiency of the initiatives. Development of common programs and initiatives in the Baltic Sea region, including the idea of forming a single regional brand should promote economic homogenization of space and reducing barriers to integration of existing national clusters. The synergetic processes when creating sustainable synergies between complementary sectors of the same production chain through clusters stimulating innovation, promotes active exchange of information between its members are described. Firms operating in clusters often patent and register their own innovations, as well as tend to perform research in other outsourcing firms, universities, research centers. Key tool to accelerating the development of entrepreneurship, faster search resources, knowledge and technology, as well as ideas that can be transformed into business development is clusters. At the same time the European experience has been and remains a prime example for the Russian economy.

Key words: transnational cluster alliance; macroregion; macrocluster; technology transfer; core proto-cluster; cluster landscape.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ВЕКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

© Ирина Ивановна ФИЛАТОВА

Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Липецк, Российская Федерация, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и финансов, e-mail: Ifil48@mail.ru

Немаловажным направлением деятельности государства является активное взаимодействие всех его органов с институтами гражданского общества. В этом процессе важен контроль со стороны граждан за соблюдением выполнения государственными органами своих обязанностей перед народом, исключение злоупотреблений властью, защита прав и свобод человека и гражданина, согласование общественно значимых интересов общества, его индивидов и государства.

В современных условиях роль и значение общественного контроля многократно возрастают в связи с потребностями модернизации государственного управления, борьбы с коррупцией, повышения качества реализации государственных функций и оказания государственных услуг.

Основной целью данной работы является исследование сущности, функций и методов общественного контроля, субъектов его осуществляющих, а также некоторой практики их применения в сфере гражданского общества современной России. Сделана попытка рассмотреть соотношение понятий «гражданский» и «общественный контроль», выделить некоторые особенности сфер применения гражданского контроля в условиях информатизации и компьютеризации с использованием сайтов, интернет-площадок и порталов различных институтов гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество; государство; гражданский (общественный) контроль; гражданин.

Одна из вечно актуальных тем в российской и мировой практике – проблема эффективности государственного управления – остается нерешенной и в настоящее время. Как показывает история, «государственно-властные институты любой из форм государственного устройства склонны, при отсутствии над ними эффективного контроля, вырождаться и деградировать» [1, с. 13].

На современном этапе проблема осуществления гражданского контроля над органами государственной власти приобретает в российском, мировом научном и общественном дискурсах все большее значение. Причем, если 10–15 лет назад еще существовали дебаты о целесообразности гражданского контроля, то сегодня исследователи и практики едины во мнении, что он является неотъемлемым элементом успешного общественно-экономического и государственного развития. И сейчас в центре внимания общественников находятся вопросы повышения эффективности общественного контроля, его реализации в различных условиях.

В научной литературе сформировались различные подходы к рассмотрению сущности и основных параметров общественного контроля над органами власти.

В докладе Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в России за 2011 г. понятия гражданский и общественный контроль отождествляются и указывается, что «гражданский (или общественный) контроль представляет собой систему мероприятий и мер, осуществляемых по инициативе граждан, направленных на улучшение качества разрабатываемых, принимаемых и реализуемых властных решений, повышение эффективности деятельности органов публичной власти, государственных и муниципальных организаций и учреждений с целью соблюдения общепризнанных норм международного права и национального законодательства указанными органами, организациями и их должностными лицами» [2]. Как отмечает Ю.И. Исакова, в таком отождествлении есть определенные основания, т. к. общественный контроль рассматривается исследователями в качестве одного из направлений жизнедеятельности гражданского общества и важнейшего компонента системы сдержек и противовесов, обеспечивающего стабильность работы государственной машины и создающего иммунитет от коррупции и иных злоупотреблений. В данном понимании общественный контроль, по сути, и есть гражданский контроль, кото-

рый также рассматривается учеными как механизм противодействия и подавления коррупции, выступая одной из функций гражданского общества [3]. Далее учеными пытаются все же несколько развести эти понятия, соглашаясь с позицией В.В. Гончарова и Л.И. Ковалевой, которые под общественным контролем понимают механизм осуществления обществом в целом или его отдельными индивидами учета и оценки формирования и функционирования общественных институтов, включая государственную власть, с целью оптимизации их деятельности, выступающий в роли индикатора определения эффективности и результативности данного воздействия [4].

Таким образом, общественный контроль определяется как более общая дефиниция, нежели гражданский контроль, который нами предлагается рассматривать в качестве вида общественного контроля, ориентированного на надзор определенного сегмента функционирования общества – государственного сектора в сфере взаимодействия между государством и субъектами гражданского общества.

Несмотря на множество определений данного понятия [1, 3–5], большинство современных исследователей сходятся во мнении, что гражданский контроль – это деятельность, прежде всего, институтов гражданского общества и отдельных граждан. Она направлена на установление соответствия действий органов государственной власти нормам законодательства, а также на корректирование выявленных отклонений. Причем корректирующая функция может осуществляться посредством обращения в уполномоченные государственные органы либо к общественному мнению.

Можно утверждать, что гражданский контроль – это способ влиять на власть в общественных интересах. Чем больше гражданского контроля за деятельностью властей, тем качественнее власти обслуживают население. Именно так, потому что государство и создано для того, чтобы «служить» гражданам.

Цель гражданского контроля – создание правового общества, в котором органы власти служат исключительно общественным интересам и в высшей степени ответственны и подконтрольны обществу [1]. Законодательно гражданский контроль в Российской Федерации основывается на ст. 24 и 29 Конституции [6].

На наш взгляд, гражданский контроль – самая простая и самая демократичная форма влияния граждан на власть и неременное условие адекватного функционирования демократического общества.

Основными задачами гражданского контроля являются:

- утверждение демократических принципов и норм политики государства;
- контроль за соблюдением законности в деятельности органов государственной власти всех уровней;
- выработка рекомендаций исполнительной и законодательной власти, направленных на повышение эффективности и прозрачности их деятельности и т. д.

Рассмотрим методы, с помощью которых может осуществляться гражданский контроль.

Основной метод – непосредственное наблюдение (например: на избирательном участке, на призывном пункте, за исполнением судебных процедур, за продажей лекарств и т. д.).

Наблюдение устанавливает:

- либо наличие / отсутствия **деятельности** (например: льготные лекарства в аптеке продают всем обращающимся льготникам; после 22.30 автобусы маршрута № 74 на остановке «Кинотеатр «Кристалл» не останавливались);
- либо наличие / отсутствия **предметов** (например: пандусы для инвалидов перед входами в районные администрации отсутствуют; таблицы с указанием интервалов движения автобусных маршрутов на остановках не висят).

К дополнительным, вспомогательным методам гражданского контроля можно отнести: сбор жалоб; беседы, интервью, фокус-группы; эксперимент (например: общественный наблюдатель пытается попасть на прием к чиновнику; общественный наблюдатель подает заявление в суд и т. п.); анализ простой статистики, не требующей для понимания специальных знаний; сбор вещественных доказательств и др. При этом все наблюдаемое соблюдение / несоблюдение прав и интересов должно строго фиксироваться.

Основной метод фиксации информации, полученной в результате гражданского контроля, – ведение **протокола наблюдения** (протокол по единой установленной организаторами контроля форме; протокол может быть в виде таблицы с указанными парамет-

рами контроля, наблюдатель лишь ставит отметки в графах; протокол может быть в виде вопросника, заполняемого общественным наблюдателем, и т. д.).

Вспомогательные методы фиксации результатов контроля:

- фотографирование, видеозапись объектов, подтверждающих соблюдение / несоблюдение;
- аудиозапись интервью, бесед, жалоб;
- письменные жалобы;
- зарисовки;
- вещественные доказательства соблюдения / несоблюдения.

Рассмотрев методы, отметим, что субъектом гражданского контроля является «общественность – неправительственные объединения и отдельные люди, проявляющие гражданскую сознательность и гражданскую активность» [1, с. 5].

В России на сегодняшний день уже наработана определенная практика создания и функционирования институтов гражданского общества, осуществляющих гражданский контроль. Созданы и региональные общественные палаты, общественные советы при главах субъектов регионов, общественные советы ведомств, которые становятся все более заметными консультативными органами власти с участием общественности. Профессиональные ассоциации еще очень слабы, но они есть и активно ищут возможности для развития.

Как подтверждает практика, деятельность независимых гражданских институтов многими чиновниками рассматривается отрицательно. Они часто относятся к субъектам гражданского контроля (особенно к тем, кто имеет независимую позицию, поддерживает издания независимых СМИ, обладает высоким общественным авторитетом и широкими источниками финансирования, в случае нарушения всегда могут критиковать власти, а также предлагать конструктивные предложения по решению возникающих проблем) как к дисфункциональным элементам, мешающим развитию государства. У активных негосударственных организаций особенно с богатым опытом разрешения конфликтов с государством и осуществления над ним гражданского контроля, как, например, у российских правозащитных организаций и обществ по защите прав потребителей, в крупных городах-мегаполисах могут отнимать занимаемые ими помещения. Иногда

это связано не с осознанными политическими гонениями на оппозиционные гражданские организации, а с повышением требований к эффективности использования муниципальной собственности, а иногда и со стремлением местных администраций наиболее эффективно использовать имеющиеся средства и основные фонды, поскольку негосударственные организации не могут платить за аренду помещения столько же, сколько коммерческие фирмы. Современная власть не доверяет даже наиболее авторитетным гражданским организациям, не зависящим экономически от политических, административных или бизнес-интересов. На практике государство по-прежнему стремится доминировать во всех сферах жизни общества (особенно в таких социально значимых сферах, как здравоохранение, социальное обеспечение и образование), все делать самостоятельно без консультаций с другими сторонами, даже если государственные действия затрагивают автономную гражданскую сферу. Высокий уровень социального недоверия к гражданской деятельности, а также уверенность многих чиновников в том, что гражданские организации в России – это просто еще один способ отмыwania денег и ухода от налогов, приводят к замедлению развития институтов гражданского контроля [7].

В свою очередь, граждане также не доверяют властям. Об этом свидетельствует мнение В. Федорова, который после изучения данных, полученных на основе проведенных его коллегами исследований национальных проектов, указывает, что в обществе «...главная проблема – кризис доверия. Люди привыкли, что за 15 лет реформ государство реально им не помогало. Оно только декларировало святые цели, на практике же делало все наоборот. После каждой реформы появлялась масса пострадавших от перемен людей. И сейчас, что бы власть ни делала, она всегда будет сталкиваться с этим недоверием. Поэтому люди ищут за каждым шагом власти... двойное дно» [8].

Ярким проявлением кризиса доверия являются острые социально-политические конфликты в обществе и отсутствие консенсуса по базовым ценностям и ключевым вопросам дальнейшего развития страны.

Большая часть государственных чиновников не желает отказываться от привычной авторитарной системы управления обществом и расширять сферу гражданской автоно-

мии. Участие в гражданских отношениях в условиях социальной турбулентности и вариативности будущего развития российского государства определяется личными интересами (как правило, коррупциогенного характера). Вероятнее всего, еще длительное время гражданский контроль в российском обществе будет носить ситуационный политический характер и развиваться в зависимости от конъюнктурных интересов тех или иных представителей правящих элит [7].

Хотелось бы отметить, что положительное значение имеет стремительное развитие информационных технологий, их интеграция в общественно-политические процессы. По образному выражению председателя Совета по развитию институтов гражданского общества при Президенте РФ М. Федотова, сегодня человек от государства «находится на расстоянии одного клика». «Для того чтобы человеку идти и организовывать общественную проверку, ему нужно отпрашиваться с работы, тратить время, силы, деньги. Сейчас все это сделать можно гораздо проще. Вполне достаточно, сидя дома, через компьютер зайти на соответствующие сайты, порталы, получить всю необходимую информацию и сделать все запросы, которые необходимы», – считает М. Федотов [9]. Яркими примерами в подтверждение этого мнения могут являться интернет-проекты «РосПил» и «Демократор.ру».

Нам особенно симпатичен интернет-проект «Демократор» [10], который представляет глобальную, универсальную и структурированную площадку публичного и открытого взаимодействия граждан, органов государственной власти и местного самоуправления, организаций гражданского общества.

Целями проекта заявлены:

- обеспечение и защита прав и свобод человека, гражданина и группы граждан, изъявивших желание на публичную и открытую реализацию своего конституционного права распространять информацию любым законным способом (ст. 29 п. 4 Конституции РФ), а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в органы государственной власти и местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ);
- обеспечение прав граждан участвовать в управлении делами государства (ст. 32 п. 1 Конституции РФ);
- содействие становлению институтов гражданского общества путем развития су-

ществующих и формирования новых горизонтальных и вертикальных связей в обществе на основе заложенных в информационной системе «Демократор» механизмов и принципов;

– предоставление гражданам, органам государственной власти и местного самоуправления, общественным организациям, партиям, профсоюзам, средствам массовой информации и другим для принятия поведенческих и управленческих решений информации по опубликованным проблемам, отправленным обращениям, полученным ответам, оценкам этих ответов и т. д., а также аналитической и статистической информации (обобщенной или выборочной) с учетом предусмотренных в «Демократоре» рубрикаторов и их комбинаций.

Общественный контроль может быть эффективным только тогда, когда он находит деятельную поддержку у широких масс населения. Чем больше гражданской активности проявляет население, тем меньше органы власти склонны к злоупотреблениям, и наоборот, поскольку, как известно, «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». Важно осознавать, что каждый ответственен не только за свою деятельность, но и за деятельность своего парламента, правительства, за внешнеполитическую деятельность своего государства. Если высшим должностным лицом государства от имени государства совершаются преступления, то каждый пассивный гражданин становится соучастником этих преступлений. В конечном счете, за эти преступления придется расплачиваться именно гражданам. Так неоднократно происходило в мировой истории, так происходит и в настоящее время. Пассивная политическая позиция для гражданина недопустима, поскольку, как известно, если гражданин не желает заниматься политикой, то вскоре она займется им [1].

В заключение хотелось бы отметить, что, конечно, общественный контроль не может решить всех проблем, но он создает условия для решения многих проблем и выступает действенным инструментом повышения эффективности и «прозрачности» деятельности органов государственной власти. Общественный контроль является определяющим вектором формирования гражданского общества, без которого невозможно построение демократического, правового государства и осу-

ществление модернизации экономики и общества.

1. Гончаров А.А. Сущность и понятие гражданского контроля // Управление общественными и экономическими системами. Электронный журнал. 2011. № 2. URL: <http://umc.gu-unpk.ru/umc/arhiv/2011/2/goncharov.pdf> (дата обращения: 22.11.2013).
2. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации (2011 г.). М., 2012.
3. Исакова Ю.С. Концептуализация понятия «гражданский контроль» в социологическом знании // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 2 (18). С. 147-151.
4. Гончаров В.В., Ковалева Л.И. Об институтах общественного контроля исполнительной власти в Российской Федерации // Власть. 2009. № 1. С. 72-75.
5. Кочева О.Н., Аверкиев И.В. Гражданский контроль: понятия и технологии. URL: http://control.prpc.ru/techn_03.shtml (дата обращения: 22.11.2013).
6. Конституция РФ. URL: <http://www.rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html> (дата обращения: 22.11.2013).
7. Исакова Ю.И. Факторы формирования современных институтов гражданского контроля в России. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-8-2011/sociology/isakova.pdf> (дата обращения: 22.11.2013).
8. Колесниченко А. Социолог Валерий Федоров «В отношениях народа и власти – кризис доверия» // Новые известия. 2006. 17 марта.
9. Иваненко И. Общественный контроль над органами власти в РФ: актуальные проблемы и перспективы реализации. URL: <http://strategiya-pmr.ru/?p=1191> (дата обращения: 22.11.2013).
10. Сайт интернет-проекта «Демократор». URL: <http://www.democrator.ru> (дата обращения: 22.11.2013).

1. Goncharov A.A. Sushchnost' i ponyatie grazhdanskogo kontrolya // Upravlenie obshchestvennymi i ekonomicheskimi sistemami. Elektronnyy zhurnal. 2011. № 2. URL: <http://umc.gu-unpk.ru/umc/arhiv/2011/2/goncharov.pdf> (data obrashcheniya: 22.11.2013).
2. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii (2011 g.). M., 2012.
3. Isakova Yu.S. Kontseptualizatsiya ponyatiya "grazhdanskiy kontrol'" v sotsiologicheskoy znaniy // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2013. № 2 (18). S. 147-151.
4. Goncharov V.V., Kovaleva L.I. Ob institutakh obshchestvennogo kontrolya ispolnitel'noy vlasti v Rossiyskoy Federatsii // Vlast'. 2009. № 1. S. 72-75.
5. Kocheva O.N., Averkiev I.V. Grazhdanskiy kontrol': ponyatiya i tekhnologii. URL: http://control.prpc.ru/techn_03.shtml (data obrashcheniya: 22.11.2013).
6. Konstitutsiya RF. URL: <http://www.rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html> (data obrashcheniya: 22.11.2013).
7. Isakova Yu.I. Faktory formirovaniya sovremennykh institutov grazhdanskogo kontrolya v Rossii. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-8-2011/sociology/isakova.pdf> (data obrashcheniya: 22.11.2013).
8. Kolesnichenko A. Sotsiolog Valeriy Fedorov "V otnosheniyakh naroda i vlasti – krizis doveriya" // Novye izvestiya. 2006. 17 marta.
9. Ivanenko I. Obshchestvennyy kontrol' nad organami vlasti v RF: aktual'nye problemy i perspektivy realizatsii. URL: <http://strategiya-pmr.ru/?p=1191> (data obrashcheniya: 22.11.2013).
10. Sayt internet-proekta "Demokrator". URL: <http://www.democrator.ru> (data obrashcheniya: 22.11.2013).

Поступила в редакцию 17.12.2013 г.

UDC 316.35+330.3

PUBLIC CONTROL AS VECTOR OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

Irina Ivanovna FILATOVA, Lipetsk Branch of Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Lipetsk, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of Economics and Finance Department, e-mail: Ifil48@mail.ru

One of the important directions of the state action is active interaction of all its bodies with the institutes of the civil society. In this process the control of the citizens for the fulfillment of state body's duties in front of the people is very important, abuse of power elimination, people rights and freedom protection, co-ordination of generally important society interests, its individuals and the state.

In the modern condition the role and the importance of the public control increases frequently thanks to the demands of state management modernization, corruption struggle, and quality improve of the state functions realization and rendering of the state service.

The main goal of the present issue is the meaning research, functions and methods of the public control, subjects of its realization as well as some practice of its implementation in the sphere of the civil society in the modern Russia. The attempt is made to examine the correlation of the meaning "civil" and "public control", to mark out some particularities of the application spheres of the public control in the condition of information and computerization using the websites, internet-platform and websites of different institutes of the civil society.

Key words: civil society; state; public control; citizen.

КРЕАТИВНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

© Татьяна Владимировна КАСАЕВА

Пятигорский государственный лингвистический университет,
г. Пятигорск, Российская Федерация, кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории, e-mail: kasaeva@pglu.ru

© Татьяна Анатольевна БОНДАРСКАЯ

Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры сервиса и маркетинга, e-mail: ovbtgtu@mail.ru

В отличие от традиционных подходов к исследованию человеческого капитала, в качестве основного критерия отнесения трудовых способностей индивида к человеческому капиталу предложена креативность как основной когнитивный метод интеллектуального труда, нацеленного на выполнение ценной, оригинальной работы и предполагающего развитие в индивиде таких когнитивных способностей, как метафорическое мышление, синтез, творческий подход к решению задач и дивергентное мышление.

В качестве ключевой характеристики человеческого капитала выступает процесс постоянного обновления неявного знания индивида (опыта, мастерства, культуры профессионального мышления, интуиции), являющегося результатом синтеза генетической наследственности, образования и приобретенного жизненного опыта. Перманентный процесс обновления неявного знания выступает необходимым условием расширенного воспроизводства человеческого капитала.

Выявлено, что в условиях постиндустриализма индивидуальный человеческий капитал представляет собой динамичный процесс расширенного воспроизводства, что обуславливает качественные различия парадигмальных матриц человеческого капитала в постиндустриальном и индустриальном способах производства.

Ключевые слова: человеческий капитал; креативный труд; постиндустриальный способ производства; интеллект; неявные знания.

Теория человеческого капитала имеет длительную историю и развивается параллельно с цивилизационными концепциями XX – начала XXI в.

Представителями классической политической экономии – У. Петти, А. Смитом, Д. Рикардо, Т. Мальтусом, Дж.С. Миллем – были заложены основания теории воспроизводства рабочей силы, которые получили целостное идейное выражение в политической экономии К. Маркса, рассматривающего человеческие способности с точки зрения производительных сил общества, выступающих основой общественного производства.

На рубеже XIX–XX вв. в мировой экономической мысли сформировался ряд направлений и школ, представители которых – Л. Вальрас, Дж.М. Кларк, Г. Маклеод, Дж. Мак-Куллох, И. Фишер – в рамках более общих концепций рассматривали человека или его способности как капитал.

У истоков теории человеческого капитала в ее современном виде стояли американские экономисты Т. Шульц, Г. Беккер и Дж. Минцер, Б. Вейсборд, Л. Туроу, англий-

ские ученые У. Боуэн, М. Фишер и Дж. Вэйзи, исследовавшие человеческий капитал с точки зрения совокупности всех производительных качеств работника.

К концу XX в. теория человеческого капитала получает свое признание присуждением Нобелевской премии по экономике Теодору Шульцу – в 1979 г. и Гэри Беккеру – в 1992 г. Несмотря на то, что в зарубежной экономической мысли отсутствует единый подход к исследованию человеческого капитала, отличительной особенностью дальнейшей разработки теории И. Бен-Порэтом, М. Блаугом, С. Боулсом, Э. Денисоном, Дж. Кендриком, Л. Лейардом, Ф. Махлупом, Ф. Уэлчем, Л. Хансеном, Б. Чизвиком и другими экономистами является «инвестиционная» трактовка человеческого капитала.

На микроуровне ключевая проблема исследования человеческого капитала состояла в оценке эффективности инвестиций в различные его компоненты, на макроуровне – в оценке влияния инвестиций в способности человека на экономический рост.

В советский период политико-экономические и прикладные вопросы, связанные с трудовыми отношениями, воспроизводством рабочей силы, трудовой мотивацией являлись предметом фундаментальных научных исследований, среди которых можно выделить работы Г.С. Вечканова, Е.Я. Ельмеева, А.Э. Котляра, Е.Л. Маневича, М.Я. Сониной, С.Г. Струмилина.

Среди российских экономистов, связанных с разработкой теории человеческого капитала, следует выделить многолетние исследования научной группой Р.И. Капелюшниковых различных аспектов проблемы влияния человеческого капитала на экономический рост и его трансформации в российском обществе, работы А.Ю. Давыдова, А.И. Добрынина, С.А. Дятлова, И.В. Ильинского, Ю.А. Корчагина, М.М. Критской, С.А. Курганского, И.А. Майбурова, В.И. Марцинкевича и мн. др.

В настоящем исследовании человеческого капитала исходной отправной точкой послужила категория «производительные силы», которая выражает первичное начало в системе социально-экономических отношений, а трудовой потенциал человека и общества, наращивание производительной силы человека являются определяющим фактором экономического роста в условиях отдельно взятого технологического базиса.

Дуализм общественной роли трудового ресурса в общественной производительной комбинации обусловлен тем, что:

1) прогресс всей производительной комбинации и каждого ресурса в отдельности возможен только за счет трудового ресурса, в силу своей природы обладающего специфической динамикой, которой нет у земли, капитала и информации; также как и самоорганизация, характеризующая человека с его способностями к производительному труду, не свойственна другим ресурсам;

2) участие человека в общественной производительной комбинации в качестве носителя трудовых способностей на протяжении развития цивилизации и смены технологических укладов претерпевает изменение, связанное с сокращением физических, мускульных усилий и с нарастанием психоэмоциональных, интеллектуальных, творческих компонентов.

О кардинальных сдвигах в производительных силах через пропорции капиталовложений за последние столетия свидетельствуют следующие данные: в XVIII в. в общей массе системы – совокупного капитала – доля человеческого капитала оценивалась в 10 %, в начале XX в. поднялась до 33 %, во второй половине XX в. она перевесила физический капитал и в виде накопленных инвестиций в совокупном фонде капитализированных расходов на развитие поднялась в 1997–1998 гг. до 67–69 % (в США до 74–76 %) и до 80 % в начале XXI в. (табл. 1) [1].

Отмеченная трансформация трудового ресурса позволяет составить характеристику постиндустриального способа производства, представляющего систему отношений, основанных на человеческом капитале как основном элементе производительных сил, реализующемся в интеллектуальном труде, которая включает в себя:

1) способ соединения средств производства и трудового ресурса, т. е. трудовые или организационно-экономические отношения, отличительной особенностью которых в «новой» экономике выступает соединение трудового ресурса в форме человеческого капитала со средствами производства посредством информационных технологий, что позволяет определять этот тип трудовых отношений как интеллектуально-информационный труд;

Таблица 1

Оценки изменения структуры совокупного капитала в странах Запада, %

Капитал	1800 г.	1860 г.	1913 г.	1950 г.	1973 г.	1997–1998 гг.	Начало XXI в.
Физический	78–80	77–79	67–69	52–53	43–44	31–33	20
Человеческий	20–22	21–23	31–33	47–48	56–57	67–9	80

2) способ управления процессом производства – отношения управления, которые в

силу качественных особенностей интеллектуального труда в информационной среде

основаны на самоуправляющихся сетевых организационных единицах, вытесняющих иерархическое корпоративное управление гибкими проектными группами с креативным началом (рис. 1).

При этом критерии для выделения в творческом труде информационного компонента (и, соответственно, в социальной структуре – новых социально-профессиональных слоев среднего класса) таковы: наличие особенно ценных для экономики и общества знаний и навыков, прежде всего, навыков работы с ИТ; перманентное повышение квалификации и обновление неявных знаний; способность работника самостоятельно ставить себе задачи, переключаться на различные виды деятельности; высокая профессиональная автономность.

В условиях постиндустриализма индивидуальный человеческий капитал представляет собой динамичный процесс расширенного воспроизводства и обуславливает качественное различие парадигмальных матриц

человеческого капитала в постиндустриальном способе производства, основанном на творческом труде, и рабочей силы в индустриальном способе производства, основанном на шаблонном труде.

На основе гипотезы о динамичной природе индивидуального человеческого капитала и исследования характера исторических изменений, происходящих с трудовыми ресурсами, нами предложена сравнительная парадигмальная матрица, отражающая качественную определенность и динамику человеческого капитала индивида (табл. 2).

В современных условиях постиндустриализации человеческий капитал индивида представляет собой динамичную, самоорганизующуюся систему, в которой компоненты человеческого капитала из структурных трансформируются в структурно-процессные: процесс воспроизводства здоровья, процесс самообразования, процесс двухстороннего взаимодействия с социумом, а также процесс обновления информации.

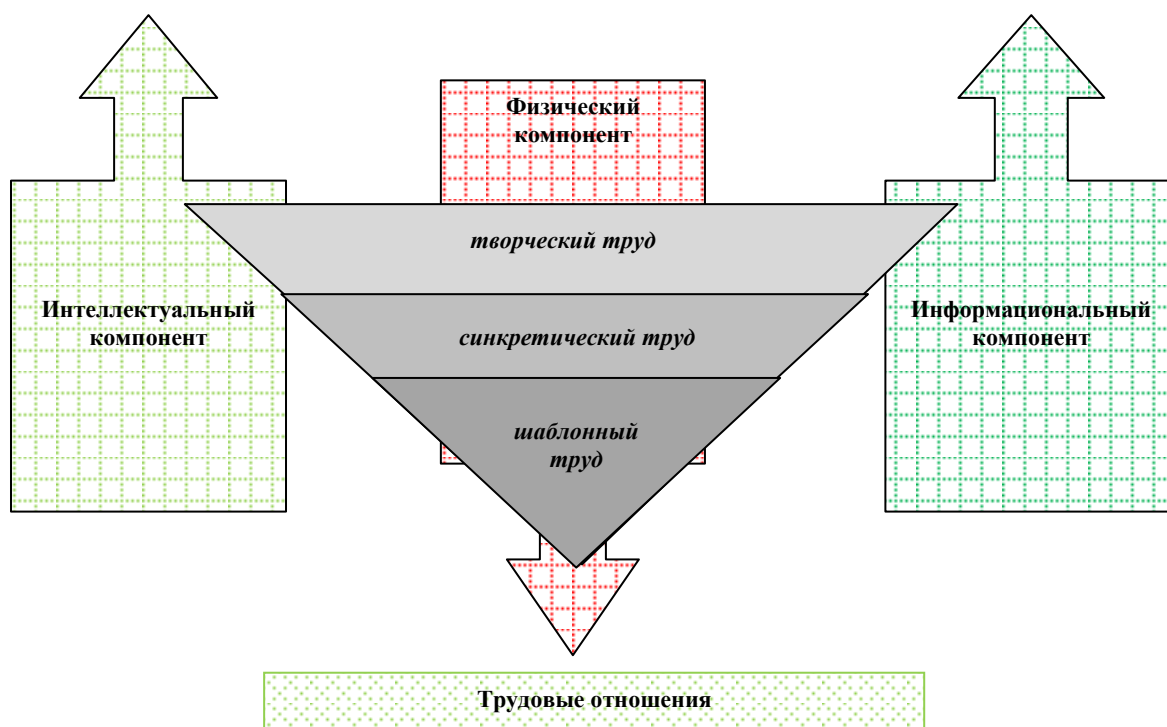

Рис. 1. «Перевернутая» пирамида трудовых отношений постиндустриального способа производства

Креативная природа человеческого капитала нашла свое отражение в онтологической концептуализации, специфицирующей человеческий капитал в наиболее общих понятиях

«сознание – интеллект – знание». При этом категория «интеллект», операциональная система, интегрирующая все формы (инстинкты, навыки, восприятие, интуицию) взаимодейст-

вия «субъект – среда» и представляющая собой преднамеренное и сознательное использование разума для эффективной деятельности индивида в условиях изменяющейся внешней среды и внутренних трансформаций, составляет онтологическое ядро индивидуального человеческого капитала.

Все жизненные ресурсы индивида, его биофизические свойства и психологический потенциал самоорганизуются в процессе жизнедеятельности индивидов на основе ин-

теллекта, основные функции которого представлены в табл. 3.

С точки зрения общественного и индивидуального воспроизводства человеческого капитала существенно то, что интеллект соответствует биосоциальной природе человека и, по мнению различных гуманитарных наук (психологии, социологии), его уровень в равной степени определяется как генетическими, так и социокультурными факторами [2, с. 74].

Таблица 2

Сравнительная парадигмальная матрица индивидуального человеческого капитала

Индустриальная экономика	Постиндустриальная экономика
Запасы здоровья – физическое здоровье как постоянно сокращающийся запас	Здоровье как процесс воспроизводства физического и психического здоровья на основе: здорового образа жизни, охраны окружающей среды, этически приемлемого влияния на генетические факторы, лечебно-профилактической и амбулаторной деятельности органов и учреждений здравоохранения
Запасы знаний и навыков – статический объем знаний и сформированных навыков, необходимых для трудовой деятельности	Образование – непрерывный процесс получения знаний через самообразование, через креативное и инновационно-ориентированное развитие индивида
Социокультурный компонент – общие требования к внешнему виду и поведению индивида в обществе	Социокультурный компонент – процесс двустороннего взаимодействия человека с социумом, в результате чего формируется имидж, коммуникативные навыки, деловые связи и мировоззрение
Экономически значимая информация – информация о доходах и ценах	Информация – постоянный процесс обновления всех видов информации, необходимой для эффективной экономической деятельности через глобальную сеть Интернет

Таблица 3

Основные функции интеллекта [3, с. 6]

Когнитивный процесс	Содержание функции
Комплексное восприятие	Целостное восприятие порядка и смысла, лежащих в основе систем (включая космос)
Определение местоположения	Определение местоположения важных объектов; локализация информации и данных для исследования; идентификация релевантных людей и мест
Диагностика	Диагностика медицинских и технических проблем, угроз безопасности, здоровью и окружающей среде, источников человеческих ошибок. Духовный и психологический самоанализ
Оценка / выбор	Оценка альтернативных вариантов конструкции и дизайна, выбор направлений инвестиций, исследовательской стратегии, технологических альтернатив, оценка жизни, карьеры и выбор партнеров
Предвидение (Форсайт)	Предвидение природных бедствий, политических условий, развития технологий, факторов детериорации, инвестиционных возможностей. Определение последствий выбора
Креативность и инновации	Стимулирование своего вдохновения и творческой продуктивности

В онтологии индивидуального человеческого капитала как абстрактном обобщенном представлении его бытия наиболее спорным элементом концептуализации, на наш взгляд, выступает иерархия категорий «знания» и «информация». Дискуссионным остается не

содержание понятий «информация» и «знания» (в этом вопросе наблюдается определенное единство позиций), но вопрос о том, что играет первостепенную роль в современном обществе – информация или знания.

С одной стороны, представляется, что наибольшую роль в общественной жизни играет именно информация, в т. ч. институционализированная в нематериальных активах, лицензиях, патентах, технологиях, ноу-хау и т. п. [4]. С другой стороны, именно знание как структурированная система абстрактных представлений конкретного человека, а не информация определяет качество человеческого капитала.

Социальные издержки современного информационного общества, которые уже проявляются в модификации социальной структуры, наглядно демонстрируют влияние Интернета на массового потребителя, который, будь то школьник, студент или домохозяйка, черпает из сети информацию, редко обладая знаниями, необходимыми для ее применения.

В определенной мере эта дискуссия разрешается посредством дифференциации категории «знания» на *явные* и *неявные знания* (опыт, мастерство, культура мышления, интуиция, хранящиеся в нейронных структурах головного мозга как результат генетической наследственности, образования и приобретенного жизненного опыта) [5, с. 16].

Перманентное обретение новых знаний и навыков и освоение новшеств является необходимым требованием трудовых отношений в «новой» экономике, и происходит оно, как свидетельствуют социологические исследования, посредством обучения на рабочем месте, а не формального образования [6].

Таким образом, в современном историческом контексте, во-первых, информация становится главным объектом экономических отношений; во-вторых, сами экономические отношения интернационализируются под влиянием глобальных трансформаций; в-третьих, происходит сложный, противоречивый процесс трансформации характера соединения работника со средствами производства, выраженный едва очерченными

контурами «*homo kreator*» – человека творческого – модели, замыкающей на себе цивилизационные трансформации, связанные со становлением новой, постиндустриальной экономики.

1. *Щетинин В.П.* Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 12. С. 42-49.
2. *Deary I.* Intelligence: A Very Short Introduction. N. Y., 2001.
3. *Энтони М.* Рубежи теории интеллекта // *Форсайт*. 2007. Т. 1. № 4. С. 4-18.
4. *Тапскотт Д., Уильямс Д.* Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. N. Y., 2009.
5. *Тузовский А.Ф., Чириков С.В., Ямпольский В.З.* Системы управления знаниями (методы и технологии) / под общ. ред. В.З. Ямпольского. Томск, 2005.
6. *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012.

1. *Shchetinin V.P.* Chelovecheskiy kapital i neodnoznachnost' ego traktovki // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2001. № 12. S. 42-49.
2. *Deary I.* Intelligence: A Very Short Introduction. N. Y., 2001.
3. *Entoni M.* Rubezhi teorii intellekta // *Forsayt*. 2007. Т. 1. № 4. S. 4-18.
4. *Tapskott D., Uil'yams D.* Vikinomika. Kak massovoe sotrudnichestvo izmenyaet vse. N. Y., 2009.
5. *Tuzovskiy A.F., Chirikov S.V., Yampol'skiy V.Z.* Sistemy upravleniya znaniyami (metody i tekhnologii) / pod obshch. red. V.Z. Yampol'skogo. Tomsk, 2005.
6. *Shkaratan O.I.* Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real'nost'. M., 2012.

Поступила в редакцию 14.12.2013 г.

UDC 330

CREATIVE HUMAN CAPITAL AS DRIVING FORCE OF MODERN ECONOMY

Tatyana Vladimirovna KASAYEVA, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor of Economic Theory Department, e-mail: kasaeva@pglu.ru

Tatyana Anatolyevna BONDARSKAYA, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Candidate of Education, Associate Professor of Service and Marketing Department, e-mail: ovbtgtu@mail.ru

Unlike traditional approaches to the study of human capital as the main criterion for inclusion of labor abilities of the individual human capital the creativity as the main method of cognitive intellectual work aimed to perform valuable, original

work and to develop in the individual cognitive abilities such as metaphorical thinking, synthesis, creative approach to problem solving and divergent thinking is offered.

Continuously updating process of the individual tacit knowledge (experience, skill, culture, professional thinking, and intuition) acts as a key feature of human capital which is the result of the synthesis of genetic inheritance, education and life experience. Permanent updating process of tacit knowledge is a necessary condition of expanded reproduction of human capital.

It is disclosed that under the conditions of post-industrialism individual human capital is a dynamic process of expanded reproduction, resulting in qualitative differences paradigmatic matrix of human capital in the post-industrial and industrial production methods.

Key words: human capital; creative work; post-industrial mode of production; intelligence; tacit knowledge.

ИЗМЕНЕНИЕ В СИСТЕМЕ НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

© Ирина Ивановна ФИЛАТОВА

Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Липецк, Российская Федерация, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и финансов, e-mail: Ifil48@mail.ru

© Владислав Михайлович ЮРЬЕВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор экономических наук,
профессор, ректор, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
e-mail: rector@tsu.tmb.ru

Исследуются вопросы согласования интересов индивида и государства в сфере налоговой системы на различных уровнях взаимодействия.

В гражданском обществе консенсус интересов государства и налогоплательщиков является важнейшей доминантой процесса формирования эффективной и справедливой системы налогообложения.

Построение гражданского общества предполагает изменение парадигмы налоговых отношений. Сущностное содержание этих отношений в гражданском обществе меняется пирамидально. Государство становится не доминантом, а гарантом обеспечения конституционных прав и свобод граждан, вследствие этого одним из основополагающих принципов гражданского общества становится реализация механизма социально-справедливого налогообложения. Суть этого отношения заключается в его осознанно добровольном характере, позволяющем одновременно обеспечить защиту социально-правовых гарантий субъектов гражданского общества и их производственно-экономическую активность. Исполнение конституционных обязанностей гражданина по уплате законно установленных налогов и сборов предполагает их гарантированные права на реализацию всего спектра своих интересов для раскрытия созидательного потенциала личности и обеспечения достойных условий цивилизованной жизни.

Деятельность институтов гражданского общества рассматривается как важнейший фактор достижения паритета интересов государства и граждан-налогоплательщиков на пути построения эффективной и справедливой налоговой системы.

Ключевые слова: государство; институты гражданского общества; интересы; налогоплательщик; налоговая система.

Формирование эффективной и справедливой системы налоговых отношений в нашей стране является одной из определяющих экономических проблем, имеющих общенациональное значение в условиях всесторонней модернизации России. От ее разрешения зависят реальные возможности экономического роста и социального развития государства, успешная реализация государственной власти и интенсивность формирования гражданского общества.

В современном обществе регулирование налоговых отношений, как, впрочем, и любых отношений и взаимодействий, невозможно основывать на некоем «бессубъектном» экономическом или организационном подходе, рассматривающем человека как инструмент, средство решения производственных задач. В теории и практике управления настойчиво укореняется убеждение в том,

что стратегия развития в экономической, социальной, политической и культурной сферах должна строиться сообразно потребностям, желаниям и способностям человека. Эта новая парадигма основывается на предпосылке, что человек – это не объект, а субъект управления, что, в свою очередь, обуславливает необходимость комплексного подхода к преодолению проблем, следующих из нарушения социально-экономических отношений [1, с. 158].

Важнейшим условием в процессе формирования оптимального налогообложения является соблюдение баланса между финансовыми интересами государства и налогоплательщиков. С одной стороны, это означает, что суммы денежных средств, законно изымаемых в пользу государства, не должны достигать размеров, при которых значительно ухудшалось бы материальное положение

физических лиц и организаций, нарушались бы права и свободы человека, принципы государственной политики, провозглашенные Конституцией РФ. С другой стороны, суммы изъятий должны быть не ниже размеров, необходимых для реализации основных задач и функций государства, в первую очередь для осуществления мер социальной политики. Таким образом, необходимость поддержания указанного соотношения интересов обусловлена природой взаимоотношений индивида, общества и государства. Нарушение баланса, в зависимости от его степени, в перспективе может повлечь экономическую и социальную напряженность в стране [2].

Принцип сочетания интересов государства и субъектов налоговых отношений регулируется налоговой политикой государства, определяемой совокупностью мер по установлению новых и отмене действующих налогов и других обязательных платежей в бюджет, изменению ставок, объектов налогообложения и объектов, связанных с налогообложением, налоговой базы по налогам и другим обязательным платежам в бюджет в целях обеспечения финансовых потребностей государства на основе соблюдения баланса экономических интересов государства и налогоплательщиков.

Так, в Основных направлениях налоговой политики Российской Федерации на 2013 г. и на плановый период 2014 и 2015 гг. и Основных направлениях налоговой политики Российской Федерации на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг. [3–5] указывается, что в среднесрочной перспективе приоритеты Правительства Российской Федерации в области налоговой политики направлены на создание эффективной и стабильной налоговой системы, обеспечивающей бюджетную устойчивость государства. Основными целями налоговой политики на современном этапе являются поддержка инвестиций, а также стимулирование инновационной деятельности и развития человеческого капитала.

Содержанием налоговой политики в среднесрочной перспективе является определенный налоговый маневр, который будет заключаться в снижении налоговой нагрузки на труд и капитал и ее повышении на потребление, включая дорогую недвижимость, на рентные доходы, возникающие при добыче природных ресурсов, а также в переходе к новой системе налогообложения недвижимого имущества.

В части мер налогового стимулирования планируется внесение изменений в законодательство о налогах и сборах по следующим направлениям:

- 1) поддержка инвестиций и развития человеческого капитала;
- 2) совершенствование налогообложения при операциях с ценными бумагами и финансовыми инструментами срочных сделок, а также иных финансовых операциях;
- 3) совершенствование специальных налоговых режимов для малого бизнеса;
- 4) развитие взаимосогласительных процедур в налоговых отношениях [3].

Что касается непосредственно сферы налоговых отношений, являющейся объектом управления посредством налоговой политики, то она относится к числу сфер прямого соприкосновения экономических интересов государства и хозяйствующих субъектов, при этом по своей природе предполагает наличие конфликта между этими интересами.

Налоги по своей экономической сути представляют источник доходов государства (поэтому государство напрямую заинтересовано в увеличении их объема), тогда как для налогоплательщика налоги – это неэффективное расходование средств, тормоз экономического развития, вследствие чего налогоплательщик заинтересован в снижении их объемов. Таким образом, интересы государства и налогоплательщика изначально противоположны, в связи с чем единственная возможность установления равновесного состояния в данной области заключается в поиске компромисса экономических интересов обеих сторон [6].

Взаимодействие интересов индивида и государства в сфере налоговых отношений может осуществляться на различных уровнях (рис. 1): на уровне всего общества (федеральный, региональный и местный через реализацию основных направлений налоговой политики), на уровне производственно-организационной единицы (бизнеса) и на уровне индивида как гражданина (когда обязанность по уплате налога, законно установленного государством, становится и правом индивида, т. к. этим самым он обеспечивает материальную составляющую гарантии своей свободы и максимальную реализацию своих экономических, социальных, политических, культурных и других интересов). Следует учитывать, что эти три уровня работают совокупно, что, в конечном счете, спо-

способствует высокоэффективной реализации творческого и трудового потенциала, развитию личности в условиях формирования гражданского общества в России.

Налоговая система – это то, что связывает власть и общество, государство и гражданина. Налоговая система – это инструмент или механизм общественного договора, на котором вообще строятся все отношения общества и власти. Как следует из теории «общественного договора» (социального контракта), агенты взаимодействуют друг с другом на основе взаимовыгодных транзакций, когда действие каждой стороны вознаграждается. Индивиды и их группы продолжают те отношения, в которых получают желаемое, то, к чему стремятся. Следовательно, единственным нормальным обществом может быть общество налогоплательщиков, в котором люди понимают, сколько и за что они платят, поэтому необходимым условием построения и эффективного функционирования системы налоговых отношений является восстановление доверия населения к государству, его экономической и социальной политике, органам государственного управления всех уровней, реализующих эту политику, в т. ч. и к налоговым органам [7]. Что осуществимо, во-первых, путем усиления продуктивной роли государства, улучшения качества общественных благ. Максимального эффекта в этом отношении позволяют достичь универсальные общественные блага, которые имеют наибольший ареал действия, и их эффект могут ощутить все граждане, – это развитое образование, здравоохранение, высокая безопасность, хорошая инфраструктура и другие блага, обеспечивающие высокие социальные стандарты. Во-вторых, путем развития институтов гражданского общества как важнейших факторов, способствующих повышению качества общественного контроля за расходованием бюджетных средств, а также росту гражданского самосознания индивидов.

Уплата налогов – не только обязанность граждан, но и особая форма их участия в управлении государством. Государство должно ответственно относиться к расходованию общего достояния – государственного бюджета. В условиях гражданского общества каждый гражданин имеет конституционное право знать, насколько эффективно государство формирует и расходует средства государственного бюджета [8].

Следует повышать уровень правового сознания налогоплательщиков и формировать налоговую культуру. Все это в конечном итоге приведет к созданию общественного контроля за деятельностью органов государственной власти по управлению средствами государственного бюджета, механизма общественной поддержки государственных усилий по совершенствованию бюджетно-финансовой сферы и формированию единой системы государственного финансового контроля. Что, в свою очередь, будет способствовать формированию эффективной налоговой системы, которая обеспечила бы не только поступление доходов в бюджет, но и свободное развитие экономики.

Необходимым условием построения справедливой и эффективной налоговой системы является гармонизация налоговых отношений, достижение паритета интересов государства и граждан-налогоплательщиков. При этом паритет интересов в данном случае означает законодательно закрепленное состояние – оптимальный режим жизнедеятельности индивида, государства и гражданского общества, выражающий учет и объективно-необходимое соотношение экономически значимых интересов участников налоговых отношений, направленный на создание надлежащих условий их благоприятного экономического развития и взаимодействия, реализация которого обеспечена возможностью государственно-законодательного воздействия и контрольными функциями институтов гражданского общества.

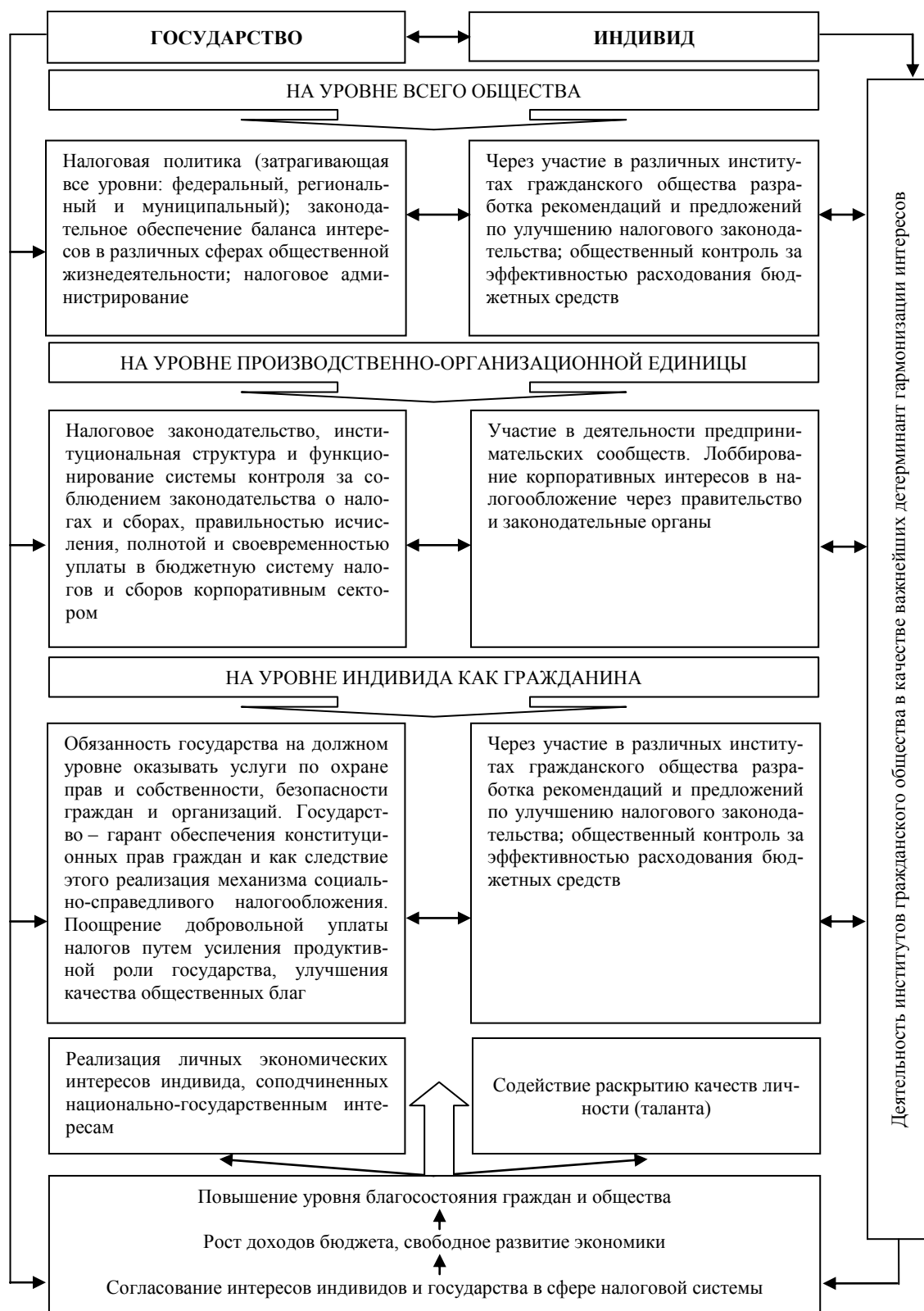

Рис. 1. Уровни взаимодействия индивида и государства в сфере налоговой системы

Налоговые отношения с фискальным вектором существовали в условиях эксплуататорских обществ, будут существовать и в

условиях гражданского общества, однако в условиях гражданского общества сущностное содержание этих отношений изменяется

пирамидально. Принципиальное значение имеет тот факт, что в условиях гражданского общества государство становится не доминантом, а гарантом обеспечения конституционных прав граждан, вследствие этого одним из основополагающих принципов гражданского общества становится реализация механизма социально-справедливого налогообложения. Суть этого отношения заключается в его осознанно добровольном характере, позволяющем одновременно обеспечить защиту социально-правовых гарантий субъектов гражданского общества и их производственно-экономическую активность. Все это требует при формировании гражданского общества в России поэтапного эволюционного характера преобразований налоговых отношений, направленного на изменение их сущности и идеологии. Являясь неотъемлемой обязанностью члена гражданского общества, уплата налога, установленного государством, становится и правом индивида, т. к. этим самым он обеспечивает материальную составляющую гарантии своей свободы и максимальную реализацию своих экономических, социальных, политических, культурных и других интересов.

1. *Санина А.Г.* Уклонение от уплаты налогов как проблема социального управления. Москва; Санкт-Петербург, 2009.
2. *Суляева Д.Д.* Налоговые вычеты как механизм обеспечения баланса интересов государства и налогоплательщиков // Финансовое право. 2011. № 6. С. 32-36.
3. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2012 г. и на плановый период 2013 и 2014 гг. URL: <http://www.minfin.ru> (дата обращения: 06.11.2013).
4. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2013 г. и на плановый период 2014 и 2015 гг. URL: <http://www.minfin.ru> (дата обращения: 07.11.2013).

5. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг. URL: <http://www.minfin.ru> (дата обращения: 07.11.2013).
6. *Юрзинова И.Л.* Налоговая политика как инструмент управления социально-экономическим развитием Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра эконом. наук. М., 2009.
7. *Филатова И.И.* Налоговые отношения в гражданском обществе // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2011. № 12. С. 261-266.
8. *Канатик Н.* Плати и контролируй // Российская газета (федеральный выпуск). 2006. 8 дек.

-
1. *Sanina A.G.* Uklonenie ot uplaty nalogov kak problema sotsial'nogo upravleniya. Moskva; Sankt-Peterburg, 2009.
 2. *Sulyaeva D.D.* Nalogovye vychety kak mekhanizm obespecheniya balansa interesov gosudarstva i nalogoplatel'shchikov // Finansovoe pravo. 2011. № 6. S. 32-36.
 3. Osnovnye napravleniya nalogovoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 2012 g. i na planovyy period 2013 i 2014 gg. URL: <http://www.minfin.ru> (data obrashcheniya: 06.11.2013).
 4. Osnovnye napravleniya nalogovoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 2013 g. i na planovyy period 2014 i 2015 gg. URL: <http://www.minfin.ru> (data obrashcheniya: 07.11.2013).
 5. Osnovnye napravleniya nalogovoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 2014 g. i na planovyy period 2015 i 2016 gg. URL: <http://www.minfin.ru> (data obrashcheniya: 07.11.2013).
 6. *Yurzinova I.L.* Nalogovaya politika kak instrument upravleniya sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra ekonom. nauk. M., 2009.
 7. *Filatova I.I.* Nalogovye otnosheniya v grazhdanskom obshchestve // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. Tambov, 2011. № 12. S. 261-266.
 8. *Kanatik N.* Plati i kontroliruy // Rossiyskaya gazeta (federal'nyy vypusk). 2006. 8 dek.

Поступила в редакцию 11.12.2013 г.

UDC 336.22

THE CHANGE IN THE SYSTEM OF TAX TREATMENT UNDER THE CONDITIONS OF CIVIL SOCIETY FORMATION IN RUSSIA

Irina Ivanovna FILATOVA, Lipetsk Branch of Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Lipetsk, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of Economics and Finance Department, e-mail: Ifil48@mail.ru

Vladislav Mikhailovich YURYEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Professor of Political Economy Rector, Honoured Worker of Science of Russian Federation, e-mail: rector@tsu.tmb.ru

The questions of the congruence of an individual and the state interests in the area of tax system on different cooperation levels are analyzed. The activities of the civil society institutions are considered as the most important factor for reaching the parity of the state and citizens interests as taxpayers on the way of building an effective and fair tax system.

It is supposed that civil society building changes the paradigm of the tax relations. The essence content of these relations in the civil society bears a pyramidal changing. The state is becoming not a dominant but a guarantor of constitutional rights and freedom supplier for the citizens. As a result one of the mainframe principles of the civil society becomes a realization of the social and fair taxation mechanism. The essence of this relation is realized voluntary character, which allows supplying simultaneously the defense of social and legal guarantees of the civil society subjects and their production and economic activity.

The execution of constitutional responsibilities of the citizen for payment of legally established taxes and duties supposes their guarantee rights for the realization of the whole spectrum of the interests for the disclosure of creative individual potential and supplying the deserved conditions of the civilized life.

The institutes' activity of the civil society is considered to be a main factor of the parity interests' achievement between the state and citizen as a tax payer on the way of the effective and fair tax system building.

Key words: state; civil society institutions; interests; taxpayer; tax system.

УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© Сергей Александрович МЕШКОВ

Российский государственный аграрный заочный университет,
г. Балашиха, Московская область, Российская Федерация,
кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой финансы,
e-mail: meshkov07@mail.ru

В современной российской экономике существует ряд проблем, связанных с обеспечением экономической безопасности в сфере земельных отношений, одним из основных элементов которого является выявление угроз, от своевременности выполнения которого зависит эффективность проводимой экономической политики. Дается характеристика основных угроз экономической безопасности в сфере земельных отношений, производится классификация угроз на основе существующих с учетом трансформационных процессов. Делается вывод о том, что преодоление последствий угроз в сфере земельных отношений и их предотвращение возможно с помощью создания комплексной системы направлений по нивелированию угроз, учитывающей взаимосвязь угроз и обладающей гибкостью к трансформационным процессам. Эта гибкость проявляется во внесении корректив в существующую систему оценки угроз в соответствии с текущими изменениями в сфере земельных отношений.

Ключевые слова: угрозы экономической безопасности; земельные отношения; экономическая безопасность.

Необходимость исследования проблем обеспечения экономической безопасности в сфере земельных отношений вызвана, прежде всего, несформированностью земельных отношений, что проявляется в неэффективном использовании земельных ресурсов. Поэтому изучение проблем обеспечения экономической безопасности в сфере земельных отношений на государственном уровне является важной исследовательской задачей.

Одним из основных элементов обеспечения экономической безопасности является выявление угроз, от своевременности которого зависит эффективность проводимой экономической политики. Для своевременного выявления угроз экономической безопасности требуется постоянное наблюдение за современной динамикой развития экономической системы как в России, так и на мировом уровне. Поэтому система обеспечения экономической безопасности должна быть достаточно гибкой к изменяющимся условиям.

Таким образом, эффективное обеспечение экономической безопасности требует системной оценки угроз экономической безопасности, в т. ч. в сфере земельных отношений.

Угрозы экономической безопасности следует рассматривать, исходя из определения экономической безопасности, в связи с чем необходимо отметить, что существует проблема в структуризации понятия «эконо-

мическая безопасность», на которую указывает, в частности, Н.Л. Бармашова [1]. Первый из двух подходов к этой проблеме дает расширенное толкование понятия «экономическая безопасность», относя к нему не только ее компоненты, но и факторы и условия ее обеспечения. Второй подход предполагает компактный перечень компонентов, которые характеризуют направления основных угроз экономической безопасности.

На наш взгляд, рассмотрение угроз экономической безопасности необходимо осуществлять в контексте изучения существующих экономических тенденций. Комплексный подход, несмотря на усложнение, позволяет получить более полное представление о причинах возникновения угроз и их последствиях.

При выявлении угроз экономической безопасности необходимо определить их признаки, к основным из которых относят:

- субъектно-объектный;
- пространственно-временной;
- по источнику и причинам происхождения;
- по вероятности возникновения;
- по наличию уязвимостей системы и категории потерь;
- по требованиям к противодействию.

Изучение существующих классификаций угроз экономической безопасности [2–4] по-

зволило предложить следующую классификацию.

Признаки по источникам угроз:

- по источнику происхождения: объективные или естественные (природная стихия), субъективные или искусственные (результат человеческой деятельности), смешанные (человеческая деятельность, способствующая возникновению стихийного бедствия);
- по характеру возникновения: преднамеренные и непреднамеренные (как закономерный или непредвиденный побочный результат определенных действий или явлений).

Временные признаки:

- по времени действия: постоянные, длительно действующие и краткосрочные;
- по степени приближения: непосредственная, близкая и далекая.

Территориальные признаки:

- по территориальной распространенности: глобальные, национальные, региональные и локальные;
- по сфере действия: экономические, политические, правовые, техногенные, экологические, конкурентные и контрагентские;
- по направлению действия: внутренние и внешние.

Признаки по требованиям к противодействию угроз:

- по возможности предотвращения: форс-мажорные, частично предотвратимые и предотвратимые;
- по значимости последствий: с устранимыми, неустранимыми, устранимыми частично последствиями;
- по степени вероятности: невероятные, маловероятные, вероятные, весьма вероятные и неизбежные;
- по возможности прогнозирования: прогнозируемые и непредсказуемые.

Объектно-субъектные признаки:

- по отношению к ним: объективные и субъективные;
- по объекту воздействия: международные, государственные, корпоративные, внутрифирменные и т. д.

Другие признаки угроз:

- по способу действия: явные и скрытые;
- по степени универсальности: общие и специфические;
- по характеру направления: прямые и косвенные;
- по характеру действия: проявляющиеся постепенно или внезапные.

Классификация угроз позволяет ранжировать существующие экономические угрозы по степени необходимости их решения, устанавливать взаимосвязи между угрозами, эффективно перераспределять ресурсы для нивелирования последствий угроз и предотвращения их возникновения.

Изложенную классификацию экономических угроз можно применить и в сфере земельных отношений. Прежде всего, необходимо указать на общие угрозы как для всей российской экономики, так и для сферы земельных отношений.

Первая группа угроз связана со снижением инвестиционной и инновационной активности и разрушением научно-технического потенциала.

К основным угрозам экономической безопасности в инвестиционном комплексе можно отнести:

- снижение объемов ресурсов капитального строительства;
- разрушение экономических связей между сырьевой базой, техническим и технологическим обеспечением, научной и кадровой базой.

Вторая группа угроз связана с топливно-сырьевой ориентацией российской экономики, недостатком финансовых средств в других отраслях экономики.

Третья группа угроз связана с оттоком финансовых средств из страны.

Четвертая группа проблем связана с растущей социальной дифференциацией населения, что, в частности, препятствует развитию рынка земли, появлению новых собственников.

Пятая группа угроз связана с развитием теневых отношений (коррупция, несовершенство законодательной базы), что препятствует эффективному использованию земельных ресурсов.

Перечисленные группы угроз являются в настоящее время наиболее существенными экстернальными угрозами экономической безопасности в сфере земельных отношений. Поэтому эти экономические угрозы необходимо учитывать при разработке доктрины экономической безопасности в сфере земельных отношений.

Изучая угрозы экономической безопасности, необходимо рассмотреть и ее факторы. Выделяют экономические, экологические, информационные, социальные, организационные и другие факторы.

К экономическим факторам угроз безопасности в сфере земельных отношений относятся факторы, которые влияют на привлекательность отдельных сегментов земельных отношений для преступлений.

К социальным – факторы, оказывающие воздействие на общественную безопасность. К отрицательным социальным факторам относятся социальная напряженность, социальная неудовлетворенность населения, межэтнические проблемы.

К экологическим – факторы, которые воздействуют на окружающую среду (радиационное и химическое загрязнение, риски новых биотехнологий).

К организационным – факторы, которые обуславливают состояние борьбы с угрозами экономической безопасности [5].

К информационным – факторы, которые влияют на обеспеченность населения достоверной и полной информацией о состоянии земельных отношений.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает такой характерный для современной мировой экономики фактор, как глобализация. Учет этого фактора позволяет дать более полную оценку трансформационному процессу, в т. ч. затрагивающему отношения собственности.

Процесс глобализации затронул экономику России еще до начала рыночных преобразований. Выход страны на мировые рынки нефти, газа, леса во второй половине 70-х гг. XX в. стал первым шагом в этом направлении.

В.В. Ксенофотова подчеркивает двойственность природы трансформационного процесса, который происходит в современной российской экономике [6]. С одной стороны, трансформационный процесс необходим для рыночных преобразований прежней административно-командной системы. Эта необходимость относительно отношений собственности отражена в следующих формах социально-экономической трансформации:

- приватизации объектов, находившихся в государственной собственности;
- развитию частных форм собственности, в т. ч. индивидуальной;
- формировании корпораций.

С другой стороны, трансформационный процесс вызван сближением российской экономики с мировым глобальным хозяйством. Эта тенденция относительно отношений собственности отражается в интеграционном

преобразовании форм собственности в интересах транснациональных корпораций, финансово-промышленных групп и других занимающих господствующее положение в мировой экономике хозяйствующих субъектов.

Взаимосвязь указанных сторон трансформационного процесса в современной российской экономике проявляется в следующем.

Ускорение рыночных преобразований было проведено с помощью переноса в российскую экономику рыночных форм организации хозяйства и стандартов деятельности. До экономических реформ начала 90-х гг. XX в. одним из проявлений рыночных отношений в стране являлся теневой рынок земли, который сложился еще в 1980-х гг. Формирование цены земли осуществлялось на основе стоимости права длительной аренды.

Крупные хозяйствующие субъекты, занимающие господствующее положение в мировой экономике во время рыночных преобразований, в т. ч. приватизации, не учитывающей интересов населения и местных хозяйствующих субъектов, смогли по заниженным ценам приобрести права собственности на многие наиболее эффективные объекты. По мнению А. Бузгалина и А. Колганова, современная российская экономика интегрирована в вертикальные структуры глобального капитала и пронизана отношениями зависимости от крупнейших «глобальных игроков» [7]. Относительно земельных отношений это проявляется в приближении цены земли к мировой на земельном рынке крупных городов.

Составной частью процесса глобализации экономических отношений является сетевая организация хозяйственного процесса, структура которой представлена многочисленными опосредствующими звеньями между центром и периферией.

Характерными чертами такой сетевой структуры являются:

- подчиненность центру и обслуживание его потребностей;
- обеспечение устойчивости, динамики и необходимой эффективности взаимодействия всех участников хозяйственного процесса;
- свобода входа и выхода из сетевых отношений.

Подобные сетевые структуры присутствуют в различных отраслях современной экономики. По функциональному назначению можно выделить такие сетевые структу-

ры, как информационные, трубопроводные, транспортные, энергетические и др.

Следует указать на характер трансформации отношений собственности в сетевых структурах. Сетевой центр реализует базовые функции собственности в воспроизводственном процессе, обеспечивая диспетчерское согласование и развитие сетевых отношений.

Функционирование сети осуществляется за счет платежей ее участников, инвестирующих ее развитие при помощи таких гибких финансовых инструментов, как платежи за подключение и платежи за получение из сети услуг.

Сеть становится главным объектом присвоения и отчуждения собственности через ее структурные элементы, нормы и процедуры деятельности, а также через ее возможность оказывать влияние на выполнение государством регулирующих функций в сетевой экономике.

Относительно сетевой собственности А. Бугалин и А. Колганов указывают на следующее: «...В той мере, в какой развит тотальный корпоративно-сетевой рынок, крупнейшие капиталистические корпорации-сети как бы выпадают из-под общественных ограничений, уходят от контроля государства, профсоюзов и других объединений трудящихся, институтов гражданского общества. ТНК выходят за устанавливаемые обществом и государством рамки, нарушают «правила игры», разрушая достижения социал-демократического периода» [7].

Вмешательство транснациональных корпораций в регулируемую деятельность государства дополняется присвоением символа корпорации – брэнда, с помощью которого происходит навязывание своей продукции потребителям, обозначение сферы влияния транснациональных корпораций.

К бренду можно отнести и собственность на землю, интересами владельца которой является право на владение ею, удостоверяемое ценной бумагой, дающее возможность получать процентный доход от собственности на землю и получать прирост стоимости своего контракта за счет роста цен на землю.

Локальный центр контролирует взаимодействие участников, которые формируют сетевую периферию, что приближает сетевую структуру к монополистической организации.

Характерными чертами сетевых монополий являются:

- скрытость;
- регламентация заключаемых внутри сети сделок в виде тарифов на оказываемые услуги и правил по пользованию ими;
- ограниченная конкуренция между однородными сетями;
- всеобщая доступность предлагаемых услуг, удовлетворяющих требованиям глобализации.

Стоит отметить различный уровень монополизации сетевых структур. Одни из них организованы по принципу договорной монополии. Другие, как Интернет, имеют относительно децентрализованную структуру.

Проникновение сетевых структур на земельные рынки осуществляется следующими способами:

- получение доступа к земельным участкам сельхозпредприятий такими корпорациями, как РАО «Газпром», РАО «ЕЭС», ОАО «Российские железные дороги» через приобретение контрольных пакетов акций сельскохозяйственных акционерных обществ;
- приобретение земли безинвестиционным способом с помощью проведения акционерных собраний, на которых принимаются решения о присоединении к корпорации.

Описанные характерные черты трансформационного процесса позволяют выделить специфические типы угроз в сфере земельных отношений.

Во-первых, угрозы приватизационного характера, к которым относятся:

1) незавершенность формирования земельных отношений, которая препятствует увеличению инвестиционных вложений, использование инвесторами недостаточно эффективных инвестиционных инструментов: приобретение земли через посредников; предоставление инвестиционного кредита городу, выделяющему землю, и др.;

2) институциональная неустойчивость вновь сложившихся форм земельной собственности, проявляющаяся в частых изменениях в законодательстве, запаздывании с подготовкой необходимых подзаконных актов (Земельный кодекс был принят лишь осенью 2001 г., а полного пакета подзаконных актов не существует и по сей день), искусственной усложненности и противоречивости законодательства;

3) стремление государства упрочить вертикаль власти на основе частичного запрета продажи отдельных видов земель (ст. 27 Земельного кодекса Российской Федерации), в результате чего обостряется противоречие между властью и собственностью.

4) высокая налоговая нагрузка на землепользователей.

Согласно результатам исследований фонда ИНДЕМ, объем рынка деловой коррупции в сфере земельных отношений в 2010 г. по сравнению с 2001 г. увеличился более чем в четыре раза (табл. 1);

5) недооценка функционирующего в АПК капитала, обуславливающая низкий порог защищенности отечественных производителей от экспансии зарубежного капитала;

6) тенденция к переделу собственности, проявляющаяся как в государственном, так и в частном секторе. Права собственности длительное время оцениваются сообразно той реальной плате, какая была за них внесена в процессе приватизации.

Во-вторых, угрозы интеграционного характера, к которым относят следующие [8; 9]:

1) переход наиболее эффективных объектов собственности под контроль крупных корпораций. С одной стороны, объекты, перешедшие под контроль крупной корпорации, получают возможность динамичной модернизации, доступ к инвестиционным ресурсам и прогрессивным технологиям. С

другой стороны, они интегрируются в чужие вертикали экономического господства и зачастую превращаются в объекты интенсивной эксплуатации, обреченные на дальнейшее разрушение и вывод оставшихся эффективных активов;

2) сегментация хозяйственного пространства России, чуждая ее национальным интересам. В зону зависимости от иностранного капитала попадают не только интегрированные предприятия, но и территории, где расположены эти предприятия: местные хозяйства, региональные хозяйственные комплексы и др.;

3) подрыв процесса развития форм собственности как ядра системы экономической безопасности.

Характерным примером может служить переход большинства сахарных заводов Юга России под контроль транснациональных корпораций, который привел к разрушению связей в национальном агропромышленном комплексе. Переработка сахарной свеклы становится для владельцев заводов невыгодным делом, поскольку расчетная цена российского свекловичного сахара, обеспечивающая минимальную рентабельность бизнеса в отрасли, превышает биржевую цену на сахар на мировом рынке. Отрасль длительное время поддерживалась при помощи таможенных инструментов;

Таблица 1
Динамика рынка деловой коррупции в сфере земельных отношений в РФ [10]

Показатели	2001 г.	2010 г.	Темп прироста, %
Спрос на коррупцию (готовность платить), %	75,0	51,1	-31,9
Объем рынка, млн долл.	20,1	84,4	319,9
Доля от общего рынка коррупции, %	0,01	0,03	222,9
Средние размеры взятки, руб.	2000	3713	85,7
Интенсивность коррупции*	0,66	0,70	6,6
Спрос на услуги государства в сфере земельных отношений, %	4,0	3,1	22,5

Примечание: * – среднее число взяток в год, приходящихся на одного произвольного взяткодателя в данном году.

4) последовательная деперсонификация национальной экономики России и превращение ее земель и ресурсов в элементы обеспечения чужих воспроизводственных процессов. В результате такой деперсонификации в хозяйственном пространстве России исчезают отечественные собственники, а значит, разрушается система общественного контроля над развитием экономики страны.

Особый тип угроз связан с поведением хозяйствующих субъектов, их оценкой экономической безопасности своей деятельности и их взглядами на интеграционные процессы в российской экономике [11].

Таким образом, классификация и характеристика угроз в сфере земельных отношений позволит сформировать комплекс направлений по нивелированию последствий,

вызванных угрозами. Основой эффективности функционирования данного комплекса направлений является его систематическое обновление под влиянием трансформационных процессов.

1. Образовательный сайт Н.Л. Бармашовой. URL: http://barmashova.ru/rinochnaj_ekonomika/klassifikazia_ugroz (дата обращения: 23.11.2013).
2. Кузнецова Е.И. Экономическая безопасность и конкурентоспособность. Формирование экономической стратегии государства. М., 2012.
3. Максимов С.Н. Государственное управление в сфере экономической безопасности. М., 2013.
4. Экономическая безопасность государства и региона / Калина А. [и др.]. М., 2011.
5. Накова М.Р. Методическое обеспечение оценки экономической безопасности земельных ресурсов: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2013.
6. Ксенофонтова В.В. Земельные отношения в условиях глобализации. URL: <http://rae.ru/forum2012/317/3090> (дата обращения: 23.11.2013).
7. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004.
8. Авдийский В.И. Национальная экономическая безопасность в условиях глобализации // Международное публичное и частное право. 2012. № 2. С. 9-10.
9. Родина И.Б. Глобальные риски в системе экономической безопасности России // Микроэкономика. 2012. № 1. С. 11-14.
10. Региональный общественный фонд «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ). URL: <http://indem.ru/russian.asp> (дата обращения: 23.11.2013).
11. Степичева О.А., Мамонтов В.Д. Формирование стратегии управления экономической безопасностью предприятия в контексте вступления России в ВТО // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные

науки. Тамбов, 2011. Вып. 12 (104). С. 445-449.

1. Obrazovatel'nyy sayt N.L. Barmashovoy. URL: http://barmashova.ru/rinochnaj_ekonomika/klassifikazia_ugroz (data obrashcheniya: 23.11.2013).
2. Kuznetsova E.I. Ekonomicheskaya bezopasnost' i konkurentosposobnost'. Formirovanie ekonomicheskoy strategii gosudarstva. M., 2012.
3. Maksimov S.N. Gosudarstvennoe upravlenie v sfere ekonomicheskoy bezopasnosti. M., 2013.
4. Ekonomicheskaya bezopasnost' gosudarstva i regiona / Kalina A. [i dr.]. M., 2011.
5. Nakova M.R. Metodicheskoe obespechenie otsenki ekonomicheskoy bezopasnosti zemel'nykh resursov: avtoref. dis. ... kand. ekonom. nauk. M., 2013.
6. Ksenofontova V.V. Zemel'nye otnosheniya v usloviyakh globalizatsii. URL: <http://rae.ru/forum2012/317/3090> (data obrashcheniya: 23.11.2013).
7. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Global'nyy kapital. M., 2004.
8. Avdiyskiy V.I. Natsional'naya ekonomicheskaya bezopasnost' v usloviyakh globalizatsii // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2012. № 2. S. 9-10.
9. Rodina I.B. Global'nye riski v sisteme ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii // Mikroekonomika. 2012. № 1. S. 11-14.
10. Regional'nyy obshchestvennyy fond "Informatika dlya demokrati" (Fond INDEM). URL: <http://indem.ru/russian.asp> (data obrashcheniya: 23.11.2013).
11. Stepicheva O.A., Mamontov V.D. Formirovanie strategii upravleniya ekonomicheskoy bezopasnost'yu predpriyatiya v kontekste vstupleniya Rossii v VTO // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2011. Vyp. 12 (104). S. 445-449.

Поступила в редакцию 12.12.2013 г.

UDC 330

THREATS TO ECONOMIC SECURITY IN LAND RELATIONS

Sergey Aleksandrovich MESHKOV, Russian State Agrarian Correspondence University, Balashikha, Moscow region, Russian Federation, Candidate of Economics, Associate Professor, Head of Finances Department, e-mail: meshkov07@mail.ru

In modern Russian economy there are several problems associated with economic security in land, one of the main element of which is the identification of threats, from which depends on the timeliness of the effectiveness of economic policy. The main threats to economic security in land, are classified on the basis of existing threats, taking into account the transformation processes are disclosed. It is concluded that overcoming the consequences of threats in the sphere of land relations and their prevention is possible by creating a comprehensive referral system for leveling threats, taking into account the relationship of threats and having flexibility to the transformation processes. This flexibility comes in revisions to the existing system of threat assessment in accordance with the current changes in land relations.

Key words: threats to economic security; land tenure; economic security.

МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГОСФЕРЫ

© Мария Ивановна БОРОДИНА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, экономист Управления по бухгалтерскому
учету и финансовому контролю, e-mail: mari-ya-09@mail.ru

Подчеркнута роль энергосферы в обеспечении экономической безопасности государства. Функционирование именно этой сферы обеспечивает в настоящее время пополнение государственного бюджета, дает четверть ВВП, обеспечивает удовлетворение внутренних потребностей производственной и непроизводственной сферы, определяет стратегическое положение страны на международной арене.

Предложен авторский механизм обеспечения экономической безопасности государства через призму развития энергосферы. Данный механизм включает в себя следующие элементы: определение цели; определение структурных элементов энергосферы, влияющих на экономическую безопасность; мониторинг структурных элементов энергосферы; определение внутренних и внешних условий развития; разработка и внедрение программы, методов развития традиционной и альтернативной энергетики; формирование условий эффективного взаимодействия государства, частного бизнеса и науки. Выделены функции государства, частного бизнеса и науки в реализации механизма обеспечения экономической безопасности.

Данный механизм отличается от ранее предложенных фокусом рассмотрения – через развитие и функционирование энергосферы.

Ключевые слова: экономическая безопасность государства; энергосфера; механизм обеспечения экономической безопасности; традиционная энергетика; альтернативная энергетика.

Одной из важнейших проблем экономической науки и российской действительности является проблема обеспечения экономической безопасности. Безопасность государства определяется степенью разработанности концепции или стратегии национальной безопасности.

Стратегия экономической безопасности государства включает ряд направлений, где важнейшим условием ее обеспечения является развитие базовых видов экономической деятельности, одним из которых является энергосфера.

Для России главная составляющая ее экономики – энергосфера, поскольку функционирование такой ее составляющей, как топливно-энергетический комплекс, обеспечивает в настоящее время пополнение государственного бюджета на 45 %, составляет около 30 % ВВП [1, с. 4], 20,6 % инвестиций, обеспечивает удовлетворение внутренних потребностей производственной и непроизводственной сферы, определяет стратегическое положение страны на международном рынке.

Нами предложен механизм обеспечения экономической безопасности государства через призму развития энергосферы (рис. 1).

Предложенный механизм включает следующие элементы:

1) *определение цели:* обеспечение экономической безопасности государства через развитие энергосферы;

2) *определение структурных элементов энергосферы, влияющих на экономическую безопасность.* Структурными элементами энергосферы, ее составляющими являются традиционная и альтернативная энергетика;

3) *мониторинг структурных элементов.* Мониторинг экономического, технического состояния развития традиционной и альтернативной энергетики (предприятий всего цикла производства) необходимо проводить для определения направлений и методов воздействия на энергосферу. Мониторинг проводят институты государства, бизнеса и науки;

4) *определение условий развития.* В ходе проведения исследования была проанализирована информация о состоянии рынка энергетики.

В будущем энергетика будет развиваться в следующих условиях:

– спрос на энергоносители будет расти по причине экономического роста [2];

- спрос на энергоносители возрастет в связи с похолоданием климата;
- импортная зависимость стран Европейского союза и ближнего зарубежья от России тоже будет возрастать;
- разработка новых проектов строительства трубопроводов;
- создание газовой ОПЕК;
- энергоэффективность, энергосбережение;
- развитие науки, как основы разработки месторождений и т. д.;
- развитие военного комплекса;
- разработка альтернативных источников энергии.

Разработка и внедрение программы

1. Разработка новых месторождений. Арктический шельф является, по оценкам специалистов, безальтернативным источником энергоресурсов в будущем, потому что там сосредоточено 80 % потенциальных углеводородных ресурсов России [3].

Так, в России сосредоточено 170 трлн м³ перспективных и прогнозных запасов газа, крупнейшие из них (130 трлн м³) сосредоточены на Ямальском полуострове и шельфе Карского моря. Причем в районе Карского моря ожидается открытие новых месторождений. Именно в этих районах в перспективе должна быть сосредоточена основная добыча газа страны. По данным сибирских геологов, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке сосредоточено до 60 трлн м³ газа. В настоящее время ведутся работы по разработке Штокманского месторождения (3,8 трлн м³ газа и 37 млн т конденсата) [4], геологоразведочные работы по морю Лаптевых и Восточно-Сибирскому морю (за счет средств Госбюджета).

В ближайшее время должна быть разработана крупная государственная программа по комплексному освоению ресурсов Восточной Сибири и Якутии, предусматривающая опережающее осуществление геологоразведочных работ, ведь даже те районы, где открыты месторождения нефти и газа, разведаны всего на 8–10 % [5–6].

Проблема освоения арктического шельфа состоит в том, что стоимость работ в Арктике намного дороже, чем в южных широтах: выше аренда морских буровых платформ; бурение и прокладка трубопроводов носят сезонный характер; эксплуатационные платформы, отвечающие арктическим требованиям, значительно дороже.

В этих условиях в ближайшее время неизбежным становится привлечение к работам высококвалифицированных зарубежных компаний с их эффективными технологиями разработки в силу отсутствия таковых у России. К тому же, работая совместно с известными зарубежными компаниями, мы сумеем быстро освоить новые технологии. Целесообразно вместе с такими компаниями осуществить разработку и внедрение полностью подводных технологий бурения, обустройства месторождений, транспорта нефти и конденсата на подводных судах.

Доходы от экспорта энергоресурсов могут быть направлены на **модернизацию ТЭК** и дополнительное финансирование науки (даже при падении объемов экспорта и, следовательно, экспортных доходов на 20–30 % (в случае неблагоприятного прогноза) российский бюджет сможет обеспечивать создание эффективных мощностей ТЭК и развитие науки).

2. Энергодоходы могут стать источником финансирования и военного комплекса, т. к. энергетика и военный комплекс тесно связаны. При обострении международных отношений наличие мощного **ВПК** – гарантия национальной и экономической безопасности, экономических интересов России и сохранения природных ресурсов в ее распоряжении.

3. Вкладывая финансовые средства в модернизацию, мы получим надежный, эффективный топливно-энергетический комплекс страны. Вследствие введения модернизированных более эффективных мощностей сократятся на 40 % потери энергии при ее передаче (внутри страны), а значит, и повысится **энергоэффективность**. В то же время понизится внутренний спрос. Поскольку внутренние цены в 4 раза ниже экспортных, сокращение внутреннего спроса менее болезненно, чем внешнего, и в то же время потребуются меньшие объемы энергоресурсов внутри страны, что увеличит время использования разведанных ресурсов.

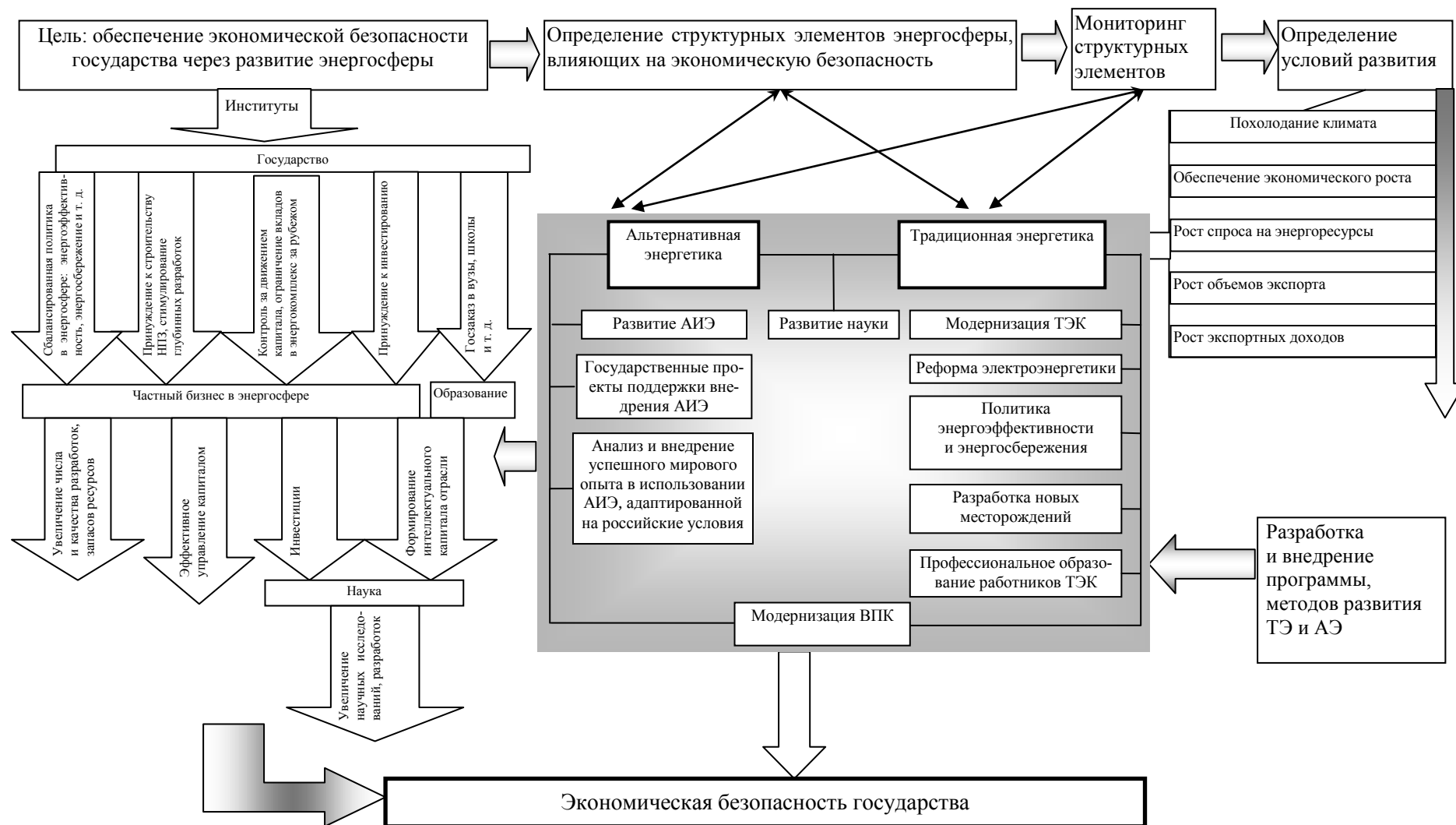

Рис. 1. Механизм обеспечения экономической безопасности государства через призму развития энергосферы

Повышение энергоэффективности должно быть следствием комплексного подхода к данной проблеме. Во-первых, необходима доработка существующей нормативно-правовой базы в области энергосбережения новыми современными законами об энергосбережении и энергоэффективности, рекомендациями, инструкциями. Во-вторых, внедрение основ энергетического менеджмента на промышленных предприятиях обеспечивает реализацию системы мер, направленной на сокращение потребления энергоресурсов всех видов. В-третьих, регулирование тарифов на энергоресурсы, потребляемые в бытовой и производственной сфере страны. В-четвертых, следует определить перспективные показатели энергоэффективности и осуществлять их непрерывный энергомониторинг, который поможет определить из периода в период (из года в год) скорость движения к намеченной цели (определенному показателю). Политика энергоэффективности требует длительного времени, и ее результаты будут заметны спустя 5–10 лет.

5. Дополнительное финансирование научно-исследовательских и прикладных работ в различных сферах поможет вывести российскую науку на новый уровень развития. Часть научных разработок, безусловно, будет посвящена альтернативным источникам энергии, повышению КПД альтернативных энергоустановок, их стабильности и способам использования. Но переход России на альтернативную энергетику вряд ли произойдет на наших глазах.

Прежде чем переходить на альтернативные источники энергии, необходимо для начала оздоровить экономику, укрепить оборону, другими словами, повысить экономическую и национальную безопасность. То есть не альтернативная энергетика является фактором экономической безопасности, а наличие относительной экономической безопасности – основой формирования альтернативной энергетики. В условиях современной глобальной агрессивной экономики и политики заниматься разработкой и внедрением новых технологий – альтернативных источников энергии – могут только страны с большой экономической, военной и политической мощью.

Институты

При формировании условий эффективного взаимодействия государства, частного бизнеса и науки процесс интенсивного развития энергосферы может стать внутренним

источником инновационного прорыва российской экономики, а следовательно, повышения безопасности страны.

В связи с этим необходимо выделить следующие функции государства, частного бизнеса и науки:

- функции государства: проведение сбалансированной политики в энергосфере, контроль за движением капитала, ограничение вкладов в энергокомплекс за рубежом, принуждение к инвестированию, формирование госзаказов в вузы, школы, стимулирование глубинных разработок, строительства НПЗ;
- функции частного бизнеса: эффективное управление капиталом, инвестирование, увеличение числа и качества разработок запасов ресурсов;
- функции науки и образования: увеличение научных исследований и разработок в отрасли, формирование интеллектуального капитала.

Считаем, что базисом обеспечения энергетической и экономической безопасности является традиционная энергетика и приоритеты ее развития, при этом необходимо отметить, что это возможно при ее модернизации и при распределении экспортных доходов на развитие науки, модернизацию ВПК и поддержку перерабатывающих отраслей [7–10].

1. Государственная программа Российской Федерации «Энергоэффективность и развитие энергетики». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 3.04.2013 г. № 512-р. URL: minenergo.gov.ru (дата обращения: 25.11.2013).
2. ВР: Прогноз развития мировой энергетики до 2013 года. URL: csef.ru/files/csef/articles/1629/1629.pdf (дата обращения: 25.11.2013).
3. Освоение арктического шельфа // Агентство деловой информации «Славица». Экономика. URL: <http://www.slaviza.ru/792-zapasy-arkticheskogo-shelfa-krupneyshiy-rezerv-rosta-tek-rossii.html> (дата обращения: 25.11.2013).
4. Что может дать шельф арктических морей для развития экономики России. Академик Юрий Баталин – о перспективах освоения Арктического шельфа, о развитии газовой промышленности России // Союз производителей нефтегазового оборудования. URL: <http://www.derrick.ru/?f=z&id=14752> (дата обращения: 25.11.2013).
5. Газ арктических морей // Трибуна. URL: http://www.tribuna.ru/other_sections/science/gaz_arkticheskikh_morey (дата обращения: 25.11.2013).

6. Энергоэффективная Россия-2012 // Энергополис. URL: http://energiumrussia.ru/files/users/51/Energoeffektivnaya_Rossiya.pdf (дата обращения: 25.11.2013).
 7. *Бородин М.И.* Экономическая безопасность: энергетическая составляющая // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. Вып. 1 (80). С. 33-36.
 8. *Бородин М.И.* Экономическая безопасность государства в условиях глобализации // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 5 (97). С. 49-52.
 9. *Бородин М.И., Ветрова Е.А.* Основные угрозы экономической безопасности государства, возникающие на современном этапе развития энергосферы // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 12 (104). С. 85-88.
 10. *Смагина В.В., Бородин М.И.* Составляющие экономической безопасности государства в энергосфере // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 12 (104). Ч. 2. С. 488-494.
-
1. Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii «Energoeffektivnost' i razvitie energetiki». Uтверждена распоряжением Правительства РФ от 3.04.2013 г. № 512-р. URL: minenergo.gov.ru (data obrashcheniya: 25.11.2013).
 2. VR: Prognoz razvitiya mirovoy energetiki do 2013 goda. URL: csef.ru/files/csef/articles/1629/1629.pdf (data obrashcheniya: 25.11.2013).
 3. Osvoenie arkticheskogo shel'fa // Agentstvo delovoy informatsii "Slavitsa". Ekonomika. URL: <http://www.slaviza.ru/792-zapasy-arkti> cheskogo-shelfa-krupneyshiy-rezerv-rosta-tek-rossii. html (data obrashcheniya: 25.11.2013).
 4. Chto mozhet dat' shel'f arkticheskikh morey dlya razvitiya ekonomiki Rossii. Akademik Yuriy Batalin – o perspektivakh osvoeniya Arkticheskogo shel'fa, o razvitiy gazovoy promyshlennosti Rossii // Soyuz proizvoditeley neftegazovogo oborudovaniya. URL: <http://www.derrick.ru/?f=z&id=14752> (data obrashcheniya: 25.11.2013).
 5. Gaz arkticheskikh morey // Tribuna. URL: http://www.tribuna.ru/other_sections/science/gaz_arkti cheskikh_morey (data obrashcheniya: 25.11.2013).
 6. Energoeffektivnaya Rossiya-2012 // Energo-polis. URL: http://energiumrussia.ru/files/users/51/Energoeffektivnaya_Rossiya.pdf (data obrashcheniya: 25.11.2013).
 7. *Borodina M.I.* Ekonomicheskaya bezopasnost': energeticheskaya sostavlyayushchaya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2010. Vyp. 1 (80). S. 33-36.
 8. *Borodina M.I.* Ekonomicheskaya bezopasnost' gosudarstva v usloviyakh globalizatsii // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2011. Vyp. 5 (97). S. 49-52.
 9. *Borodina M.I., Vetrova E.A.* Osnovnye ugrozy ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva, vznikayushchie na sovremenno etape razvitiya energosfery // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2011. Vyp. 12 (104). S. 85-88.
 10. *Smagina V.V., Borodina M.I.* Sostavlyayushchie ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva v energosfere // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2011. Vyp. 12 (104). Ch. 2. S. 488-494.

Поступила в редакцию 17.12.2013 г.

UDC 351.862

MECHANISM TO ENSURE THE ECONOMIC SECURITY OF STATE THROUGH THE PRISM OF ENERGY SECTOR DEVELOPMENT

Maria Ivanovna BORODINA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Economist of Accounting and Financial Control Management, e-mail: mari-ya-09@mail.ru

The role of the energy sector in the economic security of the state is considered. The functioning of this particular sphere provides now replenish the state budget, giving a quarter of GDP, provides satisfaction of domestic needs of the production and nonproduction spheres determines the strategic position of the country in the international arena.

The author's mechanism to ensure the economic security of the state through the prism of energy sector development is offered. This mechanism includes the following elements: purpose; definition of the structural elements of the energy sector, affecting the economic security; monitoring of structural elements of energy sphere; the definition of conditions for the development; design and implementation of programs, methods, development of traditional and alternative energy; creating conditions for effective interaction between government, private business and science. The functions of the state, private business and science in the implementation of a mechanism to ensure economic security are described.

This mechanism differs from the previously proposed focus consideration through the development and functioning of the energy sector.

Key words: economic security of state; energy sector; mechanism of economic security; traditional energy; alternative energy.

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННЫХ РИСКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА НА ОСНОВЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА

© Ирина Эргардовна ГУРР

Волжская государственная академия водного транспорта,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация, старший преподаватель
кафедры учета, анализа и аудита, e-mail: gurr-irina@yandex.ru.

Рассматривается роль стратегического управленческого учета как информационной базы для принятия управленческих решений. Рассмотрены проблемы, касающиеся привлечений инвестиций в пассажирский и транспортный флот, приводящие к низкому техническому уровню и неудовлетворительному состоянию их производственной базы и инфраструктуры. Применительно к стратегической цели управления инвестиционными рисками выделены показатели стратегического управленческого учета: индекс рентабельности инвестиций и срок окупаемости проекта. Приведен пример сводного отчета, который позволит анализировать информацию о производственно-хозяйственной деятельности предприятия водного транспорта за любой из выбранных периодов времени; оценить отклонения показателей стратегического управленческого учета и их влияние на стратегическое развитие и процесс инвестирования; ранжировать факторы риска внешней и внутренней среды в деятельности компании; устранить информационную неопределенность.

Ключевые слова: стратегическое развитие; система сбалансированных показателей; инвестиции; инвестиционные риски; отчетность.

Анализ информации, формируемой в рамках стратегического управленческого учета, свидетельствует об усилении его роли в стратегическом развитии предприятий. Выступающий в качестве информационного обеспечения стратегического развития управленческий учет обеспечивает оперативность и достоверность данных, используемых в системе управления предприятия водного транспорта.

Несмотря на вполне очевидную взаимосвязь стратегического управленческого учета и стратегического развития предприятия, методы их интеграции в отечественной и зарубежной литературе до сих пор остаются недостаточно изученными.

Одной из основных проблем внутреннего водного транспорта (ВВТ) является низкий технический уровень и неудовлетворительное состояние производственной базы, в первую очередь, флота и инфраструктуры. За последние 20 лет резко сократились объемы судостроения как транспортных судов, так и судов технического флота. Более 70 % судов старше 27 лет. Это приводит к снижению безопасности перевозок и эффективности коммерческого флота. Основная проблема заключается в том, что темпы обновления флота недостаточны для поддержания текущих объемов грузоперевозок внутреннего водного транспорта в перспективе на 10 лет.

За последние 5 лет выбытие грузового флота превышало ввод новых судов в 20 раз. В случае сохранения указанных темпов ввода судов отрасль столкнется с проблемой несоответствия провозной способности флота объемам перевозки уже в 2020 г. [1].

В отношении пассажирского флота проблема осложняется тем, что в настоящее время мощности по строительству круизных судов полностью отсутствуют. При этом существует потребность в обновлении как пассажирского, так и транспортного флота.

Одним из важнейших направлений стратегического развития предприятий водного транспорта является обновление основных фондов – судов, портового оборудования и других сооружений.

Существующие ключевые преимущества отрасли для частных инвесторов: высокая рентабельность, развитие и поддержка инфраструктуры за счет государства, потенциал роста грузоперевозок, компенсируются негативными факторами, увеличивающими рискованность инвестиций: долгим сроком окупаемости судов (более 15 лет), отсутствием механизмов длительного финансирования, нестабильностью финансовых потоков, влиянием климатического фактора.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2010 г. объем накопленных иностранных инвестиций в от-

расль ВВТ составил 158 млн долл. При этом в 2011 г. в отрасль ВВТ России поступил только 1 млн долл. прямых инвестиций из-за рубежа.

Речной флот имеет крайне долгие сроки окупаемости (10–20 лет), при этом практически весь действующий флот был построен до 1990 г. и требует скорой реконструкции. Данный факт демонстрирует, что отрасль требует на 20-летнем горизонте больших капиталовложений. Модернизация флота необходима как для укрепления рыночных позиций, так и для повышения рентабельности бизнеса (за счет более высокой топливной эффективности, скорости, более низких операционных затрат). При этом наличие старых судов с ограниченным сроком эксплуатации может делать невыгодными инвестиции даже при условии высокой прибыльности бизнеса.

Долгие сроки окупаемости флота повышают рискованность вложений для транспортных речных компаний в модернизацию флота. Более того, модернизация флота влечет повышение долговой нагрузки на компанию.

Фактор риска вложений в основные фонды заставляет экономить все ресурсы предприятия, обращать внимание на расчеты эффективности новых инвестиционных проектов.

В силу специфики деятельности в водном транспорте, возможность привлечения внутренних инвестиций наиболее реальна.

Поскольку риск сопутствует любому управленческому решению – это относится к инвестиционному направлению деятельности, его последствия сказываются на эффективности функционирования предприятия в течение длительного периода времени. Выявление рисков и возможность их учета составляют основную часть общей системы обеспечения экономической безопасности предприятия. Помимо учета рисков данный вид деятельности оценивается уровнями ее доходности и финансовой устойчивости. Уровень риска деятельности предприятия возрастает, если недостаточно развита система документооборота, поскольку это приводит к несвоевременному сбору оперативной информации, на основе которой разрабатываются и принимаются управленческие решения. Для этих целей необходимо снизить вероятность потерь принимаемого управленческого решения за счет сбора всей достоверной информации: как первичной, так и вторичной. Наиболее точную и доступную информацию по рискам обеспечивает

внутренняя статистика и бухгалтерская отчетность предприятия [2; 3]. На данный момент времени предприятия водного транспорта формируют формы бухгалтерской (баланс, отчет о финансовых результатах, приложения к балансу) и статистической отчетности (1-ТР (вод), 1-ПК, 1-тариф (ВВ), 2-ВТ, 11-ВТ, 15-ВТ, 1-река, 65-ВТ, Б-3, Б-5, РП-1), которые раскрывают финансовые и эксплуатационные показатели использования флота, переменных и постоянных затрат.

По структурному признаку коммерческие риски делятся на производственные, торговые, финансовые. Производственные риски – это риски, связанные с убытком от остановки производства вследствие воздействия различных факторов и, прежде всего, с гибелью или повреждением основных и оборотных фондов, а также риски, связанные с внедрением в производство новой техники и технологии. Торговые риски представляют собой риски, связанные с убытком по причине задержки платежей, отказа от платежа в период транспортировки груза и его недоставки [4].

Инвестиционный риск – вероятность отклонения величины фактического инвестиционного дохода от величины ожидаемого [5].

Инвестиционные риски включают в себя следующие подвиды:

1) риск упущенной выгоды – наступление финансового ущерба (неполученная прибыль) в результате неосуществления какого-либо мероприятия;

2) риск снижения доходности – возникает в результате уменьшения размера процентов и дивидендов по портфельным инвестициям, по вкладам и кредитам;

3) риск прямых финансовых потерь – банкротство, кредитный риск [5].

Применительно к стратегической цели управления инвестиционным риском предприятия целесообразно выделить два вида инвестиционных решений:

1) воздействие на денежный поток в сфере долгосрочных инвестиционных решений, связанных с приобретением новых и капитального ремонта находящихся в эксплуатации судов;

2) формирование направлений денежных потоков предприятия с целью упрочения его влияния на внешнюю среду.

Таким образом, стратегическое управление инвестиционными рисками представляет собой воздействие управляющей подсистемы на инвестиционную безопасность предпри-

ятия путем упорядочивания ресурсных потоков и взаимодействия предприятия в условиях неопределенности.

При выборе и обосновании показателей стратегического управленческого учета для системы сбалансированных показателей СК «Волжское пароходство» были выделены: индекс рентабельности инвестиций и срок окупаемости проекта. Индекс рентабельности инвестиций является относительным показателем, используемым при выборе оптимального проекта (если $RI > 1$, то проект принимают).

$$RI = \sum_i \frac{P_i}{(1+r)^i} : I_0,$$

где P_i – чистый денежный поток в i -м году; r – коэффициент, устанавливаемый инвестором; I_0 – величина первоначальных инвестиций.

Срок окупаемости проекта определяется продолжительностью времени, в течение которого прогнозируемые денежные поступления превысят дисконтированную сумму инвестиций:

$$\sum_{t=1}^T CF_t > I_0,$$

где T – период времени окупаемости ($t = 1, \dots, n$), n – число периодов; CF_t – приток денежных средств в период t .

Судоходная компания может инвестировать в новые суда и оборудование для расширения своей деятельности, поскольку полученная прибыль от дополнительных перевозок делает данные инвестиции привлекательными. Кроме того, следует инвестировать в обновление изношенного и устаревшего оборудования, судов, портовых и других сооружений для улучшения эффективности по затратам. В этом случае обоснованием инвестиций является уменьшение производственных расходов.

Результаты инвестирования относятся к будущему периоду времени, следовательно, с уверенностью прогнозировать их величину

проблематично. На реализацию инвестиционных проектов оказывают влияние изменения в политической, социальной, коммерческой и деловой среде; в технике и технологии; производительности и ценах; состояние окружающей среды; действующее налогообложение; правовые и информационные вопросы.

На самой ранней стадии проектирования стратегического развития как по плану, так и фактически рекомендуется не разделять информационное обеспечение на подсистемы, а максимально сблизить все направления и разделить их на уровне формирования отчетности. При использовании данного подхода сохраняется возможность сверки данных, что исключает возможное расхождение на уровне результативной отчетности и позволяет оперативно контролировать и устранять ошибки в исходных данных и при анализе уровня инвестиционных рисков (рис. 1).

Необходимо отметить, что единая информационная база на основе показателей управленческого учета позволяет проводить сверку плановых показателей с фактически достигнутыми, что усиливает степень контроля за выполнением плановых показателей, за реализацией инвестиционного проекта и оценкой его результата.

В связи с возрастанием роли учета и перехода к международным стандартам изменяются и требования к отчетности. Для осуществления внутреннего контроля необходимо создание информационной базы, которая позволит осуществить мониторинг стратегии развития предприятий.

Единый подход к формированию сводного внутреннего отчета предприятия позволяет создать инструментарий в виде отчетных форм *персонифицированной ответственности* служб предприятия и *солидарной ответственности* обособленных подразделений в целом.

Внедрение данной системы позволяет получать информацию, необходимую для принятия своевременных управленческих решений, выявления и количественного измерения рисков на предприятиях водного транспорта, а также повысить эффективность управления в целом по отрасли.

Рис. 1. Структурная схема формирования информационного обеспечения

Таблица 1

Сводный отчет СК «Волжское пароходство» за 2013 г.

Центры ответственности	Управление грузовых перевозок	Топливный отдел	Отдел претензий	Отдел закупок	Финансовое управление	Управление экономики	Управление бух. учета	Управление кадров
ССП								
Объем перевозок грузов, млн т	6,6	25	0,6	6,6		7,2	7,2	
Грузооборот, млрд ткм	8,2					8,8		
Прибыль, млн руб.	726				726	726	726	
Рентабельность, %					14,8	14,8	14,8	
Общие затраты, млн руб.	4072	1059		118	4072	881	2896	
Коэффициент износа					+	+	+	
Коэффициент годности					+		+	
Уровень инфляции, %					6,5	6,5	6,5	
Ставка % кредита					18,5	18,5	18,5	
Индекс рентабельности инвестиций					0,8	0,8	0,8	
Срок окупаемости, лет					15	15	15	
Вероятность дефицита топлива, %	8	8				8		
Норма спроса, %	83					83		
Степень удовлетворения заказами, %	92		8			92		
Уровень недостатков сервиса, %	12,7		12,7			12,7		
Полнота охвата заказами, шт.	865			865	865			
Производительность труда, тыс. руб./человек	1943					1943		1943
Коэффициент текучести кадров	0,3					0,3		0,3
Средняя заработная плата, руб.					29740	29740	29740	29740

Взаимосвязь показателей с центрами ответственности должна быть отражена в еди-

ном регламентирующем документе «Сводный отчет», который определяет организаци-

онно-методические и календарно-временные рамки процесса развития деятельности предприятий водного транспорта (табл. 1).

На основе экспертных оценок или исходя из имеющегося опыта для ряда сбалансированных показателей устанавливаются ограничения, превышение либо снижение которых означает неэффективную работу подразделения или предприятия (например, рентабельность должна быть не ниже 15 %, выручка не меньше 2 млн руб., запас топлива на складе – от 1 до 2 тыс. т и т. п.).

Таким образом, использование подобной внутренней формы управленческого учета позволит:

- анализировать информацию о производственно-хозяйственной деятельности предприятия водного транспорта за любой из выбранных периодов времени;
- оценить отклонения сбалансированных показателей стратегического управленческого учета от среднего значения отрасли;
- на основе полученных значений ранжировать факторы риска внешней и внутренней среды и оценить их влияние на стратегическое развитие и процесс инвестирования, реализуемый судоходной компанией, что позволит снизить риски;
- устранить информационную неопределенность как всего предприятия в целом, так и центров ответственности.

-
1. Федеральная служба государственной статистики (Росстат): данные по пассажирским перевозкам внутренним водным транспортом в Российской Федерации и регионах, по цели и

дальности отправления, 2008–2011. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 21.11.2013).

2. *Абрамов А.А., Антонова И.В.* Прединвестиционный анализ рисков проекта на основе бухгалтерской отчетности предприятия // *Экономический анализ: теория и практика.* 2011. Вып. 18 (225). С. 2-9.
3. *Абрамов А.А., Антонова И.В.* Оценка факторов риска инвестиционного проекта на основе скорректированных денежных потоков // *Экономический анализ: теория и практика.* 2012. Вып. 8 (263). С. 9-18.
4. *Абрамов С.И.* Оценка риска инвестирования // *Экономика строительства.* 2002. № 12. С. 3-10.
5. *Бард В.С.* Инвестиционные проблемы российской экономики. М., 2002.

-
1. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat): dannye po passazhirskim perevozкам vnutrennim vodnym transportom v Rossiyskoy Federatsii i regionakh, po tseli i dal'nosti otpravleniya, 2008–2011. URL: <http://www.gks.ru> (data obrashcheniya: 21.11.2013).
 2. *Abramov A.A., Antonova I.V.* Predinvestitsionnyy analiz riskov proekta na osnove bukhgalterskoy otchetnosti predpriyatiya // *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika.* 2011. Vyp. 18 (225). S. 2-9.
 3. *Abramov A.A., Antonova I.V.* Otsenka fakto-rov riska investitsionnogo proekta na osnove skorrektirovannykh denezhnykh potokov // *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika.* 2012. Vyp. 8 (263). S. 9-18.
 4. *Abramov S.I.* Otsenka riska investirovaniya // *Ekonomika stroitel'stva.* 2002. № 12. S. 3-10.
 5. *Bard V.S.* Investitsionnye problemy rossiyskoy ekonomiki. M., 2002.

Поступила в редакцию 11.12.2013 г.

UDC 657.22:[656.62:658.5]

ASSESSMENT OF INVESTMENT RISK SHIPPING COMPANIES BASED ON INDICATORS OF STRATEGIC MANAGEMENT ACCOUNTING

Irina Ergardovna GURR, Volga State Academy of Water Transport, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Senior Lecturer of Accounting, Analysis and Audit Department, e-mail: gurr-irina@yandex.ru.

The role of strategic management accounting as an information base for decision-making is considered. The problems related to attracting investment in passenger and cargo fleet, causing to low technical level and the poor state of their industrial base and infrastructure, are disclosed. In relation to the strategic objectives for the management of investment risk the indicators of strategic management accounting are shown such as the index of ROI and payback period. There is an example of a summary report that will allow analyzing information on production and economic activity of water transport for any of the selected periods of time; to evaluate the deviation indicators of strategic management accounting and their impact on strategic development and investment process; to rank the risk factors of external and internal environment in company's activity; eliminate uncertain information.

Key words: strategic development; balanced scorecard; investments; investment risks; reporting.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 811.111

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ МОБИЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© Ксения Владимировна КАПРАНЧИКОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра лингвистики
и лингводидактики; Воронежский государственный аграрный
университет им. императора Петра I, г. Воронеж,
Российская Федерация, старший преподаватель кафедры
иностранных языков и деловой международной коммуникации,
e-mail: ksenialive@rambler.ru

В настоящее время использование мобильных технологий в обучении иностранному языку в высших учебных заведениях является, с одной стороны, относительно новым направлением, а с другой стороны, современные мобильные технологии рассматриваются в качестве средств дистанционного обучения, предусматривающих переход от традиционных форм обучения к обучению смешанного типа. Однако для того чтобы методика обучения иностранному языку на основе мобильных технологий была эффективной, требуется учет ряда психолого-педагогических условий организации учебного процесса на основе мобильных технологий. Данная статья посвящена вопросу выявления и обоснования этих психолого-педагогических условий. К таким условиям автор предлагает относить следующие: а) мотивация студентов к использованию мобильных технологий в качестве вспомогательных средств обучения; б) готовность преподавателей осуществлять обучение на основе мобильных технологий; в) ИКТ компетентность студентов; г) ИКТ компетентность преподавателя иностранного языка; д) организация обучения иностранному языку на основе личностно-деятельностного подхода. Подробно описаны все пять выделенных психолого-педагогических условий.

Ключевые слова: мобильные технологии; информационно-коммуникационные технологии; обучение иностранному языку; психолого-педагогические условия.

На современном этапе развития педагогической науки использование мобильных технологий в высшей школе для учебных целей является, с одной стороны, относительно новым направлением в методике обучения иностранному языку, требующим отдельного тщательного изучения, а с другой стороны, мобильные технологии рассматриваются в качестве уже вполне изученных средств дистанционного обучения, предусматривающих переход от традиционных форм обучения к более смешанному типу.

Как правило, развитие технического прогресса обуславливает прогноз дальнейшего использования мобильных технологий для учебных целей. Однако стоит отметить, что отечественные методические разработки значительно отличаются от западных анало-

гов вследствие задержки появления современных технологий на российском рынке. Поскольку за рубежом происходила постепенная интеграция мобильных технологий в учебный процесс (от простейших аудиоплееров и карманных персональных компьютеров (КПК) к инновационным смартфонам, планшетным компьютерам и игровым консолям), в нашей стране наблюдается совершенно другая ситуация, когда необходимо незамедлительное внедрение более современных технологий, что, в свою очередь, требует больше усилий и подготовки профессорско-преподавательского состава к использованию мобильных технологий на разных этапах обучения.

Тем не менее, несмотря на разные подходы к интеграции мобильных технологий в

процесс обучения в западной и отечественной методиках, актуальность их использования не вызывает сомнений, что подтверждает сложившийся к настоящему времени внушительный корпус работ, посвященных теоретическому обоснованию и опыту использования данных технологий в образовательном процессе [1–3]. Анализ данных исследований позволил выявить ряд психолого-педагогических условий использования мобильных технологий в обучении студентов иностранному языку, которые позволяют оптимизировать учебный процесс и добиться более эффективных результатов.

Одним из таких психолого-педагогических условий использования мобильных технологий в обучении студентов иностранному языку является **мотивация студентов использовать мобильные технологии в качестве вспомогательных средств обучения.**

Несомненно, успешная организация учебного процесса во многом зависит от уровня мотивации обучающихся к познавательной деятельности, который необходимо постоянно поддерживать. С этой целью занятия по иностранному языку должны быть построены таким образом, чтобы каждый студент был активным участником учебного процесса, а преподаватель имел широкие возможности управления им.

Само понятие «мотивация» (лат. *movere*) в широком смысле обозначает побуждение человека к действию с целью удовлетворения своих потребностей как физиологических, так и психологических. Поскольку в психологии и педагогике мотивация является основным средством регулирования деятельности человека, то роль мотивации в обучении довольно велика. Однако стоит помнить, что в зависимости от возраста и рода деятельности изменяются источник и уровень мотивации. Например, для студента особую важность играет мотивация к обучению, в то время как для более взрослого человека – мотивация к получению высокого статуса в обществе и приличного заработка.

Говоря о классификации видов мотивации, прежде всего, различают внутреннюю и внешнюю, положительную и отрицательную мотивацию. Внутренние мотивы акцентируют способность человека выполнять определенные действия с целью получения удовлетворения от результата своей деятельности, а

также способствуют усилению чувства уверенности в своих силах. Напротив, внешние мотивы зависят от ряда факторов: ответственности перед окружающими, одобрения, материального вознаграждения, особого статуса в обществе, наказания и т. д. Таким образом, внешние мотивы никак не связаны ни с содержанием, ни с процессом выполняемой деятельности. Из этого следует, что внешняя мотивация способствует увеличению объема выполняемой работы, в то время как внутренняя мотивация отвечает за ее качество.

Положительная мотивация к познавательной деятельности основана на положительных стимулах. Например, если студент сдаст экзамены на отличные оценки, то будет получать повышенную стипендию, или если студент посещал все занятия в семестре, то сможет получить зачет автоматом. Сущность негативной мотивации заключается в побуждении к действию за счет избегания возможных неприятностей или наказания за невыполнение работы. Например, если студент не будет разговаривать на занятиях, то его не выгонят из аудитории, или, если студент не записал лекцию, то он не подготовится к семинару. Следовательно, под влиянием определенных стимулов происходит побуждение студентов к познавательной деятельности, однако характер негативной мотивации часто намного сильнее, т. к. «наказание» – довольно действенный фактор для мотивации.

В настоящее время методика преподавания иностранных языков столкнулась с довольно актуальной проблемой: как сделать современные занятия по иностранному языку более интересными и познавательными. Формирование учебной мотивации, прежде всего, – это создание условий для реализации внутренних потребностей к учению, их осознания и дальнейшего развития. Стимулировать учебную мотивацию преподаватель может с помощью ряда психологических приемов, чтобы сдвинуть акцент с отрицательной мотивации к учению, когда обучающиеся под страхом «наказания» посещают занятия, к положительной, более осознанной и самостоятельной деятельности, когда человек задумывается о своем будущем и выборе профессии. Именно поэтому требуется коренное изменение методик преподавания, а мобильные технологии являются одними из эффективных средств развития учебной мотивации.

Организация обучения иностранному языку с привлечением мобильных технологий позволяет, во-первых, нетрадиционным способом решать поставленные задачи коммуникативного характера, а во-вторых, способствует использованию формы проектной деятельности, в рамках которой отмечается повышение мотивации к исследовательской деятельности. Но при всем при этом не стоит забывать о роли преподавателя, который отвечает за целостность и эффективность учебного процесса. В данном случае преподаватель играет роль тьютора, отбирая определенные средства, позволяющие альтернативным способом добиться эффективного результата. Используя мобильные технологии при обучении иностранному языку, преподаватель может оптимизировать учебный процесс в соответствии с индивидуальными и возрастными особенностями обучающихся. Так, например, при аудировании обучающийся сможет прослушать интересующий его фрагмент аудиозаписи столько раз на своем аудиоплеере, сколько будет необходимо для полного понимания текста, что будет учитывать его личный темп восприятия информации. Также при чтении текста на иностранном языке обучающийся сталкивается с незнакомыми устойчивыми выражениями, используя мобильный словарь, можно будет раскрыть значение незнакомого словосочетания. Таким образом, мобильные технологии будут привлекать и мотивировать обучающихся к познавательной деятельности.

Безусловно, использование мобильных технологий в обучении иностранному языку позволит раскрыть творческий потенциал личности обучающихся и будет способствовать привлечению внимания за счет нетрадиционной подачи учебного материала и форм обратной связи. Однако не стоит полностью полагаться на потенциал мобильных технологий ввиду того, что преподавателю необходимо вводить ряд ограничений на использование мобильных технологий в связи с разнообразием контента и приложений, отвлекающих внимание студентов от учебного процесса.

Следовательно, использование мобильных технологий в обучении иностранному языку *в качестве вспомогательных средств обучения* способствует повышению уровня

мотивации студентов к познавательной деятельности за счет следующих факторов:

- новизны форм подачи учебного материала, вызывающих интерес у студентов;
- мультимедийных возможностей, которые предоставляются современными мобильными технологиями;
- самостоятельного или коллективного осуществления исследовательской деятельности при выполнении поставленных учебных задач;
- эффективности поиска необходимой информации для учебных целей;
- дифференциации учебных заданий, соответствующих индивидуальным потребностям обучающихся.

Следующим психолого-педагогическим условием использования мобильных технологий в обучении студентов иностранному языку является ***готовность преподавателей осуществлять обучение на основе мобильных технологий.***

Интенсивное влияние компьютеризации сферы образования в Российской Федерации на реформирование содержания, методов и технологий обучения способствовало реализации ряда федеральных программ по созданию информационной образовательной среды, в рамках которой обучающиеся могут заниматься своим образованием и самообразованием с помощью современных информационных и коммуникационных и мобильных технологий [4–7].

Однако проведенные социальные исследования указывают на то, что профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений не всегда готов к инновационным изменениям, и на то имеется ряд объективных причин.

Прежде всего, отсутствие навыков работы как с информационными и коммуникационными, так и с мобильными технологиями тормозит процесс информатизации образования в целом. Так, довольно часто педагоги с большим стажем работы просто не владеют ими в силу своих консервативных убеждений или нежелания осознавать значимость нововведений. Большинство преподавателей признаются, что испытывают психологический барьер перед освоением ИКТ и мобильных технологий ввиду того, что сомневаются в их методических возможностях, а если и используют их, то обычно для того, чтобы реа-

лизовать с их помощью уже имеющиеся методические разработки. Соответственно, не используется широкий арсенал возможностей, которые предоставляются современными мобильными технологиями при организации учебного процесса. Более того, многие преподаватели запрещают студентам использовать мобильные технологии на занятиях по иностранному языку в качестве вспомогательных средств обучения, благодаря чему формируют негативное отношение к изучаемому предмету.

Таким образом, преподаватель иностранного языка должен осознавать, что с интеграцией современных мобильных технологий изменяется информационная культура учебного заведения и роль педагога в целом.

В ходе проведения курсов повышения квалификации преподавателей иностранного языка необходимо *убеждать*, что:

- владение навыками работы с компьютером и мобильными технологиями является одним из критериев подготовки компетентного работника в сфере образования;
- использование мобильных технологий в обучении иностранному языку способствует повышению уровня мотивации обучающихся;
- ИКТ и мобильные технологии выступают в качестве эффективного инструмента решения педагогических задач, позволяя выходить за рамки УМК и значительно расширять их содержание;
- за счет использования мобильных технологий увеличивается скорость и объем выполняемой учебной работы;
- мобильные технологии способствуют интенсификации самостоятельной работы обучающихся;
- мобильные технологии позволяют найти личностный подход к каждому студенту, учитывая его потребности и индивидуальные особенности;
- мобильные технологии позволяют развивать творческое мышление обучающихся;
- мобильные технологии можно использовать на всех этапах обучения без каких-либо ограничений.

Однако, учитывая все преимущества мобильных технологий, необходимо контролировать степень их интеграции в процесс обучения иностранному языку, поскольку их

использование должно становиться не самоцелью, а средством формирования иноязычной коммуникативной компетенции. В связи с этим преподаватель должен быть готов к применению мобильных технологий в учебном процессе и осознавать важность их методического потенциала, а также не препятствовать их использованию при обучении.

Третьим психолого-педагогическим условием использования мобильных технологий в обучении студентов иностранному языку является **ИКТ компетентность студентов**.

Общепризнано, что информационные и коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью жизни любого человека. В соответствии с современными требованиями к подготовке специалистов в области иностранных языков владение навыками работы с ИКТ приравнивается к умениям чтения и письма. При устройстве на престижную работу владение навыками использования персонального компьютера играет немаловажную роль. Таким образом, основной задачей образования является формирование у обучающихся универсальных установок, необходимых для полноценного функционирования в информационной образовательной среде.

Под *ИКТ компетентностью студента* понимается способность решать учебные задачи с помощью информационных и коммуникационных технологий.

Формирование теоретических знаний и развитие умений и навыков по использованию ИКТ позволяет подготовить обучающихся к взаимодействию и коммуникации в профессиональной сфере, а также акцентирует внимание на необходимости самостоятельной учебной деятельности обучающихся. Однако стоит учитывать, что ИКТ компетентность не является межпредметным образованием, несмотря на то, что выделяют ее инвариантные компоненты. Например: подкасты могут быть использованы в обучении иностранному языку для развития умений говорения и аудирования, в то время как осуществление поиска информации и ее отбор для учебных целей будет являться универсальным умением как для иностранного языка, так и для многих других дисциплин: математики, истории, химии и т. д.

Кроме того, студент должен владеть элементарными правилами соблюдения ин-

формационной и личной безопасности [8]. Организация учебной работы имеет здесь доминирующее значение. Так, например, необходимо соблюдать количество времени, проведенное за компьютером, т. к. это сказывается на здоровье человека: зрении, нервной системе, опорно-двигательной системе и т. д. Помимо этого, студент должен понимать и соблюдать правила конфиденциальности при работе с информационными и коммуникационными технологиями: не сохранять пароли и личную информацию на чужих компьютерах и мобильных устройствах, никому не передавать пароли доступа к персональной зоне в сети Интернет: электронной почте, форумам и социальным сетям. Особое положение занимает фильтрация интернет-контента, поскольку в сети можно встретить противоречивую информацию, поданную с разных точек зрения, что зачастую вводит в заблуждение. С этой целью были созданы специальные программы, которые предотвращают рассылку спама и доступа к нежелательным интернет-источникам.

В связи с интенсивным развитием рынка мобильных технологий иногда затруднительно сказать, является ли студент компетентным в этой области, однако не всегда самые новые технологии используются на рабочих местах, а скорее проводится их смешанное использование.

Четвертым психолого-педагогическим условием использования мобильных технологий в обучении студентов иностранному языку является ***ИКТ компетентность преподавателя иностранного языка***.

Говоря о сформированности ИКТ компетентности преподавателя иностранного языка, необходимо отметить, что, в первую очередь, педагог является не только уверенным пользователем персонального компьютера и мобильных технологий, но и человеком, способным к накоплению и распространению опыта работы с информационными и коммуникационными технологиями.

Мобильные технологии представляют собой эффективный инструмент обучения, который органично вписывается в методическую систему для получения ожидаемого результата. Хотя мобильные технологии и не заменяют учебные материалы и не ущемляют роль преподавателя, они коренным образом

изменяют методику преподавания иностранного языка.

Рассматривая ИКТ компетентность преподавателя иностранного языка как комплексное явление, необходимо отметить следующие требования, предъявляемые к нему:

- сформированность ИКТ грамотности, позволяющей использовать богатый потенциал персонального компьютера, мобильных устройств и программного обеспечения;
- осознание использования мобильных технологий в обучении иностранному языку с целью формирования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов;
- адекватное использование мобильных технологий в обучении с целью повышения качества образования.

Таким образом, под *ИКТ компетентностью преподавателя иностранного языка* понимается способность решать *профессиональные задачи* с помощью информационных и коммуникационных технологий для развития у студентов речевых умений и формирования языковых навыков [9–11].

В табл. 1 представлена структура ИКТ компетентности преподавателя иностранного языка, состоящая из пяти компонентов: ценностно-мотивационного, когнитивного, операционного, коммуникативного и рефлексивного [9–10].

В рамках данного исследования особый интерес представляет структура *ИКТ компетенции* преподавателя иностранного языка, представленная двумя основными компонентами: знаниями и соответствующими им умениями и навыками. Так, теоретическую базу ИКТ компетенции преподавателя иностранного языка составляют следующие знания о/об:

- основах работы с поисковыми системами сети Интернет, осуществлении поиска и отбора информации для учебных целей [12];
- проведении оценки извлекаемой из сети Интернет информации для учебных целей [12];
- технологиях создания пяти видов учебных интернет-ресурсов: хотлист, мультимедиа скрепбук, трежа хант, сабджект семпла, вебквест [13];
- технологиях Веб 2.0 в обучении иностранному языку: блог-технологии, вики-технологии, подкастах и др. [14–16];

Таблица 1

ИКТ компетентность преподавателя иностранного языка

Компоненты	Описание
Ценностно-мотивационный	Преподаватель иностранного языка осознает важность использования ИКТ для решения профессиональных задач, проявляет активность в использовании ИКТ
Когнитивный	Преподаватель иностранного языка демонстрирует сформированность представлений об ИКТ и их методическом потенциале
Операционный	Преподаватель иностранного языка использует полученные знания по использованию ИКТ на практике
Коммуникативный	Преподаватель иностранного языка обсуждает с коллегами вопросы использования современных ИКТ для решения профессиональных задач, делится опытом успешного применения ИКТ на практике
Рефлексивный	Преподаватель иностранного языка занимается самооценкой и анализом производимой учебной деятельности на основе ИКТ

– способах применения информационно-справочных ресурсов сети Интернет в обучении иностранному языку: лингвистический корпус, сетевые энциклопедии и словари [17–18];

– использовании сетевых тестов в обучении иностранному языку;

– основах обеспечения информационной безопасности при работе с интернет-ресурсами [6];

– организации сетевого взаимодействия между обучающимися [19].

Однако данная структура ИКТ компетенции не является статичной, поскольку с появлением новых информационных и коммуникационных технологий может претерпевать качественные изменения.

Пятым психолого-педагогическим условием использования мобильных технологий в обучении студентов иностранному языку является **организация обучения иностранному языку на основе личностно-деятельностного подхода**.

При анализе вопросов учебно-воспитательного процесса становится очевидным, что понятие «подход» *практически всегда* рассматривается с позиции преподавателя. Ведь именно преподаватель создает те условия, которые позволяют обучающимся эффективно развиваться.

Личностно-деятельностный подход был разработан в середине 80-х гг. XX в. и предназначался педагогам для субъектно-ориентированного управления учебной деятельностью обучающегося с целью решения задач разного уровня сложности [20]. Сущность личностно-деятельностного подхода состоит в объединении деятельностного и личност-

ного компонентов. Таким образом, личностно-деятельностный подход ставит в центр обучения самого обучающегося, его психологические качества, цели и мотивы, а преподаватель в рамках данного подхода должен максимально ориентироваться на индивидуально-психологические, возрастные, половые, национальные и статусные особенности обучающихся. В связи с этим происходит замена роли преподавателя с информатора, источника знаний, на тьютора, друга и помощника, которая сводится к:

– отбору содержания обучения с учетом индивидуальных особенностей обучающихся;

– мотивации обучающихся к познавательной деятельности;

– консультации и помощи обучающимся при столкновении с трудностями;

– контролю за успеваемостью целой группы и каждого отдельного обучающегося.

С позиции обучающихся в рамках реализации личностно-деятельностного подхода предполагается полная свобода выбора: от методов и технологий обучения, учебных пособий и средств обучения до преподавателя.

Личностно-деятельностный подход предполагает:

– обеспечение безопасности учебной деятельности, способствующее росту обучающегося как личности;

– активность обучающегося в решении задач проблемного характера за счет доверительных отношений с преподавателем;

– единство внешних и внутренних мотивов, приводящих к достижению поставленных целей;

– участие в решении конкретной учебной задачи вместе с другими обучающимися как проявление чувства принадлежности к учебной группе и уверенности в своих силах [20].

На основании этого можно судить о том, что личностно-деятельностный подход направлен не только на развитие профессиональной компетенции обучающегося, но и личности в целом, а переход от внешних мотивов к внутренним расценивается как проявление рефлексии – самооценки и самоанализа.

Использование мобильных технологий в обучении иностранному языку идеально подходит для реализации личностно-деятельностного подхода к обучению, т. к. позволяет подобрать персональный темп усвоения материала для каждого обучающегося, причем если студент сталкивается с трудностями, то у него всегда есть возможность вернуться к трудному фрагменту и изучить его еще раз. Особую важность представляет реализация принципа обратной связи, обеспечивающего понимание учебного материала со стороны обучающегося и для коррекции возможных ошибок со стороны преподавателя. Для мотивации обучающихся особое значение играет организация проектного обучения, в рамках которого каждый обучающийся принимает в нем участие и проникается чувством ответственности, что, в свою очередь, способствует формированию творческих и коммуникативных умений.

Таким образом, для построения эффективной методики использования мобильных технологий в обучении иностранному языку необходимо применять их с другими образовательными технологиями, не отрицая, а дополняя друг друга.

На основании вышеизложенного использование мобильных технологий в обучении иностранному языку будет более эффективным, если разработка соответствующей методики будет осуществляться с учетом следующих психолого-педагогических условий:

1) мотивация студентов к использованию мобильных технологий в качестве вспомогательных средств обучения;

2) готовность преподавателей осуществлять обучение на основе мобильных технологий;

3) ИКТ компетентность студентов;

4) ИКТ компетентность преподавателя иностранного языка;

5) организация обучения иностранному языку на основе личностно-деятельностного подхода.

1. Андреев А.А. Применение сети Интернет в учебном процессе // Информатика и образование. 2005. № 9. С. 2-7.
2. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных интернет-технологий. Москва; Ростов-на-Дону, 2010.
3. Сысоев П.В. Направления и перспективы информатизации языкового образования // Высшее образование в России. 2013. № 10. С. 90-97.
4. Роберт И.В. Основные направления информатизации образования в отечественной школе // Вестник МГПУ. Серия Информатика и информатизация образования. 2005. № 5. С. 106-114.
5. Сысоев П.В. Информатизация языкового образования: основные направления и перспективы // Иностранные языки в школе. 2012. № 2. С. 2-9.
6. Сысоев П.В. Информатизация языкового образования: основные направления и перспективы (окончание) // Иностранные языки в школе. 2012. № 3. С. 2-9.
7. Сысоев П.В. Обучение по индивидуальной траектории // Язык и культура. 2013. № 4 (24). С. 121-131.
8. Сысоев П.В. Информационная безопасность учащихся при работе в образовательной интернет-среде: современный ответ на вызовы времени // Иностранные языки в школе. 2011. № 10. С. 16-20.
9. Евстигнеев М.Н. Компетентность учителя иностранного языка в области использования информационно-коммуникационных технологий // Иностранные языки в школе. 2011. № 9. С. 2-9.
10. Евстигнеев М.Н. Методика формирования компетентности учителя иностранного языка в области использования информационных и коммуникационных технологий: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2012.
11. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Компетентность учителя иностранного языка в области использования информационно-коммуникационных технологий: определение понятий и компонентный состав // Иностранные языки в школе. 2011. № 6. С. 16-20.
12. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Учебные интернет-ресурсы в системе языковой подго-

- товки учащихся // Иностранные языки в школе. 2008. № 8. С. 11-15.
13. *Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н.* Современные учебные интернет-ресурсы в обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2008. № 6. С. 1-10.
 14. *Сысоев П.В.* Блог-технология в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2012. № 4 (20). С. 115-127.
 15. *Сысоев П.В.* Вики-технология в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2013. № 3 (23). С. 140-152.
 16. *Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н.* Технологии Веб 2.0: Социальный сервис подкастов в обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2009. № 6. С. 8-11.
 17. *Сысоев П.В.* Лингвистический корпус, корпусная лингвистика и методика обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2010. № 5. С. 12-21.
 18. *Сысоев П.В., Кокорева А.А.* Обучение студентов профессиональной лексики на основе корпуса параллельных текстов // Язык и культура. 2013. № 1 (21). С. 114-124.
 19. *Ежиков Д.А.* Методика развития речевых умений студентов на основе средств синхронной видео-интернет-коммуникации (английский язык, неязыковой вуз): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2013.
 20. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология. М., 2002.
 7. *Sysoev P.V.* Obuchenie po individual'noy traektorii // Yazyk i kul'tura. 2013. № 4 (24). С. 121-131.
 8. *Sysoev P.V.* Informatsionnaya bezopasnost' uchashchikhsya pri rabote v obrazovatel'noy internet-srede: sovremennyy otvet na vyzovy vremeni // Inostrannye yazyki v shkole. 2011. № 10. С. 16-20.
 9. *Evstigneev M.N.* Kompetentnost' uchitelya inostrannogo yazyka v oblasti ispol'zovaniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy // Inostrannye yazyki v shkole. 2011. № 9. С. 2-9.
 10. *Evstigneev M.N.* Metodika formirovaniya kompetentnosti uchitelya inostrannogo yazyka v oblasti ispol'zovaniya informatsionnykh i kommunikatsionnykh tekhnologiy: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 2012.
 11. *Sysoev P.V., Evstigneev M.N.* Kompetentsiya uchitelya inostrannogo yazyka v oblasti ispol'zovaniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy: opredelenie ponyatiy i komponentnyy sostav // Inostrannye yazyki v shkole. 2011. № 6. С. 16-20.
 12. *Sysoev P.V., Evstigneev M.N.* Uchebnye internet-resursy v sisteme yazykovoy podgotovki uchashchikhsya // Inostrannye yazyki v shkole. 2008. № 8. С. 11-15.
 13. *Sysoev P.V., Evstigneev M.N.* Sovremennye uchebnye internet-resursy v obuchenii inostrannomu yazyku // Inostrannye yazyki v shkole. 2008. № 6. С. 1-10.
 14. *Sysoev P.V.* Blog-tekhnologiya v obuchenii inostrannomu yazyku // Yazyk i kul'tura. 2012. № 4 (20). С. 115-127.
 15. *Sysoev P.V.* Viki-tekhnologiya v obuchenii inostrannomu yazyku // Yazyk i kul'tura. 2013. № 3 (23). С. 140-152.
 16. *Sysoev P.V., Evstigneev M.N.* Tekhnologii Veb 2.0: Sotsial'nyy servis podkastov v obuchenii inostrannomu yazyku // Inostrannye yazyki v shkole. 2009. № 6. С. 8-11.
 17. *Sysoev P.V.* Lingvisticheskiy korpus, korpusnaya lingvistika i metodika obucheniya inostrannym yazykam // Inostrannye yazyki v shkole. 2010. № 5. С. 12-21.
 18. *Sysoev P.V., Kokoreva A.A.* Obuchenie studentov professional'noy leksike na osnove korpusa parallel'nykh tekstov // Yazyk i kul'tura. 2013. № 1 (21). С. 114-124.
 19. *Ezhikov D.A.* Metodika razvitiya rechevykh umeniy studentov na osnove sredstv sinkhronnoy video-internet-kommunikatsii (angliyskiy yazyk, neyazykovoy vuz): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 2013.
 20. *Zimnyaya I.A.* Pedagogicheskaya psikhologiya. M., 2002.

Поступила в редакцию 17.12.2013 г.

UDC 811.111

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING BASED ON MOBILE TECHNOLOGIES

Ksenia Vladimirovna KAPRANCHIKOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Linguistics and Linguodidactics Department; Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, Voronezh, Russian Federation, Senior Lecturer of Foreign Languages and International Business Communication Department, e-mail: ksenialive@rambler.ru

Currently, the use of mobile technology in foreign language teaching in higher education institution, on the one hand, is relatively new area, and, on the other hand, advanced mobile technology is seen as a means of distance learning, involving a shift from traditional forms of teaching to mix type learning. However, in order to achieve the efficiency of teaching a foreign language based on mobile technology, a number of psychological and pedagogical conditions of the educational process based on mobile technology should be taken into the account. This article is devoted to the detection and study of psycho-pedagogical conditions. These conditions include: a) the motivation of students to use mobile technologies as tools of learning; b) the willingness of teachers to provide training based on mobile technology; c) students' ICT competence; d) foreign language teachers' ICT competence; and e) the organization foreign language teaching based on the activity theory. In detail all five selected psycho-pedagogical conditions are described.

Key words: mobile technology; information and communication technology; foreign language teaching; psychological and pedagogical conditions.

РИСУНОК В СИСТЕМЕ ДОВУЗОВСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© Валентина Петровна МАМУГИНА

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов,
Российская Федерация, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
архитектуры и строительства зданий, e-mail: mamugina@mail.ru

В многоуровневой системе художественного образования «школа – вуз» отсутствует важный элемент – довузовская подготовка. Рассмотрен актуальный вопрос довузовской подготовки в системе архитектурного образования. Выявлены причины, определяющие необходимость организации структур, готовящих школьников старших классов к поступлению в вуз. Представлен опыт работы по обучению учащихся в художественно-графической студии при университете. Акцентировано внимание на ведущей дисциплине вступительных экзаменов – рисунке. Определены главные задачи данной дисциплины – передача формы и пространства.

Раскрывается содержание понятий «форма», «конструкция», «пространство», метод «обрубков» в изображении, «конструктивный рисунок». Охарактеризован подход к системе обучения рисунку будущих абитуриентов по направлению «Архитектура» – линейно-конструктивный рисунок. В подаче материала использован геометрический метод, позволяющий сопоставлять сложные комбинированные формы с простейшими геометрическими телами.

Рассматриваются графические средства как важный компонент в достижении изобразительности и выразительности в рисунке. Показана методика обучения в художественно-графической студии по подготовке школьников предвузовского возраста по рисунку, направленная на развитие необходимого для будущего обучения в вузе по направлению «Архитектура» объемно-пространственного и художественно-композиционного мышления. Указаны опосредованные средства образовательного пространства вуза, оказывающие влияние на профессиональный выбор будущих абитуриентов.

Ключевые слова: художественное образование; архитектурное образование; довузовская подготовка; художественно-графическая студия; линейно-конструктивный рисунок; объемно-пространственная композиция.

В настоящее время происходят значительные изменения в обществе, которые воздействуют на образовательную сферу. Она должна корректироваться в соответствии с обновленным содержанием. В образовательном пространстве динамично развиваются архитектурно-дизайнерские направления. Необходимость подготовки кадров в учебных заведениях различного уровня по направлениям «Архитектура» и «Дизайн» определяется возросшими требованиями к организации материально-пространственной среды человека. Преобразования в области архитектуры и дизайна связаны с поиском новых выразительных решений по силуэту, массам, пропорциям, масштабу, композиции. Современные требования к уровню организации материально-пространственной среды должны реализовывать качественно подготовленные кадры.

Специалиста высокого класса следует начинать готовить заранее, продумав всю систему подготовки – «школа – вуз». Только обеспечив преемственность и непрерывность всей цепочки ступеней системы художественного образования, можно добиться успе-

ха. Наиболее уязвимым местом в этой системе является довузовское звено. Необходимость организации довузовских структур по подготовке школьников к поступлению в высшие учебные заведения определяется рядом причин [1]:

- в общеобразовательных школах уроки изобразительного искусства и черчения завершаются в среднем звене обучения;
- художественная школа осуществляет только четырехлетнюю подготовку и не включает обучение старшеклассников;
- требования к вступительному экзамену по рисунку, живописи, композиции намного выше, чем тот объем знаний и умений, которые дети получают в школах;
- наличие различий в требованиях к содержанию конкурсных экзаменов, определяемое спецификой специальности учебного заведения.

Данные противоречия в системе художественного образования должны преодолеваются через различные формы дополнительного образования. Учащиеся общеобразовательных школ и выпускники художественных школ, составляющие «костяк» посту-

пающих в художественные вузы, испытывают потребность в довузовской подготовке. В модели многоуровневой системы образования художественно-изобразительное направление подготовки старшеклассников предвузовского возраста отсутствует [2].

Специфика образовательных учебных заведений, которые осуществляют набор абитуриентов на художественные специальности, влияет на содержательную сторону дисциплин экзаменационных испытаний: «живопись», «композиция», «рисунок». Вариативность содержания программных заданий вступительных экзаменов по данным дисциплинам обуславливает и изменения в подходах к обучению. Начальная академическая художественная подготовка в дальнейшем претерпевает некоторые изменения с учетом специализации учебного заведения, выбранного для поступления. Это касается в большей степени композиции и в меньшей – рисунка и живописи. Требования к экзаменам по рисунку и живописи в целом базируются на академическом подходе. Изменяются только по сложности объект изображения (по живописи – это натюрморт, портрет человека; по рисунку – изображение гипсовой головы античного образца или рисование капители, гипсового орнамента), требования к его изобразительной подаче. В задании по композиции содержание и подходы к его реализации варьируются с учетом профиля образования (станковая, декоративная, архитектурная композиции и др.). В этом процессе требуется большой творческий потенциал и самого педагога для поиска пути быстрой и эффективной довузовской подготовки обучаемого.

В художественной практике для обучения будущих абитуриентов предлагается в качестве связующего звена в модели образования «школа – вуз» создание *подготовительных курсов* или *художественных студий*. Это может быть одно или двухгодичное обучение. Более качественную подготовку можно осуществлять, если есть больше времени. Первый год рассматривается как базовый для обучения процессу рисования, а второй – как подготовительный, связанный с требованиями заданий экзаменационных испытаний.

В многоуровневой подготовке «школа – вуз» при Тамбовском государственном техническом университете работает *художественно-графическая студия (ХГС)*. Она вхо-

дит в систему довузовского образования при университете. В студии готовят старшеклассников к поступлению на направление «Архитектура» [3].

Система довузовского обучения учащихся в ХГС строится на основе традиций российской школы рисунка, заложенных в XVIII в. Российской академией художеств. Исторически доказав качественность данной методики художественного образования, академическая школа рисунка сохраняется и действует в настоящее время как основа обучения в художественных заведениях среднего и высшего звена образования.

Программа обучения в художественно-графической студии для поступления на направление «Архитектура» включает занятия по следующим направлениям: рисунок, объемно-пространственная композиция (ОПК: черчение, макетирование, графическая композиция). Она содержит обучающие материалы, необходимые для сдачи вступительного экзамена по рисунку и композиции, а также предполагают общехудожественную подготовку как начальный этап для обучения в вузе.

Рисунок – важный элемент в системе многоуровневой архитектурной подготовки. Он для данного профессионального образования идет из довузовского обучения и продолжается на начальных курсах вузовской подготовки. Этот предмет лежит в основе становления архитектора. Рисование является средством познания окружающего мира, способом графического выражения своих идей, эмоций, знаний. Рисунок в профессии архитектора является средством реализации архитектурного замысла. В процессе формирования архитектурного образа, прежде чем появятся макеты и чертежи, именно рисунок может дать архитектору представление о конечном результате. Рисунок, прежде всего, для архитектора – «средство точно выразить свою мысль» [4, с. 6].

В системе архитектурного образования обучение рисунку имеет свои особенности. Это обусловлено спецификой творческого метода архитектора. Наибольшее внимание уделяется развитию пространственного, аналитического мышления, т. к. архитектор в основном работает по представлению. Зодчему необходимо проникать в структуру и конструкцию предмета, не ограничиваясь внешним восприятием объекта. Изучать предмет и одновременно изображать его яв-

ляется методом работы архитектора. Рисунок в структуре архитектурного образования является тем элементом, при помощи которого формируется у будущих зодчих особое профессиональное мышление.

С этой точки зрения мы рассматриваем и процесс довузовского обучения рисованию. Так называемый «*конструктивный рисунок*», позволяющий изобразить видимые и невидимые контуры формы, понять причину, создавшую данный объект, заставляет проникать в суть вещей, анализировать их. Многообразие окружающей нас действительности предполагает бесконечное совершенствование своих художественных навыков и приемов изображения. Поэтому мы в курсе рисунка с учащимися изучаем изобразительные основы «конструктивного рисования» [5]. Сначала изучаются простые плоские и объемно-пространственные формы, а затем более сложные. Научившись воспринимать мир в объеме, с невидимыми гранями, плоскостями, элементами формы, наши учащиеся будут иметь знания, которые в дальнейшем помогут им в освоении архитектурных дисциплин. Главной формой обучения рисунку является рисунок с натуры, который помогает учащемуся приобрести теоретические знания и практические навыки, связанные с процессом построения изображения на плоскости.

Главная задача рисунка – это передача формы и пространства. При помощи графических средств передается конструкция, моделируется ее форма, создается пространственная характеристика. Форма представляет собой единство внутреннего и внешнего содержания объекта. Внутреннее содержание формы рассматривается как конструкция. Она является основой формы, связывает отдельные элементы и части в единое целое. Чтобы избежать ошибок в передаче формы, необходимо вначале научиться строить на плоскости конструкцию объемных предметов с помощью осей, диагоналей и нахождения узловых точек [6]. Приступая к рисованию предмета с натуры, необходимо приучить себя представлять внутреннюю конструкцию предмета, сделав его внешней частью как бы прозрачной. Всматриваясь в натуру, мы видим вначале общие очертания, затем детали. Постепенно в процессе анализа сложной формы мы обнаруживаем, что в основе ее лежат простые геометрические тела. Это происходит от того, что мы склонны

отыскивать порядок и простоту в окружающем нас разнообразии [7].

Ошибка начинающих рисовальщиков часто в том, что они изображают только видимые части предмета, не представляя его внутренней конструкции. Рисунок поэтому становится плоским, вялым, неубедительным. От преподавателя требуется в обучении использовать задания, позволяющие понять конструктивную закономерность формообразования предметов. Это выполнение учащимися рисунков, прежде всего, простых геометрических тел с тремя сечениями, раскрывающих представление о трехмерности формы и пространства. Важным является на начальном этапе также обучение взаимосвязи гранных форм и тел вращения. Это выполнение заданий, например, по рисованию шара на основе куба, цилиндра на основе четырехгранной призмы, шестигранной призмы на основе цилиндра и т. д.

С использованием метода «обрубков» формы лучше представляется объемно-пространственное изображение, перспективное сокращение поверхностей. Рисунки должны быть выполнены на основе конструктивного разбора формы. В обобщенно-геометризированной форме, например, голове, т. е. «обрубке», видно, что голова в целом построена по принципу геометрических объемов и ее изображение состоит из комбинации усложненных геометрических тел. В такой обобщенно-геометризированной форме очень четко и наглядно представляется объемное построение головы и ее деталей. В дальнейшем ведении рисунка необходимо не потерять ощущение тех больших плоскостей, которые так хорошо просматриваются в «обрубке» [6, с. 21].

В подготовке начинающих рисовальщиков немаловажным является также обучение пониманию и передаче пропорций. «Пропорциями называются размерные соотношения элементов или частей формы между собой, а также между различными объектами» [6, с. 31]. Пропорции гармонизируют форму: соразмерность ее частей создает красоту и придает выразительность рисунку.

Форма имеет геометрический вид, величину, положение в пространстве, массу, светотень, фактуру. Чем ближе к нам объект, тем лучше и четче мы различаем его форму. Поэтому, обучая рисунку, следует обращать внимание на выразительность как на ведущий критерий создаваемого изображения.

Изучение пространственных явлений начинается с освоения пространства изобразительной плоскости. На основе нескольких условно плоских форм (квадрат, круг, треугольник, трапеция и др.) и изобразительных средств (линия, штрих, точка) составляется абстрактная композиция на определенную тему. Данное упражнение позволяет сконцентрировать внимание на гармонизации изображения и изобразительной плоскости. Использование простых изобразительных элементов дает возможность сосредоточиться на изучении основных законов, приемов и средств композиции (равновесия, цельности, наличия композиционного центра, контрастов и нюансов, ритма, симметрии и асимметрии, передачи движения и др.).

Освоение пространственных явлений продолжается на основе анализа отдельного, абстрактного геометрического тела. У обучаемых сначала формируется представление об объеме предмета, его конструкции, изменении его формы в пространстве. Вначале предлагается выполнить на одном листе в одном и том же положении два рисунка геометрического тела: один с конструктивным и другой с тональным решением. Для передачи иллюзии глубины пространства, удаленности и объемности предмета применяется линейная и воздушная (тональная) перспектива. Другой рисунок этой же формы, но с выполнением нескольких изображений его с различными пространственными характеристиками. От учащихся требуется умение представить и изобразить форму с разных точек зрения, передавая объем, пространственную характеристику формы. Умение видеть предмет, определять его форму и пропорции, его положение в пространстве приобретает в результате длительного обучающего процесса. Данное задание подготавливает рисующих к выполнению изображений более сложных (комбинированных) по объемно-пространственному решению форм.

Обучение грамотности и выразительности графических средств рисунка также является одной из главных задач в системе вузовской подготовки учащихся. Рисунок создается с помощью графических средств: линии, штриха, пятна. От того, как учащийся использует эти средства для создания изображения, зависит успешность решения задач рисунка: как ведет линию, кладет пятно, в какой пропорции использует светлое и темное, как передает пространство и др. Ли-

ния является главным выразительным средством рисунка. Линия бывает разнообразной: прямая, имеющая исходящий центр; прямая, не имеющая исходящий центр (используется в основном контуре рисунка); различной тональности; вспомогательная и основная; ближняя и дальняя; округлая и дугообразная и др. В зависимости от поставленной изобразительной задачи в одном рисунке может использоваться многообразие вариативных возможностей линий.

При различном группировании линий может образовываться тональное пятно. Упорядоченное соотношение пятен формирует тональную композицию рисунка. Друг от друга пятна могут отличаться по размеру, тону, ритму. Различие пятен по размеру определяется визуальным сравнением занимаемой площади (больше, меньше). По тону их сравнивают понятиями темнее или светлее. Здесь можно применять и такую характеристику, как тональное равенство, тональный контраст и нюанс одного пятна с другим. Ритмическое же содержание пятна или пятен разнообразнее в сравнении с их характеристикой по размеру и тону. Формируется ритм пятна с помощью нанесения разнообразных штриховых линий: параллельные штрихи, различные по тональности, радиусу поворота и исходных точек движения; перекрещивающиеся штрихи.

Линия и тональное пятно являются важными средствами решения изобразительно-выразительных задач рисунка. Следует упражняться в вариантах их исполнения. Вначале должны быть простые задания. Как, например, по созданию абстрактной композиции, где используются различные типы линий. Также полезным будет выполнение упражнений по технике штриха и созданию при помощи штриховки тонального пятна различной светосилы. Это повысит технику и расширит возможности при выборе графических средств в достижении выразительности изображения. Ожидать высоких результатов в технике исполнения рисунка на начальных этапах обучения не приходится. Техничность исполнения изображения – длительный процесс, требующий постоянных тренировок. Далеко не все, даже став студентами и обучаясь несколько лет в вузе, достигают высокой техничности рисунка.

Экзамен по рисунку состоит из двух заданий: рисунок с натуры головы античного образца и рисунок композиции по представ-

лению из геометрических тел. Требования как к первому, так и второму заданию учитывают специфику выбранной профессии. Подготовка по своему содержанию должна быть подчинена развитию необходимого для данной профессии объемно-пространственного и художественно-композиционного мышления.

На основе анализа теории и практики обучения студентов в вузе по рисунку и с учетом требований к архитектурному образованию преподавателями разработан единый подход к подготовке к вузовскому и довузовскому образованию. Он базируется на *линейно-конструктивной* основе рисунка. Мышление обучаемых в студии направляется на познание и осмысление закономерностей формообразования предметов в пространственной среде. Понимание общности в строении многообразных объектов действительности как форм, состоящих из комбинации геометрических тел и отличающихся друг от друга преимущественно пропорциями и расположением в пространстве, позволяет создавать изображения логически осмысленными и более качественными по художественному решению. Данный подход к изучению свойств реальной действительности и созданию изображений обеспечивает развитие художественного и логического компонентов мышления. Это дает возможность реализовывать профессионально-ориентированный подход к подготовке по рисунку с натуры гипсовой головы и композиции по представлению из геометрических тел.

Линейно-конструктивный рисунок основывается на сквозной прорисовке форм. Он учит не только передавать внешнее сходство изображения с реальным объектом, но видеть и отображать на плоскости его внутреннее строение. Линейно-конструктивное изображение целесообразно выполнять с использованием сечений. Минимальное количество сечений три: одно горизонтальное и два вертикальных. Они усиливают трехмерную пространственную характеристику объемной формы. Уже на начальной стадии построения при таком подходе начинает выявляться конструкция. При дальнейшей работе над передачей формы потребуются внесение акцентов в изображение. Это и усиление линий в участках формы переднего плана, выделение главных элементов объекта, внесение дополнительных сечений для придания выразительности и трехмерности формы.

Линейно-конструктивный рисунок учит думать, понимать общность конструктивного строения объектов, закономерности формообразования предметного мира, взаимосвязи форм, масс. Логический и художественный подходы к созданию изображения в данном методе обучения тесно взаимодействуют, обеспечивая грамотность и выразительность художественному изображению [7].

Обучение линейно-конструктивному рисунку наиболее сложное. Значительно проще создавать изображения, основывающиеся на передаче характера и пропорций, видимых частей формы, а затем создавать объем с помощью тона. Такой рисунок, если он качественно выполнен, «смотрится» красиво и преимущественно говорит о техничности и чувстве пропорций. Понимания общности в формообразовании объектов и умения передавать эту закономерность в изображении такой подход не обеспечивает в должной мере. Это обстоятельство является принципиальным для будущих архитекторов. Познание и осмысление конструкции и структуры трехмерной формы в пространстве для них является стержнем учебно-творческой и профессиональной работы.

В данном контексте понимания проблемы архитектурного образования линейно-конструктивный рисунок, по нашему мнению, является наиболее соответствующим специфике профессии будущих зодчих. Использование данного подхода к обучению рисунку учащихся – будущих абитуриентов обеспечивает преемственность довузовской и вузовской подготовки [8].

Во время занятий рисунком и объемно-пространственной композицией опосредованно осуществляется профессионально-ориентированный подход к довузовскому образованию, т. к. учащиеся постоянно находятся в «архитектурной атмосфере». Средовое пространство вузовского архитектурного образования оказывает дополнительное воздействие на профессиональный выбор. К таким средствам воздействия на профессиональный выбор учащихся можно отнести:

- обучение рисунку и объемно-пространственной композиции проходит в тех же специально оборудованных для данного профиля подготовки аудиториях, в которых занимаются студенты-архитекторы;

- просмотр выставочных образцов учебных и творческих работ студентов по архитектурному проектированию, макетиро-

ванию, рисунку и других дисциплин, расположенных в аудиториях и коридорах вуза, позволяет знакомиться с содержательными аспектами этапов архитектурной подготовки;

- расписание занятий студентов архитектурного профиля подготовки дает возможность познакомиться с дисциплинами структуры обучения в вузе;

- знакомство с залами дипломного проектирования, где размещены дипломные проекты выпускников, позволяет формировать понимание задач обучения и демонстрирует примеры конечного результата профессионального образования.

Будущего зодчего необходимо как можно с более раннего периода приучать красиво чертить и рисовать, чтобы впоследствии было проще переходить к собственному творчеству, без которого немислимо архитектурное вузовское обучение.

Таким образом, из вышесказанного следует:

- в целях создания непрерывности в многоуровневой системе образования «школа – вуз» следует создавать подготовительные курсы, студии по направлениям архитектурно-дизайнерской подготовки;

- обучение изобразительному искусству в системе довузовской подготовки должно опираться на традиции российской системы художественного образования;

- одной из задач довузовской подготовки в системе архитектурного образования должна быть профильная ориентация будущих абитуриентов для осознанного подхода к выбору профессии;

- в процессе обучения линейно-конструктивному рисунку формируется метод познания объема и пространства;

- через линейно-конструктивный рисунок происходит формирование объемно-пространственного и композиционного мышления будущего архитектора.

-
1. Мамугина В.П. Проблема довузовской художественной подготовки в условиях многоуровневой системы образования // Профессионально-личностное развитие преподавателя и студента: традиции, проблемы, перспективы / под ред. Л.Н. Макаровой. Тамбов, 2013. С. 259-264.
 2. Куличенко Р.М., Шаршов И.А., Макарова Л.Н. Методологические основания моделирования региональной системы непрерывного педагогического образования // Вестник Тамбовского

университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2007. Вып. 10 (54). С. 14-19.

3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 270100.62 «Архитектура». М., 2010.
4. Осмоловская О.В., Мусатов А.А. Рисунок по представлению. М., 2012.
5. Брызгов Н.В., Воронежцев С.В., Логинов В.Б. Творческая лаборатория дизайна. Проектная графика. М., 2010.
6. Сокольникова Н.М. Изобразительное искусство: в 4 ч. Ч. 1. Основы рисунка. Обнинск, 1996.
7. Ли Н. Основы учебного академического рисунка. М., 2006.
8. Мамугина В.П. Профессионально-ориентированный подход к довузовскому архитектурному образованию // Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы / под ред. Л.Н. Макаровой. Тамбов, 2012. С. 135-138.

-
1. Mamugina V.P. Problema dovuzovskoy khudozhestvennoy podgotovki v usloviyakh mnogourovnevnoy sistemy obrazovaniya // Professional'no-lichnostnoe razvitie prepodavatela i studenta: traditsii, problemy, perspektivy / pod red. L.N. Makarovoy. Tambov, 2013. S. 259-264.
 2. Kulichenko R.M., Sharshov I.A., Makarova L.N. Metodologicheskie osnovaniya modelirovaniya regional'noy sistemy nepreryvnogo pedagogicheskogo obrazovaniya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2007. Vyp. 10 (54). S. 14-19.
 3. Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 270100.62 "Arkhitektura". M., 2010.
 4. Osmolovskaya O.V., Musatov A.A. Risunok po predstavleniyu. M., 2012.
 5. Bryzgov N.V., Voronezhstev S.V., Loginov V.B. Tvorcheskaya laboratoriya dizayna. Proektnaya grafika. M., 2010.
 6. Sokol'nikova N.M. Izobrazitel'noe iskusstvo: v 4 ch. Ch. 1. Osnovy risunka. Obninsk, 1996.
 7. Li N. Osnovy uchebnogo akademicheskogo risunka. M., 2006.
 8. Mamugina V.P. Professional'no-orientirovannyy podkhod k dovuzovskomu arkhitekturnomu obrazovaniyu // Prepodavatel' vysshey shkoly: traditsii, problemy, perspektivy / pod red. L.N. Makarovoy. Tambov, 2012. S. 135-138.

Поступила в редакцию 12.12.2013 г.

UDC 741.021:377.6

DRAWING IN PRE-UNIVERSITY ARCHITECTURAL EDUCATION

Valentina Petrovna MAMUGINA, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Candidate of Education, Associate Professor of Architecture and Building Construction Department, e-mail: mamugina@mail.ru

In a multilevel system of art education “school – university” an important element – pre-university preparation is missed. The question of preliminary training in the system of architectural education is considered. The causes determining the necessity of organization structures that prepare high school students to university entrance are disclosed. The experience of the teaching of students in art- graphic studio at the university is given. The attention is focused on the leading discipline entrance exams - drawing. The main tasks of the discipline – the transfer form and space – are defined.

The content of the concepts of “form”, “construction”, “space”, method of “obrubovka” in the image, “constructive drawing” is disclosed. The approach to the topic of training systems drawing of future entrants in “Architecture” Department, linear and constructive drawing are characterized. In presenting the material the geometric method that enables to compare complex combined with the simplest form of geometric bodies is used.

The graphical tools as an important component in achieving of Fine and expressiveness in the drawing are considered. The technique of training in artistic space-graphics studio for training students of pre-university age in a pattern designed to develop necessary for future learning in high school in “Architecture” of three-dimensional artistic and compositional thinking is shown. The indirect means of university education space influencing on career choices of future applicants are given.

Key words: art education; architectural education; pre-university training; artistic and graphic studio; linearly constructive drawing; three-dimensional compositions.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

© **Марина Игоревна ДОЛЖЕНКОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор педагогических наук, профессор
кафедры социально-культурной деятельности, e-mail: dolgenkovam@mail.ru

© **Ольга Борисовна МУРЗИНА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой
социально-культурной деятельности, e-mail: murzina.olga@mail.ru

Рассмотрена актуальная на сегодняшний день проблема развития социально-культурной инфраструктуры постиндустриального города. В качестве исследовательской задачи была определена попытка оценить отличительные черты, признаки постиндустриального города.

Предложено рассмотрение состава социально-культурной инфраструктуры города исходя из трех функционально-целевых блоков: общественно-инициативная и интеллектуально-культурная деятельность (образование, наука, культура, искусство, деятельность в области массовой информации, общественных организаций, обществ, ассоциаций, объединений); восстановление и сохранение физического здоровья (оздоровительные программы, физическая культура и спорт, социальное воспитание, туризм, охрана и совершенствование окружающей среды); культурно-бытовое обслуживание (предприятия бытового обслуживания, общественного питания, транспорта и связи, обеспечивающие надлежащий сервис при реализации социально-культурных программ). Приведена обобщенная характеристика предприятия социально-культурной инфраструктуры, выделены и описаны характерные особенности городской среды.

Раскрыто понятие социально-культурная инфраструктура. По мнению авторов, это комплекс условий, обеспечивающих эффективную жизнедеятельность человека в сфере досуга, а также система субъектов и институтов социально-культурной деятельности.

В заключение указано, что социально-культурную инфраструктуру нельзя рассматривать в отрыве от установок, вкусов, желаний, потребностей и ценностных ориентаций жителей города, их объединений, а также отдельных социальных категорий. Поэтому в социально-культурной инфраструктуре особую роль имеют ценностные регулятивы досуговой деятельности.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность; инфраструктура; городская досуговая среда; предприятия социально-культурной сферы; постиндустриальный период; город.

Социально-культурную инфраструктуру можно рассматривать как совокупность отраслей, видов деятельности и предприятий, функционально обеспечивающих комплексное воспроизводство сил человека, а также его интеллектуальное и физическое развитие, реализацию его личных и общественных духовных потребностей посредством предоставления различного рода услуг в сфере свободного времени. К социально-культурной инфраструктуре населенного пункта можно отнести функционирующие на локальной территории социально-культурные институты, а также все активно действующие субъекты социально-культурной деятельности.

В частности, к такой инфраструктуре относятся объекты социально-культурного назначения, предприятия и организации систем культуры, здравоохранения, образования, дошкольного воспитания, разнообразные средства массовой коммуникации; предпри-

ятия и организации, связанные с отдыхом и досугом, предприятия общественного питания и сферы услуг, спортивно-оздоровительные учреждения и др.

Тем самым в состав социально-культурной инфраструктуры входят три функционально-целевых блока: общественно-инициативная и интеллектуально-культурная деятельность (образование, наука, культура, искусство, деятельность в области массовой информации, общественных организаций, обществ, ассоциаций, объединений); восстановление и сохранение физического здоровья (оздоровительные программы, физическая культура и спорт, социальное воспитание, туризм, охрана и совершенствование окружающей среды); культурно-бытовое обслуживание (предприятия бытового обслуживания, общественного питания, транспорта и связи, обеспечивающие надлежащий сервис при реализации социально-культурных программ).

Социально-культурная инфраструктура обеспечивает оптимальные социально-культурные условия жизнедеятельности населения, всестороннее развитие личности путем удовлетворения ее духовных потребностей, улучшения и сохранения физического здоровья, а также рационального использования свободного времени.

Представители «отраслевого» подхода рассматривают социально-культурную инфраструктуру как совокупность подотраслей, отдельных предприятий, организаций, учреждений социально-культурной сферы. Представители «деятельностного» подхода понимают социально-культурную инфраструктуру как целостную систему элементов, необходимых для организации полноценного отдыха и гармоничного развития личности в контексте ее потребностей, ценностных ориентаций, социальных, демографических и других особенностей в рамках свободного времени и локального пространства населенного пункта.

Для современных российских городов проблема пространственной и временной организации социальной инфраструктуры особенно остра.

Таким образом, социально-культурная инфраструктура – это комплекс условий, обеспечивающих эффективную жизнедеятельность человека в сфере досуга, а также система субъектов и институтов социально-культурной деятельности. Поэтому одни инфраструктурные элементы невозможно заменить другими, поскольку они функционируют только в комплексе, взаимодействуя и дополняя друг друга. Социально-культурную инфраструктуру нельзя рассматривать в отрыве от установок, вкусов, желаний, потребностей и ценностных ориентаций жителей города, их объединений, а также отдельных социальных категорий. Поэтому в социально-культурной инфраструктуре особую роль имеют ценностные регулятивы досуговой деятельности.

К предприятиям социально-культурной инфраструктуры следует отнести организации образовательного, культурно-просветительного и санаторно-курортного обслуживания и отдыха (театры, кинотеатры, концертные и выставочные залы, цирки, музеи, оздоровительные центры, стадионы, бассейны, парки, клубы и дома культуры, библиотеки, бары, рестораны, кафе, деятельность газетных, журнальных и книжных изда-

тельств, радио, телевидение, информационные сети, книготорговля и т. п.).

Развитие социально-культурной инфраструктуры города предполагает комплексное экономическое и социально-культурное развитие муниципального сообщества, стимулирование многосторонних связей, межличностных и межгрупповых, межобъектных и межсубъектных, субъектно-объектных взаимодействий, направленных на достижение нового качественного социально-культурного состояния города.

Город в постиндустриальный период приобретает новые социально-культурные характеристики. Если индустриальный город – это город производства, население которого концентрируется вокруг каких-то крупных производственных объектов, то социально-культурная жизнь его сообщества подчинена твердым логическим законам, обусловленным графиком производственного процесса, адекватными ему транспортными потоками, связанными с решением задачи доставить людей к какому-то месту в определенное время, а затем (также в определенное время) вывезти их оттуда. Все это, естественно, накладывает отпечаток на градостроительство, организацию и планирование социально-культурной сферы населенного пункта. Социально-культурная инфраструктура в таком случае четко подразделяется на центр, промышленные и спальные районы, что и обуславливает те или иные социальные перемещения и потоки.

В постиндустриальном городе нет столь жесткой регламентации. Постиндустриальный город – это сообщество людей, которые очень сильно различаются по принадлежности к тем или иным малым социальным группам, по своим ценностям и убеждениям, по возможности выбора своей жизненной концепции и позиции и, соответственно, досуговым интересам и потребностям. Поэтому существенной качественной характеристикой социально-культурных процессов постиндустриального города является отсутствие единообразия и диверсификация мест приложения труда, жилья, досуга.

Отличительной чертой, признаком постиндустриального города становится появление зданий, арт-объектов и памятников, выполняющих функцию городских аттракционов, привлекающих большое количество людей. Вокруг этих объектов выстраивается система шопинга, городских событий, со-

временных музеев и выставочных центров. Не случайно столь популярными стали московские Манежная площадь, храм Христа Спасителя, лондонский офисный центр «Огурец», небоскребы Сингапура и Дубая, которые и выполняют эту функцию городского аттракциона. Социально-культурная инфраструктура постиндустриального города представляет собой живую ткань, для которой характерна активность свободных людей, обусловленная их интересами, и различных досуговых сообществ и креативных коммьюнитис. Достопримечательностью города оказываются не только его парки или музеи, но и его социумы (хипстеры, байкеры и т. п.), которые также выполняют функцию аттракциона. Благодаря этим субкультурным сообществам город становится более привлекательным: сюда хочется поехать, чтобы пообщаться с этими людьми [1].

В постиндустриальном городе обычно активно развивается и расцветает центр как структурный компонент, потому что в центре наблюдается самая интенсивная жизнь, самый большой поток населения, осуществляются основные обменные транзакции. При этом окраины постиндустриального города нуждаются в интенсивном развитии, направленном на удовлетворение потребностей и желаний людей, их самореализацию в сфере свободного времени. Часто это связано с расширением спектра социальных ролей, которые человек может себе позволить в этом городе. Новые коммуникационные технологии становятся своеобразным инструментом социализации и интеграции населения в общую городскую среду.

В контексте постиндустриального города особым явлением становится т. н. «умный город». Пока оно несколько абстрактно (чаще мы сталкиваемся с понятиями «умная вещь», «умный дом», характеризующими окружающую нас предметную среду, которая оснащена по последним технологиям (транспортным, инфраструктурным и т. д.)). Концепция «Умный город» предполагает широкомасштабное внедрение информационных технологий в самых разных сферах жизнедеятельности, в т. ч. направленных на оптимизацию сферы культуры, искусства, образования, здравоохранения, спорта, досуга посредством создания мобильных сервисов и использования смартфонов, планшетов, других гаджетов [2].

В городах формируется особое городское сообщество, имеющее специфические досуговые и художественно-эстетические запросы. Это саморегулирующаяся структура, участвующая в коммуникации и принятии каких-то коллективных решений. Возникает новое социально-культурное явление – динамичное пространство функционирования городского сообщества. Это обусловлено двумя аспектами: во-первых, у людей в больших городах, особенно в развитых странах, появляется гораздо больше свободного времени; во-вторых, продолжение городской среды проявляется не в физическом пространстве города, а в социальных сетях – своеобразном продолжении городского пространства, но в новой форме и другой сфере [3].

Эти процессы пока не осознаны профессионалами социально-культурной деятельности.

Значительное количество жителей городов Европы обладает достаточными средствами и немалым свободным временем. По опросам населения относительно бюджета свободного времени, выяснилось, что в Европе около 40 % респондентов считают себя «кэш-рич», т. е. достаточно обеспеченными, и «тайм-рич» – имеющими много свободного времени. Это совершенно другая генерация людей, это другой класс потребителей городской среды. К этому контингенту следует отнести всю экономическую и политическую элиту (условно лидирующий класс) и весь значительный по количеству сопровождающий и обслуживающий их персонал. Этих людей становится все больше и больше. К ним следует добавить достаточно обеспеченных отечественных и западных пенсионеров. Все указанные категории людей очень озабочены качеством жизни, связанным со сферами продуктов питания, брендовой одежды, местом проживания, комфортных условий проживания и т. д. Приоритетом становится образ жизни, где главным компонентом среды обитания становятся критерии качества дома и всего материального окружения, где живет человек. Городская среда становится огромной ценностью, наиболее устойчивым и наименее подверженным любым кризисам продуктом и товаром. Это выводит всю концепцию городской социально-культурной инфраструктуры в другую плоскость. Если раньше города были местами приложения труда и основную динамику города обеспечивали приезжающие или уезжающие с ра-

боты люди, то сейчас городское население – это сообщество свободных людей с достаточно большими доходами, которые полностью меняют временной баланс в городе. Они приезжают в город не в обычное время, не рано утром, а днем и остаются там до ночи, а многие работают на дому. Возникает новая форма т. н. третьего рабочего места – коворкинги, характерная для людей свободных профессий или со свободным рабочим графиком [4].

Это предъявляет совершенно иные требования к городскому пространству: люди потребляют городское пространство не перебежками от места жительства к месту работы, а хотят полноценно функционировать в нем: видеть нормальную архитектуру, пользоваться комфортабельным общественным транспортом, который доставляет их до любого интересного им места. Эти люди тяготеют к плотной городской среде, которая позволяет в пределах пешеходной доступности найти все, что им необходимо для отдыха, от библиотеки, парикмахерской, кинотеатра до аптеки. Чем плотнее город, тем он более комфортабелен. Поэтому столь популярно сейчас развитие пешеходных зон, велосипедных дорожек и т. п. В частности, развиваются технологии байкшеринга, когда можно взять напрокат велосипед за небольшие деньги, прокатиться на нем по городу, доехать до точки назначения и оставить его на следующем пункте сдачи. Это также требует определенного развития городской инфраструктуры: прокладывания маршрутов с учетом безопасности и уровня стрессовости езды, разработки прогулочных и туристических маршрутов [5].

Плотность социально-культурной инфраструктуры можно и необходимо целенаправленно организовать с точки зрения насыщенности социально-культурных услуг. Например, чашка кофе, электронное информационное устройство в виде планшета, концерт или выставка должны быть на расстоянии вытянутой руки или пятиминутной доступности пешком [6].

Прежде всего, существенные метаморфозы происходят в сфере свободного времени. Бюджет времени современного человека существенно увеличился за счет развития транспортных систем и технологии современного быта. Кроме того, увеличилась продолжительность жизни (в Европе – до 81 года), что обусловлено развитием медицины и

социальной сферы. Исследователям удалось установить, что современный человек тратит на работу всего 12 % своего жизненного времени. Изменилась и специфика труда: меньше работников заняты тяжелым физическим трудом, и больше стало офисных работников, обслуживающего персонала. За счет сокращения рабочего времени увеличилось время, отводимое на сон и отдых. Но и это добавленное время используется, с одной стороны, более интенсивно, а с другой стороны, дискретно: современный человек может работать и вечером, и ночью, во время поездки в общественном транспорте. В частности, европейские социологи пришли к выводу, что 48 % квалифицированного персонала вынуждены «доделывать» свою работу в выходные, причем тратя на это более 3–4 часов в день. В этом контексте существенно меняется т. н. профессиональная занятость. Должностные обязанности и ответственность современного профессионала уже не столь привязаны к временному графику, сколько к результатам труда. На первый план выступает не присутствие в офисе в определенный промежуток времени, а достигнутые профессиональные результаты: в современных условиях ему важнее работать с клиентами на местах, вне офиса. Это уменьшает нагрузку офисного пространства, снижается цена аренды офиса. Работодатели более позитивно относятся к работе сотрудника на дому. В современных Европе и США становится вполне распространенной практика работы сотрудника один день в неделю на дому. По статистике в США до 35 % занятых работают на дому; во Франции 36 % занятых один день в неделю работают на дому. Распространение получает 4-дневная рабочая неделя, в которой 20 % оплачиваемого рабочего времени происходит вне офиса, соответственно, до 20 % офисных площадей становятся ненужными и могут быть перепрофилированы. В России переход к подобной практике пока встречает психологические барьеры, связанные, во-первых, с недостаточным уровнем доверия между работодателем и сотрудником (руководитель хочет постоянно видеть работника в офисе), а во-вторых, с отсутствием у многих сотрудников оптимальных жилищных условий для работы на дому. Пока консерватизм мышления не позволяет перейти к режиму работы на дому даже 1 день в неделю.

Следовательно, если не всегда необходимы сотрудники, постоянно присутствующие

щие в офисе, существенно меняется социально-культурная инфраструктура города. Прежде всего, это касается перераспределения транспортных потоков. Если ранее транспорт был ориентирован на обслуживание увеличивающегося потока в часы пик, то теперь нагрузки на транспорте меняются: люди могут позволить себе работать в парке, в кафе, непосредственно в общественном транспорте. Европейские исследователи пришли к выводу, что уже сейчас 14 % населения работают в общественном транспорте, 14 % – в отелях, еще 10 % – в других общественных местах [7].

Более того, происходит смена стереотипа: человеку с высоким достатком становится вполне престижным пользоваться общественным транспортом, поскольку во время передвижения эти люди могут еще и работать. Поэтому транспортная инфраструктура города, ранее ориентированная на обслуживание пассажиропотока рабочих и служащих, теперь должна подстраиваться под потребности тех, кто любит комфорт и даже роскошь. В частности, вокзальные пространства и камеры хранения получают новое функциональное наполнение – возникают своеобразные транзитные зоны, функционально похожие на фойе и гардероб театра. Транспортные средства преобразуются в офис: появляется повседневный спрос на автобусы и железнодорожные вагоны бизнес-класса.

Существенные изменения происходят и в районировании инфраструктуры города. Особенно это касается селительных зон, «спальных» районов. При оптимальном развитии транспортной инфраструктуры, и особенно общественного транспорта, многие жители европейских городов (в т. ч. и российских мегаполисов) предпочитают проживать в предместьях и маленьких городах-спутниках. Например, 15 % жителей Парижа владеют загородными домами. Если город расположен в радиусе 120–150 км и тем самым доступен для поездки на машине или общественном транспорте, существенно развивается его социально-культурная инфраструктура. Все это обуславливает существенные изменения городской инфраструктуры досуга, перепланировки городской среды, транспортной логистики. Транспорт преобразуется в место для работы и отдыха. Вокзалы и станции метро преобразуются не просто в транспортно-пересадочные узлы, но комфортные места отдыха, концертно-зре-

лищные площадки, выставочные залы, временные офисы. Развитие скоростных видов транспорта также позволяет существенно преобразовать социально-культурную инфраструктуру не только мегаполисов, но также средних и малых городов России. Если от Москвы до среднего и малого города можно добраться за 1–1,5 часа и при этом соединить скоростным транспортом аэропорты и железнодорожные вокзалы, мобильность населения повысится: станет возможным использовать транспортное пространство для работы и отдыха, люди смогут проживать или отдыхать в близлежащих к мегаполисам регионах (например, Туле, Твери, Тамбове и т. п.), что стимулирует интенсивное социально-культурное развитие таких населенных пунктов [8].

Быстрое развитие информационных технологий также развивает социально-культурную инфраструктуру города. При этом совмещаются градостроительные и информационные электронные технологии города с участием роботов. По всей видимости, уже через 5–10 лет значительную часть операций в городе (от уборки мусора до строительства домов) будут выполнять роботы, в особенности такой их тип, как 3D-принтеры. Человечество получит армию «дешевых» помощников, которые не болеют, у них не бывает плохого настроения, и их рабочий день не ограничен 8 часами.

Интернет становится продолжением городской среды, ее четвертым измерением. Виртуальная среда накладывается на среду реальную, в результате появляется новое пространство, связанное с общением и обменом информации в социальных сетях. Речь идет о создании виртуальной досуговой среды, которая соотносится с физической средой реального города и вполне самодостаточна [9].

Пока виртуальная общность пользователей приложений развивается не столь интенсивно. Для инициации активной дискуссии должно пройти какое-то время, либо нужно расширить возможность приложений с тем, чтобы люди могли оставлять комментарии, добавлять к ним свою точку зрения, выстроить рейтинг или, наоборот, посмотреть топ-список интересующих объектов. При этом город рассматривается как своеобразный текст: пользователи фактически редактируют город, выстраивают его в виртуальном пространстве. Важно, чтобы такое стремление

перенести город в виртуальную среду не вытеснило реальный город (когда путешествие по точкам на экране станет для определенной категории людей интереснее, чем реальное путешествие по улице, и они останутся дома у компьютера).

Современный обыватель привык к видеокамерам на улицах, электронным чипам на предметах, к использованию городских данных в онлайн-режиме. Объем информации, которую генерируют городские жители своими перемещениями, действиями и взаимодействиями, постоянно возрастает в геометрической прогрессии. По оценкам некоторых ученых, города генерируют объем информации, равный примерно 4-м терабайтам в день на один квадратный километр. У людей появляется все больше технических генераторов данных: смартфоны, носимая электроника, умные автомобили. Все эти механизмы во многом помогают интенсифицировать деятельность человека в области здоровья, досуга, спорта [10].

Профессионалы в области информационных технологий считают, что количество информации постепенно приводит к переходу количества в качество, которое они обозначили новым термином «big data». Система больших данных фиксирует не только статистические данные, но и тренды, касающиеся очень актуальных данных: планирование маршрутов прогулок, репертуар концертно-зрелищных учреждений, местоположение и рейтинг предприятий досуга (клубов, ресторанов, фитнес-центров и т. п.), что позволяет заранее спланировать свой досуг в городе. Пользователь может заказать и купить через интернет билеты, абонементы, вещи, необходимые для отдыха. Поэтому возникает необходимость в создании специальной инфраструктуры, специальных платформ, интегрирующих полезные данные и бизнес-приложения в сфере досуга (статистика, информация о трендах), на основании которых позволяет возможность прогнозировать какие-то (в т. ч. досуговые) события и потребности населения города. Широко развиваются мобильные приложения, отражающие культурно-историческое наследие и туристические ресурсы города. Например, очень распространены приложения с данными о геолокации, с помощью которых можно посмотреть, где и на каком расстоянии находится интересный объект; можно выявить тематические маршруты («Москва Пушкинская»,

«Тамбов музыкальный»). Это могут быть путеводители, в т. ч. авторские. Можно провести виртуальную экскурсию по приложению, прогулки по городу, которые порождают совершенно новое отношение к городской среде, когда человек наблюдает ее осмысленно, а не просто мимоходом с работы домой.

Крайне популярным становится мобильное приложение «Афиша», с помощью которого можно получать информацию о концертно-зрелищных мероприятиях и событиях, можно бронировать столики в ресторанах или покупать билеты в кинотеатрах. Также развиваются районные блоги, с помощью которых люди узнают о том, какие события и интересные культурные явления происходят в регионе.

Таким образом, можно выделить следующие тенденции в развитии социально-культурной инфраструктуры современного города. Во-первых, расширение социально-культурной инфраструктуры, обусловленное увеличением бюджета свободного времени и доходов городского населения. Во-вторых, диверсификация городской социально-культурной инфраструктуры, обусловленная дискретностью досуга, связанная с отходом от жесткой регламентации рабочего и свободного времени, расширением программ работы на дому. В-третьих, повышение плотности городской социально-культурной инфраструктуры, связанное с развитием разнообразных видов и форм досуговой деятельности, расположенных в шаговой доступности. В-четвертых, насыщение социально-культурной инфраструктуры информационными технологиями, появление мобильных приложений и сервисов, способствующих организации досуговой среды города. В-пятых, создание виртуальных досуговых сообществ, динамично превращающихся в реальные и обеспечивающих активное общественно-муниципальное соуправление социально-культурной деятельностью в городе.

-
1. Киселева Т.Г., Красильников Ю.Д. Социально-культурная деятельность. М., 2004.
 2. Марков А.П., Биржеюк Г.М. Основы социокультурного проектирования. СПб., 1997.
 3. Шмидт Ю.Д., Иванов А.Б. Оценка уровня развития социальной инфраструктуры города // Российское предпринимательство. 2007. Т. 10. Вып. 1. С. 77-82.

4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999.
 5. Муравьева Л.А. Индустриализация: особенности, источники, методы. Тамбов, 2003.
 6. Григорьева Е.И. Современные технологии социально-культурной деятельности. Тамбов, 2011.
 7. Анажикова Н.В. Социально-педагогические подходы к организации досугового пространства подрастающего поколения // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 1–2. С. 305–309.
 8. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество. М., 2000.
 9. Великанова Е.В. Самодетельное творчество как явление определенной социально-культурной среды. Тамбов, 2008.
 10. Обухов Н. Опережающая и догоняющая индустриализация в ракурсе различных подходов. Тамбов, 2013.
 3. Shmidt Yu.D., Ivanov A.B. Otsenka urovnya razvitiya sotsial'noy infrastruktury goroda // Rossiyskoe predprinimatel'stvo. 2007. T. 10. Vyp. 1. S. 77–82.
 4. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya. M., 1999.
 5. Murav'eva L.A. Industrializatsiya: osobennosti, istochniki, metody. Tambov, 2003.
 6. Grigor'eva E.I. Sovremennye tekhnologii sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti. Tambov, 2011.
 7. Apazhikhova N.V. Sotsial'no-pedagogicheskie podkhody k organizatsii dosugovogo prostranstva podrastayushchego pokoleniya // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. 2011. № 1–2. S. 305–309.
 8. Inozemtsev V.L. Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo. M., 2000.
 9. Velikanova E.V. Samodeyatel'noe tvorchestvo kak yavlenie opredelennoy sotsial'no-kul'turnoy sredy. Tambov, 2008.
 10. Obukhov N. Operezhayushchaya i dogonyayushchaya industrializatsiya v rakurse razlichnykh podkhodov. Tambov, 2013.
-
1. Kiseleva T.G., Krasil'nikov Yu.D. Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost'. M., 2004.
 2. Markov A.P., Birzhenyuk G.M. Osnovy sotsiokul'turnogo proektirovaniya. SPb., 1997.

Поступила в редакцию 14.12.2013 г.

UDC 615.838-053.9

SOME TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF WELFARE INFRASTRUCTURE OF POST-INDUSTRIAL CITY

Marina Igorevna DOLZHENKOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Education, Professor of Socio-cultural Activity Department, e-mail: dolgenkovam@mail.ru

Olga Borisovna MURZINA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Education, Associate Professor, Head of Socio-cultural Activity Department, e-mail: murzina.olga@mail.ru

The problem of development of welfare infrastructure of the post-industrial city actual today is considered. As a research task the attempt to estimate distinctive features, signs of the post-industrial city is defined. The consideration of structure of welfare infrastructure of the city proceeding from three functional and target blocks: public and initiative and intellectual and cultural activity (education, science, culture, art, activity in the field of mass information, public organizations, societies, associations, associations); restoration and preservation of physical health (improving programs, physical culture and sport, social education, tourism, protection and environment improvement); cultural and community service (public service establishments, public catering, transport and the communications providing appropriate service at implementation of welfare programs) is offered. The generalized characteristic of the enterprise of welfare infrastructure is provided; characteristics of an urban environment are allocated and described.

The concept welfare infrastructure is disclosed. According to authors it is a complex of the conditions providing effective activity of the person in the sphere of leisure, and also system of subjects and institutes of welfare activity.

In the conclusion it is specified that the welfare infrastructure can't be considered in a separation from installations, tastes, desires, requirements and valuable orientations of residents, their associations, and also separate social categories. Therefore in welfare infrastructure a special role have valuable regulativ leisure activity.

Key words: welfare activity; infrastructure; urban leisure environment; enterprises of the welfare sphere; post-industrial period; city.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ДОСУГА

© Алсу Айдаровна МУДАРИСОВА

Казанский государственный университет культуры и искусств,
г. Казань, Российская Федерация, аспирант, преподаватель кафедры
социально-культурной деятельности, e-mail: alsu00@mail.ru

Представлена разработка концептуальных основ и понятийного аппарата социально-культурной модели с учетом обновления системы формирования ценностно-смысловых компетенций молодежи в условиях досуга, а также социокультурный подход к развитию личности в условиях досуга на процессуальной основе. Социально-культурная модель формирования ценностно-смысловых компетенций молодежи в условиях досуга рассматривается как целостная образовательно-культурная и организационно-деятельностная система, направленная на формирование ценностно-смыслового мировоззрения личности в условиях досуговой активности на базе духовной и предметно-культурной деятельности и представляющая совокупность нескольких интегрированных компонентов: целевого, концептуального, содержательно-ориентированного, деятельностного и диагностико-оценочного. Ценностно-смысловые компетенции в условиях досуга рассматриваются нами как компетенции освоения участниками мировоззренческой картины мира, жизни человека и человечества, отдельных народов, общественных явлений, событий; способность выстраивать внутреннюю целевую доминанту, выражающую стремление личности к реализации ее творческого потенциала и сущностных сил, направленных на качественное потребление ценностей духовной культуры, развлечений и других видов культурно-досуговой деятельности, определяющих качество культуры досуга личности.

Ключевые слова: социально-культурная модель; ценностно-смысловые компетенции; досуг; педагогические условия формирования ценностно-смысловых компетенций.

Социально-культурная модель, представленная в данной статье, связана с организацией деятельности молодежи, исходя из их досуговых потребностей, при условии освоения различных базовых ценностей. Основным элементом такой деятельности является сознательная, целенаправленная, активная деятельность молодежи, направленная на познание и преобразование окружающей действительности в условиях формирования ценностно-смысловых компетенций.

Ценностно-смысловые компетенции в условиях досуга рассматриваются нами как компетенции освоения участниками мировоззренческой картины мира, жизни человека и человечества, отдельных народов, общественных явлений, событий; способность выстраивать внутреннюю целевую доминанту, выражающую стремление личности к реализации ее творческого потенциала и сущностных сил, направленных на качественное потребление ценностей духовной культуры, развлечений и других видов культурно-досуговой деятельности, определяющих качество культуры досуга личности.

Так, И.В. Долингер под ценностно-смысловой компетентностью понимает «качество личности, связанное с ценностными пред-

ставлениями личности, его способностью видеть и понимать окружающий мир, ориентироваться в нем, осознать свою роль и предназначение, уметь выбирать целевые и смысловые установки для своих действий и поступков, принимать решения. При этом следует отметить, что компетенция есть сфера человеческой жизни, в которой личность находит применение своим качествам» [1].

А.В. Хуторский дает следующее определение ценностно-смысловым компетенциям: «Это компетенции в сфере мировоззрения, связанные с ценностными ориентирами личности, которые обеспечивают механизм самоопределения личности в ситуациях учебной и иной деятельности. От них зависит индивидуальная образовательная траектория человека и программа его жизнедеятельности в целом» [2].

Проблема моделирования привлекала внимание различных ученых: В.А. Сластенина, В.И. Загвязинского, М.В. Ядровской и других, которые отмечают, что методы моделирования исследования в педагогике связаны с определением приемов, процедур и операций эмпирического и теоретического познания и изучения явлений педагогической действительности.

Так, М.В. Ядровская утверждает, что процедура моделирования как объективная и универсальная гносеологическая процедура широко применяется в педагогике. В связи с этим, по мнению автора, исследовательская модель может возникнуть несколькими способами: в результате наблюдения за явлением и его осмысления; в результате процесса дедукции как частного случая некоторой модели; в результате процесса индукции как обобщения некоторой реальности [3].

А.П. Парахонский предполагает, что в моделировании важна согласованность создаваемой модели с образовательной средой, в которой ей предстоит функционировать, а процесс формализации в моделировании – это выбор существенных качеств или характеристик модели. Предмет модельного исследования, по мнению автора, это внутренние закономерности переработки содержательной информации и синтез знания различных научных областей [4].

Социально-культурная модель формирования ценностно-смысловых компетенций молодежи в условиях досуга рассматривается нами как целостная образовательно-культурная и организационно-деятельностная система, направленная на формирование ценностно-смыслового мировоззрения личности в условиях досуговой активности на базе духовной и предметно-культурной деятельности и представляющая совокупность нескольких интегрированных компонентов: целевого, концептуального, содержательно-ориентированного, деятельностного и диагностико-оценочного (рис. 1).

В основе разработки данной модели лежит выбор важных базовых свойств и качеств личности исходя из общекомпетентностных научных представлений о ценностно-смысловых компетенциях личности, при этом имеется в виду ее многофакторная структура. В модели применен интегрированный личностно-деятельностный подход, который проявляется в отражении функциональной и личностной деятельности участников:

1) построение модели деятельности участников с учетом описания культурно-досуговой, социально-культурной, духовно-нравственной деятельности, сферы и структуры данных деятельностей, ситуаций, функций и факторов;

2) определение на этой основе модели личности участника, имеющей необходимые

свойства и качества, знания и умения, воплощенные в культурном развитии;

3) проектирование концептуально-понятийной и содержательной структуры модели, наиболее адекватных современной социально-культурной ситуации, с выделением основополагающих принципов, ожидаемого результата и теоретических оснований;

4) модель отражает подлинную динамику личностного становления, функционирования и развития личности в условиях досуга.

Цель социально-культурной модели: сформировать ценностно-смысловые компетенции как обобщенные способы действий, обеспечивающие продуктивное умение реализовать молодежью свой творческий и досуговый потенциал в условиях их духовно-нравственной и художественно-творческой самоактуализации и самореализации на базе развития социальной и досуговой активности.

Задачи социально-культурной модели:

1) формирование социокультурных знаний, усвоение ценностей и опыта различных культур, формирование умения анализировать и делать выводы в условиях различных ситуаций;

2) формирование базовых компетенций личности, связанных с умениями принимать решения, анализировать ситуацию, корректировать свою деятельность, принимать самостоятельные и нестандартные решения, брать на себя ответственность;

3) создание развивающей досуговой среды, направленной на формирование умения выбирать целевые и смысловые установки для своих действий и поступков, умения организовывать свое свободное время с учетом самореализации своих творческих потенциалов;

4) обеспечение индивидуального потребления ценностей культуры на базе организации различных направлений досуговой деятельности: гражданского, художественно-эстетического, социально-культурного;

5) формирование ценностно-ориентационного потребления духовных ценностей;

6) обеспечение культурно-ценностного саморазвития и социокультурной самореализации личности в условиях досуга.

В модели разработаны функции процесса формирования ценностно-смысловых компетенций в условиях досуга: адаптационная, ценностно-смысловая, мировоззренческая, смысло-трансляционная, аксиологическая, досугово-ориентационная, деятельностная.

Концептуальный компонент позволил выделить факторы воздействия внешней среды на формирование ценностно-смысловых компетенций молодежи в условиях досуга:

цивилизационный, исторический, региональный социокультурный, возрастной, индивидуально-психологический, фактор микросреды.

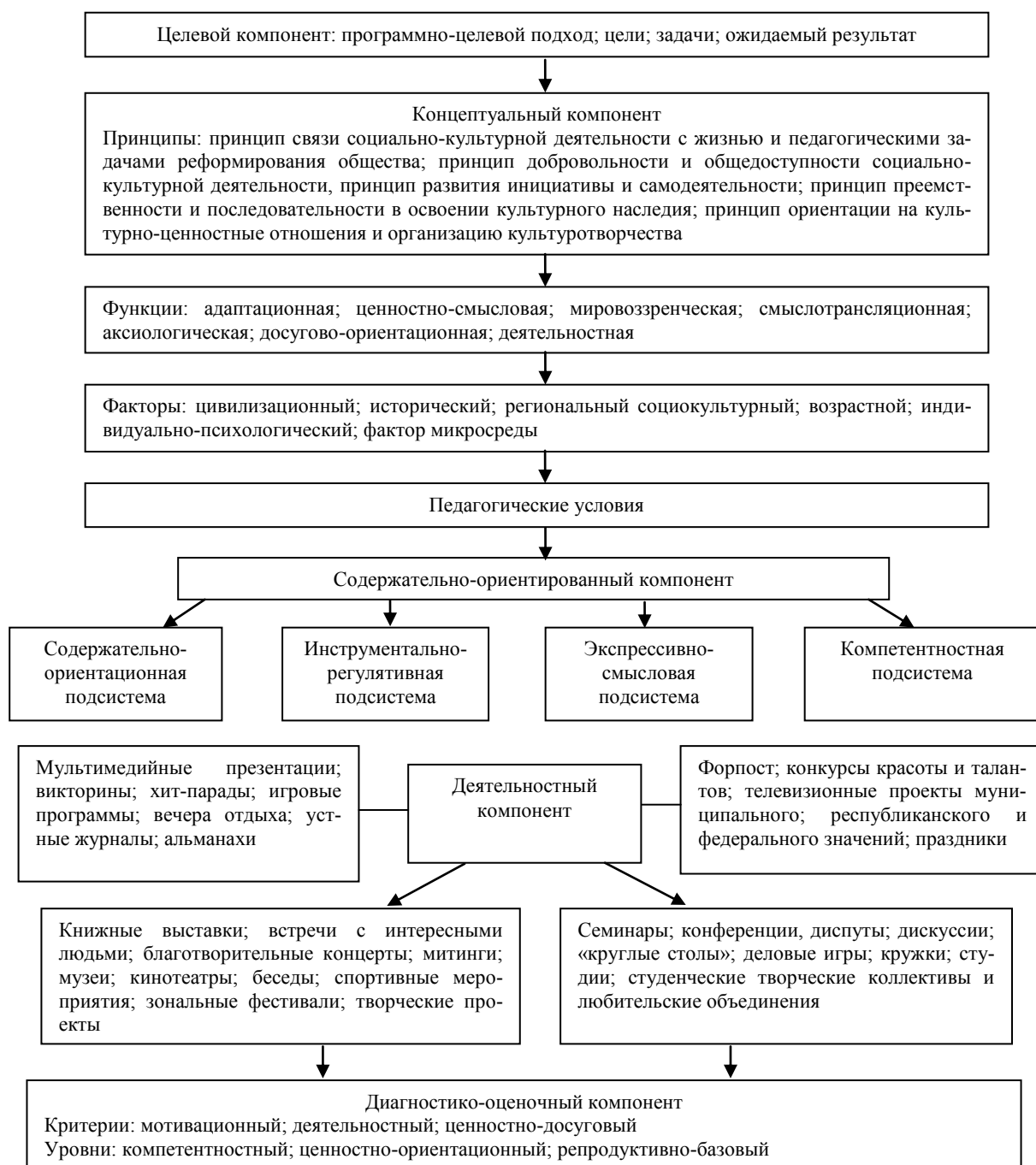

Рис. 1. Социально-культурная модель формирования ценностно-смысловых компетенций молодежи в условиях досуга

В условиях модели разработаны эффективные педагогические условия формирования ценностно-смысловых компетенций молодежи в условиях досуга:

1) формирование ценностно-ориентационных установок, направленных на развитие познавательного интереса и творческого культурно-интеграционного потенциала, выступающих регуляторами социального пове-

дения молодежи, связанного с вовлечением их в различные формы культурно-досуговой деятельности;

2) реализация потенциала этнокультурных традиций как средства формирования досуговой культуры молодежи в аспекте заявленной проблематики;

3) обеспечение условий для саморазвития и самореализации молодежи в различных формах досуга;

4) реализация целенаправленного используемого педагогического потенциала культурно-досуговой среды;

5) интеграция искусств и культуры как фактора социально-культурной идентификации молодежи;

6) использование потенциала поликультурной среды, ее полиэтничности, полицивилизационности и поликонфессиональности как ресурса развития ценностно-смысловой компетенции молодежи;

7) развитие навыков рационального использования свободного времени через планирование своего свободного времени, направленности на самообразование, приобщения к общечеловеческим и национальным ценностям.

Разработанная социально-культурная модель направлена на углубление воспитательного аспекта методологической и ценностно-смысловой подготовки молодежи к жизни с учетом мировоззренческих знаний, ориентированных на системное понимание фундаментальных связей: человек – человек, человек – общество, человек – культура. Досуг, являясь сферой формирования личности, активизирует процесс социальной ориентации личности, ее востребованности в обществе, осуществляет функцию социально-культурной интеграции и преемственности, создает основу для углубления и воспитания молодежи.

В основе модели заложен основной воспитательный ориентир, который сегодня становится главным в формировании и развитии смысловой сферы личности, детерминирующий как стратегическую, так и ситуативную направленность ее жизнедеятельности. В результате интерпретации и переосмысления феноменов культуры появляются новые смысловые значения знаний, теоретических и художественных образов, текстов, формируется новое, более глубокое понимание их значимости, невыразительное смысловое значение приобретает выразительность.

Культурно-досуговый процесс, разработанный в модели, представляет возможности участникам для самореализации, способствует реальному развитию их личностного потенциала с учетом активного развития творческого потенциала. Поэтому высшая цель и смысл модели заключается в гуманизации – обеспечении свободы участникам в настоящем и подготовке их для свободной жизни в будущем, формировании способности к нравственному жизненному выбору.

Интеграция теоретико-методологических позиций, отраженных в данной модели, позволяет трактовать процесс формирования ценностно-смысловых компетенций в условиях досуга как процесс индивидуального личностного поиска, выбора, творческой интерпретации, интериоризации и практического воплощения молодежью ценностно-смысловых ресурсов и возможностей содержания, форм и методов культурно-досугового процесса в ходе реализации модели. Модель интегрирует аксиологическую, потребностно-мотивационную сферы, мировоззрение и самосознание и является научным объектом смысловой регуляции культурно-досуговой деятельности участников на основе свободного и ценностно-ориентированного знания, которое обеспечивает полноценную личностную самореализацию молодежи.

В качестве важнейшего требования при проектировании социально-культурной модели учитывалось диалектическое сочетание динамичности, способности к непрерывному отражению происходящих в обществе социокультурных процессов, обеспечивающих ценностно-смысловую устойчивость личности участников.

Социально-культурная модель, разработанная нами, отражает современные социокультурные потребности молодежи: нравственные, художественно-эстетические, гражданские, валеологические, экологические, творческие, альтруистические, которые представлены в широком спектре социальных ценностей. Таким образом, модель определяет ценностно-смысловую направленность восприятия, мышления и поведения молодежи на основе культурологических знаний, взглядов и убеждений.

Разработанная социально-культурная модель связана со следующими теоретико-методологическими позициями:

– с высокой социально-культурной значимостью и необходимостью формирова-

ния ценностно-смысловых компетенций, их мировоззренческой преобразующей ролью в жизни молодежи и общества;

– с глубоким гуманистическим, аксиологическим и культурологическим характером и перспективами развития молодежи в условиях досуга, их направленностью на усвоение социально-экономических и культурных перемен и преобразований;

– с необходимостью целенаправленного и последовательного овладения глубокими и прочными знаниями, личностной культурой для успешного освоения и эффективного осуществления деятельности и поведения в социуме;

– с необходимостью развития художественно-творческой активности, самостоятельности и инициативы в условиях организации досуга молодежи, их творческого саморазвития и самоактуализации;

– с необходимостью продуктивного решения возникающих жизненных задач исходя из интересов личности и общества;

– с необходимостью учета социально-культурных традиций региона в будущей жизнедеятельности молодежи.

Модель рассматривается как целостная система, подчиняющаяся принципу смысловой интеграции разработанных компонентов, в соответствии с которыми ценностно-смысловые компетенции занимают высокое место в структуре личности, в конечном итоге, определяя обобщенное и устойчивое отношение участников к миру.

Социально-культурная модель также может быть рассмотрена как целостная иерархизированная научная картина в сложной взаимосвязи программируемых и ожидаемых событий, с которыми молодежь связывает социальную ценность и индивидуальный смысл своей жизни, а ядро жизненной перспективы составляют ценностно-смысловые компетенции, с которыми реализуется

основная регуляция их деятельности и поведения в условиях досуга.

-
1. *Долингер И.В., Зикранец И.Н.* Формирование ценностно-смысловой компетентности в физическом воспитании школьников. URL: <http://Formirovaniecennostno-smyslovojjkompetentnostishkol'nikov.doc> (дата обращения: 20.11.2013).
 2. *Хуторской А.В.* Ключевые компетенции и образовательные стандарты: доклад на Отделении Философии образования и теории педагогики РАО 23 апреля 2002 г. Центр «Эйдос». URL: <http://www.eidos.ru/news/compet/htm> (дата обращения: 20.11.2013).
 3. *Ядровская М.В.* Модели в педагогике. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/modeli-v-pedagogike> (дата обращения: 20.11.2013).
 4. *Парахонский А.П.* Мультидисциплинарность научных исследований. URL: econf.rae.ru/pdf/2009/06/Parahonskii_4.pdf (дата обращения: 20.11.2013).

-
1. *Dolinger I.V., Zikranets I.N.* Formirovanie tsennostno-smyslovoy kompetentnosti v fizicheskom vospitanii shk'ol'nikov. URL: <http://Formirovaniecennostno-smyslovojjkompetentnostishkol'nikov.doc> (data obrashcheniya: 20.11.2013).
 2. *Khutorskoy A.V.* Klyuchevye kompetentsii i obrazovatel'nye standarty: doklad na Otdelenii Filosofii obrazovaniya i teorii pedagogiki RAO 23 aprelya 2002 g. Tsentr «Eydos». URL: [http://www.eidos.ru/news/compet/ htm](http://www.eidos.ru/news/compet/htm) (data obrashcheniya: 20.11.2013).
 3. *Yadrovskaya M.V.* Modeli v pedagogike. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/modeli-v-pedagogike> (data obrashcheniya: 20.11.2013).
 4. *Parakhonskiy A.P.* Mul'tidistsiplinarnost' nauchnykh issledovaniy. URL: econf.rae.ru/pdf/2009/06/Parahonskii_4.pdf (data obrashcheniya: 20.11.2013).

Поступила в редакцию 19.12.2013 г.

UDC 374.7

SOCIO-CULTURAL MODEL OF FORMATION OF VALUE-CONTENT COMPETENCIES OF YOUTH IN LEISURE CONDITIONS

Alsu Aidarovna MUDARISOVA, Kazan State University of Culture Socio-cultural activity and Arts, Kazan, Russian Federation, Post-graduate Student, Lecturer of Socio-cultural Activity Department, e-mail: alsu00@mail.ru

The paper presents the development of the conceptual framework and conceptual apparatus of socio-cultural model taking into account the updating of the system of formation of axiological and conceptual competence of youth in the conditions of leisure and social and cultural approach to the development of personality in the conditions of leisure on procedural grounds. The socio-cultural model of the formation of axiological and conceptual competence of youth in the conditions of leisure is considered as a unitary education-cultural and organizational activity system, aimed at creating value-semantic

worldview of the person in conditions of leisure activity on the basis of the spiritual and subject-cultural activities and representing the totality of several integrated components: target, concept, content-oriented, active and diagnostic assessment. The value-semantic competence in the conditions of leisure activities are considered by us as the competence of development of participants of the ideological vision of the world, life and humanity, individual nations, social events; ability to build internal target dominant, expressing the desire of the individual to the realization of its creative potential and intrinsic forces, aimed at qualitative consumption values of spiritual culture, entertainment and other types of cultural and leisure activities, determining the quality of the culture of leisure personality.

Key words: socio-cultural model; value-semantic competence; leisure; pedagogical conditions of forming of axiological and conceptual skills.

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

© Алексей Алексеевич СВИРИДОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант,
кафедра социально-культурной деятельности, e-mail: skd68@mail.ru

Рассмотрена одна из актуальнейших проблем мирового сообщества – экстремизм. Представлен анализ теоретических подходов к проблеме и установлено, что проблема экстремизма является одной из наиболее сложных социально-политических, юридических, психолого-педагогических, культурологических проблем, что связано с вариативностью природы его возникновения, многообразием проявления и механизмов развития.

Уточняется, что под экстремизмом понимается противоправная преступная деятельность, подразумевающая действия против конституционного строя и общественного порядка, направленная на подрыв безопасности, на осуществление террористической деятельности, призывающая к разжиганию национальной, расовой, религиозной розни, насилию, осуществлению массовых беспорядков и хулиганских действий.

Подробно рассмотрены причины возникновения экстремизма: слом сложившихся социальных структур, социально-экономический кризис, приводящий к ухудшению условий жизни и к обнищанию масс населения, ослабление государственной власти, падение дисциплины, рост антисоциальных проявлений, распад прежней системы ценностей и т. д.

Социокультурный подход, формирующийся сегодня в гуманитарных науках, интегрирует научные достижения предшествующих подходов и на их основе делает вывод о социокультурной природе экстремизма.

Отмечено, что экстремизм является деструктивной формой проявления молодежной субкультуры, основанной на поведенческих стратегиях экстремального характера, и локализуется в националистических, террористических, фашистских преступных движениях, создающих угрозу для общества.

Профилактику экстремизма нужно понимать как широкий термин, охватывающий комплекс действий и мероприятий – от образования до высокотехнологичных мер безопасности, нацеленных на снижение преступности и, соответственно, опасности экстремизма и терроризма.

Одним из важнейших средств духовно-нравственного воспитания молодых людей и, соответственно, противостояния экстремистским настроениям в молодежной среде является социально-культурная деятельность.

Проявления деформации содержания досуга в виде негативных специфических особенностей поведения молодежи, ее поступков, идей, высказываний, представляют собой итоговое выражение особенностей развития личности.

Подчеркивается, что в свете задач профилактики экстремизма необходимо формирование личности студента, имеющего устойчивую внутреннюю позицию и способного противостоять экстремистским настроениям, т. е. иметь определенное мировоззрение, обладать достаточным уровнем эмоционально-волевой регуляции и практически воплощать это в деятельности.

На основе проведенного анализа проблемы представлено определение сущности и специфики социально-культурной деятельности вуза по профилактике экстремизма в молодежной среде.

Ключевые слова: экстремизм; молодежь; профилактика; высшее учебное заведение.

Одной из проблем мирового сообщества, влекущей за собой тяжелейшие последствия, является экстремизм. В России антиконституционная деятельность экстремистски настроенных лиц и объединений приобрела широкие масштабы.

Данное явление не перестает быть актуальным: в последнее время ситуация в России становится все более напряженной в связи с наблюдаемой насыщенностью притока граждан ближнего зарубежья, недостаточной толерантностью, приводящей к возникнове-

нию криминальных конфликтов с участием представителей этнических меньшинств.

Существуют объективные предпосылки экстремистских действий: многонациональность РФ, наличие проблем в социально-экономической сфере и пр.

Сегодня, с одной стороны, становятся все ощутимее тенденции возрождения и развития этносами своих традиций и языка, а с другой стороны, из-за одностороннего понимания проблемы отсутствует гармонизация этнической культуры в многонациональном окружении.

Нетерпимость нередко обуславливается национальным или религиозным высокомерием, враждебным отношением к мнению, отличающемуся от своего, что, безусловно, создает напряжение в полиэтническом и поликультурном обществе. Нередко раздражающими факторами являются этнокультурные и этнопсихологические различия: манера поведения в общественных местах, отношение к обычаям, особенности традиций и пр.

Молодежь – особая группа риска в отношении возникновения экстремистских настроений. По данным МВД России, в среднем до 80 % участников группировок экстремистской направленности составляют лица в возрасте до 30 лет. На учете в органах внутренних дел состоит свыше 450 молодежных группировок экстремистской направленности общей численностью около 20 тыс. человек.

Молодежь в силу своих возрастных характеристик – остроты восприятия окружающего, стремительного развития самосознания, обостренного чувства справедливости, поиска смысла жизни, романтики, желания экстрима – и, кроме того, находящаяся в ситуации свободы (обучение в другом городе, отсутствие семьи, социальная незащищенность), является той частью общества, которая может быстро накапливать и реализовывать негативный экстремистский потенциал. Желание сформировать рядом с собой круг единомышленников, желающих радикально переменить ситуацию, нередко приводит молодых людей в неформальное объединение, в экстремистскую субкультуру.

Гармонизация межнациональных отношений, достижение гражданского согласия, профилактика экстремистских проявлений – приоритетные направления деятельности российского государства.

Между тем диалог между этническими культурами возможен лишь в случае осознания каждым членом общества не только ценности своего этноса, но и понимания, уважения и принятия ценности других народов, живущих рядом. Если же подобного диалога нет – возникает этноцентризм, что отрицательно влияет на формирование межэтнических отношений.

Предупреждению молодежного экстремизма посвящен ряд государственных нормативно-правовых документов, важнейшими из которых являются: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до

2020 г. (Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537); Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р; Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. и др.

Особое значение в решении проблемы воспитания молодежи придается системе высшего образования. Существует ряд документов, регламентирующих воспитательную деятельность вуза, наиболее важными из которых представляются Рекомендации по организации внеучебной работы со студентами в образовательном учреждении высшего профессионального образования (письмо Минобрнауки России от 20 марта 2002 г. № 30-55-181/16).

Таким образом, актуальность проблемы заключается в необходимости обучения подрастающего поколения бесконфликтному межэтническому взаимодействию, что актуализирует необходимость профилактики экстремистских настроений в молодежной среде.

Между тем нерешенность проблемы свидетельствует о том, что существующие превентивные меры в отношении распространения экстремизма недостаточны, необходимо продолжать поиск эффективных средств профилактики экстремистской деятельности среди молодежи. По нашему мнению, социально-культурная деятельность высших учебных заведений имеет огромный потенциал в осуществлении профилактики экстремизма среди молодежи.

Проблема экстремизма является одной из наиболее сложных социально-политических, юридических, психолого-педагогических, культурологических проблем, что связано с вариативностью природы возникновения, многообразием проявления и механизмов развития, что и обуславливает ее рассмотрение с точки зрения различных наук.

В разные времена в разных странах давалось множество научных определений экстремизму, но до сих пор отсутствует его единое определение.

Под *экстремизмом* (в широком смысле) понимается идеология, основанная на пропаганде принципов нетерпимости к инакомыслящим, принуждении лиц, имеющих другие убеждения; мотивация деятельности со ссылками на отдельные религиозные и идеологические учения, но фактически – непо-

следовательное выполнение толкований или даже их отрицание; применение эмоциональных способов воздействия на людей при проведении идеологической пропаганды; создание «культа лидера», сопровождающееся стремлением сформировать его идеальный моральный облик.

Под экстремистской деятельностью понимается противоправная, преступная деятельность, подразумевающая действия против конституционного строя и общественного порядка, направленные на подрыв безопасности, на осуществление террористической деятельности, призывающие к разжиганию национальной, расовой, религиозной розни, насилию, осуществлению массовых беспорядков и хулиганских действий.

Главная цель экстремистов – психологическое воздействие – привлечение общественного внимания и подрыв авторитета государства в вопросах обеспеченности безопасности граждан.

Феномен экстремизма в своем научном исследовании рассматривает Ю.А. Акунина, определяя его как приверженность в политике и идеологии крайним взглядам и действиям, основанным на радикальных идеях [1].

В научном исследовании Ю.А. Акуниной выявлены отличительные черты экстремизма: отрицание инакомыслия, нетерпимое отношение к сторонникам иных политических, экономических и конфессиональных взглядов; идеологическое обоснование применения насильственных методов к любым лицам, не разделяющим экстремистские убеждения; апелляция к известным идеологическим или религиозным учениям с их субъективной трактовкой; доминирование эмоциональных способов воздействия в пропагандистских целях; создание харизматичного имиджа лидеров экстремистских движений.

Автор выявляет социокультурные предпосылки возникновения экстремизма, показывая, что содержание установок экстремизма варьируется в контексте различных социокультурных ситуаций и выражается в синонимичных понятиях радикализма и фанатизма. Экстремистские установки личности основаны на радикалистских воззрениях, фанатичной преданности идеям, принимающим такие крайние формы выражения, как терроризм.

В современном мире экстремизм приобретает небывалую масштабность, наращива-

ет свой потенциал, экстремистские группировки проникают во влиятельные структуры жизни. Так, экстремистская деятельность радикальных мусульманских организаций приобрела международное значение. Догматы ислама не мешают созданию исламских банков, страховых компаний, торговых и иных коммерческих структур, а полученные средства расходуются на поддержание религиозной и экстремистской деятельности исламских организаций [2].

Сегодня происходит усиление жестокости экстремистов, их деятельность принимает все более изощренные формы, используются новейшие достижения техники, применяются средства массового поражения людей и пр.

Экстремизм порождает различные факторы: слом сложившихся социальных структур, социально-экономический кризис, приводящий к ухудшению условий жизни большинства населения и к обнищанию масс населения, ослабление государственной власти, дискредитация ее институтов, падение дисциплины, рост антисоциальных проявлений, распад прежней системы ценностей, нарастание чувства ущемления национального достоинства и т. д.

Существует комплекс противоречий, лежащих в основе зарождения экстремизма в России. Во-первых, это противоречия экономического характера, в т. ч. несоответствие результатов экономической реформы ожиданиям различных групп населения, высокая цена преобразований – безработица, маргинализация населения и т. п. Кроме того, обострилась проблема социального неравенства – замедление темпа формирования среднего слоя, который должен обеспечивать стабильность в обществе, расширение криминальных кругов за счет числа маргинализированных лиц.

Развитие молодежного экстремизма – это свидетельство недостаточной социальной адаптации молодежи, развития асоциальных установок ее сознания, интолерантности, вызывающих противоправные образцы ее поведения.

Но неправильно было бы все объяснять лишь социально-групповыми особенностями сознания молодежи. Молодежь – это часть общества, социально-демографическая группа, поэтому в ней по-своему отражаются проблемы всего общества, своеобразие каждого этапа его развития.

Важнейшим вопросом является рассмотрение причин возникновения экстремистских настроений в молодежной среде.

Так, Ю.А. Зубок и В.И. Чупров указывают на «...внутренние причины, вытекающие из социально-групповых особенностей самой молодежи, и внешние, связанные с использованием молодых людей для политических, национальных, религиозных, криминальных целей» [3].

При рассмотрении противоправных действий человека необходимо, на наш взгляд, обратиться к изучению психологических и педагогических проблем отклоняющегося поведения личности.

Делинквентное (антисоциальное) поведение составляет одну из групп отклоняющегося поведения – это поведение, противоречащее правовым нормам, угрожающее социальному порядку и благополучию окружающих людей. Оно включает любые действия или бездействия, запрещенные законодательством [4].

Современные требования к человеку не ограничиваются его способностью выполнять социальные предписания, но предполагают также самопознание и самобытие личности. В связи с этим основополагающими качествами личности в нашу эпоху можно назвать: ее внутреннюю позицию по отношению к внешнему миру и себе, способность принимать решения и делать выбор, а также личную ответственность за собственное поведение. Самоопределение в социальном пространстве и самореализация личностного потенциала в нем признаются ведущими задачами индивидуального развития.

Таким образом, аффективный профиль является одним из наиболее значимых свойств личности, связанных с антисоциальным поведением и зависящих, в свою очередь, от совокупности внутренних и внешних факторов. Антисоциальные люди предпринимают запрещенные действия, пресекаемые государством и преследуемые законом.

Противоправная мотивация, как устойчивая система доминирующих мотивов конкретной личности, непосредственно связана с ее правовым сознанием, которое предполагает: знание законов и их понимание; принятие правил как лично значимых, убежденность в их полезности и справедливости; готовность, умение и привычку действовать в соответствии с законами и правилами.

Таким образом, изучая проблему молодежного экстремизма, мы приходим к выводу о том, что его возникновение связано с несколькими компонентами, важнейшими из которых являются: идеологический, эмоционально-волевой, практический.

О целостности подобного осмысления экстремизма говорят в своей работе Г.Д. Гриценко и Е.В. Лукьянцев, рассматривая экстремизм одновременно как идеологию (мировоззрение), эмоционально-волевою регуляцию (психологическая готовность к конкретному поведению) и практическое действие (деятельность) [5].

Профилактику экстремизма нужно понимать как широкий термин, охватывающий комплекс действий и мероприятий – от образования до высокотехнологичных мер безопасности, нацеленных на снижение преступности и, соответственно, опасности экстремизма и терроризма.

Осмысление сущности и специфики профилактики экстремизма опирается на опыт традиционного рассмотрения этого явления в криминологической науке, который сегодня во многом нуждается в «расширении границ» и переосмыслении с новых позиций, прежде всего, на основе социально-культурного подхода.

Одним из важнейших средств духовно-нравственного воспитания молодых людей, и соответственно, противостояния экстремистским настроениям в молодежной среде, является досуговая деятельность.

Проблемы молодежной политики и молодежного досуга рассмотрены в ряде работ В.Я. Суртаева, которые составили цикл исследований [6]. В них рассматривается комплекс социально-культурных проблем российской молодежи на рубеже XX и XXI вв.

Используя методы теоретического и эмпирического анализа, В.Я. Суртаев рассматривает молодежь как социально-культурный ресурс общества, частью жизнедеятельности которой является досуг. Это позволяет ранее очерченные проблемы рассматривать сквозь призму анализа восприятия российской молодежью досуга как фактора воспитывающего воздействия на основе характера переработки социально-культурных ценностей современного общества в досуговую практику, которая нередко носит асоциальный и даже криминальный характер.

Проблема организации досуга молодежи в научных дискуссиях остается центральной.

В отличие от социологического представления проблем досуга молодежи, характеризующего освоение свободного времени как фактора социализации, досуг представляется как духовно-нравственный феномен человека нового общества.

Молодежь дает крайне критические оценки государственным институтам, которые оказывают влияние на маргинальность сознания молодежи, что и обусловило ее вовлечение в субкультуры разного, часто противоположного толка, вплоть до экстремизма.

Поэтому так важно использовать потенциал социально-культурной деятельности в воспитании молодежи, поскольку именно в ней происходит формирование положительных качеств молодого человека и постепенно образуется внутренний механизм саморегуляции личности.

Задачи совершенствования досуговой деятельности молодежи в современном обществе определяются новым подходом к управлению этим процессом и рассматриваются как важнейший фактор изменения функций и направления деятельности учреждений социума, участвующих в организации досуговой сферы, где их слияние можно рассматривать как единый процесс.

Таким образом, в качестве стратегической задачи социально-культурной деятельности вуза выступает воспитание личности студента, осознающего многомерность мира и наличие различных взглядов, обладающего адекватной самооценкой и активной жизненной позицией, направленной на сотрудничество и установление позитивных межличностных отношений с представителями других этносов.

Следует отметить, что ведущим субъектом культурной трансмиссии в отношении студенческой молодежи выступает деятельность высшего общеобразовательного учреждения, в котором создаются наиболее благоприятные условия для позитивного восприятия и успешного освоения его содержания средствами социально-культурной деятельности.

Социально-культурная деятельность, действуя изменению ранее сформированных мотивов, ценностей, установок и т. п., что проявляется в их изменении, переосмыслении, переоценке, корректирует поведение личности в соответствии с принятыми в социальном обществе нормами.

Процесс воспитательной работы со студенческой молодежью можно представить как усвоение ценностей общества, осознание их содержания в ходе систематизированного преподавания в вузе научных дисциплин, позволяющего обсуждать со студентами сложные проблемы смысла и назначения человеческой жизни, целей общественного развития, соотносить их личные потребности и интересы с целями и содержанием общественной деятельности и т. д.

Итак, в свете задач профилактики экстремизма необходимо формировать личность студента, имеющего устойчивую внутреннюю позицию и способного противостоять экстремистским настроениям, т. е. иметь определенное мировоззрение, обладать достаточным уровнем эмоционально-волевой регуляции и практически воплощать это в деятельности.

Для этого крайне важно:

- раскрывать несостоятельность идеологии экстремизма и одновременно предлагать иную – гуманную идеологию;
- предлагать позитивные пути реализации стремления к экстремальности как побудительному мотиву, «принуждающему» человека, особенно молодого, к постоянному развитию;
- привлекать максимальное число молодых людей к деятельности по предупреждению экстремизма и непосредственной борьбе с экстремизмом.

Все вместе взятое позволит сформировать у молодого человека стойкое неприятие экстремистского поведения.

В связи с вышеизложенным в условиях вуза представляется необходимым решение следующих задач:

- приобщение молодежи к общечеловеческим нормам морали, формирование чувства уважения к законности и правопорядку, морально-правовым традициям, кодексу профессиональной чести и моральным ценностям;
- ориентация студентов на гуманистические мировоззренческие установки и смысложизненные ценности, определение целей жизнедеятельности;
- формирование адекватной самооценки результатов своей деятельности, умения самоопределяться в социальном пространстве, формирование активной позитивной жизненной позиции;

– формирование самосознания и высших потребностей личности, внутренней свободы и чувства собственного достоинства, толерантности;

– воспитание потребности молодежи в освоении ценностей общечеловеческой культуры и формировании стремления к созданию и приумножению ценностей духовной культуры, участию в культурной жизни российского общества;

– реализация личностного потенциала в процессе социально значимой деятельности.

Таким образом, профилактика экстремистских настроений молодежи должна быть плановой, системной, целенаправленной, систематической и являться одной из приоритетных областей воспитательной деятельности вуза.

Проведенный нами теоретический анализ литературных источников по проблеме исследования позволил определить *сущность социально-культурной деятельности вуза по профилактике экстремизма в молодежной среде*, представляющую собой систему целенаправленных мер, предусматривающих использование средств, форм, методов и технологий социально-культурной деятельности для формирования у молодых людей неприятия экстремистского поведения: выработки определенного мировоззрения, эмоционально-волевой регуляции и потребности противодействия стратегиям экстремистского характера.

Специфика социально-культурной деятельности вуза по профилактике экстремизма в молодежной среде заключается в особом потенциале социально-культурной деятельности в воспитании молодежи: нерегламентированности, добровольности выбора различных форм деятельности, демократичности досугового пространства и времени, что позволяет ненавязчиво приобщать молодежь к общечеловеческим нормам морали и ценностям, формировать уважение к законности и морально-правовым традициям, формировать положительные качества и

внутренний механизм саморегуляции личности молодого человека, реализовывать личностный потенциал в процессе социально значимой деятельности, несовместимой с деструктивными формами молодежной субкультуры.

-
1. Акунина Ю.А. Социально-культурные условия профилактики экстремизма в молодежной среде: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2005.
 2. Калинин В.Н. Религия и безопасность (религиозный экстремизм) // Право и безопасность. 2002. № 4.
 3. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5.
 4. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. М., 2003.
 5. Гриценко Г.Д., Лукьянцев Е.В. К вопросу о понимании экстремизма в современной науке // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 112-116.
 6. Суртаев В.Я. Социология молодежного досуга. Санкт-Петербург; Ростов-на-Дону, 1998.

-
1. Akunina Yu.A. Sotsial'no-kul'turnye usloviya profilaktiki ekstremizma v molodezhnoy srede: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 2005.
 2. Kalinin V.N. Religiya i bezopasnost' (religioznyy ekstremizm) // Pravo i bezopasnost'. 2002. № 4.
 3. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Molodezhnyy ekstremizm. Sushchnost' i osobennosti proyavleniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. № 5.
 4. Zmanovskaya E.V. Deviantologiya: psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya. M., 2003.
 5. Gritsenko G.D., Luk'yantsev E.V. K voprosu o ponimanii ekstremizma v sovremennoy nauke // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2012. № 11. S. 112-116.
 6. Surtaev V.Ya. Sotsiologiya molodezhnogo dosuga. Sankt-Peterburg; Rostov-na-Donu, 1998.

Поступила в редакцию 17.12.2013 г.

UDC 378.14:316.043

ESSENCE AND SPECIFICITY OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITY OF UNIVERSITIES ON PREVENTIVE WORK OF EXTREMISM AMONG YOUTH

Aleksey Alekseyevich SVIRIDOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Socio-cultural Activity Department, e-mail: skd68@mail.ru

One of most urgent problems of world community, violence, is considered. The analysis of the theoretical approaches to a problem is submitted and is established, that the problem violence is one of most complex social-political, legal, psycholog-

ical-pedagogical, cultural problems that is connected with variants of nature of occurrence, variety of display and mechanisms of its development.

It is specified that under extremism is understood illegal, criminal activity meaning actions against constitutional building and public order, directed on having undermined safety, on realization of terrorist activity calling to kindling national, racial, religious disputes, violence, realization of mass disorders and hooligan actions.

The reasons of occurrence violence are in detail considered such as demolition of the usual social structures, socio-economic crisis resulting in deterioration of conditions life and to poverty of weights of the population, easing of state authority, fall of discipline, growth of antisocial displays, disintegration of former system of values etc.

Welfare approach formed today in humanitarian sciences integrates scientific achievement of the previous approaches and on their basis judges about welfare to nature violence.

It is marked that violence is destructive the form of display of youth subculture based on behavior strategy of extreme character, and is focused in nationalist, terrorist, fascist criminal movements creating threat for a society.

The preventive maintenance violence is necessary to understood as the wide term by a covering complex of actions and measures from education up to modern of security measures aimed at decrease of criminality and, accordingly, danger violence and terrorism.

One of major means of spiritual is moral education of the young people and accordingly the opposition violence to moods in youth environment is the welfare activity.

The displays of deformation of the contents of leisure as negative specific features of behavior of youth, its acts, ideas, statements, represent final expression of features of development of the person.

It is emphasized that in light of tasks of preventive maintenance violence the formation of the person of the student having a steady internal position and capable to resist violence to moods, is necessary that is to have the certain outlook, to have a sufficient level emotional-strong-willed order and practically to embody it in activity.

On the basis of the carried out analysis of a problem the definition of essence and specificity of welfare activity of high school on preventive maintenance violence in youth environment is submitted.

Key words: violence; youth; preventive maintenance; high educational institution.

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ПОИСКОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

© Виктор Леонидович БУДАГОВСКИЙ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант,
кафедра социально-культурной деятельности, e-mail: skd68@mail.ru

Рассматривается проблема военно-патриотического воспитания молодежи в процессе социально-культурной деятельности общественных объединений поисковой направленности, актуальность проблемы для современного общества, сущность и специфика рассматриваемого педагогического процесса. Проблема военно-патриотического воспитания граждан современной России обусловливается неизменностью функций государства, касающихся сохранения и укрепления внутренней и внешней безопасности и целостности страны. Сегодня нашему государству жизненно необходимо воспитывать патриотов, способных вывести страну из экономического и нравственного кризисов, способных защитить Россию от любого нашествия извне и любых проявлений терроризма. Отмечено, что в настоящее время государство предпринимает ряд различных мер, направленных на консолидацию усилий различных ведомств, учреждений, организаций по модернизации системы военно-патриотического воспитания в форме федеральных, региональных и муниципальных целевых молодежных программ.

Арсенал форм и методов работы по военно-патриотическому воспитанию молодежи достаточно велик. Одной из комплексных форм включения молодежи в изучение героико-патриотического прошлого страны является молодежное поисковое движение. Поисковое движение в молодежной среде России – уникальное социально-культурное явление. Успех военно-патриотического воспитания, прежде всего, зависит от высокого идейного смысла и общественно-полезной направленности проводимых мероприятий, важное значение имеет правильный отбор наиболее эффективных форм и методов военно-патриотической работы. Поисковая деятельность формирует у молодежи такие качества, как дисциплинированность, ответственность, решительность, инициативность, самостоятельность, честность.

Поисковое движение широкими слоями общества понимается как общественное движение граждан, добровольно и безвозмездно ведущих работу по обнаружению и захоронению не погребенных в годы Великой Отечественной войны останков павших воинов, установлению и увековечению их имен. Пройдя непростой период борьбы за признание на государственном уровне, продолжая свою деятельность, поисковое движение (поисковая работа) в последние годы становится объектом научных исследований. Интерес во многом поддерживается актуальностью его изучения как социального, культурологического и, безусловно, исторического явления, к которому требуется междисциплинарный подход, разработка своей методологической основы. Таким образом, в решении проблемы военно-патриотического воспитания современной молодежи значительным потенциалом обладает социально-культурная деятельность общественных объединений поисковой направленности.

Ключевые слова: поисковое движение; молодежь; социально-культурная деятельность.

Проблема военно-патриотического воспитания граждан современной России обусловливается неизменностью функций государства, касающихся сохранения и укрепления внутренней и внешней безопасности и целостности страны в условиях совокупности внешних (геополитических) и внутренних (политических и социально-экономических) факторов. Военно-патриотическое воспитание молодежи занимает одно из ведущих мест в разветвленной и гибкой ценностной системе обеспечения национально-государственной безопасности.

Жизнь общества сегодня ставит серьезнейшие задачи в области воспитания и обучения нового поколения. Государству нужны

здоровые, мужественные, смелые, инициативные, дисциплинированные, грамотные люди, которые были бы готовы учиться, работать на его благо и в случае необходимости встать на его защиту.

С развалом Советского Союза прекратила свое существование действовавшая в то время система идеологического и нравственного воспитания граждан. Свобода мнений, убеждений, взглядов способствовала открытости общества, раскрепощению духовной жизни, росту гражданской активности. Она же поставила многих людей и государство в целом в трудное положение поиска идей, взглядов, систем ценностей, способных содействовать личностному становлению чело-

века и эффективному развитию страны в новых социальных условиях, спланивающих граждан и общество в решении общенациональных задач.

Образовавшаяся в результате отсутствия должного внимания к идеологическому воспитанию граждан пустота стала быстро заполняться мощным потоком западных «ценностей», нередко пропагандирующих самые низкие и ничтожные человеческие чувства: вседозволенность, насилие, жестокость и т. п.

Часть молодежи вовлекается в различные суррогатные формы групповой активности на основе маргинальных форм молодежной субкультуры, религиозных культов деструктивной асоциальной и антигуманной направленности и т. п. Сохраняется отрыв существенной части молодежи и общества в целом от базовых духовно-нравственных ценностей, традиционных для нашего общества.

Сегодня нашему государству жизненно необходимо воспитывать патриотов, способных вывести страну из экономического и нравственного кризисов и защитить Россию от любого нашествия извне и любых проявлений терроризма.

В настоящее время государство принимает ряд различных мер, направленных на консолидацию усилий различных ведомств, учреждений, организаций по модернизации системы военно-патриотического воспитания в форме федеральных, региональных и муниципальных целевых молодежных программ. Их методологические, нормативно-правовые и организационные основания представлены в Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации и государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы», которые являются продолжением государственных программ «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» и «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» и сохраняют непрерывность процесса по дальнейшему формированию патриотического сознания российских граждан как одного из факторов единения нации.

Идеи патриотизма в истории России традиционно занимали одно из главных мест. Сформировавшееся в советский период и имеющее богатейшую практику и глубокие традиции военно-патриотическое воспита-

ние, адаптируемое в новых, постоянно изменяющихся условиях, может и должно быть усилено другим, более широким, социально ориентированным направлением, преодолевающим его ограниченность и способным обеспечить созвучность и соответствие духу нашего времени.

Военно-патриотическая работа с молодежью – это проверенный временем способ передачи молодым поколениям глубокого понимания нашей силы и веры в могущество России.

Общеизвестно: патриотами не рождаются – ими становятся. Формирование нравственных качеств человека, важнейшим из которых является патриотизм, не может быть достигнуто лишь нравственным просвещением, словесными формами воспитательного воздействия. Вне высоконравственной, общественно-полезной деятельности невозможно гражданское становление подрастающего поколения, формирование патриотических чувств – необходима непосредственная военно-патриотическая деятельность, в процессе которой у молодых людей формируются правильные представления о требованиях к военной службе в рядах вооруженных сил, закладывается фундамент практической готовности к выполнению воинского долга перед Родиной, создается и осуществляется программа самовоспитания качеств гражданина-патриота.

Арсенал форм и методов работы по военно-патриотическому воспитанию молодежи достаточно велик. Одной из комплексных форм включения молодежи в изучение героико-патриотического прошлого страны является молодежное поисково-краеведческое движение.

Важную роль в воспитании молодого поколения играют молодежные общественные движения. Поисковое движение в молодежной среде России – уникальное социально-культурное явление. Оно фактически оформилось без участия государства, являясь ярким примером патриотической инициативы граждан и важнейшей формой в воспитании подрастающего поколения на базе конкретного общественно полезного труда по увековечению памяти погибших защитников Отечества, установлению их имен и судеб, восстановлению исторических событий.

Практика поискового движения выступает в качестве ценностно-деятельного процесса и обеспечивает активизацию социаль-

ного функционирования личности. Главное предназначение гражданско-патриотического воспитания, определяющее доминанту соответствующей практической деятельности, – формирование готовности и способности личности к позитивному изменению социальной среды, к ее полноценной самореализации в обществе и государстве в интересах их и ее собственного развития.

Успех военно-патриотического воспитания, прежде всего, зависит от высокого идейного смысла и общественно-полезной направленности проводимых мероприятий, большое значение имеет правильный отбор наиболее эффективных форм и методов военно-патриотической работы. Под воспитательным социально-педагогическим потенциалом поискового движения следует понимать реальные возможности применения исторического опыта Великой Отечественной войны в целях патриотического воздействия на подрастающее поколение.

Поисковое движение является одной из наиболее эффективных форм военно-патриотического воспитания. Поисковая деятельность формирует у молодежи такие качества, как целеустремленность, дисциплинированность, ответственность, решительность, инициативность, самостоятельность, честность.

Таким образом, в решении проблемы военно-патриотического воспитания современной молодежи значительным потенциалом обладает социально-культурная деятельность общественных объединений поисковой направленности.

Поисковое движение широкими слоями общества понимается как общественное движение граждан, добровольно и безвозмездно ведущих работу по обнаружению и захоронению не погребенных в годы Великой Отечественной войны останков павших воинов, установлению и увековечению их имен. Пройдя непростой период борьбы за признание на государственном уровне, продолжая свою деятельность, поисковое движение (поисковая работа) в последние годы становится объектом научных исследований. Интерес во многом поддерживается актуальностью его изучения как социального, культурологического и, безусловно, исторического явления, к которому требуется междисциплинарный подход, разработка своей методологической основы.

Помимо научного интереса и теоретизации, в практической плоскости в настоящее

время идут дискуссии по поиску путей оптимизации и перспективах развития движения, совершенствования правил проведения поисковых работ.

Поисковое движение в России имеет многолетнюю историю.

Исторический опыт исследования деятельности молодежных краеведческих и поисковых отрядов в СССР можно разделить на два периода: советский (1940-е – 1991 гг.) и постсоветский (с 1991 г.).

В первый период изучаемая проблема рассматривалась через призму руководства КПСС. Деятельность партийно-государственных структур по военно-патриотическому воспитанию трудящихся в конце 1940-х – середине 1950-х гг. нашла отражение в диссертационных работах А.Ф. Басиной, М.С. Зенова и А.Ф. Комарова [1–3].

Важное влияние на развитие поискового движения имели документальные книги фронтовика и журналиста С.С. Смирнова о судьбах пропавших без вести солдат, о малоизвестных событиях Великой Отечественной войны [4; 5]. Главная заслуга автора состояла в том, что именно он привлек внимание властных структур и миллионов людей к проблеме «забытых» солдат, показал важность и необходимость подобной работы.

В 1960-е гг. вслед за возросшим общественным статусом государственных музеев и деятельностью по их созданию стали появляться работы, написанные в пропагандистском духе и выполнявшие роль методической поддержки при организации новых музеев [6; 7]. Они содержали важный материал по данной проблеме.

В то же время партийные и комсомольские органы стали активно вмешиваться в поисково-краеведческую работу. В ней усмотрели важное средство воспитания молодежи, позволяющее показывать преимущества социализма. В период 1960–1980-х гг. эта работа анализировалась в книгах и статьях партийных работников, освещавших вопросы военно-патриотического воспитания на материалах отдельных регионов страны, в работах известных полководцев и военачальников, в исследованиях комсомольских работников [8–10].

Большой интерес для нас представляют работы ученых Центрального Черноземья, выполненные на местных материалах. Л.С. Устиновой сделан вывод об эффективности таких форм работы с молодежью, как

«уроки мужества», организация музеев боевой славы, походов по местам боев в Воронежской, Курской и Тамбовской областях [11].

В настоящее время продолжается процесс накопления и систематизации поисковых данных о военно-историческом прошлом России 1941–1945 гг.

Если рассматривать работу поисковиков как процесс по установлению имен и судеб погибших на полях сражений бойцов и командиров Красной Армии, формированию условий по сохранению памяти о защитниках Отечества, то в контексте решения этих задач основополагающую составляющую поискового движения, а именно «военную археологию», следует рассматривать как одну из вспомогательных исторических дисциплин с узким предметом исследования. «Военная археология» как «фундамент» поискового движения в качестве вспомогательной научной дисциплины имеет прикладное значение и охватывает объем работ от архивных исследований и подготовки поисковых военно-археологических экспедиций, их проведения до розыска и оповещения родственников погибших воинов, найденных и установленных на местах боев, а также постановки на учет обнаруженных неизвестных и незарегистрированных воинских захоронений и изучения эпизодов войны на конкретных участках.

Педагогический потенциал поискового движения рассматривается в статьях о роли поискового движения как средства патриотического воспитания [12, с. 65; 13, с. 156; 14, с. 7].

Поисковой деятельностью занимаются в основном молодые люди. По данным Минобрнауки РФ в поисковых объединениях, работающих в 52 субъектах Российской Федерации, состоят более 15 тыс. молодых людей. В это число входят только непосредственно принимающие участие в поисковых экспедициях на местах боев, без учета огромного числа школьников, ведущих работу по увековечению памяти погибших в Великую Отечественную войну и исследовательскую работу по установлению их судеб [15, с. 269].

Воспитательный потенциал поисковой деятельности велик. Прошедшие «поисковую школу» ребята по-новому смотрят на историю страны, по-настоящему гордятся героизмом и мужеством солдат.

Поисковое движение входит в военно-патриотическое воспитание молодежи и является одним из направлений государственной молодежной политики.

На основе вышеизложенного нами определены сущность и специфика военно-патриотического воспитания молодежи в процессе социально-культурной деятельности общественных объединений поисковой направленности.

Сущность военно-патриотического воспитания молодежи в процессе социально-культурной деятельности общественных объединений поисковой направленности представляет собой целенаправленный педагогический процесс, в котором воспитываются чувства уважения к ветеранам, гордость за подвиг народа в годы Великой Отечественной войны и происходит осознание молодыми людьми необходимости соподчинения личных и общественных интересов на благо Отечества, закладывается фундамент практической готовности к выполнению воинского долга перед Родиной.

Специфика военно-патриотического воспитания молодежи в процессе социально-культурной деятельности общественных объединений поисковой направленности определяется особым потенциалом и возможностями социально-культурной деятельности общественных объединений, основанной на свободном выборе, общности интересов и увлечений, в процессе которой на базе конкретного общественно полезного труда по увековечению памяти погибших защитников Отечества, установлению их имен и судеб, восстановлению исторических событий происходит воспитание у молодых людей готовности к достойному и самоотверженному служению обществу и государству, к выполнению обязанностей по защите Отечества.

1. Басина А.Ф. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за воспитание трудящихся в духе советского патриотизма в послевоенный период: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954.
2. Зенов М.С. Революционные и трудовые традиции – важнейшее средство идейно-политического воспитания учащихся в советской школе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1958.
3. Комаров А.Ф. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за воспитание трудящихся в духе советского патриотизма

- (1946–1954 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 1954.
4. *Смирнов С.С.* Сталинград на Днепре: очерк Корсунь-Шевченковской битвы. М., 1959.
 5. *Смирнов С.С.* В поисках героев Брестской крепости. М., 1959.
 6. *Огризко З.А.* В помощь школьным музеям. М., 1960.
 7. *Огризко З.А.* Организация и работа музеев на общественных началах. Курск, 1978.
 8. *Конеv И.С.* Маршрутами народного подвига // Молодой коммунист. 1967. № 3. С. 28-37
 9. *Криворотенко В.Г. и др.* Организатору Все-союзного похода. М., 1985.
 10. *Юнак И.Х.* Традициям верны. М., 1975.
 11. *Устинова Л.С.* Деятельность Коммунистической партии по патриотическому воспитанию советского народа в период с XX по XXIII съезды КПСС (на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1976.
 12. *Быков А.К.* Духовно-нравственный потенциал Великой Победы как ресурс возрождения и развития патриотизма у современной молодежи // Патриотически ориентированное образование: методология, теория, практика / под общ. ред. А.К. Быкова, А.Н. Выщирикова. М., 2005.
 13. *Живейнова Ю.А.* Патриотическое воспитание: цели, задачи, перспективы // Патриотическое воспитание в учебных заведениях отрасли культуры: сборник статей. М., 2004.
 14. *Мазыкина Н.* Инновационные подходы в патриотическом воспитании и гражданском становлении личности // Воспитание школьников. 2002. № 6. С. 7.
 15. Информация Министерства образования и науки РФ о подготовке и проведении юбилейных мероприятий, посвященных 60-летию Великой Победы // Народное образование. 2005. № 5.
 2. *Zenov M.S.* Revolyutsionnye i trudovye traditsii – vazhneyshee sredstvo ideyno-politicheskogo vospitaniya uchashchikhsya v sovetskoy shkole: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1958.
 3. *Komarov A.F.* Bor'ba Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza za vospitanie trudyashchikhsya v dukhe sovetskogo patriotizma (1946–1954 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. K., 1954.
 4. *Smirnov S.S.* Stalingrad na Dnepre: ocherk Kor-sun'-Shevchenkovskoy bitvy. M., 1959.
 5. *Smirnov S.S.* V poiskakh geroev Brestskoy kre-posti. M., 1959.
 6. *Ogrizko Z.A.* V pomoshch' shkol'nym muzeyam. M., 1960.
 7. *Ogrizko Z.A.* Organizatsiya i rabota muzeev na obshchestvennykh nachalakh. Kursk, 1978.
 8. *Konev I.S.* Marshrutami narodnogo podviga // Molodoy kommunist. 1967. № 3. S. 28-37
 9. *Krivorotenko V.G. i dr.* Organizatoru Vse-soyuznogo pokhoda. M., 1985.
 10. *Yunak I.Kh.* Traditsiyam verny. M., 1975.
 11. *Ustinova L.S.* Deyatel'nost' Kommunisticheskoy partii po patrioticheskomu vospitaniyu sovetskogo naroda v period s KhKh po KhKhIII s'ezdy KPSS (na materialakh Voronezhskoy, Kurskoy i Tambovskoy oblastey): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 1976.
 12. *Bykov A.K.* Dukhovno-nravstvennyy potentsial Velikoy Pobedy kak resurs vrozozhdeniya i razvitiya patriotizma u sovremennoy molodezhi // Patrioticheski orientirovanное obrazovanie: metodologiya, teoriya, praktika / pod obshch. red. A.K. Bykova, A.N. Vyshchirikova. M., 2005.
 13. *Zhiveynova Yu.A.* Patrioticheskoe vospitanie: tseli, zadachi, perspektivy // Patrioticheskoe vospitanie v uchebnykh zavedeniyakh otrasli kul'tury: sbornik statey. M., 2004.
 14. *Mazykina N.* Innovatsionnye podkhody v patrioticheskome vospitanii i grazhdanskom stanovlenii lichnosti // Vospitanie shkol'nikov. 2002. № 6. S. 7.
 15. Informatsiya Ministerstva obrazovaniya i nauki RF o podgotovke i provedenii yubileynykh meropriyatiy, posvyashchennykh 60-letiyu Velikoy Pobedy // Narodnoe obrazovanie. 2005. № 5.

Поступила в редакцию 11.12.2013 г.

UDC 37.035.7

ESSENCE AND SPECIFICITY OF MILITARIAN-PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH IN PROCESS OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITY OF SOCIAL UNIONS OF SEARCH DIRECTION

Viktor Leonidovich BUDAGOVSKY, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Socio-cultural Activity Department, e-mail: skd68@mail.ru

The problem the military-patriotic education of youth is considered during welfare activity of public associations of urgency search orientation of problem for a modern society, essence and specificity of considered pedagogical process. The problem of military-patriotic education of the citizens of modern Russia is caused by an invariance of functions of the state concerning preservation both strengthening of internal and external safety and integrity of the country. Today it is vitally necessary to our state to bring up patriots, capable to deduce the country from economic and moral crises capable to protect Russia from any invasion from the outside and any displays of terrorism. It is marked, that now state undertakes a number of various measures directed on consolidation of efforts of various departments, establishments, organizations on modernization of system of military-patriotic of education in the form of the federal, regional and municipal target youth programs.

The arsenal of the forms and methods of work on military-patriotic education of youth is great enough. One of the complex forms of inclusion of youth in study of military-patriotic of the past of the country is youth search movement. Search movement in youth environment of Russia is a unique welfare phenomenon. The success the military-patriotic of education, first of all, depends on high ideological sense and public-useful orientation of spent measures, the important meaning has correct selection of the most effective forms and methods the military-patriotic work. The search activity forms at youth such qualities as discipline, responsibility, resoluteness, initiative, independence, honesty.

The search movement is understood by wide layers of a society as public movement of the citizens, voluntary and gratuitously conducting work on detection and burial place not buried lost people within Great Domestic war, establishment and perpetuating of their names. Overcome the uneasy period of struggle for recognition at a state level, continuing the activity, search movement in last years becomes object of scientific researches. The interest in many respects is supported by urgency of study as social, culturological and historical phenomenon, by which the development of the methodological basis is required the inter-discipline approach. Thus, in the decision of a problem the military-patriotic of education of modern youth of significant potential the welfare activity of public associations of a search orientation has.

Key words: search movement; youth; socio-cultural activity.

МОДЕЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРНОГО ТАНЦА

© Александр Владимирович МИРОНЕНКО

Орловский государственный институт искусств и культуры,
г. Орел, Российская Федерация, соискатель, кафедра
социально-культурной деятельности, e-mail: skd68@mail.ru

Представлена авторская модель этнокультурной социализации подростков в процессе освоения регионального фольклорного танца, состоящая из взаимосвязанных блоков: целеполагающего, организационно-содержательного, критериально-результативного. Структурная модель этнокультурной социализации подростков в процессе освоения регионального фольклорного танца представляет собой последовательно взаимосвязанные компоненты, позволяющие технологично представить данный педагогический процесс.

Первый блок – целеполагающий – включает в себя: социальный заказ, цель и задачи осуществления педагогической деятельности. Социальный заказ заключается в необходимости формирования этнокультурной социализации подрастающего поколения. Основная цель состояла в этнокультурной социализации подростков в процессе освоения регионального фольклорного танца. Второй блок – организационно-содержательный – содержит принципы, функции, технологии, методы, средства, формы. Критериально-результативный блок включает в себя критерии, показатели и уровни сформированности качества.

Представлены три уровня этнокультурной социализации подростков: низкий, средний и высокий, которые охарактеризованы определенными количественными и качественными показателями. В данном случае уровни рассматриваются как ступени перехода от более низких к более высоким, более сложным, что характеризует формирование, развитие педагогического процесса.

Результатом педагогической работы является этнокультурная социализация подростков: усвоение образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования в конкретном обществе, составляющее основу для дальнейшего использования и интерпретации полученных знаний в самореализации человека на протяжении всей жизни в поликультурном мировом сообществе. Педагогическая деятельность по этнокультурной социализации подростков будет успешной только при выполнении ряда разработанных автором организационно-педагогических условий. Модель позволяет планомерно организовывать педагогический процесс по этнокультурной социализации подростков в процессе освоения регионального фольклорного танца.

Ключевые слова: модель; этнокультурная социализация подростков; фольклор; танец.

Как один из основных методов научного исследования моделирование широко применяется в педагогических работах. Рассмотрев общепринятую трактовку, мы можем его определить как создание педагогического процесса и его составляющих, которые отражают основные идеи, методы, формы, средства, приемы и технологические решения, подлежащие в дальнейшем экспериментальному изучению в условиях реального педагогического процесса [1].

Моделирование процесса этнокультурной социализации подростков позволяет полнее и рациональнее представить и проанализировать содержание данного процесса, структурную взаимосвязь его элементов, что позволяет систематизировать процесс воспитания, исключить возможность необоснован-

ного повторения усвоенного, обнаружить недостатки в их методическом обеспечении.

Структурная модель этнокультурной социализации подростков в процессе освоения регионального фольклорного танца представляет собой последовательно взаимосвязанные компоненты, позволяющие технологично представить данный педагогический процесс.

Настоящая модель состоит из следующих блоков:

- целеполагающего;
- организационно-содержательного;
- критериально-результативного (рис. 1).

Первый блок – **целеполагающий** – включает в себя: социальный заказ, цель и задачи осуществления педагогической деятельности.

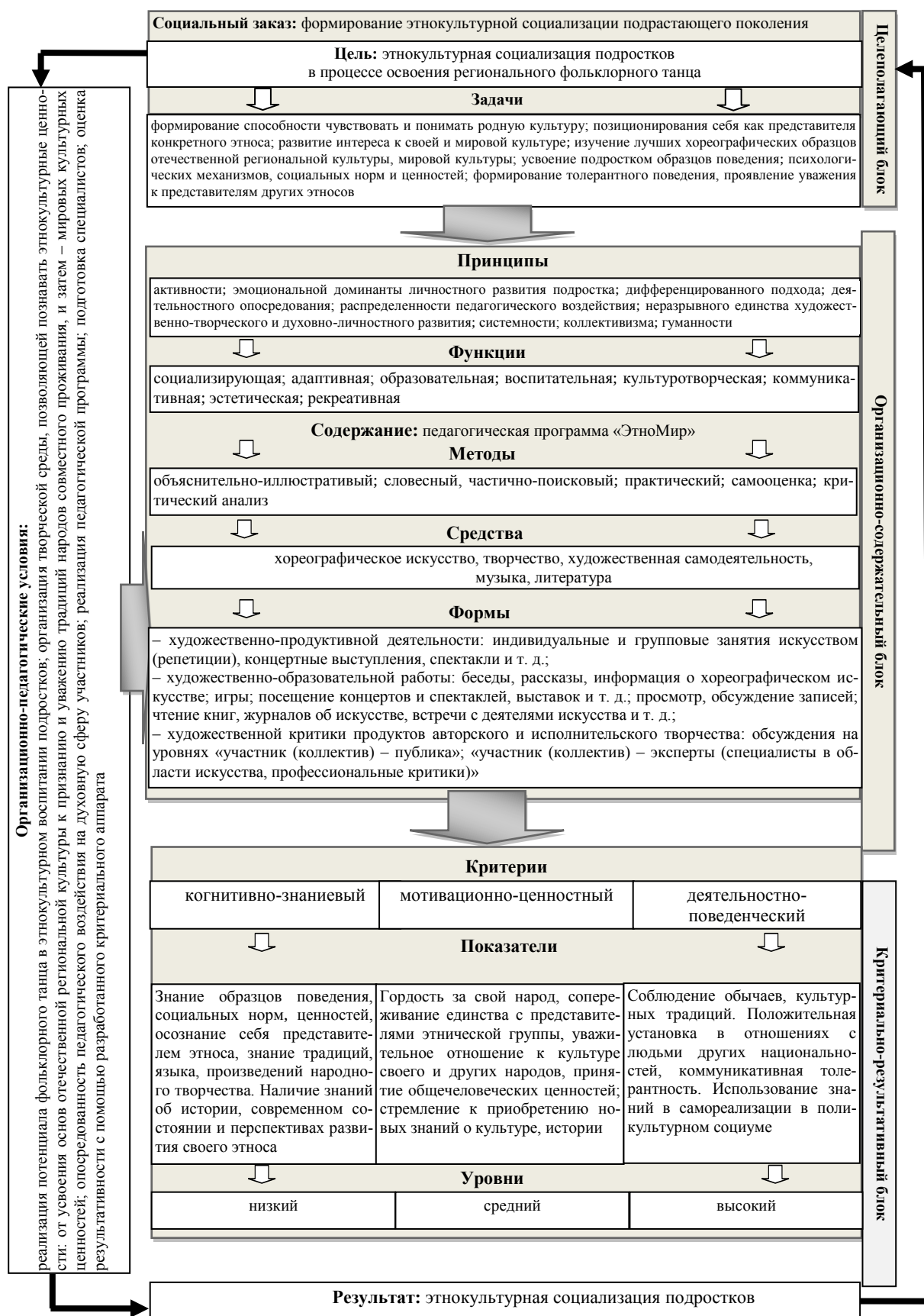

Рис. 1. Модель этнокультурной социализации подростков в процессе освоения регионального фольклорного танца

Социальный заказ заключается в необходимости формирования этнокультурной социализации подрастающего поколения.

Основная цель состоит в этнокультурной социализации подростков в процессе освоения регионального фольклорного танца.

Цель обусловила постановку ряда задач:

- формирование способности чувствовать и понимать родную культуру;
- формирование позиционирования подростком себя как представителя конкретного этноса;
- развитие интереса к своей, а затем и к мировой культуре;
- формирование представлений о роли родного языка, культуры, традиций, обычаев;
- изучение лучших хореографических образцов отечественной региональной культуры, мировой культуры, позволяющее сформировать основы для дальнейшего использования и интерпретации полученных знаний;
- усвоение подростком образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования индивида в конкретном обществе;
- формирование толерантного поведения, проявление уважения к представителям других этносов.

Второй блок – **организационно-содержательный** – содержит принципы, функции, технологии, методы, средства, формы.

Нами выделены следующие *принципы*, в соответствии с которыми строилась педагогическая работа по этнокультурной социализации подростков в процессе освоения регионального фольклорного танца:

- *принцип активности*, предполагающий использование активных деятельных форм, в процессе которых подростки занимаются хореографической деятельностью;
- *принцип эмоциональной доминанты личностного развития подростка*, которая, с одной стороны, выступает ведущим источником проблем и противоречий процесса становления личности, а с другой – обеспечивает психологическую целостность личности;
- *принцип дифференцированного подхода*, осуществляемый на основе выявления типологической специфики подростков;
- *принцип деятельностного опосредования* педагогического воздействия на подростка – участника коллектива хореографии;

- *принцип распределенности педагогического воздействия* по всему полю художественно-творческой деятельности участников коллектива;

- *принцип неразрывного единства художественно-творческого и духовно-личностного развития* подростков – участников самодеятельного хореографического коллектива;

- *принцип системности* предполагает организацию педагогического процесса как взаимосвязанного комплекса педагогических мероприятий;

- *принцип коллективизма*, предполагающий согласование интересов каждого участника хореографического коллектива с общими целями и задачами;

- *принцип гуманности* выражает безусловную веру в доброе начало, отсутствие волевого давления; создание условий для максимального раскрытия индивидуальности каждого подростка, его самореализации и самоутверждения.

Нами были выделены следующие *функции* хореографической деятельности по этнокультурной социализации подростков: социализирующая, адаптивная, образовательная, воспитательная, культуротворческая, коммуникативная, эстетическая, рекреативная.

Содержание педагогической деятельности по этнокультурной социализации подростков в процессе освоения регионального фольклорного танца представлено в авторской программе «ЭтноМир», направленной на формирование у подростков способности чувствовать и понимать родную культуру; позиционировать себя как представителя конкретного этноса; развитие интереса к своей и мировой культуре, изучение лучших хореографических образцов отечественной региональной культуры, мировой культуры; усвоение подростком образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей; формирование толерантного поведения, проявление уважения к представителям других этносов.

В педагогической деятельности по этнокультурной социализации подростков применялись следующие *методы*: объяснительно-иллюстративные – демонстрация наглядного материала, рассказ, беседа, объяснение; словесные – обсуждение, диалог, комментарии известных фольклористов и артистов, музыкантов, педагогов; частично-поисковые – теоретическое изучение народных традиций,

поиск информации об известных и менее известных народных традициях и обычаях; практические – изучение народных музыкальных инструментов, песен, народных танцев и хороводов; методы самооценки и критического анализа.

В процессе педагогической деятельности нами использовались различные *средства*, основными из которых являлись: хореографическое искусство, творчество, художественная самодеятельность, музыка, литература.

В процессе педагогической деятельности предполагалось использование различных *форм* хореографической деятельности. Мы воспользовались формами, предложенными в классификации, разработанной Т.И. Баклановой [2]:

- формы художественно-продуктивной деятельности: индивидуальные и групповые занятия искусством (репетиции), концертные выступления, спектакли и т. д.;

- формы художественно-образовательной работы: беседы, рассказы, информация об искусстве; дидактические игры; посещение концертов и спектаклей, выставок и т. д.; прослушивание, обсуждение музыкальных записей; чтение книг, журналов об искусстве, встречи с деятелями искусства и т. д.;

- формы художественной критики продуктов авторского и исполнительского творчества любителей искусства: обсуждения на уровнях «участник (коллектив) – публика»; «участник (коллектив) – эксперты (специалисты в области искусства, профессиональные критики)»).

Критериально-результативный блок включает в себя критерии, показатели и уровни сформированности качества.

Мы выделили следующие *критерии* этнокультурной социализации подростка: когнитивно-знаниевый, мотивационно-ценностный и деятельностно-поведенческий.

Показатели сформированности качеств по вышеперечисленным критериям следующие:

- 1) когнитивно-знаниевый – знание образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного проживания в конкретном обществе. Знания о своем происхождении, осознание себя как представителя своего этноса, знание традиций, культурных ценностей. Знание языка, произведений народного творчества. Осознание себя как носителя свойств национального характера,

определяющих особенности мировоззрения, жизненную позицию, отношение к окружающим людям. Наличие знаний об истории, современном состоянии и перспективах развития своего этноса, народов, проживающих рядом, и мирового полиэтнического сообщества. Умение использовать и интерпретировать полученные знания в самореализации на протяжении всей жизни в поликультурном мировом сообществе;

- 2) мотивационно-ценностный – гордость за свой народ, сопереживание своего единства с другими представителями национально-этнической группы, уважительное отношение к национальной истории и культуре своего и других народов, принятие общечеловеческих ценностей на базе национально-культурного компонента. Стремление к приобретению новых знаний о культуре, истории, научных достижениях своего народа через различные источники, интерес к истории, литературе, культуре, науке своего и других народов;

- 3) деятельностно-поведенческий – соблюдение обычаев, норм, ценностей, поведенческих стереотипов, культурных традиций, принятых в национально-этнической группе. Конструктивное взаимодействие между людьми других национальностей, положительная установка в отношении друг к другу, предполагающая соблюдение этических и правовых норм поведения, коммуникативную толерантность. Использование и интерпретация полученных знаний в самореализации человека на протяжении всей жизни в поликультурном мировом сообществе.

Далее в исследовании нами были выделены три *уровня* этнокультурной социализации подростков: низкий, средний и высокий, которые мы охарактеризовали определенными количественными и качественными показателями. В данном случае уровни рассматриваются нами как ступени перехода от более низких к более высоким, более сложным, что характеризует формирование, развитие педагогического процесса.

Низкий уровень

Когнитивно-знаниевый критерий – недостаточно знаком с образцами поведения, психологическими механизмами, социальными нормами и ценностями, необходимыми для успешного проживания в конкретном обществе. Знания о своем происхождении недостаточны, недостаточно осознает себя представителем своего этноса, не знает тра-

диции, не знает фольклора. Недостаточно знает язык, произведения народного творчества. Не осознает себя носителем свойств национального характера, определяющих особенности мировоззрения, жизненную позицию, отношение к окружающим людям. Недостаточно знаний об истории, современном состоянии и перспективах развития своего этноса, народов, проживающих рядом, и народов мирового полиэтнического сообщества. Не умеет использовать и интерпретировать полученные знания в самореализации в социуме.

Мотивационно-ценностный критерий – стремление к приобретению новых знаний о культуре, истории, научных достижениях своего народа через различные источники отсутствует. Не проявляет интерес к истории, литературе, культуре, науке своего и других народов. Нет гордости и сопереживания единства с другими представителями национально-этнической группы, отсутствует уважительное отношение к национальной истории и культуре своего и других народов.

Деятельностно-поведенческий критерий – не соблюдает обычаи, нормы, культурные традиции, принятые в национально-этнической группе. Конструктивное взаимодействие между людьми других национальностей отсутствует, нет положительной установки в отношениях друг к другу, соблюдение этических и правовых норм поведения отсутствует. Может проявлять нетерпимость к представителям других этносов.

Средний уровень

Когнитивно-знаниевый критерий – имеет отдельные несистематизированные представления об особенностях поведения, психологических механизмах, социальных нормах и ценностях, необходимых для успешного проживания в конкретном обществе. Знания о своем происхождении неполны, осознает себя представителем своего этноса недостаточно, знает не все традиции, знаком с отдельными произведениями фольклора. Знает язык, некоторые произведения народного творчества. Не полностью осознает себя носителем свойств национального характера, определяющих особенности мировоззрения, жизненную позицию, отношение к окружающим людям. Имеет некоторые знания об истории, современном состоянии и перспективах развития своего этноса, народов, проживающих рядом, и народов мирового полиэтнического сообщества. Умеет использовать

и интерпретировать некоторые полученные знания в процессе самореализации в социуме.

Мотивационно-ценностный критерий – имеет некоторое стремление к приобретению новых знаний о культуре, истории, научных достижениях своего народа через различные источники, проявляет некоторый интерес к истории, литературе, культуре, науке своего и других народов. Не всегда проявляет уважительное отношение к национальной истории и культуре своего и других народов.

Деятельностно-поведенческий критерий – соблюдает некоторые обычаи, придерживается отдельных норм, знает некоторые культурные традиции, принятые в национально-этнической группе. Может осуществлять взаимодействие с людьми других национальностей, но установка в отношении друг к другу нейтральная, не всегда соблюдает этические нормы поведения к представителям других этносов.

Высокий уровень

Когнитивно-знаниевый – хорошо знает образцы поведения, психологические механизмы, социальные нормы и ценности, необходимые для успешного проживания в конкретном обществе. Имеет достаточно знаний о своем происхождении, осознает себя представителем своего этноса, хорошо знает традиции и культурные ценности. Хорошо знает родной язык, знаком с произведениями народного творчества. Осознает себя носителем свойств национального характера, определяющих особенности мировоззрения, жизненную позицию, отношение к окружающим людям. Имеет достаточно знаний об истории, современном состоянии и перспективах развития своего этноса, народов, проживающих рядом, и народов мирового полиэтнического сообщества. Умеет использовать и интерпретировать полученные знания в самореализации в социуме.

Мотивационно-ценностный – испытывает гордость за свой народ, сопереживает свое единство с другими представителями национально-этнической группы, уважительно относится к национальной истории и культуре своего и других народов, принимает общечеловеческие ценности на основе национально-культурного компонента. Постоянно стремится к приобретению новых знаний о культуре, истории, научных достижениях своего народа через различные источники, проявляет интерес к истории, литературе, культуре, науке своего и других народов.

Деятельностно-поведенческий – соблюдает обычаи, нормы, ценности, поведенческие стереотипы и культурные традиции, принятые в национально-этнической группе. Конструктивно взаимодействует с представителями других национальностей, имеет положительную установку в отношении друг к другу, предполагающую соблюдение этических и правовых норм поведения, коммуникативную толерантность. Использует и успешно интерпретирует полученные знания в самореализации в поликультурном социуме.

Результатом педагогической работы будет являться этнокультурная социализация подростков: усвоение образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования в конкретном обществе, составляющее основу для дальнейшего использования и интерпретации полученных знаний в самореализации человека на протяжении всей жизни в поликультурном мировом сообществе.

Важно также, что педагогическая деятельность по этнокультурной социализации подростков будет успешной при выполнении ряда организационно-педагогических *условий*, включающих:

- реализацию потенциала фольклорного танца;
- организацию особой творческой среды, позволяющей познавать этнокультурные ценности в соответствии со следующей структурой: от усвоения основ отечественной региональной культуры к признанию и

уважению традиций народов совместного проживания, а затем – мировых культурных ценностей;

- модельное представление педагогического процесса;
- реализацию педагогической программы «ЭтноМир» по этнокультурной социализации подростков в процессе освоения регионального фольклорного танца;
- подготовку специалистов к осуществлению деятельности по педагогической программе;
- оценку результативности педагогической деятельности с помощью разработанного критериального аппарата.

-
1. *Матушанский Г.У.* Проектирование системы непрерывного профессионального образования преподавателей высшей школы. Казань, 1999.
 2. *Бакланова Н.К.* Профессиональное мастерство работника культуры. М., 1994.

-
1. *Matushanskiy G.U.* Proektirovanie sistemy nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya prepodavateley vysshey shkoly. Kazan', 1999.
 2. *Baklanova N.K.* Professional'noe masterstvo rabotnika kul'tury. M., 1994.

Поступила в редакцию 12.12.2013 г.

UDC 316.614

MODEL OF ETHNO-CULTURAL SOCIALIZATION OF TEENAGERS IN PROCESS OF REGIONAL FOLKLORE DANCE STUDY

Aleksander Vladimirovich MIRONENKO, Oryol State Institute of Arts and Culture, Oryol, Russian Federation, Competitor, Socio-cultural Activity Department, e-mail: skd68@mail.ru

The author's model of ethnic-cultural community in a society of the teenagers is submitted during development of regional folklore dance consisting from the interconnected blocks such as target, organizational-substantial, criterion-productive. The structural model ethnic-cultural community in a society of the teenagers during development of regional folklore dance represents the consistently interconnected components allowing stage by stage to present given pedagogical process.

The first block – target – includes the social order, purpose and tasks of realization of pedagogical activity. The social order consists in necessity of formation ethnic-cultural community in a society of growing up generation. The basic purpose consists of ethnic-cultural community in a society of the teenagers during development of regional folklore dance.

The second block – organizational-substantial – contains principles, function, technologies, methods, means, forms. The criterions-productive block includes criteria, parameters and levels generated of quality.

Three levels ethnic-cultural community in a society of the teenagers are submitted: low, average and high, which are characterized by the certain quantitative and qualitative parameters. In this case levels are considered as a step of transition from lower to higher, more complex, that characterizes formation, development of pedagogical process.

The result of pedagogical job is ethnic-cultural community in a society of the teenagers: mastering of samples of behaviour, psychological mechanisms, social norms and values necessary for successful functioning in a concrete society, making a basis for further use and interpretation of the received knowledge in self-realization of the man during all life in polycultural world community. The pedagogical activity on ethnic-cultural community in a society of the teenagers will be successful

only at performance of a number of the organizational-pedagogical conditions, developed by the author. The model allows systematically organizing pedagogical process on ethnic-cultural community in a society of the teenagers during development of regional folklore dance.

Key words: model; ethnic-cultural community in society of teenagers; folklore; dance.

ГЕНДЕРНЫЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© **Нина Анатольевна КАМНЕВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, кандидат психологических наук, старший преподаватель,
кафедра менеджмента и маркетинга, e-mail: ni_kamneva @ mail.ru

Обсуждаются результаты исследования по актуальной на сегодняшний день в социальной психологии проблеме гендерных межличностных конфликтов в контексте семейных отношений в современной России. Данные, полученные в ходе социально-психологических исследований в Центре здоровья (Поликлиника № 5, г. Тамбов) за период с 2011 по 2014 гг., позволили сделать вывод о том, что основной причиной семейных конфликтов являются различные модели поведения мужчины и женщины, или гендерные различия.

Анализируя исследования, посвященные гендерным различиям, можно сделать следующие выводы. Во-первых, существует ряд теорий, рассматривающих данный феномен с разных позиций, но вместе с тем дополняющих друг друга. Во-вторых, большинство ученых рассматривают гендерные особенности мужчин и женщин как явления самодостаточные и противоположные по набору характеристик. В-третьих, реальные различия между полами малы, однако люди всегда стремятся соответствовать гендерным стереотипам, существующим в современном обществе. В-четвертых, проблема проявления гендерных различий в конфликтных ситуациях представляется недостаточно изученной и требует отдельного внимания.

Очевидно, что существующие подходы (биологический и социальный) к теории гендерных различий в поведении людей «валидны» и полезны при изучении конфликтных ситуаций в семье. Они различаются тем, что первый делает акцент на биологической закономерности, а второй – на социальной изменчивости. Но обе точки зрения должны постоянно присутствовать в исследованиях по семейной конфликтологии, определяя тем самым значимость комплексного и системного подхода к объяснению проблемы.

Все вышесказанное свидетельствует о необходимости изучения роли гендерных стереотипов в поведении участников конфликтных ситуаций для грамотного разрешения и своевременного предупреждения межличностных конфликтов в семье.

Ключевые слова: гендерные межличностные конфликты в контексте семейных отношений; степень удовлетворенности семейными взаимоотношениями.

На макроуровне гендерный конфликт представляет собой социальный конфликт. В основе социального конфликта лежит борьба между социальными группами людей за реализацию собственных целей. В упрощенном виде гендерный конфликт на макросоциальном уровне можно рассмотреть как конфликт интересов, т. е. борьбу женщин как социальной группы за более высокий статус в обществе. Во всех современных обществах женщины по сравнению с мужчинами обладают более низким статусом, следовательно, они имеют меньше власти и меньше доступа к принятию решений важных для общественного развития. «До сих пор не обнаружено такое общество, в котором женщины обладали бы большей властью, чем мужчины» [1, с. 164].

На уровне межличностных отношений гендерные конфликты наиболее распространены в семейной и профессиональной сферах. Остановимся на анализе гендерных конфликтов в сфере семейных отношений. Ис-

следователи, занимающиеся изучением семейных отношений, как правило, обращают свое внимание на такой значимый показатель семейной жизни, как характер распределения ролей в семье между мужем и женой. Так, в работе Ю.Е. Алешиной и И.Ю. Борисова полоролевая дифференциация рассматривается как комплексный показатель, учитывающий не только реальное распределение ролей в семье, но и отношение к нему супругов [2]. В работе В.П. Левкович и О.Э. Зуськовой подчеркивается, что потребность супругов в исполнении определенных ролей в семье выступает как одна из базовых потребностей совместной супружеской жизни [3]. Основными причинами ролевых семейных конфликтов являются ситуации, когда не оправдываются ожидания, связанные с ролевым поведением супругов. Другими словами, супруги ожидают, что их партнеры будут иначе исполнять свои семейные роли, чем это происходит на самом деле.

Предупреждение и разрешение гендерных конфликтов в семье следует рассматривать как основные виды деятельности по управлению и регулированию такими конфликтами. Другими словами, личность должна найти те способы и механизмы, которые позволят ей осуществить преодоление данного кризиса, проявить особую психологическую гибкость и умение осознанно подходить к реализации того гендерного ролевого репертуара, который задается средой.

Гендерный конфликт вызван противоречием между нормативными представлениями о чертах личности, особенностями поведения мужчин и женщин и невозможностью или нежеланием личности соответствовать этим представлениям-требованиям (Л.Г. Степанова). Любой гендерный конфликт базируется

на явлениях полоролевой дифференциации и иерархичности статусов мужчин и женщин, существующих в современных обществах (И.С. Клецина, 2004).

Ведущая стратегия поведения в конфликтной ситуации – соперничество, т. е. ориентация на достижение своих интересов в сочетании с пренебрежением интересами другого. Данная стратегия поведения наносит урон взаимоотношениям.

На рис. 1–4 и в табл. 1–3 приведены результаты теста «Опросник оценки способов поведения в конфликтной ситуации (К. Томаса)», результаты теста «Миннесотский многофакторный личностный опросник ММРІ», результаты теста «Характерологический опросник Леонгарда».

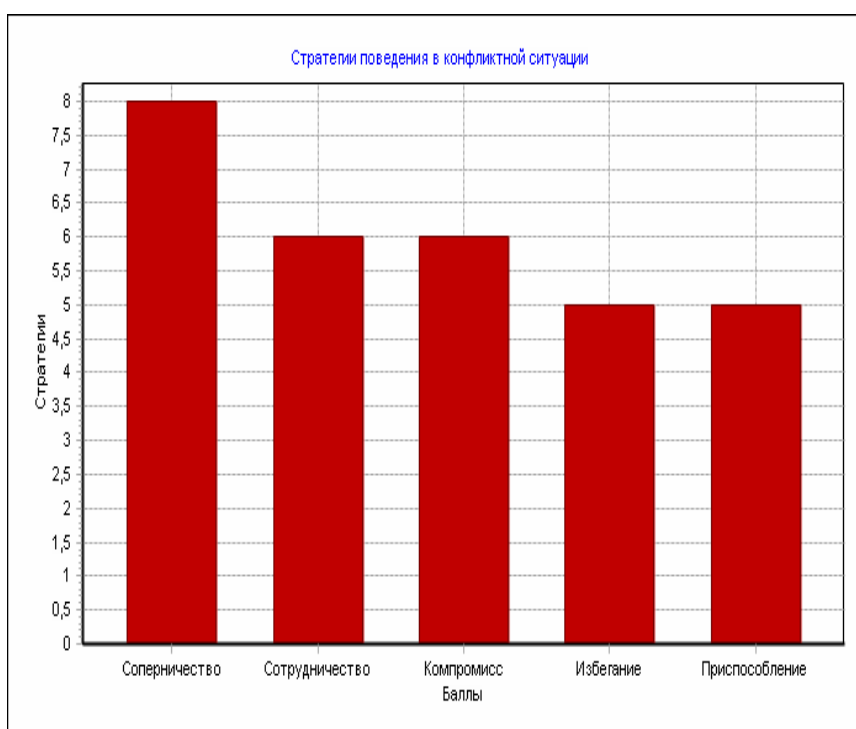

Рис. 1. Стратегии поведения в конфликтной ситуации

Таблица 1

Стратегии поведения в семейном конфликте в ситуации современной России

Позиция	Название шкалы	Значение	Интерпретация
1	Соперничество	8	высокий уровень
2	Компромисс	6	средний уровень
2	Сотрудничество	6	средний уровень
3	Приспособление	5	низкий уровень
3	Избегание	5	низкий уровень

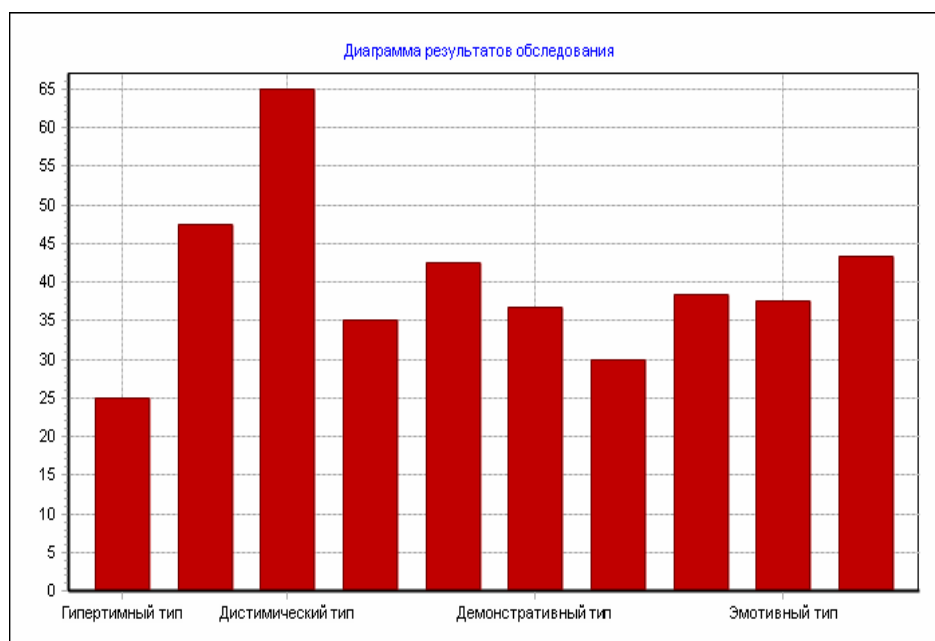

Рис. 2. Результаты теста «Характерологический опросник Леонгарда»

Таблица 2

Исследование результатов теста по «Характерологическому опроснику Леонгарда»
в супружеских парах в условиях современной России

Позиция	Название шкалы	Значение	%	Интерпретация
1	Дистимический тип	65	81	Высокое значение. Наличие акцентуации характера по данному типу
2	Аффективно-лабильный тип	48	59	Низкое значение. Отсутствие признаков акцентуации характера по данному типу
3	Педантичный тип	43	54	Низкое значение. Отсутствие признаков акцентуации характера по данному типу
4	Тревожно-боязливый тип	43	53	Низкое значение. Отсутствие признаков акцентуации характера по данному типу
5	Застывающий тип	38	48	Низкое значение. Отсутствие признаков акцентуации характера по данному типу
6	Эмотивный тип	38	47	Низкое значение. Отсутствие признаков акцентуации характера по данному типу
7	Демонстративный тип	37	46	Низкое значение. Отсутствие признаков акцентуации характера по данному типу
8	Возбудимый тип	35	44	Низкое значение. Отсутствие признаков акцентуации характера по данному типу
9	Аффективно-экзальтированный тип	30	38	Низкое значение. Отсутствие признаков акцентуации характера по данному типу
10	Гипертимный тип	25	31	Низкое значение. Отсутствие признаков акцентуации характера по данному типу

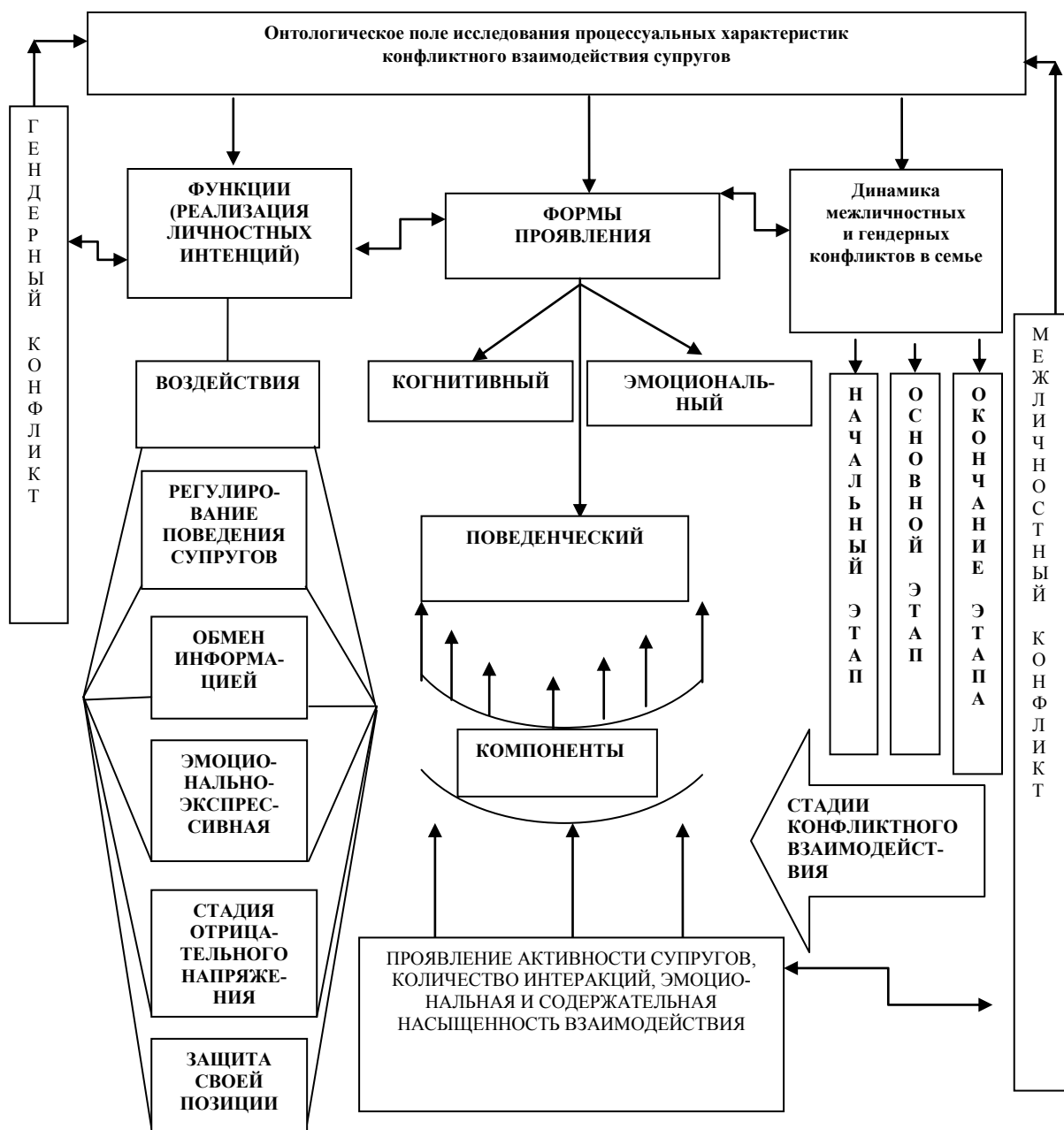

Рис. 3. Схема взаимосвязей процессуальных характеристик конфликтного взаимодействия супругов

Общий вывод: выявлена акцентуация характера по следующему типу.

Дистимический тип (депрессивная акцентуация). Обычно сконцентрирован на мрачных, печальных сторонах жизни. Это проявляется в поведении, общении и в особенностях восприятия жизни, событий и других людей. Обычно личности данного типа по натуре серьезные. Активность, а тем более

гиперактивность для дистимического типа совершенно не характерны.

Таким образом, под процессуальными характеристиками конфликтного взаимодействия супругов понимается индивидуальная манера воздействия на межличностные отношения и поведение конфликтующих сторон, что в определенной мере является узким его пониманием гендерного конфликта в семье.

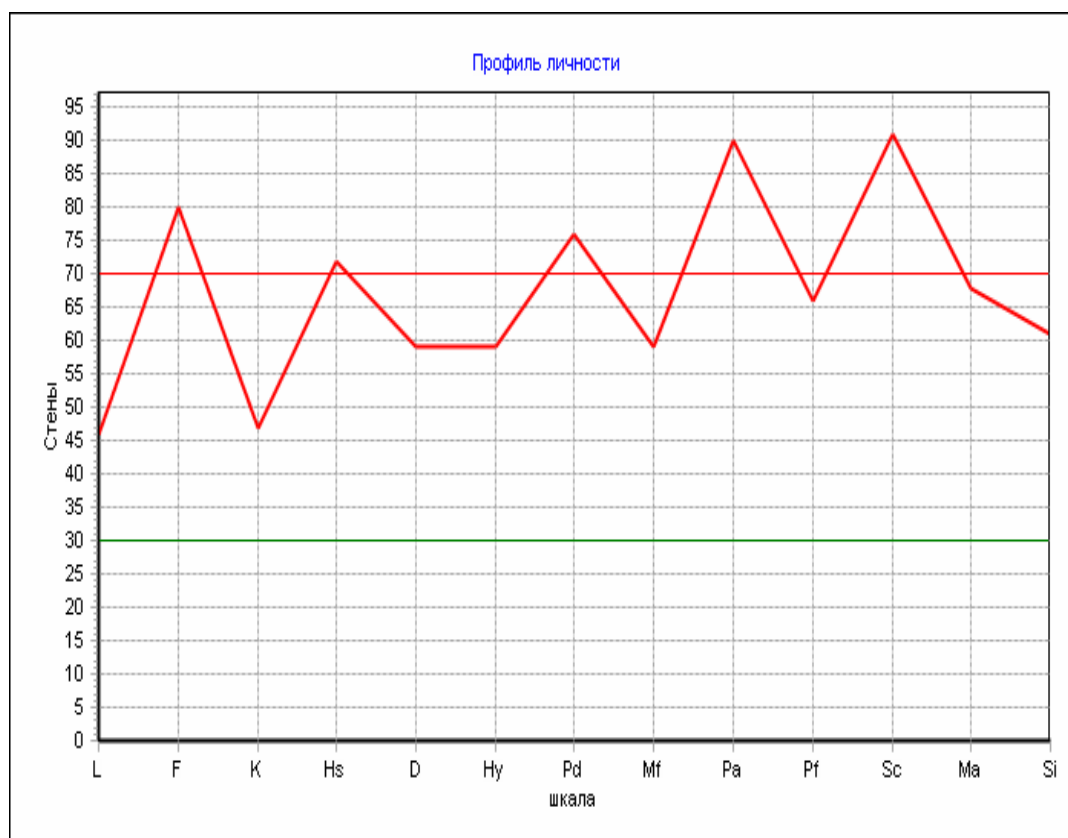

Рис. 4. Профиль личности в иерархичности статусов мужчин и женщин, существующих в современных обществах

Таблица 3

Исследование профиля личности в иерархичности статусов
мужчины и женщины, существующих в современной России

Название шкалы	Значение	Ст. сумма	Интерпретация
I. Шкалы валидности			
1	2	3	4
1. Шкала «Не могу ответить»	52		Высокое значение. Значительное число вопросов пропущено; результат теста недостоверен и интерпретации не подлежит
2. Шкала лжи «L»	3	46	Среднее значение. Показатель по данной шкале не ставит ограничений в интерпретации результатов тестирования
3. Шкала достоверности «F»	33	80	Высокое значение. Тестируемый небрежно отвечал на вопросы или пытался привлечь к себе внимание; результат теста недостоверен и интерпретации не подлежит
4. Шкала коррекции «K»	11	47	Среднее значение. Показатель по данной шкале не ставит ограничений в интерпретации результатов тестирования
5. Индекс диссимуляции «F-K»	22		Высокое значение. Выявлено стремление к симуляции либо преувеличению проблем; результат теста недостоверен и интерпретации не подлежит

1	2	3	4
II. Базисные шкалы			
1. Ипохондрия / Невротический сверхконтроль / Соматизация тревоги (Hs)	24	72	Высокое значение. Неврастения или акцентуация характера по астеноневротическому типу. Мотивационная направленность личности на соответствие нормативным критериям как в социальном окружении, так и в сфере физиологических функций своего организма. Подавление спонтанности поведения порождает невротические и психосоматические реакции. Повышенная требовательность к себе и окружающим в межличностных отношениях. Догматический стиль мышления. Чрезмерная озабоченность собственным телом. Пессимизм и общая неудовлетворенность жизнью. Раздражительность и скрытая враждебность. Высокий риск возникновения психосоматических заболеваний, прежде всего, пищеварительной системы
2. Депрессия / Пессимистичность (D)	24	59	Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
3. Истерия / Эмоциональная лабильность / Вытеснение (Hu)	24	59	Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
4. Психопатические отклонения / Импульсивность / Реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении (Pd)	30	76	Высокое значение. Пренебрежение общественными нормами и социальными ценностями в сочетании с импульсивностью и стремлением к немедленному удовлетворению сиюминутных потребностей. Доминантность и мотивация достижения успеха. Противодействие авторитетам и любому внешнему давлению. Раскованность, экстраверсия, самоуверенность, активность, конфликтность и агрессивность в социальных контактах. Поверхностность и отсутствие понимания партнера в межличностных отношениях. Общая незрелость личности, низкий волевой контроль и низкий интеллект либо интуитивный стиль мышления. Возможность асоциального поведения, включая алкоголизм и наркоманию
5. Маскулинность-фемининность / Мужественность-женственность / Выраженность мужских и женских черт характера (Mf)	32	59	Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
6. Паранойя / Ригидность / Ригидность аффекта (Pa)	22	90	Высокое значение. Инертность нервных процессов. Стабильность личности и помехоустойчивость. Высокая эмоциональная захваченность доминирующей идеей. Склонность к селективному восприятию информации. Чрезвычайная устойчивость и негибкость жизненной позиции, эмоций, чувств и установок. Упорство, принципиальность, практичность, рациональность, аккуратность, прямолинейность, честолюбие. Трудности переключения внимания. Осторожность, недоверчивость, стремление к лидерству, склонность к соперничеству и отстаиванию престижной роли в социальных контактах. Повышенная сензитивность и обидчивость вызывают враждебность и подозрительность в межличностных отношениях. В конфликтных ситуациях склонен к эксплозивно-агрессивным реакциям
7. Психастения / Тревожность / Фиксация тревоги и ограничительное поведение (Pf)	35	66	Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме

1	2	3	4
8. Шизофрения / Индивидуалистичность / Аутизация (Sc)	49	91	Высокое значение. Крайне низкая степень адаптации, нарушение социальной адаптации. Уход от действительности в мир фантазий. Обособленно-созерцательная личностная позиция, эмоциональная холодность. Неординарность и своеобразие личности. Отгороженность, изоляция и скрытность, отсутствие конформизма и враждебность в социальных контактах. Амбивалентность в межличностных отношениях. Субъективное ощущение непонятности, неполноценности, неудовлетворенности, напряженности, тревоги. Благородство, миролюбие, сентиментальность. Высокий уровень креативности
9. Гипомания / Оптимистичность / Отрицание тревоги (Ma)	24	68	Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
10. Социальная интроверсия / Интроверсия / Социальные контакты (Si)	34	61	Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
III. Подшкалы базисных шкал			
Подшкалы шкалы 2			
D1 – Субъективная депрессия	14		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
D2 – Психомоторная заторможенность	6		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
D3 – Плохое физическое функционирование	4		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
D4 – Умственная притупленность	8		Высокое значение. Недостаток энергии, напряженность, нарушения памяти и внимания, пессимизм и низкий уровень самоуважения
D5 – Навязчивые размышления	4		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Подшкалы шкалы 3			
Hy1 – Отрицание социальной тревожности	3		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Hy2 – Потребность в любви	2		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Hy3 – Недомогание	6		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Hy4 – Соматические жалобы	11		Высокое значение. Многочисленные соматические жалобы (боль в голове и / или груди; головокружения, обмороки или нарушения равновесия; тошнота и рвота, плохое зрение, дрожь, ощущение чрезмерного тепла или холода). Сдерживание эмоциональных проявлений. Отсутствие проявлений враждебности в отношении других
Hy5 – Подавление агрессии	1		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Подшкалы шкалы 4			
Pd1 – Разногласия в семье	4		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Pd2 – Проблемы с авторитетами	6		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Pd3 – Социальная невозмутимость	4		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Pd4A – Социальная отчужденность	11		Высокое значение. Ощущение одиночества, изоляции и непонимания со стороны окружающих. Сосредоточенность на себе и склонность к обвинению других

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4
Pd4B – Самоотчуждение	9		Высокое значение. Субъективное ощущение несча-

			ства и недовольства, отрицательное восприятие жизни. Нарушение психических процессов, наличие чувства вины и раскаяния при отсутствии самопонимания. Тестируемый чувствует, что ему трудно обосноваться в жизни. Склонность к алкоголизму
Подшкалы шкалы 5			
Mf1 – Нарциссизм – Гиперсензитивность	8		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Mf2 – Стереотипные женские интересы	13		Высокое значение. Предпочтение стереотипных женских интересов: женских профессий, видов труда и игр
Mf3 – Отрицание стереотипных мужских интересов	4		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Mf4 – Гетеросексуальный дискомфорт – Пассивность	2		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Mf5 – Интроспективность – Критичность	3		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Mf6 – Социальный уход (Социальная отчужденность)	1		Низкое значение. Социальная экстраверсия, эгоцентризм, стремление быть в центре внимания. Уверенность в собственных мнениях и правах, отстаивание мнений и прав. Стремление к ситуациям возбуждения, опасности и риска
Подшкалы шкалы 6			
Pa1 – Идеи преследования	13		Высокое значение. Восприятие окружающего мира как несущего потенциальную угрозу. Подозрительность и недоверчивость к другим, ощущение непонятности и несправедливости в отношениях с людьми. Наличие реакций обвинения окружающих
Pa2 – Острота	5		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Pa3 – Наивность	2		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Подшкалы шкалы 8			
Sc1A – Социальная отчужденность	11		Высокое значение. Общая жизненная неудовлетворенность. Нарушение межличностных взаимоотношений, отсутствие понимания и доверия, одиночество, негативные взаимоотношения в семье
Sc1B – Эмоциональная отчужденность	5		Высокое значение. Наличие депрессии, отчаяния, апатии и тревоги. Желание умереть. Возможны садистские и / или мазохистские тенденции
Sc2A – Недостаток господства «эго» когнитивный	4		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Sc2B – Недостаток господства «эго» конативный	9		Высокое значение. Ощущение бессмысленности жизни, напряжения, тревоги и депрессии. Недостаток энергии жизнедеятельности. Пессимизм. Возможны уход в фантазии и мечты и суицидальные мысли и желания
Sc2C – Недостаток господства «эго» дефективная заторможенность	6		Высокое значение. Потеря контроля над эмоциями или импульсами. Склонность к беспокойству, гиперактивности и раздражительности
Sc3 – Необычные ощущения	10		Высокое значение. Переживание странных и необычных телесных изменений, деперсонализации, обострения чувствительности, наличия необычных физических ощущений. Возможны галлюцинации, бредовые идеи

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4
Подшкалы шкалы 9			
Ma1 – Аморальность	4		Высокое значение. Тестируемый воспринимает окружающих эгоистичными и бесчестными и ведет

			себя так же. Выявлена тенденция к манипулированию другими людьми
Ma2 – Психомоторное ускорение	6		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Ma3 – Невозмутимость	2		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Ma4 – Инфляция «эго»	3		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Подшкалы шкалы 0			
Si1 – Комплекс неполноценности – Личностный дискомфорт	14		Высокое значение. Недостаточность социальных навыков, робость и смущение в социальных ситуациях, наличие трудностей в общении, избегание ситуаций социального взаимодействия. Внушаемость, чувствительность к критике. Неудовлетворенность, нерешительность, обсессивность, беспокойство, трудности в концентрации. Отсутствие жизнестойкости
Si2 – Дискомфорт в отношениях с другими	3		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Si3 – Благоразумие – Личностная ригидность	9		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Si4 – Сверхчувствительность	5		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Si5 – Недоверие	7		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
Si6 – Озабоченность физическими / соматическими проблемами	4		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
IV. Дополнительные шкалы			
1. Шкала А – Тревозность	20		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
2. Шкала R – Репрессия	15		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
3. Шкала MAS – Шкала проявлений тревожности Тейлора	23		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
4. Шкала Es – Сила "Я"	30		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
5. Шкала Lb – Боль в пояснице	11		Среднее значение. Природа боли в пояснице не определена
6. Шкала Do – Доминантность	12		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
7. Шкала Re – Социальная ответственность	13		Низкое значение. Неготовность принять ответственность за свое поведение, отсутствие этических и моральных принципов. Неустойчивость системы взглядов и ценностей
8. Шкала Pr – Предубеждение	17		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
9. Шкала Dy – Зависимость	28		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
10. Шкала St – Социальный статус	18		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
11. Шкала Ca – Последствия травмы	19		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
V. Смысловые шкалы			
1. Шкала SOC – Плохое социальное приспособление	10		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
2. Шкала DEP – Депрессия	15		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4
3. Шкала FEM – Женские интересы	22		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
4. Шкала MOR – Плохая мораль	10		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
5. Шкала REL – Религиозный фун-	4		Среднее значение. Показатель по данной шкале со-

даментализм			ответствует статистической норме
6. Шкала AUT – Конфликты с авторитетами	14		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
7. Шкала PSY – Психотизм	29		Высокое значение. Наличие психотических симптомов (галлюцинаций, помраченного сознания, необычного содержания мыслей, демонстративного поведения, параноидной ориентации, потери контроля над мыслями и поведением). Тестируемый чувствует, что его не понимают, преследуют и плохо с ним обращаются, что другие пытаются повлиять на его поведение. Отвечает на угрозу и враждебность окружающего мира уходом в фантазии и мечты. Имеет нереалистичную самооценку, включая преувеличенную оценку своей значимости
8. Шкала ORG – Органические симптомы	22		Высокое значение. Наличие соматических симптомов невротических расстройств (судороги, конвульсии, параличи, неловкость, потеря равновесия, двоение в глазах и т. п.) и соматических симптомов функциональных расстройств (тошнота, рвота, боль в спине, головная боль, кожная чувствительность либо нечувствительность, головокружение, тремор, подергивание мышц, проблемы с речью, зрением или слухом, слабость, усталость), нарушений психических процессов
9. Шкала FAM – Семейные трудности	5		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
10. Шкала NOS – Проявляемая враждебность	13		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
11. Шкала PHO – Фобии	11		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
12. Шкала HYP – Гипомания	12		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
13. Шкала HEA – Плохое здоровье	16		Высокое значение. Озабоченность собственным здоровьем и физическим функционированием. Многочисленные соматические жалобы (кашель, боли в сердце или груди, сенная лихорадка, астма, кожные высыпания, учащенное дыхание, проблемы с половыми органами, усталость, истощение и т. п.), физические проблемы (еда, питье, плохие зубы и т. п.), трудности в двигательной сфере. Нарушения психических процессов

VI. Кластерные шкалы

I. Социальная интроверсия	12		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
II. Физические симптомы	17		Высокое значение. Озабоченность физическим функционированием. Наличие либо демонстрация плохого физического здоровья. Тестируемый чувствует себя слабым, усталым и истощенным. Наличие специфических соматических симптомов (боли в области груди, шеи, головные боли, сердцебиение, учащенное дыхание, головокружение, тошнота, рвота, чрезмерная потливость, плохой аппетит, понос, необычные кожные и мышечные ощущения и т. п.)

Окончание таблицы 3

1	2	3	4
III. Подозрение и недоверие	13		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
IV. Депрессия и апатия	13		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
V. Чувство злобы и агрессия	11		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме
VI. Аутизм и нарушение мысли	12		Среднее значение. Показатель по данной шкале со-

			ответствует статистической норме
VII. Напряжение, беспокойство, страхи	13		Среднее значение. Показатель по данной шкале соответствует статистической норме

Так, например, угроза, обычно рассматриваемая как деструктивная и недоброжелательная тактика, может быть использована в случае неготовности или неспособности одной из сторон уступать далее определенных пределов в семье.

Различные модели поведения мужчины и женщины (гендерные различия) часто являются причиной конфликтов, поскольку представители полов просто-напросто не понимают друг друга. Чтобы понять, надо знать типические различия, порождающие конфликты. Мужчины и женщины различаются по своему предназначению. Мужской пол обеспечивает изменчивость генофонда, что необходимо для эволюции вида и его приспособления к изменениям окружающей среды. Женский пол обеспечивает сохранение имеющегося генофонда, устойчивость и стабильность системы [4–11].

При изучении гендерных конфликтов не менее важным, чем анализ их причин, является определение поведенческих стратегий, способствующих конструктивному разрешению возникших противоречий [4]. Основные пути предупреждения семейных конфликтов зависят от потенциальных субъектов конфликтного взаимодействия. По каждому конкретному случаю в научной литературе даются свои советы. Основные выводы исследования имеют прикладное значение и могут быть использованы в практической деятельности психологов, а также в учебном процессе при разработке учебных программ.

В общем, совместная жизнь требует от супругов готовности к компромиссу, умению считаться с потребностями партнера, уступать друг другу, развивать в себе такие качества, как взаимное уважение, доверие, взаимопонимание. Искренне хочется, чтобы все это присутствовало в нашей повседневной жизни.

1. Гидденс Э. Социология. М., 1999.
2. Алешина Ю.Е., Борисов И.Ю. Полоролевая дифференциация как комплексный показатель межличностных отношений супругов // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1989. № 2. С. 44-53.

3. Левкович В.П., Зуськова О.Э. Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов // Психологический журнал. 1985. № 3.
4. Психология / под ред. А.А. Крылова. М., 1998.
5. Грошев И.В., Камнева Н.А. Причинная детерминация и особенности супружеских конфликтных ситуаций в молодой семье // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2009. № 5 (19). С. 30-36.
6. Дворянчиков Н.В., Носов С.С. Проблема половых различий в механизмах психологической защиты // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2006. Т. 12. Гендерная психология. № 2. С. 26-31.
7. Камнева Н.А. Гендерная обусловленность в межличностном конфликтном взаимодействии: монография. Berlin, 2013.
8. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания: пер. с англ. М., 2011.
9. Линде Н.Д. Психологическое консультирование. Теория и практика. М., 2009.
10. Камнева Н.А. Эмпирическое исследование индивидуально-личностных и гендерных особенностей стилевых паттернов поведения в межличностном конфликтном взаимодействии // Научный диалог. Екатеринбург, 2013.
11. Камнева Н.А. Гендерные и личностные особенности стилевых паттернов поведения в конфликтном взаимодействии супругов в семье // Современная психология: теория и практика: материалы 10 Международной научно-практической конференции. М., 2013. С. 72-74.

1. Giddens E. Sotsiologiya. M., 1999.
2. Aleshina Yu.E., Borisov I.Yu. Polorolevaya differentsiatsiya kak kompleksnyy pokazatel' mezhlichnostnykh otnosheniy suprugov // Vestnik MGU. Seriya 14. Psikhologiya. 1989. № 2. S. 44-53.
3. Levkovich V.P., Zus'kova O.E. Sotsial'no-psikhologicheskiy podkhod k izucheniyu supruzheskikh konfliktov // Psikhologicheskiy zhurnal. 1985. № 3.
4. Psikhologiya / pod red. A.A. Krylova. M., 1998.
5. Groshev I.V., Kamneva N.A. Prichinnaya determinatsiya i osobennosti supruzheskikh konfliktnykh situatsiy v molodoy sem'e // Voprosy sovremennoy nauki i praktiki.

- Universitet im. V.I. Vernadskogo. 2009. № 5 (19). S. 30-36.
6. *Dvoryanchikov N.V., Nosov S.S.* Problema polovykh razlichiy v mekhanizmaxh psikhologicheskoy zashchity // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2006. T. 12. Gendernaya psikhologiya. № 2. S. 26-31.
 7. *Kamneva N.A.* Gendernaya obuslovlennost' v mezhlichnostnom konfliktnom vzaimodeystvii: monografiya. Berlin, 2013.
 8. *Chiksentmikhay M.* Potok: psikhologiya optimal'nogo perezhivaniya: per. s angl. M., 2011.
 9. *Linde N.D.* Psikhologicheskoe konsul'tirovanie. Teoriya i praktika. M., 2009.
 10. *Kamneva N.A.* Empiricheskoe issledovanie individual'no-lichnostnykh i gendernykh osobennostey stilevykh patternov povedeniya v mezhlichnostnom konfliktnom vzaimodeystvii // Nauchnyy dialog. Ekaterinburg, 2013.
 11. *Kamneva N.A.* Gendernye i lichnostnye osobennosti stilevykh patternov povedeniya v konfliktnom vzaimodeystvii suprugov v sem'e // Sovremennaya psikhologiya: teoriya i praktika: materialy 10 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M., 2013. S. 72-74.

Поступила в редакцию 17.12.2013 г.

UDC 316.6

GENDER INTERPERSONAL CONFLICTS IN THE CONTEXT OF FAMILY RELATIONSHIPS

Nina Anatolyevna KAMNEVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Psychology, Senior Teacher of Management and Marketing Department, e-mail: ni_kamneva@mail.ru

The results of research relevant today in the social psychology of interpersonal conflicts gender issue in the context of family relations in modern Russia are considered. Based on the data obtained in the course of socio-psychological study in the Health Center (Clinic № 5, Tambov) for the period from 2011 to 2014 allowed to conclude that the basis of family conflicts are different models of behavior of man and woman, or gender differences.

Analyzing the researches on gender differences it is possible to identify the next conclusions. First, there is a number of theories, considering this phenomenon with different perspectives, but at the same time complementing each other. Secondly, most authors characterize gender features of men and women as self-sufficient and opposed by a set of characteristics. Third, the real differences between the sexes are small, but people tend to conform to gender stereotypes, existing in modern society.

Fourth, the problem of expression and gender differences in conflict situations is poorly understood and requires special attention.

Obviously, the existing approaches (biological and social) to the theory of sex and gender differences in behavior are "valid", useful and necessary for the study of conflict situations in the family. They differ that the first focuses on the biological laws, and the second is on the social variability. But both views should always be presented in researches of family conflicts determining the significance of a complex and systematic approach to the explanation of the problem.

All of the above determines the need for the study of gender stereotypes in behavior of participants of conflict situations for right solution and timely prevention of interpersonal conflicts in the family.

Key words: gender interpersonal conflicts in context of family relationships; degree of satisfaction with family gender relations.

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 1(091)

Н.К. МИХАЙЛОВСКИЙ И Г. СПЕНСЕР: БОРЬБА ЗА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

© Александр Ильич ЮДИН

Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор философских наук,
профессор кафедры истории и философии, e-mail: ayudin51@mail.ru

Рассматривается проблема формирования Н.К. Михайловским антропологического идеала в контексте критики им эволюционизма Г. Спенсера.

Идея сохранения индивидуальности и многогранности человеческой личности актуальна в современном глобальном мире. Разрушение целостности личности началось в период промышленной революции Нового времени, когда человек стал составной частью того или иного технологического процесса, придатком машины. Как следствие промышленной революции, как следствие массового производства вещей возникает массовая культура. Господство массовой культуры в современном обществе ведет к нивелировке личности, к созданию «одномерного» человека, к дегуманизации общества.

Дан сравнительный анализ понимания эволюции Спенсером и Михайловским. Эволюцию Спенсер понимал как переход от бессвязности к связности, как интеграцию или концентрацию вещества, как переход от однородного к разнородному. Кроме того, происходит также дифференциация, в обществе она происходит посредством экономического разделения труда и образования классов и социальных групп. Таким образом, человек понимается как часть более высокого целого – общества.

Михайловский в целом разделяет концепцию Спенсера, но только до уровня социальной сферы, здесь мыслитель против разрушения целостности личности. Да, целостность человека разрушается, но как препятствовать этому? Вот основной принцип расхождения Михайловского со Спенсером.

Для Михайловского, в отличие от Спенсера, в концепции которого человек есть частица более высокого целого – общества, критерий и цель прогресса – сам человек, человек не средство, а результат, цель. В этом заключалось принципиальное расхождение Михайловского со Спенсером.

Идеал целостного, многогранного человека Михайловского органично вписывается в гуманистическую проблематику современности. Проблема отчуждения человека, превращение его в средство, функцию стала одной из центральных гуманистических проблем XX и XXI вв. Человек эпохи постмодерна – это безличное существо, потерявшее свою индивидуальность. Критика дегуманизации современного общества, призыв преодолеть уродующую человека крайнюю специализацию, призыв видеть в человеке не объект, не вещь, а неповторимую индивидуальность – все это остается значимым и актуальным в настоящее время.

Ключевые слова: эволюционизм; органицизм; целое и часть; общество и человек; теория борьбы за индивидуальность; антропологический идеал; гуманизм; человек как абсолютная ценность.

Идеал всесторонне развитой человеческой личности не потерял своей актуальности и сегодня, более того, в связи с процессами глобализации и существования массовой культуры в современном обществе он приобрел особую остроту. Крупнейшие мыслители говорили о негативном влиянии на современное общество массового сознания и массовой культуры. Господство толпы, массы неминуемо ведет к утрате человеческой индивидуальности, к возникновению «одномерного» человека.

Разрушение целостности человека наиболее ярко стало проявляться в XIX–XX вв. Индивидуальные черты стираются, индивидуальность исчезает, люди становятся похожими друг на друга в своих устремлениях и ценностях. Если раньше производитель удовлетворял индивидуальные потребности человека, то сейчас создается новый человек с определенной, уже заданной системой ценностей, который уже сам стал средством удовлетворения потребности производителя, т. е. не продукт для человека, а «одномер-

ный» человек для уже существующего продукта. Если в XIX в. К. Маркс писал о рабочем как о придатке машины, что соответствует истине, то в XX и в XXI в. можно говорить о человеке как придатке продукта, человеку как потребителе продукта.

На эту тенденцию одним из первых обратил внимание великий русский мыслитель XIX в. А.И. Герцен, назвав это явление «мещанством». «*Мещанство*, последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности, – демократизация аристократии, аристократизация демократии; в этой среде Альмавива равен Фигаро: снизу все тянется в мещанство, сверху все само падает в него по невозможности удержаться» [1, с. 137], – писал мыслитель.

По мнению крупнейшего мыслителя XX в. Хосе Ортеги-и-Гассета, «Мир обычно был неоднородным единством массы и независимых меньшинств. Сегодня, весь мир становится массой» [2, с. 311]. В этом историческом контексте антропологического идеала Михайловского, идеала многосторонне развитой, полигранной личности остается пророчески актуальным.

В связи с этим актуален другой аспект данной проблемы: общество и человек, государство и человек. Традиционный, наиболее явственно воплотившийся в гегелевской и марксистской концепциях, подход отдает приоритет обществу, государству, а человека, личность рассматривает как частицу, подчиненную более высокому целому. Михайловский однозначно выражает кантовскую позицию о приоритете личности над обществом, о понимании личности как абсолютной ценности. Таким образом, ярко выраженный персонализм и гуманизм мыслителя сегодня, как и всегда, особенно актуален и современен.

Н.К. Михайловский (1842–1904) – выдающийся представитель персонализма и гуманизма в русской философии [3–5]. Так случилось, что именно в полемике с органицизмом Спенсера был сформулирован его антропологический идеал, который он называл теорией борьбы за индивидуальность.

«В области живого творчества, в царстве яркой поэзии мы видели великий триумvirат Пушкина, Гоголя и Лермонтова. В сфере критической мысли, в области созидания мировоззрений мы имеем такой триумvirат,

развивавшийся в обратном порядке: перед нами проходит «неистовый Виссарион», со своим неистовым индивидуализмом третьего периода жизни, далее Герцен, проклинаящий мещанство во всех его проявлениях, и наконец, Михайловский, со своим ясным, стройным и гармоничным индивидуализмом» [6, т. 2, с. 203], – писал Р.В. Иванов-Разумник. Как отмечал В.В. Зеньковский, «персонализм у Михайловского стремился стать мировоззрением, превратиться в философскую систему...» [7, т. 1, ч. 2, с. 170–171].

Г. Спенсер (1820–1903) – британский философ, социолог, представитель позитивизма, один из родоначальников эволюционизма, основатель органической школы в социологии [8; 9]. Спенсер понимал эволюцию как интеграцию материи, сопровождающую рассеяние движения, переводящую материю из неопределенной бессвязной однородности в определенную, связную однородность. Глобальный эволюционизм, всеобщие законы эволюции распространялись им и на область биологии, психологии, социологии. Его основной целью стало создание синтетической философии, объединяющей данные всех наук и формулирующей общие закономерности.

Спенсер – основатель органической школы в социологии. Общество – это эволюционирующий организм, подобный живому организму, в котором отдельная личность выступает частью целого и подчинена его законам.

В данной статье мы рассмотрим общее и различное в подходах Михайловского и Спенсера к проблеме: целое и часть, общество и человек. Это позволит нам более четко и ясно представить то основание, тот теоретический, методологический принцип, опираясь на который Михайловский построил свою антропологическую концепцию, свою теорию борьбы за индивидуальность.

Михайловский обращался к биологическому закону основателя эмбриологии К. Бэра и к тектологическим тезисам Э. Геккеля. Бэр трактовал универсальный закон эволюции как развитие от простого к сложному, от однородного к разнородному. «Закон Бэра, принятый Спенсером за точку исхода, есть закон нормального индивидуального развития, и всякое отклонение от него должно быть признано явлением патологическим» [5, т. 10,

с. 453], – писал Михайловский. Спенсер закон органического развития Бэра стал рассматривать как закон всякого нормального развития, в т. ч. и социального, проводя аналогию между организмом и обществом. «Касается ли дело развития земли или развития жизни на ее поверхности, развития общества, государственного управления, промышленности, торговли, языка, литературы, науки, искусства, – всюду происходит тоже самое развитие от простого к сложному путем последовательных дифференцирований» [4, т. 1, с. 19], – писал о Спенсере Михайловский. Эти идеи Спенсера Михайловский полностью разделял. Расхождение взглядов происходило в трактовке разнородности организма и его частей.

Суть тектологических тезисов Геккеля заключалась в том, что организм тем совершеннее, чем разнороднее его органическое и гистологическое строение, чем разнороднее функции его составных частей, чем эти части зависимее друг от друга и от всего целого. По мнению Михайловского, «Геккель принадлежит к числу умов синтетических, естественная функция которых состоит в объединении различных областей знания и различных сфер реальных явлений» [5, т. 10, с. 926]. Идея Геккеля легла в основу теории борьбы за индивидуальность Михайловского. Таким образом, идея Геккеля о дифференциации, разнородности частей организма, выступающей в качестве критерия его совершенства, стала основой теории борьбы за индивидуальность Михайловского.

Поэтому идея разнородности, идея дифференциации частей организма, в данном случае человеческого организма, идея многосторонности развития человеческой личности, идея борьбы за человеческую индивидуальность занимала центральное место в социологии Михайловского.

Подход Спенсера к данной проблеме был иным. «В эволюции он различал три момента. Во-первых, эволюция выступает как переход от бессвязности к связности, как интеграция или концентрация вещества, как соединение в одно целое элементов, находящихся ранее в рассеянном состоянии. Во-вторых, это дифференциация, переход от однородного к разнородному. В-третьих, это возрастание порядка и упорядоченности, переход от неопределенности к определенно-

сти» [10, с. 66]. «Итак, эволюция по своему первичному характеру – производимый рассеянием движения и интеграцией материи ход изменений от менее связной формы к более связной. Этот всеобщий процесс, происходящий со всеми заметными чувствам индивидуальными существованиями и со всеми совокупностями их, в первую восходящую половину их истории. Таков характер и самых ранних перемен во вселенной, и перемен позднейших, какие можно наблюдать в обществе и в продуктах общественной жизни» [9, с. 274], – писал Спенсер. Кроме того, происходит также дифференциация, которая в человеческом обществе ведет к разделению труда. «Все более и более многочисленные отделы, – первого, второго, третьего и т. д. порядков, – на которые распадается общая масса тепла развивающегося животного, становятся все более и более несходными между собою... То же самое справедливо и по отношению к тем частям, на которые распадется общество. Возникающий в нем господствующий класс не только становится отличным от остальных классов, но и берет на себя контроль над их действиями» [8, т. 1, с. 501], – писал Спенсер. Для живого организма, таким образом, дифференциация есть физиологическое разделение труда, в обществе дифференциация происходит посредством экономического разделения труда и образования классов и социальных групп.

Именно эта идея Спенсера о дифференциации живого организма и общества стала предметом полемики для Михайловского. В концепции Спенсера, по мнению Михайловского, есть, безусловно, стремление рассматривать развитие общества с объективной точки зрения как естественно-исторический процесс. Но по прочтении «Опытов» Михайловский, по его признанию, сделал вывод о том, что Спенсер стоял возле самой истины, был близок к ней. Значит, мыслитель во многом принимал и в чем-то отрицал концепцию Спенсера. Михайловский, по сути, принял идею эволюции как развития от однородного к разнородному. «Все разнообразные процессы размножения сводятся к отделению от организма... Поднимаясь выше по лестнице организмов, мы встречаем последовательно отпочкование, размножение спорами. Эта градация идет параллельно усложнению, дифференцированию организмов. Развива-

ясь, дифференцируясь, организм побеждает входящие в него низшие индивидуальности именно тем, что водворяет между ними несходство специализации и разделения труда...» [4, т. 1, с. 503-504], – писал Михайловский. Подобные процессы происходят и в обществе. История, по мнению мыслителя, застаёт многие народы в состоянии однородности. Каждый член общества ничем не отличается от других. Но затем эта однородность нарушается, происходит социальная дифференциация общества. Таким образом, Михайловский в целом разделяет концепцию Спенсера, но только до уровня социальной сферы, здесь мыслитель против разрушения целостности личности. Да, целостность человека разрушается, но как препятствовать этому? Вот основной принцип расхождения Михайловского со Спенсером.

Михайловский оценивал концепцию Спенсера с позиций антропологического мировоззрения, с точки зрения проблемы: прогресс и человек, как эволюционная теория влияет на развитие человека? Прогресс в обществе, по мнению Михайловского, безусловно, существует, «историк должен отвечать на вопрос, – как действительно шла история и почему она шла так, а не иначе, но ведь это должны делать и биологи, и, однако, они самым ходом своих исследований приводятся, как мы видим, к вопросу о мерилах совершенства» [5, т. 8, с. 172]. В качестве универсального критерия прогресса Михайловский берет биологический критерий совершенства по Геккелю: «Организмы тем совершеннее, чем разнороднее органическое и гистологическое строение, чем разнообразнее функции их составных частей, чем эти части зависимее друг от друга и от всего целого и чем сам организм централизованнее и независимее от высшей индивидуальности – колонии. Колонии или общества тем совершеннее, чем разнороднее составляющие их организмы, органы и ткани...» [4, т. 3, с. 411].

Для Михайловского, в отличие от Спенсера, в концепции которого человек есть частица более высокого целого – общества, критерий и цель прогресса – сам человек, человек – не средство, а результат, цель. В этом заключалось принципиальное расхождение Михайловского со Спенсером.

Выявляя место человека как целого в системе различных ступеней органического

мира, Михайловский полагал, что этот процесс можно выразить системой концентрических кругов, из которых каждый обнимает, поглощает собою соседний круг с меньшим радиусом и сам, в свою очередь, обнимается, поглощается соседним кругом с большим радиусом. «Все эти круговые линии различны, потому что описаны различными радиусами, но вместе с тем, все сходны, потому что писаны из одного центра, и взаимные отношения их покоятся на различии радиусов при общности центра; а будем ли мы при этом сравнивать два соседние круга, дальше или ближе отстоящие от центра, это само по себе безразлично. Эта стройная и величественная картина, обнимающая взаимные отношения всех живых агрегатов от последней цитоды до цивилизованного общества включительно, по своей простоте и логическом изяществу достойна стать рядом с обобщением Дарвина» [4, т. 3, с. 411], – писал Михайловский. Человек как вид в этой стройной и величественной картине представляет собою пятую, по классификации Геккеля, ступень индивидуальности, над которой возвышается шестая ступень – общество. В этом ракурсе внимание Михайловского привлекает проблема взаимодействия пятой и шестой ступени, взаимодействие человека и общества.

Если эту проблему рассматривать в рамках органицизма, в рамках проблемы целого и части, организма и органа, что Михайловский и делает, то, по Геккелю, целое тем совершеннее, чем менее совершенны его части. Поэтому, продолжал Михайловский, общество, если общество, подобно организму, тем совершеннее, чем не совершеннее человек. Отсюда логически вытекает альтернатива: совершенство общества или совершенство человека? Михайловский выбирал совершенство человека, реализующееся через теорию кооперации, которая являлась основой теории прогресса.

Таким образом, мы видим суть разногласия Михайловского со Спенсером. Если Спенсер распространяет теорию эволюции вплоть до человеческого общества, то Михайловский останавливается на человеке, объявляя его неделимым. Не только общество, но и человек должен стать конечной целью эволюции, человек не есть часть более совершенного целого, т. е. общества, он сам должен стать критерием совершенства. Ми-

хайловский исправляет Спенсера, меняет местами в его концепции общество и человека. Прогресс общества происходит тогда, когда оно становится более однородным, а индивид – более разнородным. Симпатии Михайловского оказываются на стороне человека, на стороне его совершенства и многосторонности.

В рамках органицизма это противоречие между Михайловским и Спенсером заключается в методологической проблеме: что есть организм, человек или общество, где заканчивается этот редукционизм?

Эволюцию по Спенсеру Михайловский ограничивает человеком как предельной целостностью. Человек, а не общество должен стать, по Михайловскому, конечным пунктом эволюционного развития. Отсюда возникает проблема качественного различия типа целостности, характерного для человека и для общества. Если человек есть организм, к которому применим биологический критерий прогресса Геккеля, то «общество есть не организм, а совокупность неделимых организмов; оно состоит не из органов, специально предназначенных для того или другого отправления, а из неделимых, имеющих все органы и потому исполняющих всю сумму отправлений» [4, т. 1, с. 54], – таков вывод Михайловского.

«Если же встать на точку зрения Спенсера, – рассуждал Михайловский, – посмотреть на общество как на организм, то человек в нем, по своему существу есть нечто сложное и разнородное, низведен на степень простого однородного органа». В этом мыслитель видел ограниченность органицизма, принципиальную невозможность тождества организма и общества в силу невозможности тождества физиологического разделения труда человека и экономического разделения труда в обществе. Поскольку чем сильнее первое, тем слабее последнее, поскольку первое ведет к прогрессу, с точки зрения биологического критерия совершенства организма, второе – к регрессу, постольку превращает человеческий организм в орган.

Михайловский приходил к выводу: развитие человека и развитие общества исключают друг друга, прогресс общества ведет к регрессу человека. Как результат разрешения этого противоречия возникает его теория борьбы за индивидуальность. «Теория борь-

бы за индивидуальность истинна, и именно стоя на точке зрения этой борьбы, я объявляю, что буду бороться с грозящей меня поглотить, высшей индивидуальностью. Мне дела нет до ее несовершенства, я сам буду совершенствоваться» [4, т. 3, с. 423], – писал мыслитель.

По Спенсеру над-органическая форма развития возникает на базе органической и в полной мере присуща человеческому обществу. Коль скоро здесь имело место развитие, то та его форма, которая занимает нас здесь и которую мы отмечали названием над-органической, могла возникнуть не иначе как из органической его формы, как полагал Спенсер, путем ряда нечувствительных переходов. Спенсер проводил параллель между органическим и над-органическим развитием: как в организме, так и в обществе «рядом с увеличением в размерах, у них наблюдается увеличение сложности строения» [8, т. 1, с. 500].

Михайловский вкладывал в понятие над-органической формы развития несколько иное содержание. По его мнению, нормальное органическое развитие есть постепенное усложнение организации путем дифференциации, специализации частей неделимого, а патологическим развитием будет обратный процесс – упрощение организма. Но при этом нормальном органическом развитии «общество, как целое, усваяя отдельным группам индивидов ту или другую способность и атрофируя остальные, превращает их в свои собственные служебные органы, покоряет личность» [4, т. 3, с. 227].

Над-органическое развитие присуще только человеческому обществу, но не всякому, а такому, которое не подавляет личность, а сохраняет ее целостность посредством развития простой кооперации. Таким образом, над-органическое есть прогрессивное развитие, есть путь, ведущий к реализации общественного идеала Михайловского. Если спроецировать биологическую терминологию в конкретно-историческую плоскость, то, согласно иной принятой Михайловским интерпретации по органическому типу, с экономическим разделением труда и подавлением личности развиваются страны, вступившие на капиталистический путь развития, а над-органический тип развития – это возможный, по мнению мыслителя, путь раз-

вития простой кооперации, сохраняющий целостность личности, путь, ведущий к реализации правды-истины и правды-справедливости, к реализации антропологического идеала многосторонне развитой личности.

Несмотря на то, что исходный пункт концепций Спенсера и Михайловского один и тот же – эволюционный закон Бэра, пути их разошлись. Михайловский с позиций антропологического мировоззрения всегда подчеркивал необходимость формирования общественного идеала человеком, возможность его реализации в социальную практику, отстаивал право человека на субъективную истину. «Будем же заблуждаться, т. е. заблуждаться с точки зрения Спенсера, а по нашему, по человечески, я готов сказать: по гуманному, – искать удовлетворения своей познавательной потребности, какова она в данную минуту» [4, т. 3, с. 375]. Тем самым мыслитель выступал против беспристрастного объективизма Спенсера, рассматривающего человека как часть целого, оправдывающего разделение труда в обществе.

Объективизм органицизма, как и дарвинизма, по мнению Михайловского, отрицает проблему субъективного, а вместе с ней проблему добра и зла, нравственности. Опираясь на органицизм, нельзя построить никакой нравственной концепции, т. к. «разве можно говорить о нравственности печени или сердца...» [4, т. 3, с. 227]. «В природе нет ни справедливости, ни свободы, ни равенства, ничего такого, что особенно дорого человеку: но как не трудно видеть, что в человеческом обществе свобода, справедливость и т. д. совершенно законны и необходимы» [5, т. 10, с. 436]. Михайловский, таким образом, подчеркивал ограниченность органицизма, неспособность его стать полноценной концепцией социального прогресса. Посредством биологии нельзя адекватно понять и объяснить общественные законы, специфика которых, по мнению мыслителя, проявляется в духовно-нравственной сфере. Суть поставленной Михайловским проблемы как результат критического переосмысления органицизма заключалась в том: либо личность превращается в функцию общества как целого, либо личность, сохраняя свою целостность, изменяет формы общественного устройства, т. е. реализует общественный идеал мыслителя.

Для решения этой проблемы Михайловский обращался к терминологии органицизма, употребляя понятия неделимого и целого. Индивид есть неделимое, «некоторое замкнутое целое, вступающее в отношение к внешнему миру, как единица, не подлежащая делению, потому что дробление ее ведет за собой ее уничтожение» [4, т. 2, с. 326]. Нормальное состояние неделимого, по мнению мыслителя, такое, при котором все части организма беспрепятственно функционируют и при таком состоянии каждое органическое отправление доставляет человеку наслаждение. Орган же есть «часть неделимого, известным специальным образом функционирующая и не могущая жить своею собственной жизнью» [4, т. 1, с. 51].

Таким образом, мы видим, что для человека характерным является физиологическое разделение труда между органами. В силу этого человек, по мысли Михайловского, не должен быть рабом более высокого организма – общества. А экономическое разделение труда в обществе превращает человека в орган, ведет к социальной дифференциации, а разнородное по социальной структуре общество всегда построено на прямом или косвенном угнетении.

Таким образом, теория прогресса Спенсера отражает современное индустриальное развитие общества, а теория прогресса Михайловского предполагает альтернативный путь развития, целью которого является благо и целостность личности. Поэтому неприятие Михайловским органицизма вытекало из его общественного идеала. «Имейте только в виду, что благо человека есть его целостность, гармония отправления, т. е. разнородность неделимых и общественная однородность» [4, т. 1, с. 109]. По Михайловскому, «прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми» [4, т. 1, с. 296]. Прогресс есть развитие человека, а не общества в ущерб человеку. Человек, его многостороннее развитие, его счастье – вот цель и мерило прогресса.

Суть теории борьбы за индивидуальность заключалась в том, что человек поглощен более высокой целостностью – семьей, группой, государством. В силу этого он дол-

жен стремиться к развитию своей целостности, стремиться расширить свою формулу жизни, вводить в нее все новые и новые элементы, обнимать все больший и больший круг наслаждений, а следовательно, и деятельности [4, т. 1, с. 532].

Почему надо бороться за индивидуальность? Потому что, с точки зрения мыслителя, объективное развитие общества разрушает ее, точнее в результате экономического разделения труда, из разносторонне развитой человеческая индивидуальность превращается в односторонне развитую. Развитие общества как целого разрушает индивидуальность как целое.

Если с уровня органицизма подняться на социальный уровень, то важнейшей проблемой творчества Михайловского была проблема взаимодействия личности и общества. Перед мыслителем стояла дилемма: либо общество побеждает (поглощает) личность, как высшая индивидуальность поглощает низшую, либо личность преобразует общество в соответствии со своим идеалом.

Теория борьбы за индивидуальность была для мыслителя идейным принципом, методологией концепции исторического развития, путем реализации идеала в действительность. Характерно, что именно с точки зрения своей теории борьбы за индивидуальность Михайловский оценивал борьбу партий, социальных групп, классов, ставя проблему: «Действительно ли и насколько и при каких условиях интересы национальные или какой-нибудь другой группы, политической, экономической, родственной и т. д., совпадают с интересами личности» [4, т. 1, с. 475]. Поэтому для выяснения позиции партии, группы, класса, «нужна, следовательно, прежде всего, проверка отношений различных общественных индивидуальностей и индивидуальности человеческой» [4, т. 1, с. 475].

В основе борьбы за индивидуальность лежит стремление человека к счастью. В чем суть счастья? В реализации материальных потребностей человека? «Дело психологии показать, какова степень счастья, даваемая удачным сосредоточением рублей и роскошью. Дело социологии – выяснить отношение этих явлений к жизни общества» [4, т. 1, с. 443].

Счастье человека лежит на пути многостороннего развития личности. Проблема для

мыслителя состояла в том, способствуют ли общественные формы многостороннему развитию личности. Если счастье, являющееся критерием и целью прогресса, заключается в многостороннем развитии личности, а не в стремлении к богатству, то развитие материального производства в обществе не может быть критерием прогресса. Проблема прогресса заключается «в выяснении различных форм общежития к судьбам личности» [4, т. 1, с. 172]. Поэтому анализ общественных форм необходим не с точки зрения их экономической эффективности, а с точки зрения создания необходимых условий для счастья человека, поскольку счастье лежит не в области экономики, а в многостороннем развитии личности.

Как представлял мыслитель многосторонне развитую личность? Это «профан», идеальный тип, широко развитый, интересующийся многими областями жизни, науки, искусства. Ему чужд идеал узкого специалиста, чужд также идеал дилетанта. «Фигура профана является лучшей иллюстрацией к теории Михайловского, к теории прогресса, борьбы за индивидуальность и т. д.: идеальный политронный тип, высокий и по типу и по степени развития, борющийся за свою индивидуальность во имя блага реальной личности – вот что такое профан, живое воплощение мировоззрения Михайловского в одном типе» [6, т. 2, с. 175], – писал Р.В. Иванов-Разумник. Антропологический идеал Михайловского в современном обществе, стоящем перед угрозой глобализации и господством массовой культуры, остается современным. Приоритет человека перед обществом, понимание человека как абсолютной ценности остается востребованным и актуальным.

1. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М., 1954–1965. Т. 16.
2. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
3. Виленская Э.С. Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М., 1979.
4. Михайловский Н.К. Сочинения: в 6 т. СПб., 1896–1897.
5. Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений: в 10 т. СПб., 1909.

6. *Иванов-Разумник Р.В.* История русской общественной мысли: в 2 т. Спб., 1908.
 7. *Зеньковский В.В.* История русской философии: в 4 т. М., 1991.
 8. *Спенсер Г.* Основания социологии: в 2 т. Спб., 1877.
 9. *Спенсер Г.* Основные начала. Спб., 1897.
 10. *Зотов А.Ф., Мельвил Ю.К.* Буржуазная философия середины XIX века – начала XX века. М., 1988.
 1. *Gertsen A.I.* Sobranie sochineniy: v 30 t. M., 1954–1965. T. 16.
 2. *Ortega-i-Gasset Kh.* Estetika. Filosofiya kul'tury. M., 1991.
 3. *Vilenskaya E.S.* N.K. Mikhaylovskiy i ego ideynaya rol' v narodnicheskom dvizhenii 70-kh – nachala 80-kh godov XIX veka. M., 1979.
 4. *Mikhaylovskiy N.K.* Sochineniya: v 6 t. Spb., 1896–1897.
 5. *Mikhaylovskiy N.K.* Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t. Spb., 1909.
 6. *Ivanov-Razumnik R.V.* Istoriya russkoy obshchestvennoy mysli: v 2 t. Spb., 1908.
 7. *Zen'kovskiy V.V.* Istoriya russkoy filosofii: v 4 t. M., 1991.
 8. *Spenser G.* Osnovaniya sotsiologii: v 2 t. Spb., 1877.
 9. *Spenser G.* Osnovnye nachala. Spb., 1897.
 10. *Zotov A.F., Mel'vil' Yu.K.* Burzhnaznaya filosofiya serediny XIX veka – nachala XX veka. M., 1988.
- Поступила в редакцию 12.12.2013 г.

UDC 1(091)

N.K. MIKHAILOVSKY AND H. SPENSER: STRUGGLE FOR INDIVIDUALITY

Aleksander Yuryevich YUDIN, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor of History and Philosophy Department, e-mail: ayudin51@mail.ru

The problem of forming by N.K. Mikhailovsky the anthropological ideal in the context of his criticism of volutionism of Herbert Spencer is considered.

The idea of the preserving the individuality and diversity of the human person is relevant in today's global world. Destruction of personal integrity began during the industrial revolution of modern times, when a person has become an integral part of a technological process, appendage of the machine. As a consequence of the industrial revolution, as a result of mass production, mass culture of things arises. Domination of mass culture in modern society leads to a leveling of the individual, to the creation of "one-dimensional" man in the dehumanization of society.

A comparative analysis of understanding the evolution of Spencer and Mikhailovsky is given. Spencer understood evolution as a transition from incoherence to coherence as integration or concentration of the substance, as the transition from homogeneous to heterogeneous. In addition, there is also a differentiation in society, it occurs through economic division of labor and education classes and social groups. Thus, a person is understood as part of a whole high – society.

Mikhailovsky shares the whole concept of Spencer, but only to the level of social, here thinker against the destruction of the integrity of the individual. Yes, the integrity of a person is destroyed, but how to prevent this? Here is a basic principle of divergence between Mikhailovsky and Spencer.

For Mikhailovsky, unlike Spencer, the concept of which a person has a higher particle whole – society, criterion and goal of progress – the man himself, the man is not a means, and the result, purpose. This was the fundamental disagreement between Spencer and Mikhailovsky.

Ideal holistic, multi-faceted human of Mikhailovsky fits in a humanistic perspective of modernity. The problem of human alienation, turning it into a tool function has become one of the central problems of humanistic 20th and 21st century. Postmodern man is an impersonal being, lost its individuality. Criticism of the dehumanization of modern society, the call to overcome the extreme specialization of human freaks, call to see in person is not an object, not a thing but a unique personality – all that remains meaningful and relevant in the moment.

Key words: evolutionism; organicism; whole and part; society and people; theory of struggle for individuality; anthropological ideal of humanism; man as absolute value.

КОНЦЕПЦИЯ И. ИЛЬИНА О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЙ И РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ

© Дмитрий Сергеевич ПИЛИПЧУК

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра философии,
e-mail: ray3dog@yandex.ru

Вопрос о правомерности насилия и о ненасилии в русской религиозной философии имеет свою историю, отличающуюся от философии западной. Истоки тому лежат не только в своеобразии русской философии, но в исторических реалиях становления русской государственности. Русь и затем Россия, по мнению русского религиозного философа И. Ильина, сформировались в русле «восточного христианства». Философ считал, что нигде внутреннее сопротивление злу не разработано с такою глубиной и мудростью, как у аскетических учителей восточного православия, таких как Антоний Великий, Макарий Великий, Марк Подвижник, Ефрем Сирин, Иоанн Лествичник.

В Евангелиях тема насилия отражена двояко. Вооруженного отпора сам Христос оказывать не хотел. Тем не менее, защите проповедей христиан он не препятствовал, в т. ч. и вооруженной, ибо существуют моральные и духовные ценности, во имя которых стоит умирать.

И. Ильин в последней главе своей книги «О сопротивлении злу силой» говорит о взаимосвязи между воином и священником, о том, каким образом осуществляется это взаимодействие, приводя в пример взаимоотношения Сергия Радонежского и Дмитрия Донского. Известно о духовной поддержке идей И. Ильина такими иерархами русской православной церкви, как Митрополит Антоний, Архиепископ Анастасий Иерусалимский и епископ Тихон Берлинский.

Ключевые слова: И. Ильин; концепция о сопротивлении злу силой; насилие и ненасилие; русская христианская православная традиция; добро и зло.

Вопрос о правомерности насилия и о ненасилии в русской религиозной философии имеет свою отдельную историю, отличающуюся от его развития в философии западной. Истоки тому лежат не только в своеобразии русской философии, но в исторических реалиях становления русской государственности. «Вся история человечества состоит в том, что в разные эпохи и в разных общинах лучшие люди гибли, насилуемые худшими, причем это продолжалось до тех пор, пока лучшие не решались дать худшим планомерный и организованный отпор» [1, с. 402], – писал И. Ильин в своей книге «О сопротивлении злу силой». Тем не менее, становление государственности в различных странах происходило по-разному, и нельзя не учитывать национально-культурных особенностей, присущих той или иной исторической общности. Фольклорные источники, как зеркальное отражение бытия народа, не дают оснований для того, чтобы считать славян воинственными и готовыми к кровопролитию и насилию. Именно в народной среде была придумана поговорка, как нельзя лучше выражающая идею толерантности и ненасилия: «Худой мир лучше доброй ссоры». История Древней Руси, как и многих государств Европы, свидетельствует, что войны велись с

целью обеспечения наиболее оптимальных условий существования в последующем мирном времени. «Древнерусские купцы – как, впрочем, и купцы всех прочих народов – первоначально были наполовину воинами, и только наполовину купцами. Так, результатом одной из побед русских над греками было заключение договора о беспопытной торговле и о содержании торгового представительства Киевской Руси за счет Константинополя. И знаменитое прибавление щита к воротам Царьграда отнюдь не было знаком его покорения. Оно символизировало всего лишь успешное окончание переговоров о торговле на новых условиях» [2, с. 165]. При этом, свидетельства о том, что принятие христианства на Руси, как и многие другие «новшества», такие, например, как введение в обиход картофеля, сопровождалось очевидным насилием со стороны государства и бунтами, нет оснований не верить. По мнению И. Ильина, Русь, и затем Россия, сформировались в русле «восточного христианства»: «нигде, кажется, это внутреннее сопротивление злу не разработано с такою глубиной и мудростью, как у аскетических учителей восточного православия» [1, с. 415].

В Евангелиях тема насилия отражена двояко. С одной стороны, говорится о том,

что ударившему нужно подставить другую щеку, и о том, что «блаженны миротворцы». С другой стороны, речь идет о том, что «взявшие меч мечом погибнут», что можно отвечать насилием и вооруженной борьбой, способной причинить смерть, в ответ на нападение. Вопрос о мече в христианстве был чрезвычайно важен, если учесть, какую роль в истории сыграли крестовые походы и войны за веру. Священное Писание трактовалось иногда сообразно запросам времени, тем более многие места его давали для этого весомые основания. После Тайной Вечери с учениками Христос сам завел речь о необходимости вооружаться, причем приобрести оружие следовало любой ценой: «Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет – продай одежду свою и купи меч. Они сказали: Господи! Вот здесь два меча. Он сказал им: довольно» (Мф. 26: 51-54) [3]. Один из этих мечей использовал Петр, чтобы защитить Учителя, когда Его пришли брать под стражу в Гефсиманском Саду: «Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо. Имя рабу было Малх. Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец. Тогда воины и тысяченачальник и служители Иудейские взяли Иисуса и связали Его» (Мф. 26: 51-54) [3]. Вооруженного отпора сам Христос оказывать не хотел. Тем не менее, защите заповедей христианства не препятствовал, в т. ч. и вооруженной, ибо существуют моральные и духовные ценности, во имя которых стоит умирать. Однако это понимание Господь недвусмысленно исключил одной фразой, сказанной Петру: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут...» (Мф. 26: 52) [3]. Эта же грозная мысль повторяется в Откр. 13: 10: «Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом. Здесь терпение и вера святых» [3]. Двоякому толкованию меча в Евангелиях посвящены в т. ч. работы религиоведов герменевтического направления, отраженные в культурно-историческом комментарии к Новому Завету [3]. Согласно этой точке зрения, ученики должны были вооружиться, чтобы у правителей появился еще один формальный повод арестовать Иисуса.

Упомянув о мече, Иисус не призывает к насилию, а к временному и символическому

акту – двух мечей достаточно, чтобы Его можно было счесть мятежником и, следовательно, «причесть к злодеям» (в соответствии с Ис. 53: 12). Без верхней одежды ночью человек мог замерзнуть и простудиться, но Иисус говорит, что это лучше, чем если ученики окажутся невооруженными в предстоящем конфликте. Принцип аналогии веры и аналогии Писания настаивает на том, что повеление купить меч было сиюминутным, казуистическим, относящимся только к одному вечеру – вечеру ареста Христа [3].

«Вся дохристианская восточная аскетика имеет два уклона: отрицательный – поборающий и положительный – возводящий», – пишет И. Ильин. – Это есть то самое «не во плоти воинствование» (стратегия), о котором разъясняет Коринфянам апостол Павел» [1, с. 412].

У христианских мыслителей восточной православной аскетики начала зла объективируются в образы невещественных демонов и дьявола. «Антоний Великий, Макарий Великий, Марк Подвижник, Ефрем Сирианин, Иоанн Лествичник и другие учат неутомимой внутренней «брани» с «непримечаемыми» и «ненасилюющими» «приращениями злых помыслов», а Иоанн Кассиан прямо указывает на то, что «никто не может быть прельщен дьяволом, кроме того, кто «сам восхощет дать ему своей воли согласие» [1, с. 213].

Один из наиболее почитаемых русских святых, Сергей Радонежский, несмотря на то, что не оставил после себя письменного наследия, известен активным участием в исторических перипетиях своего времени. «По словам одного современника, Сергей «тихими и кроткими словами» мог действовать на самые загрубелые и ожесточенные сердца; очень часто примирял враждующих между собой князей, уговаривая их подчиняться великому князю московскому (например, ростовского князя – в 1356 г., нижегородского – в 1365 г., рязанского Олега и др.), благодаря чему ко времени Куликовской битвы почти все русские князья признали главенство Дмитрия Иоанновича» [2, с. 202]. По версии жития, отправляясь на эту битву, последний в сопровождении князей, бояр и воевод поехал к Сергию, чтобы помолиться с ним и получить от него благословение. Благословляя его, Сергей предрек ему победу и спасение от смерти и, согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», отправил с ним двух

иноков княжеского рода, хорошо владеющих оружием, Пересвета и Ослябю. Хотя, по канонам Русской православной церкви, монахам и священнослужителям было запрещено участвовать в боевых действиях. Существует также версия (В.А. Кучкин), согласно которой рассказ жития о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на борьбу с Мамаем относится не к Куликовской битве, а к битве на реке Воже (1378 г.) и связан в более поздних текстах («Сказание о Мамаевом побоище») с Куликовской битвой как с более масштабным событием. «Приблизившись к Дону, Дмитрий Иоаннович колебался, переходить ли ему реку или нет, и только по получении от Сергия ободрительной грамоты, увещевавшей его как можно скорее напасть на татар, приступил к решительным действиям» [2, с. 209]. И. Ильин в последней главе своей книги «О сопротивлении злу силой» говорит о взаимосвязи между воином и священником, о том, каким образом осуществляется это взаимодействие, приводя в пример именно взаимоотношения Сергия Радонежского и Дмитрия Донского: «Воин как носитель меча и мироприемлющего компромисса нуждается в монахе как в духовнике, в источнике живой чистоты, религиозной умудренности, нравственной плеромы: здесь он приобщается благодати в таинстве и получает силу для подвига, здесь он укрепляет свою совесть, проверяет цель своего служения и очищает свою душу. И самый меч его становится *огненной молитвой*. Таков Дмитрий Донской у св. Сергия перед Куликовой битвой» [1, с. 573]. В книге И. Ильина монах как живой хранитель чистоты и праведности познает и «приобщается через воина бремени мира, его страданию и его героической неправедности; он уже не отрешается и не замыкается в своей праведности: он бережет и строит ее не для себя: он не отвертывается от зла и злых обстоятельств, а вступает в борьбу с ними, становясь соратником воину, разделяя его страдания, благословляя и осмысливая его подвиг, сохраняя для него чистоту и умудрение» [1, с. 569]. Одновременно философ утверждает, что священник выступает как бы ангелом-хранителем воина, и «самая молитва его уподобляется *огненному мечу*» [1, с. 569]. Таким, по мнению философа, является св. Сергий, благословляющий Дмитрия Донского и дающий ему в спутники двух вооруженных послушников.

Среди сторонников книги Ильина были и духовные лица. Архиепископ Анастасий написал философу несколько писем, где говорится: «Какой, по вашему мнению, меч благословлял Преподобный Сергий Радонежский и каким мечом сражались иноки Пересвет и Ослябя? Я беру самые понятные русскому сердцу примеры. Раскол около такой жгучей и острой темы, как Ваша, неизбежен» [4, с. 257].

В XIX в. проповедями о подчиненности интересов христиан государственной власти был известен Иоанн Кронштадтский, активно критиковавший учение о непротавлении злу силой Л. Толстого. Писатель порицается Иоанном Кронштадтским за подрыв страха перед Богом, на котором держится вся этика и, в конечном счете, все институты российского государства. Толстовство признается губительным для российской армии, для российской системы судопроизводства, для всей системы государственных учреждений. Взгляды И. Ильина на учение Л. Толстого не так линейно однозначны. «Нет сомнения, что граф Л.Н. Толстой и примыкающие к нему моралисты совсем не призывают к такому полному несопротивлению, которое было бы равносильно добровольному нравственному саморазвращению. И неправ был бы тот, кто попытался бы понять их в этом смысле», — считает И. Ильин. — «Когда граф Л.Н. Толстой и его единомышленники призывают к внутреннему преодолению зла, к самосовершенствованию, к любви, когда они настаивают на необходимости строгого суда над собою, на необходимости различать «человека» и «зло в нем», на неправильности сведения всей борьбы со злом к одному внешнему принуждению, на духовном и нравственном преимуществе убеждения, — то они следуют в этом за священной традицией христианства; и они правы. Таинственный процесс расцвета добра и преображения зла осуществляется, конечно, любовью, а не принуждением, и противиться злу следует *из любви, от любви и посредством любви*» [1, с. 433].

Обоснования оправдания насилия, применяемого государством и высшей властью в своих целях, находятся не только в писаниях святых отцов, но и в области метафизики. «Философия должна быть воинствующей, — писал о роли философа в годы войны Данилевский в книге «Россия и Европа», — философы воюющих держав должны вести свою войну, стремясь подавить и победить оппо-

нентов». В подобном контексте теория Ильина о сопротивлении злу силой выглядит органично и оправданно, особенно если учесть развитие исторической ситуации в России и Европе в начале XX в. Публицист Л. Добронравов в статье «Оправдание меча и убийства» подробно рассматривает идеи И.А. Ильина в сопряжении с христианской религией, отмечая, что «полемика о «православном мече» интересна потому, что касается вопросов очень больных для христианского сознания всех времен, а нашего в особенности [4]. «Ссылка профессора И. Ильина прямо на Апостольские Послания, минуя Евангелие, очень характерна не только для данного случая, но и для всего православно-утилитарного мировоззрения г. Ильина», – считает автор статьи. «Нам кажется, что для установления христианского взгляда на государственность следует обратиться к первоисточнику христианского учения, к Евангелию. Когда фарисеи задали Христу провокационный вопрос о том, платить ли подать Кесарю (т. е. подчиняться ли тогдашней римской власти), Христос ответил: «Воздайте Кесарево Кесарю, а Божие – Богу»... Говорится, «чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей». Чем? Апостол ясно говорит – «добром». Почему проф. И. Ильин и в данном случае поднимает меч за апостола, совершенно непонятно» [4, с. 595-596].

Категорическое повеление Божие было путеводным лучом в самые свирепые времена истории: все-таки вечная, высшая истина – «не убий»! Решая вопрос о смертной казни, Л. Добронравов замечает: «История уголовно-политических учений от Платона до наших дней показывает, как текуче, изменчиво и непостоянно и содержание самого преступления, и точки зрения на него светской власти, которая сегодня не считает преступным деянием то, что вчера считала тягчайшим преступлением, как условно и зыбко то, что проф. И. Ильин считает «мерой необходимости» [4, с. 602].

Газета «Праведник» в дни публичных выступлений Ильина с лекциями в Праге, Париже, Берлине, пишет: «Мы читаем в книжке проф. Ильина объяснение и оправдание насилию, приравненному им к хирургической операции, жестокой, но необходимой, «кровоавому разрезу» [4]. Столыпин тоже уверял, что смертная казнь – не месть, а кровавый хирургический разрез. Ленин держал-

ся приблизительно того же мнения. Но последний аргумент г. Ильина о духовной поддержке таких иерархов, как Митрополит Антоний, Архиепископ Анастасий Иерусалимский и Епископ Тихон Берлинский, дает ему уверенность в том, что он «не изобрел никакой новой ереси». Если так, то зачем же вилать и зачем вести фальшивые речи о братстве, амнистии и т. д. Ведь индульгенция дана?» [1, с. 186]. Равные по силе аргументы приводили и сторонники учения И. Ильина, не менее убедительно доказывая, что идеи его верны. Известно, что И. Ильин неоднократно и триумфально выступал перед военной аудиторией в Берлине, Париже и других городах Европы, встречая полную поддержку своей теории.

Есть основания считать, что вопрос о ненасилии актуален и в трудах деятелей современного христианства. Весьма почитаемый в России и за границей митрополит Антоний Сурожский, являющийся фактически нашим современником (умер в 2003 г.), книжное наследие которого невелико, был известен своими проповедническими выступлениями, которые широко расходились в аудиозаписях. Одно из них – беседа «О насилии», которая проведена Владыкой для слушателей Королевского военно-научного колледжа (Royal Military College of Science) в Суиндоне 16 апреля 1986 г. Текст был воспроизведен по аудиозаписи, которую, вероятно, сделал сам Владыка с помощью своего кассетного диктофона. Митрополит Антоний Сурожский, взгляды которого перекликаются с идеями Ильина, говорил: «Насилие – это действие или ситуация, в которой намеренно (а порой и непреднамеренно) применяется сила в попытке посягнуть на независимость человека, группы людей или страны, в попытке разрушить цельность человека, принудить его стать не тем, кто он есть, или заставить поступать вопреки велениям совести, вопреки убеждениям, вопреки своей природе. Это – отрицательная сторона насилия, но при всем том в Евангелии есть место, в котором говорится, что «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» [5, с. 151]. В данном случае, по мнению А. Сурожского, религиозный текст ясно говорит: если мы хотим войти в Царство Небесное, нам придется принудить себя, совершить насилие над собой, придется всеми силами сразиться ради того, чтобы сломить все преграды: мы должны заставить

себя открыться действию Божию, позволить Ему одержать в нас победу. «Это совсем не то, что обычно понимается под фразой *«Царство Небесное силою берется»*, которая приводит в недоумение тех, кто пользуется только одним переводом Евангелия и строит свое богословие на тексте одного переводчика или группы переводчиков» [5, с. 148]. Митрополит Антоний Сурожский полностью разделяет мнение И. Ильина о сложности, противоречивости современного мира: «Мне захотелось сказать об этой стороне насилия, потому что нам чрезвычайно важно сознавать: жизнь – не плавный переход от одного состояния к более высокому, от одной ситуации к другой. Мы живем в мире, который изуродован на всех уровнях, и это естественным образом порождает в нас конфликт, – конфликт между естественной, богоданной тоской по полноте, по избытку жизни, и всем тем, от чего жизнь мельчает, всем тем, что препятствует нашему исполнению. Свободу можно обрести, лишь совершив над собой насилие, т. е. обратив все силы, всю свою позитивную энергию против того ложного, дурного, ущербного, что в нас есть, против всего, что мешает вырасти в полноту, которая составляет наше человеческое призвание» [5, с. 157]. А. Сурожский говорит, что человеческая природа не терпит пустоты: там, где нет добра, там неизбежно поселяется зло, и в душах людей борьба между злом и добром идет постоянно, как борьба между Богом и дьяволом за сами их души. Поэтому, говоря о насилии, по мнению А. Сурожского, неверно было бы безоговорочно отождествлять его со злом, причиняемым другим людям, или с проявлениями грубости, жестокости и подобными вещами в окружающем мире. Война, которую нам приходится вести, – внутри нас, и главнокомандующие в ней – Господь Иисус Христос и Дух Святой, дарованный нам. Им предстоит одержать в нас победу, а мы оказываемся либо союзниками, либо противниками Божьими в этой борьбе Бога за овладение всем нашим существом, что одновременно есть наше исполнение. Нам необходимо осознать, что в нас действует закон войны, и поэтому нам нужно учиться, как выбирать себе союзников и распознавать врагов, и как сражаться с тем, что в нас неладно. Об этой войне духовные наставники сказали бы: чтобы одержать победу в нашем внутреннем «я» и во всей нашей жизни, Богу нужна наша помощь. Антоний Сурож-

ский опирается на мнение И. Ильина, что человек не является изначально праведником, и борьбу со злом он ведет не в качестве праведника и не среди праведников. «Сам тая в себе начало зла, и поборая его в себе, и далеко еще не поборов его до конца, он видит себя вынужденным помогать другим в их борьбе и пресекать деятельность тех, которые уже предались злу и ищут всеобщей гибели. Пресекающий сам стоит в болоте, но нога его уперлась в твердое место, и вот он уже помогает другим, засасываемым трясинаю, выйти на твердое место, стремясь оградить их и спасти, и понимая, что он сам уже не может выйти сухим из болота» [5, с. 153]. Поэтому Антоний Сурожский приводит слова апостола Павла о том, что мы все – соработники Божии. «Мы – не пассивные предметы в руках Божиих, которыми Он распоряжается, над которыми вершит Свою волю. Бог предлагает нам Свою силу, но мы должны решиться воспользоваться ею. Он предлагает нам всего Себя, но нам решать, принять этот дар или отказаться, отвергнуть его. И в этом смысле мы столь же активны, как Бог активен. Я с этого начал, потому что намеревался как бы освободить слова «насилие» и «конфликт» от исключительно негативных ассоциаций, которые очевидны, просты. Если мы осознаем, что конфликт может стать созидательным, когда он коренится в любви, в самоотдаче, в любви крестной, жертвенной, то положение изменится. Если в таком духе подходить к конфликтам, то можно попытаться действовать творчески, и тогда конфликт, ненависть, агрессия потеряют свою разрушительную силу» [5, с. 156].

Злодеяние требует от большинства людей непосильного порой героизма, конкретных решительных поступков; неспособность ответить злодею отравляет душу человека сознанием собственного предательства. Поэтому пресекающий внешнее зло помогает всем другим людям не подпасть под его влияние. Люди отличаются друг от друга степенью моральной и духовной зрелости. Есть, по Ильину, люди, не окрепшие в добре, но и не закоренелые злодеи – для них любое свободное злодеяние будет соблазном. Есть люди слабые, которых можно подчинить посредством страха, принуждая поддерживать насилие. А. Сурожский смыкается с Ильиным, который говорил, что никто не может остаться в стороне: «Столкнувшись с насилием лицом к лицу, сказать, что агрессия –

зло, все равно, что решить для себя: «Я – созерцатель, я – сторонний наблюдатель, я вмешиваться не собираюсь» [5, с. 148]. По мнению А. Сурожского, «легко отрицать насилие вообще, но приходит момент, когда мы вынуждены поставить перед собой вопрос: то, что я собираюсь сделать, – насилие или отпор? Вправе ли я дать отпор насильнику ценой риска или правильнее позволить насилию безудержно распространяться? Допустимо ли предоставлять все права преступнику и отказывать в них жертве? Недостаточно решить для себя: «В своих действиях я дойду до такого-то предела и на этом остановлюсь», потому что заранее нельзя рассчитать, как далеко придется зайти...» [5, с. 148].

А. Сурожский высказывает важную сегодня мысль о том, что насилие, зачастую, чинится будто бы во имя ненасилия: это христианский или иной фанатизм: «Я упомянул христианский фанатизм потому, что это – наш грех, и нам следует заняться бревном в собственном глазу. Взять, к примеру, нашу всегдашнюю готовность кого-то осуждать; кого – найдется, у нас у всех есть излюбленная жертва. Кто-то из нас, быть может, готов примириться с тем или иным направлением христианства или гуманизма, или религии, или атеизма, но на что все вместе мы готовы – это на агрессию и на осуждение» [5, с. 150]. Рассуждения А. Сурожского близки мыслям И. Ильина о сложности нравственного выбора: «Нам все время приходится принимать решения, именно это делает жизнь такой трудной, и каждое решение, каждый выбор, в некотором смысле, вовлекает нас в сердцевину конфликта, другого не дано. Признаюсь, для меня это тоже проблема. Мне думается, выработать единое правило невозможно. Ситуацию необходимо сначала оценить, и только потом можно сказать: это – насилие, а это – нет. Можно приказывать людям: «Найдите способ сосуществовать мирно», но что делать, если они откажутся? Поэтому, я думаю, в любой ситуации, в любой части света, при любом режиме мы упускаем из виду, что необходимо больше обращать внимание на агрессора, а не только на жертву» [5, с. 158]. «Когда речь идет о внутреннем или духовном сопротивлении злу, с его необходимостью согласны все мыслители, философы, религиозные практики», – считает И. Ильин и, вслед за ним, Антоний Сурожский. «Проблема возникает тогда, когда встает вопрос о внешней борьбе со злом, и

именно физическом понуждении и пресечении», – пишет Ильин [1, с. 485]. «Именно здесь находится «сердцевина конфликта», – подобно И. Ильину, указывает Антоний Сурожский. Если невесту на глазах жениха насилуют негодяи, а он не в силах ее защитить, то от такого жениха любая девушка должна отказаться. Наглядным примером А. Сурожский убеждает слушателей в своей правоте. Вопрос о победе добра над злом существует для И. Ильина и Антония Сурожского не абстрактно, но конкретизирован до личной практической задачи.

И. Ильин, подытоживая многовековой христианский религиозный опыт, считает, что «самая идея о возможности «сопротивляться посредством непротивления» даруется человечеству и оказывается применимой тогда и постольку, когда и поскольку общий, родовой процесс обуздания зверя в человеке грозой и карой («Ветхий Завет») создает накопленный и осевший итог обузданности и воспитанности, как бы экзистенц-минимум правосознания и морали, открывающий сердца для царства любви и духа («Новый Завет») Однако новое учение отнюдь не отрицает, не отменяет и не отвергает угрозу и кару; по-прежнему необходим и меч, и «Божий слуга» «в наказание делающему злое» (Римл. XIII: 4) [1, с. 402].

В наше время А. Кураев [6], выступая с речью о решении вопроса о ненасилии, проводит сопоставления между книгой И. Ильина и сочинением В. Соловьева «Три разговора». Приводя пример оправданного на войне насилия, и в т. ч. убийства, А. Кураев озвучивает мнение современного православия по этому поводу. Он говорит, во-первых, о признании допустимости войны, но не захватнической, а оборонительной. Во-вторых, он говорит о необходимости отлучения на трехлетний срок от причастия воинов, поневоле совершавших убийство на войне, хотя и получивших перед уходом благословение священника [6]. Такова позиция современной русской православной церкви, имеющей в сонме святых лиц, имевших воинское звание – начиная от маршала-флотоводца Ф.Ф. Ушакова, заканчивая мучеником Евгением (солдатом первой русско-чеченской войны, замученным в ваххабитском плену, Е. Родионовым [7]), лики которых находятся не только во многих русских православных церквях, но и за границей. В мае 2011 г. Е. Родионов включен, например, как

«новомученик Евгений Воин» в воинскую панихиду, рекомендованную православным капелланам армии Соединенных Штатов Америки для совершения поминовения погибших воинов в праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи и Димитриевскую субботу [7].

«Всякий народ переживает во время войны такое духовное и нравственное напряжение, которое, в сущности говоря, всегда превышает его силы: от него требуется *массовый героизм*, тогда как героизм всегда исключителен, от него требуется массовое самопожертвование, тогда как самопожертвование есть проявление высокой добродетели, от него требуется сила характера, храбрость, победа духа над телом, беззаветная преданность духовным реальностям... И все это оказывается связанным с делом массового человекоубийства, с делом вражды и разрушения. Война предъявляет к человеку почти *сверхчеловеческие* требования: и если народ порывом поднимается на надлежащую высоту, то по окончании порыва, обыкновенно выдыхающегося задолго до окончания войны, уровень народной нравственности всегда оказывается павшим» [1, с. 544], – так пишет И. Ильин, и его мысль повторяется у А. Кураева: совершаемое даже невольно зло растлевает человека, поэтому и церковь, по А. Кураеву, отлучает таких людей от причастия. Подобную ситуацию можно назвать трагической: И. Ильин, как и церковные мыслители и иерархи всех времен, признавал, что убийство человека, ни с какой стороны, не может быть названо нравственным поступком.

Вопрос о добре и зле, о насилии и ненасилии И. Ильин разрешает, по его мнению, именно в рамках канонического христианского православного вероучения, замечая, что «всякая зрелая религия не только открывает природу «блага», но и научает борьбе со злом. Духовный опыт человечества свидетельствует о том, что несопротивляющийся злу не сопротивляется ему именно постольку, поскольку он сам уже зол, поскольку он внутренне принял его и *стал им*. И потому предложение, всплывающее иногда в периоды острого искушения, – «предаться злу, чтобы изжить его и обновиться им» – исходит всегда от тех слоев души или, соответственно, от тех людей, которые уже сдались и жаждут дальнейшего падения: это прикровенный голос самого зла» [1, с. 546].

В христианстве православие рассматривает ненасилие как любовь к Богу: «не убий», «возлюби ближнего своего», «не противься злему». Через любовь к Богу христианин познает и смысл любви к ближнему, он строит свои отношения с ним на ненасилии. Пребывая в пространстве свободной воли, насилие и ненасилие раскрываются как убеждающий (ненасилие) и принуждающий (насилие и ненасилие) типы социального действия. В этой связи концепты «насилие» и «ненасилие» приобретают ярко выраженный оценочный смысл, потому что критерием дифференциации насильственной и ненасильственной разновидности принуждения выступает социально обусловленная оценка совершаемого действия принуждаемым индивидом. По мнению исследователя философии ненасилия А.В. Перцева [8], дилемма «насилие – ненасилие», таким образом, является существенным критерием социальных, а не только нравственных оценок. Идеал ненасилия, сформулированный в Нагорной проповеди Иисуса Христа, обозначил резкий поворот в истории европейских народов. Заповеди непротивления злу насилием, любви к врагам были настолько же ясными, насколько и парадоксальными; они часто противоречат здравому смыслу, инстинктам и социальным мотивам человека, это вершина, которой человеку трудно достичь. В современном христианском православном вероучении вопрос, таким образом, разрешается амбивалентно: в духе «православно-государственного» утилитаризма современной церкви, с одной стороны, и в качестве вечного христианского идеала – с другой. Философское мировоззрение И. Ильина отличалось цельностью и искренностью и опиралось на христианство Нового Завета. Мыслитель не видел противоречий в священных текстах, а напротив, находил в них подтверждение своих взглядов. В лекции 1940 г. «О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта)» Ильин говорил: «Да, наше своеобразие от нашей веры, от принятого нами и вскормившего нашу культуру греческого Православия, по-своему нами воспринятого, по-своему нами переработанного и по-особому нас самих переработавшего» [9, с. 470]. Концепция И. Ильина о сопротивлении злу силой, таким образом, не противоречит русской христианской православной традиции [10].

-
1. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. М., 2007. С. 375-577.
 2. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 2006.
 3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические. М., 2011.
 4. Ильин И.А. Pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. СПб., 2004.
 5. Антоний, митрополит Сурожский. О насилии // Новый мир. 2013. № 5. С. 146-159.
 6. Кураев А. Видеолекции и выступления. URL: http://predanie.ru/audio/lekcii/kuraev/index.php?bitrix_include_areas=N&d0=lekcii&d1=kuraev (дата обращения: 13.11.2013).
 7. О Евгении Родионове. URL: <http://www.pravda.ru/faith/religions/orthodoxy/24-05-2006/85545-rodionov-0/> (дата обращения: 13.11.2013).
 8. Перцев А.В. Философия ненасилия. Екатеринбург, 2007.
 9. Ильин И.А. О национальном призвании России. М., 2008.
 10. Бегичев П. Блог человекообразного попа. Трудные тексты Библии. URL: <http://blog.begichev.info/2013/06/19/> (дата обращения: 13.11.2013).
1. Il'in I.A. O soprotivlenii zlu siloyu // Il'in I.A. Pochemu my verim v Rossiyu. M., 2007. S. 375-577.
 2. Kuchkin V.A. Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv. M., 2006.
 3. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetskogo i Novogo Zaveta, kanonicheskie. M., 2011.
 4. Il'in I.A. Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Il'ina v vospominaniyakh, doku-mentakh i otsenках russkikh mysliteley i issledovateley. SPb., 2004.
 5. Antoniy, mitropolit Surozhskiy. O nasilii // Novyy mir. 2013. № 5. S. 146-159.
 6. Kuraev A. Videoleksii i vystupleniya. URL: http://predanie.ru/audio/lekcii/kuraev/index.php?bitrix_include_areas=N&d0=lekcii&d1=kuraev (data obrashcheniya: 13.11.2013).
 7. O Evgenii Rodionove. URL: <http://www.pravda.ru/faith/religions/orthodoxy/24-05-2006/85545-rodionov-0/> (data obrashcheniya: 13.11.2013).
 8. Pertsev A.V. Filosofiya nenasiliya. Ekaterinburg, 2007.
 9. Il'in I.A. O natsional'nom prizvanii Ros-sii. M., 2008.
 10. Begichev P. Blog chelovekoobraznogo popa. Trudnye teksty Biblii. URL: <http://blog.begichev.info/2013/06/19/> (data obrashcheniya: 13.11.2013).
-

Поступила в редакцию 12.12.2013 г.

UDC 1(091)

CONCEPT OF I. ILYIN OF RESISTANCE TO EVIL BY FORCE AND RUSSIAN ORTHODOX CHRISTIAN TRADITION

Dmitriy Sergeyevich PILIPCHUK, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Philosophy Department, e-mail: ray3dog@yandex.ru

The question of the legality of violence and nonviolence in Russian religious philosophy has a history different from Western philosophy. Origins are not only in a distinctive Russian philosophy, but also in historical realities formation of Russian statehood. Rus and then Russia, according to Russian religious philosopher I. Ilyin, formed in line with the “Eastern Christianity”. The philosopher believed that nowhere the internal resistance to evil is not designed with such depth and wisdom like the ascetic teachers of Eastern Orthodoxy, such as Anthony the Great, Macarius the Great, Mark the Ascetic, Ephrem the Syrian, John the Ladder.

In the Gospels the theme of violence is reflected in two ways. Armed resistance Christ himself did not want to provide. However, the protection does not prevent Christians sermons, including armed and because there are moral and spiritual values in whose name worth dying for.

I. Ilin in the last chapter of his book “On the resistance to evil by force” says that the relationship between the warrior and priest about how this interaction is carried out, citing the example of it is the relationship of one of the most venerated Russian saints Sergius of Radonezh and Dmitry Donskoy. It is known about the spiritual support of such ideas of Ilyin by the hierarchs of the Russian Orthodox Church as Metropolitan Anthony, Archbishop Anastasios of Jerusalem and Bishop Tikhon Berlin.

Key words: I. Ilyin; concept of resistance to evil by force; violence and nonviolence; Russian Christian Orthodox tradition; good and evil.

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 930.1(09)

ДИСКУССИЯ М.П. ПОГОДИНА И М.А. МАКСИМОВИЧА ПО ВАРЯГО-РУССКОМУ ВОПРОСУ

© Сергей Владимирович ПАШКОВ

Липецкий государственный педагогический университет,
г. Липецк, Российская Федерация, аспирант, кафедра
отечественной истории, e-mail: 21290@griazy.lipetsk.ru

Одним из самых актуальных в исторической науке является варяго-русский вопрос. В связи с богатой историографией проблемы все более важной становится ее тщательная разработка. В частности, показательными являются дискуссии крупного историка-норманиста XIX в. М.П. Погодина, в ходе которых он сделал ряд существенных уступок оппонентам. Одним из малоизученных и мало привлекавших внимание является его спор с антинорманистом М.А. Максимовичем. Данная статья может в какой-то мере восполнить этот пробел. В ней акцентировано внимание на том обстоятельстве, что дискуссию организовал сам Погодин на страницах издаваемого им журнала «Москвитянин», предоставив место для публикации ответа оппонента. Этот момент следует рассматривать как важный историографический факт. В работе кратко изложены взгляды Погодина и Максимовича на те аспекты варяго-русского вопроса, по которым их воззрения разошлись. Речь идет о проблеме происхождения имени «русь», об этносе варягов и руси, об интерпретации отечественных и иностранных сведений, освещающих вопрос, о лингвистическом материале. В заключение указано место дискуссии в эволюции взглядов Погодина на варяжскую проблему.

Ключевые слова: М.П. Погодин; М.А. Максимович; варяго-русский вопрос; норманизм.

В первой половине XIX в. в российской науке при решении такой актуальной и важной проблемы отечественной истории, как варяжский вопрос, господствовала норманская теория. Одним из ее главных представителей был крупный ученый М.П. Погодин (1800–1875). Его магистерская диссертация «О происхождении Руси» (1825) стала, по оценке К.Н. Бестужева-Рюмина, «лучшим сводом главнейших доказательств норманизма» [1, с. 239].

Однако со временем Михаил Петрович корректировал и изменял свои взгляды на отдельные аспекты проблемы, придя в конечном итоге к выводам, противоречащим главному утверждению его концепции о германской природе варягов. Внутренняя противоречивость и эволюция воззрений этого замечательного исследователя варяго-русского вопроса является показательной в целом, если мы говорим о судьбе норманизма в науке. Именно поэтому становится актуальным изучение проблемы определения причин изменения Погодиным своих убеждений и

того конкретного пути, который привел его к выводам, подрывающим отстаиваемый им основной тезис.

Главным фактором, стимулировавшим научные поиски ученого и заставлявшим его вновь и вновь пересматривать свои идеи и выдвигаемые для их обоснования аргументы, были дискуссии, инициатором которых он выступал. И для решения поставленной проблемы необходимо изучить их все, в т. ч. и те, в ходе которых Погодин не делал уступок оппонентам.

В данной работе рассматривается его полемика с другом по Московскому университету М.А. Максимовичем (1804–1873), который здесь же работал некоторое время. В 1834 г. он перешел в недавно открытый Киевский университет, где был ректором и преподавателем (на кафедре русской словесности).

Господство норманской теории в своих крайних формах («ультранорманизм шлецевского типа» по определению 1931 г. В.А. Мошина [2, с. 24, 70]), с одной стороны, и все более возрастающий интерес к истории

славянства – с другой привели в первой половине XIX в. к появлению антинорманистских работ, выводы и аргументация которых заставляли сторонников скандинавского происхождения варягов отказываться от ряда существенных для них утверждений. Одной из них был труд Максимовича «Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским», увидевший свет в 1837 г. в Киеве. Уже тогда Погодин начал писать рецензию («письмо к сочинителю»), однако завершил и опубликовал ее в 1841 г. в издаваемом им журнале «Москвитянин». Одновременно он предоставил слово Максимовичу для ответа, тем самым очень умело и удобно для заинтересованной аудитории организовав полемику на страницах собственного издания. На антикритику друга Погодин также напечатал ответ. В 1846 г. во втором томе «Исследований, замечаний и лекций о русской истории» при обзоре всех основных мнений антинорманистов Михаил Петрович более подробно рассмотрел идеи Максимовича, и поэтому для более полного анализа дискуссии необходимо рассмотреть и этот труд как ее часть.

Следует особо подчеркнуть значение действий Погодина в 1841 г. и поставить их ему в заслугу, поскольку они характеризуют его как корректного ученого, осознающего необходимость озвучить и донести до читателя противоположную точку зрения как для оживления интереса к проблеме, так и для пользы науки в целом. Сам Михаил Петрович, объясняя свои намерения, говорил: «Я хотел основать в своем журнале критику в новом духе, т. е. критику беспристрастную и, сколько возможно, дельную... С этой целью, для примера, я избрал темой сочинения близких мне людей». Отметив спокойное отношение Максимовича к критике, Погодин заключает: «Да и как могло быть иначе: кто предан науке, кто любит истину, тот принимает речь об ней с любовью, как бы она ни была высказана» [3, с. 211].

Рассмотрим утверждения Максимовича, вызвавшие возражения Погодина. Ученый в 1837 г. справедливо указал на тот вопрос, который не могли разрешить норманисты в рамках своих построений и «который так важен для нашей истории... на который она, при всем многообразии соображений и мнений своих, дает ответы решительные, но

не дала еще решения окончательного». А именно: «...от кого досталось народу и языку нашему имя руси, объединившее собою восточных словен, вошедших в состав России?». Сам Максимович, выделив в составе западных славян «северо-западных или вендских», заявил: «Сюда же я причисляю и бывших там руссов и других варягов словенского племени...» [4, с. 9].

Погодин же, не находя ответа на эти вопросы в рамках норманской теории, объявлял их в рецензии 1841 г. несущественными: «Имен общих у них сначала не было, и потому нечего толковать о руси, и даже о славянах!.. Сами народы давали себе общие имена уже в позднейший период своей истории, по мере распространения, завоевания!». И заключал: «От чего происходит имя руси? Вопрос любопытства, не более. А от чего происходит имя Москвы, имя Парижа, имя франков, Галлии? Вопросы без ответов». Но вместе с тем он тут же утверждал: «Народу какого происхождения принадлежало это имя? А! Вопрос о происхождении – вопрос важный: узнав, кто была русь, я узнаю новую стихию, которая вошла в состав нашего народа и зачала в недрах его нынешнее русское государство...» [5, с. 233-234].

Максимович в 1837 г. справедливо указывал, что основным источником по начальной истории Руси является Повесть временных лет (ПВЛ): «...мы удовольствуемся для нашей цели своими русскими писателями, особенно Нестором, и непосредственно из них самих (соображая по возможности и с иноземными писателями) изложим: как думали у нас на Руси о руссах и варягах, сих первостепенных делателей в начале земли Русской?» [4, с. 15-16].

Он констатировал, что ПВЛ не дает прямого ответа на вопрос об этносе варягоруши: «...в позднейших списках летописи... относительно слова русь находятся разногласия: продолжатели изменяли текст, каждый по своему разумению, о руси – так, что при их сличении находите обоюдность весьма выгодную для исторических систем, видите только разные мнения переписчиков средних времен, и не можете определить, прямо и непосредственно из них, как думал и как хотел сказать сам Нестор...» [4, с. 39-42].

Полагая, что в ПВЛ «варяжская русь показана вообще на прибалтийском западе, за

поморянами или за Одером» и «по соображению сего показания с его словами, “идоша за море к руси”», Максимович обосновывал мнение, «что это, скорее всего, могли быть ружане или руссы острова Ругена, лежащего недалеко от южной Ютландии». Максимович обосновывал их славянскую природу: «За Одером жили руссы, под разными видоизменениями своего имени... но из всех их, а может быть и для всех их, у Нестора только одно имя – русь...». И ближайшими «к нам и к поморянам руссами были ружане, жители острова Ругена». Тщательно проанализировав сведения летописи, ученый также пришел к выводу, что «западные варяги на южном поморьи по Нестору начинаются там, где кончаются поморяне (собственным именем означенные и причисленные к ляхам) и простираются на запад до земли волошской (Франция)». А на этом пространстве «от Одера к Эльбе... сплошь от поморян жили также народы словенские». Поэтому «и видно, что к варягам относятся у Нестора эти словенские народы» [4, с. 28, 30-31].

В 1841 г. Погодин доказывал норманское происхождение варягов-руси, но не касался рассуждений Максимовича в пользу их славянской природы. Однако при разборе его взглядов в 1846 г. он оспаривал мысль оппонента о славянстве руссов, указав на то обстоятельство, что в ПВЛ не говорится об этом прямо: «Из Нестора ясно, что русь были не славяне: он исчислил все главные славянские племена, жившие в Европе, и ни слова об руси, хотя было у него двадцать случаев для этого. (По мнозех же временах сели суть словени на Дунаеви... от тех словен розыдышася по земле и прозвашася имены своими и проч.). Напротив, везде по ходу его речи видно, что он отделяет варягов-русь от славян и никогда их не смешивает. Если б варяги и русь принадлежали к славянам, то без сомнения он сказал бы это, и не оставил такого недоразумения». Но при этом тут же Михаил Петрович признал присутствие варягов на южнобалтийском побережье: «Варяги, следовательно, по Нестору начинаются за всеми ляхами, из которых он исчислил некоторых, т. е. в Дании, что касается до этого берега Балтийского моря» [6, т. 2, с. 187-189].

Максимович в 1837 г. полагал, однако, что именем варяга «в Несторовой повести о внутренних событиях Русской земли озна-

чаются собственно скандинавы» [4, с. 48]. Приняв эту точку зрения, он считал также, что «варяжские имена наших первых князей: Рюрик, Трувор, Олег, Игорь, Аскольд – имена других находников варягов, суть не словенские, а скандинавские», как «и между послами в Олеговом договоре» [4, с. 32-33]. В итоге его концепция с утверждением о славянском происхождении руссов и преимущественно скандинавском варягов оказалась противоречивой.

Последнее утверждение способствовало принятию ученым одной из идей норманской теории: «А как в то время усиления норманских походов, волком рыскал по северу-западу сын короля ютландского Гальфдана Рорик или Рерик, и сказания о нем западных летописей замечательно совпадают с повествованием Нестора о князе Рюрике; то и можно почти наверное положить, что сей Рорик и наш князь Рюрик были одна и та же особа» [4, с. 28].

Однако норманист Погодин не принимал это утверждение некоторых своих единомышленников. В ответ на рассуждение Максимовича он в 1841 г. восклицал: «Можно ли толковать произвольнее?» [5, с. 232]. Впоследствии в 1846 г., разбирая это мнение, Погодин показал, что в случае отождествления Рорика с Рюриком невозможно примирить хронологию. Он также заметил: «Новгородцы искали себе князя защитника – какую же пользу приносил им... Рюрик, воевав во все время 864–876 в Германии?». Михаил Петрович заключал, что «противоречий слишком много во всех показаниях немецких летописей», поэтому «нельзя из Рюрика немецких летописей составить одно лицо с несторovým Рюриком» [6, т. 3, с. 35-38].

Рассмотрим теперь, как в 1841 г. Максимович отвечал на аргументы Погодина в пользу своей концепции, высказанные им в рецензии. В пользу своей теории Михаил Петрович приводил в 1841 г. следующее свидетельство ПВЛ: «Нестор говорит: новгородцы пошли к варягам-руси, которые так называются русью, как другие шведами, третьи англичанами, четвертые датчанами, пятые готами, шестые урманями (норвежцами)». Поэтому, заключает он, «русь были варяги, и прибавь вот что: такие же варяги, как шведы, датчане, англичане, готы, норвежцы», «такие же – вот в чем дело» [3,

с. 212-213]. В 1846 г. историк также повторял: «...если б Нестор не хотел указать на происхождение, на племя своих варягов-руси, то к чему бы прибавлять ему всех этих шведов, готов, англичан: новгородцы пошли к варягам-руси – вот и все, что сказал бы он», «почему не прибавил он сюда каких-нибудь вильцев или ободритов» [6, т. 2, с. 109-110].

Обращаясь к сведениям о призвании варяжских князей, Максимович еще в 1837 г. опровергал один из основных аргументов норманизма: «Но из этих слов его видно только то, что он варягами называл не одних шведов, норвегов, англян и готов (народы немецкого племени), но также и русь; однако совсем еще не следует из сего одного места, чтобы руссы были и племени скандинавского, а кроме сего ни откуда уже более из Нестора того не следует!» [4, с. 20-21]. Ученый говорил, что руссы «на севере могли именоваться варягами, причисляться к ним и не быв соплеменниками прочих варягов; но по общему пребыванию их на Варяжском море – по одинаковому с ними на море том образу жизни варяжскому...» [4, с. 50-52].

В 1841 г. Максимович повторял: «Я также, как и ты, считаю имена варяги и норманны однозначительными: оба они составляют общее имя народов, живших на прибалтийском севере Европы; но они не означают племенного отличия, точно так, как имя сибиряка, горца показывает только географическое место народа, без различия какого он племени – монгольского, турецкого, черкесского, словенского». Ученый упрекал тогда же Погодина за мнение об однозначном свидетельстве ПВЛ в пользу норманизма: «Не говори же, по крайней мере, что “всякий, желающий опровергать твое мнение, должен непременно прежде опровергнуть Нестора”» [7, с. 199-202].

В 1837 г. Михаил Петрович в учебнике для гимназий (первое издание 1835 г.) говорил, что «норманны есть имя собирательное для всех племен, обитавших по берегам Немецкого и Балтийского морей, немецких, финских, латышских, славянских; преимущественно же означались ими жители Швеции, Дании и Норвегии». Поскольку достоверным является факт прихода варягов-руси «к нам от севера с берегов Балтийского мо-

ря», то, следовательно, они «принадлежали к числу норманнов» [8, с. 4-5].

Максимович в 1841 г. поймал Погодина на его собственных словах и показал, что они совпадают с его взглядами: «...ты сам, в твоей русской истории, признаешь разноплеменность варягов или норманнов, и говоришь, что так назывались и словены, и финны, и скандинавы, жившие при Балтийском море. Таким образом, и по твоему утверждению, были варяги и норманны, одни скандинаво-немецкого племени, другие славянского, третьи чудского или финского» [7, с. 200].

В 1846 г. Михаил Петрович, говоря о мнении о славянском происхождении варягов-руси, признавался: «Я сам был несколько времени эпизодически, среди моих двадцатилетних разысканий об этом предмете, под влиянием этого мнения... Но лишь только оборотился вновь к источникам, то и утвердился в прежних своих мыслях». И вспомнив, как оппонент использовал против него изложенную им точку зрения в учебнике, но не найдя объяснения указанной противоречивости своих взглядов, он с некоторым раздражением сказал: «Максимович привязался однако ж к сим словам, и объявил, что я принимаю славянское происхождение варягов-руси» [6, т. 2, с. 184].

Михаил Александрович в 1841 г. отметил манеру норманистов использовать источники: «Но у вас, поборников скандинавского учения о руси, так уже настроена мысль, что как только найдете где-нибудь слово норманны, или варяги, или руссы, то вам тотчас и видятся скандинавы» [7, с. 200]. В качестве примера он, обращаясь уже к разбору другого основного аргумента норманистов – иностранных источников, – приводил толкование свидетельства арабского географа, историка IX в. ал-Йа'куби (в то время в науке известен под именем Ахмед-эль-Катеб): «...в 844 году Севилла была разграблена язычниками, называемыми русь. Приверженцы скандинавского учения тотчас уже и говорят: вот, новое доказательство скандинавского происхождения руси! Но почему же эти Катебовы язычники руссы были непременно из заморья скандинавского – почему, например, не с поморья Балтийского, где также были варяги или норманны...» [7, с. 201].

В 1846 г. Погодин, вернувшись к этому вопросу, вновь не принял во внимание мысли оппонента о широком понимании термина «норманны»: «Здесь дело идет ни о заморье, ни о поморье, а о том, что Севилла в 844 г. по известию араба была разграблена руссами, а по известиям всех западных летописей – норманнами, скандинавами. Кого одни летописатели называют руссами, тех другие называют норманнами. Следовательно, заключаем мы, руссы были норманны» [6, т. 2, с. 130].

Максимович в 1841 г. опровергал еще один аргумент норманистов, основанный на свидетельстве кремонского епископа, итальянского дипломата и историка Лиутпранда (X в.), который, «говоря об Игоре-вых руссах, сказал, что они называются еще норманнами». Эти слова «показывают только северное происхождение их и не значат ничего, как доказательство, что руссы были племени немецкого, ибо в них ничего о сем не говорится» [7, с. 202]. Михаил Петрович тогда же возражал: «...Лиутпранд называл руссов наших норманнами, а норманнами назывались у него по преимуществу шведы, датчане, норвежцы...» [3, с. 213].

Однако некоторые аргументы Погодина Максимович согласился признать. Он в 1841 г. не оспаривал германского происхождения ряда слов, встречающихся в древнерусских памятниках, и полагал, что «они могли быть заимствованы нами и другими словенами от немцев». Однако этот аргумент ученый характеризовал как «соломинку в числе доказательств скандинавского происхождения руссов» [7, с. 203]. Погодин не преминул в ответе еще раз привести лингвистический материал: «Все почти слова у наших славян, которые относятся до гражданского управления, из которых я указал только на тиун, вервь, губа, вира, суть чисто норманно-немецкие, следовательно, заключаю, было время, когда какое-то немецкое племя господствовало над нашими славянами, управляло по-своему и ввело у них в употребление свои слова» [3, с. 214].

Максимович также признавал мнение оппонента о природе имен деятелей древнерусской истории: «Ты говоришь: докажите мне, что собственные имена Рюрика, Трувора, Игоря, Олега, Свенельда, Руальда не суть имена норманские». Михаил Александрович

думал, что приведенные «имена не только норманские, но и немецкие; из них видно, что Рюрик со своим родом был из варягов немецких; но из того еще не следует, чтобы и руссы, пришедшие в Новгород под знаменами Рюрика... были также норманны немецкого племени» [7, с. 205]. Погодин поймал оппонента на этих словах: «Довольно, довольно – об чем же нам спорить? Все прочее я уступаю тебе, позволяю нанебовать ему в войско сколько угодно тебе славян балтийских... и буду с нетерпением ожидать твоих доказательств, почему из “этого еще не следует...”» [3, с. 215-216].

Однако последний аргумент Погодина Максимович использовал для подтверждения своей концепции: «Ты говоришь: “докажите мне, что действие, приемы, осанка, походка наших варягов-руси не суть норманские”». Но, возражал он, «если, по твоим же словам, к числу варягов или норманнов принадлежали и прибалтийские словены; то у них приемы, действия и проч. без сомнения были также норманские, следовательно распространение на нашем киевском юге мореходно-воинского норманского быта могло произойти от поморских норманнов словенского племени (каким я признаю руссов)...» [7, с. 203-204].

Таким образом, Максимович оспорил аргументы Погодина в пользу норманской теории, предложил ряд вопросов, на которые оппонент не дал ответа в рамках своей концепции. Однако его концепция оказалась противоречивой, поскольку ученый утверждал мысль о славянской природе руссов и преимущественно скандинавской варягов и отождествил Рюрика с сыном ютландского короля. Погодин воспользовался этим и акцентировал внимание на тех положениях оппонента, которые служили подтверждением его собственных взглядов либо не согласовывались с другими идеями Михаила Александровича. Поэтому в рамках данной дискуссии Михаил Петрович не сделал существенных уступок. Это была одна из многих полемик, которые вел Погодин в течение своей научной деятельности, и ее следует рассматривать как один из этапов того процесса воздействия антинорманистской критики на воззрения Михаила Петровича, который в итоге привел к их существенной корректировке в сторону позиций противников.

1. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. Спб., 1882.
2. *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / сост. и ред. В.В. Фомина. М., 2010.
3. *Погодин М.П.* Ответ // Москвитянин. М., 1841. Ч. 3. № 5. С. 211-216.
4. *Максимович М.А.* Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским // Максимович М.А. Собрание сочинений: в 3 т. К., 1876. Т. 1.
5. *Погодин М.П.* Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой летописи и по другим писателям русским, сочинение М. Максимовича. Киев, 1837 // Москвитянин. М., 1841. Ч. 2. № 3. С. 219-234.
6. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории: в 7 т. М., 1846.
7. *Максимович М.А.* Письмо к издателю // Москвитянин. М., 1841. Ч. 3. № 5. С. 198-211.
8. *Погодин М.П.* Начертание русской истории для гимназий. М., 1837.
1. *Bestuzhev-Ryumin K.N.* Biografii i kharakteristiki. Spb., 1882.
2. *Moshin V.A.* Varyago-russkiy vopros // Varyago-russkiy vopros v istoriografii / sost. i red. V.V. Fomina. M., 2010.
3. *Pogodin M.P.* Otvet // Moskvityanin. M., 1841. Ch. 3. № 5. S. 211-216.
4. *Maksimovich M.A.* Otkuda idet Russkaya zemlya, po skazaniyu Nestorovoy povesti i po drugim starinnyim pisaniyam russkim // Maksimovich M.A. Sobranie sochineniy: v 3 t. K., 1876. T. 1.
5. *Pogodin M.P.* Otkuda idet Russkaya zemlya, po skazaniyu Nestorovoy letopisi i po drugim pisatelyam russkim, sochinenie M. Maksimovicha. Kiev, 1837 // Moskvityanin. M., 1841. Ch. 2. № 3. S. 219-234.
6. *Pogodin M.P.* Issledovaniya, zamechaniya i lektzii o russkoy istorii: v 7 t. M., 1846.
7. *Maksimovich M.A.* Pis'mo k izdatel'yu // Moskvityanin. M., 1841. Ch. 3. № 5. S. 198-211.
8. *Pogodin M.P.* Nachertanie russkoy istorii dlya gimnaziya. M., 1837.

Поступила в редакцию 16.12.2013 г.

UDC 930.1(09)

DISCUSSION OF M.P. POGODIN AND M.A. MAKSIMOVICH ABOUT VARANGIAN-RUSSIAN QUESTION

Sergey Vladimirovich PASHKOV, Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russian Federation, Post-graduate Student, Domestic History Department, e-mail: 21290@griazy.lipetsk.ru

Varangian-Russian question is one of the most actual in the historical science. Its careful design becomes very important due to the rich historiography of the problem. In particular, the discussions of major historian-normanist of 19th century M.P. Pogodin, during which he made a number of significant concessions to opponents are significant. One of the little-known and attracted little attentions is its dispute with antinormanist M.A. Maksimovich. This article may to some extent fill this gap. It focused attention on the fact that the discussion was organized by Pogodin on pages of his magazine "Moskvityanin". He provides a place to publish the answer of the opponent. This point should be considered as an important historiographical fact. The work summarizes the views Pogodin and Maksimovich on those aspects of Varangian-Russian question, on which their views diverged. This is the problem of the origin of the name "Rus" about the ethnic group of Varangians and Russian, about the interpretation of domestic and foreign information, covering the question, about linguistic material. In conclusion, it points the place of the discussion in the evolution of views Pogodin on Varangian problem.

Key words: M.P. Pogodin; M.A. Maksimovich; Varangian-Russian question; normanism.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОВЕРШЕННОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ В ИДЕОЛОГИИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 1775–1783 ГГ.

© Александра Николаевна НИКОЛАЕВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра всеобщей истории,
e-mail: alexandra.nik@mail.ru

Рассмотрены представления о совершенном государстве и механизмах его функционирования в идеологии патриотического движения в североамериканских колониях накануне и в период Войны за независимость. Указано на особое место, которое занимали размышления о природе власти и ее значении в обществе, об отношениях между властью и свободой в американском Просвещении. Выявлено, что формирование государственной мысли вигов происходило под влиянием усвоения исторического опыта республик и монархий предшествующих эпох, открытий в естественных науках, изменивших мировоззрение людей эпохи Просвещения, а самое главное – динамичного процесса модернизации, охватившего в 1775–1783 гг. социально-политическую сферу колониального общества. Сделан вывод о том, что в представлении отцов-основателей совершенное государство, основанное на принципах законности, представительства и разделения властей, являлось не только политическим, но и нравственным феноменом, способным сдерживать пороки и вести человечество к состоянию добродетели, согласия и гармонии.

Ключевые слова: патриотическое движение; виги; идеология патриотического движения; государство; власть; законность; представительство; разделение властей.

В одном из самых ярких публицистических произведений периода Войны за независимость памфлете «Здравый смысл» Томас Пейн назвал государство «злом», порожденным слабостью и пороками человека («Правительство, подобно одеждам, означает утраченное целомудрие... Ведь если бы веления совести были ясны, определенны и беспрекословно выполнялись, то человек не нуждался бы ни в каком ином законодателе; но раз это не так, человек вынужден отказаться от части своей собственности, чтобы обеспечить средства защиты всего остального, и сделать он это вынужден из того же благоразумия, которое во всех других случаях подсказывает ему выбирать из двух зол наименьшее» [1, с. 22]). По утверждению Б. Бейлина, для всего поколения отцов-основателей США понятие власти было синонимом господства, подчинения, принуждения и насилия, о ней писали как о хищнике, пожирающем все вокруг, указывали на ее природную алчность, ненасытность и жестокость [2, с. 45–46]. Естественной жертвой для власти-хищника в обществе становится свобода: первая наделена силой, неутомимостью и беззастенчивостью, вторая отличается слабостью и хрупкостью; первой надлежало противостать, вторую – оборонять от первой и ни в коем случае не смешивать их.

Примеры как правильного, так и извращенного взаимодействия правительства с обществом лидеры патриотического движения находили в истории (в числе правильных форм государственного устройства отцы-основатели называли афинскую демократию, древнеримскую республику, англо-саксонские монархии раннего средневековья, среди извращенных – древневосточные деспотии, норманнское правление в Англии, современные им Францию, Турцию и Россию). Североамериканская просвещенная элита относилась к истории с особым пиететом, находя в ней и практическую пользу, и эстетическое удовольствие. В этом колонисты следовали за своим учителем Локком, называвшим историческую науку «великой наставницей» государственных деятелей по части знаний в деле правления и рассудительности. Воспитательную ценность истории лидеры патриотического движения считали безграничной. Бенджамин Франклин полагал, что «хорошая история» способна правильно организовать формирующееся сознание юношей, прививая им понимание красоты и добродетели [3, v. 3, p. 412], а Джон Адамс и Томас Джефферсон видели в истории науку, необходимую для каждого американского политика [4, v. 1, p. 29; 5, v. 9, p. 72].

Особой притягательностью для отцов-основателей Соединенных Штатов Америки

обладала античная история. Учитывая особенности образования представителей колониальной элиты, это было неудивительно. Уже в грамматических школах мальчики из состоятельных семей читали в оригинале «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, поэтические произведения Вергилия и Горация, исторические труды Ксенофонта и Плутарха, речи Демосфена и Цицерона; на более высоких образовательных ступенях они переходили к философии Аристотеля, математике Евклида, географии Птолемея. Усиленное изучение в школах, колледжах, университетах языков, законодательных кодексов, произведений искусства и литературы Древней Греции и Рима прививало им со временем настоящую любовь к классическому наследию и способствовало восприятию поэтов, писателей, полководцев и государственных деятелей этих стран, по выражению К. Ричарда, как «старых добрых друзей» [6, р. 12-13]. Хорошее знание античной культуры, античной системы кодов и символов позволяло деятелям Войны за независимость творчески интегрировать разнообразные поведенческие модели классического мира в свою практику (например, литературные псевдонимы в древнегреческом и древнеримском стиле, которые изобретали для себя американские журналисты, а затем – члены федералистской и республиканской группировок; дизайн памятников революции в стиле греческих скульптур и постройка зданий, украшенных колоннами дорического ордена; «полития» Аристотеля, сочетавшая в себе лучшие элементы демократической, монархической и олигархической власти, была источником размышлений Джона Адамса и Александра Гамильтона о «смешанном правлении» (*mixed government*)).

Еще одним выдающимся историческим примером для отцов-основателей стал древний Карфаген, пусть и не создавший столь великой, как Греция и Рим, культуры, но достигший невероятного для своего времени экономического процветания [7]. Большая привлекательность Карфагена для просвещенных американцев обуславливалась тем, что он представлял собой образец формирования могущественной державы на базе бывшей колонии, созданной в IX в. до н. э. финикийскими моряками и со временем достигшей независимости и неограниченного контроля над всем средиземноморским бассейном (ср.: английские переселенцы, осно-

вавшие колонии в Северной Америке). История Карфагена, богатого, преуспевавшего в науках и ремеслах, наслаждавшегося плодами демократического умеренного правления и, в конце концов, разрушенного алчными римлянами, казалась и эталонной, и поучительной для образованной колониальной элиты в период ее сначала идеологической, а затем вооруженной борьбы с британской метрополией. В трактате “*Novanglus*” Джон Адамс откровенно сравнивал Англию, пославшую генерала Гейджа усмирять бостонскую оппозицию, с Римской империей, легионеры которой подняли на своих щитах слоган Катона Старшего *Carthago delenda est* («Карфаген должен быть разрушен») [8, р. 67].

Другой сферой интересов деятелей Войны за независимость была история Англии в ее вигской интерпретации, возводившей появление парламента к временам Эдуарда Исповедника и создавшей идеализированную версию англо-саксонской демократии до норманнского нашествия, которое лишило коренное население Британских островов их свободы и установило тиранию короля-чужеземца и лендлордов [9, р. 5]. Самым значительным событием в средневековой истории Англии после ее завоевания Вильгельмом I вигская историография называла подписание «Великой хартии вольностей» (*Magna Charta*) Иоанном Безземельным – документа, законодательно подтвердившего прирожденные и неотчуждаемые права британцев, возобновившего «священный» контракт, заключенный между англо-саксонскими королями и народом [9, р. 38-39]. Книги Э. Кока, У. Этвуда, Г. Спелмана, А. Сидни и других историков-вигов периода правления Карла II, а также более поздних авторов этого направления – Дж. Тренчарда, Т. Гордона, У. Мойла, Р. Молсворта – занимали важное место в библиотеках лучших американских учебных заведений (Гарварда, Йеля, Принстона, Нью-Джерси) и личных библиотеках представителей колониальной элиты, воспитанных и образованных в духе настоящих англичан.

Интерес, который лидеры патриотического движения испытывали к математике, физике и другим естественным наукам, также во многом обусловил особенности их политической идеологии. Как замечает Р. Страйнер, для большинства отцов-основателей накануне Войны за независимость было характерно понимание общества в духе

ньютоновской космической парадигмы как механизма, правильно построенного по законам природы и способного безупречно работать без лишнего вмешательства человека, который обязан выполнять функции наблюдателя и надзирателя [10, p. 585]. По мнению Джона Адамса, государству и всем его институтам, например, армии, присущи черты часового механизма, машины, управляемой принципами и максимами, а не интересами людей [11, v. 9, p. 376]. Попытка же одной личности или органа власти перетянуть большую часть политического влияния на себя может только привести к катастрофическим последствиям. Ведь люди, как писал Адамс в эссе 1763 г., в отличие от природы и Бога, склонны к страстям и самообману, и «даже величайшие гении» в целом намного чаще прислушиваются к голосу собственных страстей, нежели разума [11, v. 3, p. 435]. Вера американской просвещенной элиты в возможность безграничного совершенствования политических институтов, с одной стороны, и ее глубокий скептицизм по отношению к нравственному облику человека – с другой привели к формированию теории «сдержек и противовесов» (*counterpoise theory*), впоследствии наиболее полно сформулированной Джеймсом Мэдисоном в политических эссе «Федералиста».

Однако в момент революционного кризиса – Войны за независимость в североамериканских колониях 1775–1783 гг., в период динамичной модернизации общества законы механики и политические теории, созданные в обществах традиционных, иерархических, несвободных, оказывались часто бесполезными. «Виргинская декларация прав» Джорджа Мейсона от 12 июня 1776 г. (ее первый параграф был впоследствии заимствован Джефферсоном в «Декларации независимости») провозглашала равенство всех американцев, отменяла дворянские титулы и сословные различия. В документе утверждалось, что «ни один человек или группа людей не может наделяться исключительными или особыми привилегиями и наградами от своего сообщества, но только вознаграждением за общественные заслуги, которое не передается по наследству...» [12]. Таким образом, на смену подданному приходил гражданин¹,

¹ Историк и современник Войны за независимость Дэвид Рамсей проводил такое сравнение этих двух категорий и делал вывод, что между подданными и гражданами «огромное различие. Понятие «поддан-

а для социума свободных и равноправных граждан требовалась разработка новой концепции государственной власти, основанной уже не на божественной прерогативе короля и патриархальной связи между патроном и клиентом, феодалом и крестьянином, а на принципах законности и народного суверенитета. По словам Г.С. Вуда, в период Войны за независимость институт государственной власти в Северной Америке утратил частный, «придворный» характер и окончательно обрел черты автономной и публичной по своей сути сферы [13, p. 187].

Еще одним процессом, серьезно трансформировавшим функционирование политической системы в период Войны за независимость, была демократизация, которая происходила в двух направлениях: с одной стороны, простые американцы стали принимать участие в работе законодательных и исполнительных органов власти штатов, с другой – политическая мысль все чаще стала обращаться к вопросам народовластия. Джексон Тернер Мэйн, пристально изучавший состав легислатур колониальной и революционной Америки, пришел к выводу о радикальном изменении социально-экономического положения их депутатов в 1765–1786 гг. [14]. Если в 1765 г. в нижней палате ассамблеи Нью-Хэмпшира небогатые свободные фермеры и ремесленники занимали 1/3 мест, в ассамблее Нью-Йорка их была 1/4 часть, а в ассамблеях Виргинии и Мэриленда – 1/6, то в конце 1770-х – 1780-х гг. в этих законодательных собраниях доля депутатов низкого происхождения стала составлять, соответственно, 70, 42, 33 и 26 %. Таким образом, политическая активность охватывала все более широкие круги североамериканского общества, а голос представителей нового «среднего класса», ранее лишенных доступа к власти, – все больше доминировал в принятии решений на федеральном и региональном уровнях. Однако далеко не все представители политической элиты были довольны подобной демократизацией государственного устройства. Например, один из наиболее активных деятелей патриотического движения на его на-

ный» произошло от латинских слов *sub* и *jacio* и обозначает человека, находящегося под властью другого, но «гражданином» можно назвать только свободного человека... Подданные смотрят с почтением на господина, а граждане равны друг другу, и ни один не обладает наследственными правами, превосходящими права других» [15].

чальном этапе Джон Дикинсон жаловался, «что некогда простой народ уважал и повиновался своим губернаторам, сенаторам, судьям и духовенству, ...а теперь люди, обладающие собственностью и здравым смыслом, потеряли значительную часть своего влияния из-за подъема народного духа во время войны» [16, p. 23].

Каковы же были механизмы функционирования институтов власти в революционной Америке? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к публицистике, созданной в период Войны за независимость, а также проектам конституций штатов, сыгравшим особую роль в развитии политической мысли патриотического движения. По замечанию В.В. Согрина, в конце 1770-х гг. североамериканские колонии охватил настоящий «конституционный бум»: «Ведение войны было вверено Вашингтону и его армии, большинство же политических умов всецело занялись написанием и реализацией всевозможных конституционных проектов» [17, с. 40]. «Сейчас это [создание проектов конституции. – *А. Н.*], по сути, самое увлекательное занятие, которому желает посвятить себя каждый гражданин, – замечал Томас Джефферсон, сам создавший три проекта конституции для родной Виргинии. – В нем смысл нашей борьбы. Если у нас утвердится плохое правительство, то это будет означать, что вполне можно было жить в согласии с дурным правлением, навязываемым из-за океана, не подвергая себя ненужному риску и не принося жертв на полях сражений» [18, v. 1, p. 292]. По преимуществу усилия американской просвещенной элиты были сосредоточены на политическом переустройстве отдельных штатов, но в то же время каждый штат в миниатюре становился воплощением представлений вигов об идеальном государстве.

Главным из принципов, на которых, по мнению лидеров патриотического движения, должно было зиждиться управление государством, было верховенство закона (*the rule of law*). Концепт верховенства закона был унаследован североамериканской просвещенной элитой из Англии начала XVIII в., где он обозначал ограничение на законодательном уровне государственной власти для обеспечения прав и свобод граждан (как замечал английский просветитель и журналист Томас Гордон, «свободное правительство защищает свободы людей при помощи узаконенных

правил» [19, v. 2, p. 249]). Американской политической мысли накануне Войны за независимость было также присуще понимание тесной связи между свободой и правом: отцы-основатели называли свободу «ребенком закона», способным вырасти исключительно под его укрытием и защитой; право они характеризовали как почву и «важнейшее основание» для настоящей свободы, а обязанность каждого свободного гражданина видели в верном служении закону. Из концепта верховенства закона проистекало и особое, почти восторженное отношение образованных американцев к конституции – основному, фундаментальному закону и «верховному разуму» государства, защищающему свободу слова, совести, собраний, неприкосновенность личности и другие прирожденные права человека. Но чтобы закон стал фундаментальным, ему необходимо обладать тремя важнейшими качествами: находиться в согласии с природой, пользоваться уважением всего населения страны и не зависеть от прихоти законодателя [20, p. 62-63].

Власть неограниченная и, соответственно, незаконная по своему характеру (*arbitrary power*) являлась, по мнению американских вигов, главным врагом свободы [21]. «Ни одна страна не может называться свободной, – утверждал анонимный автор памфлета «Четыре письма на интересные темы» (*Four Letters on Interesting Subjects*), написанного в 1776 г., – если она управляется абсолютной властью; и не имеет никакого значения, принадлежит ли эта власть королю или законодательному собранию, т. к. последствия деспотизма для народа будут и в том, и в другом случае одинаковы» [22, v. 1, p. 385]. Без конституционной опоры государство постепенно утрачивает связь с прошлым, с традицией, забывая о первостепенной цели своего существования – сохранении прав и свобод граждан. Вместо разума и добродетели им начинают управлять прихоти и безмерные амбиции властных кругов, и оно становится тираническим, несправедливым. Таким образом, наиболее уязвимым положение народа по отношению к власти оказывалось в абсолютной монархии, вместе с тем тиранами самого худшего сорта в представлении отцов-основателей могли быть не только короли. «Вы ошибаетесь, когда ограничиваете незаконную власть монархией, – спорил со своим идейным оппонентом С. Сибири в памфлете 1775 г. Александр Га-

мильтон. – Не верховная власть, находящаяся в руках одного, а не многих, извращает свободное правительство до состояния тирании. Когда люди управляются законами, в создании которых они не принимали никакого участия, ...они являются рабами в самом строгом смысле слова, а правительство – соответственно, деспотическим» [23]. Не меньше произвола короля деятели Американской революции боялись произвола парламента и для того, чтобы избежать его, при составлении собственных государственных проектов обращались к популярной в то время теории разделения властей.

Теория разделения властей (*separation of powers*) впервые появилась в английской политической науке в период революции 1640–1660 гг., в дальнейшем она разрабатывалась Дж. Локком, У. Блэкстоном, а наиболее полно была изложена французским просветителем Ш.-Л. Монтескье, писавшим в трактате «О духе законов» о необходимости такого «порядка вещей», при котором не было бы возможности злоупотреблять властью и «различные власти могли бы сдерживать друг друга» [24, с. 137]. Подобно Монтескье и английским мыслителям раннего Просвещения, в разделении властей и ответственности каждой из них перед суверенным народом отцы-основатели видели один из немногих способов защиты интересов этого народа, охранения «хрупкой свободы» от тиранических наклонностей правителей, организации эффективной властной системы и обеспечения абсолютного следования администраторов закону. По мнению Джона Адамса, «законодательная, исполнительная и судебная власть составляют единое целое, под которым мы понимаем то, что называют правительством. Только уравнивая каждую из этих ветвей власти с двумя другими, можно обуздать склонность человеческой природы к тирании и сохранить в конституции какую бы то ни было степень свободы» [11, v. 4, p. 186].

Следует заметить, что если на ранних этапах развития патриотического движения в североамериканских колониях наиболее сбалансированной формой государственного устройства считалась ограниченная монархия по английскому образцу, то к 1776 г. многие отцы-основатели пришли к выводу о слабости английской конституции и неадекватности правления, в котором ведущую роль играет королевская прерогатива, потребностям современного общества. «Бес-

спорно, она [конституция. – А. Н.] являла собой нечто благородное в те мрачные времена рабства, когда была создана, – саркастически замечал Т. Пейн в «Здравом смысле». – Когда тирания правила миром, малейшее отступление от нее было уже замечательным освобождением. Легко, однако, показать, что конституция эта несовершенна, подвержена потрясениям и неспособна дать, что как будто бы обещает» [1, с. 24]. Причину этого несовершенства мыслитель видел в смешении порочных остатков «двух древних тираний» – монархии в лице короля и аристократии в лице Палаты лордов – с новым республиканским элементом (Палата общин), от которого единственно зависит свобода Англии («монархия отравила республику, а корона поглотила палату общин» [1, с. 34]).

В памфлете «Размышления о правительстве» (*Thoughts on Government*) более консервативно настроенный по сравнению с Пейном Джон Адамс называет республику – «империю законов, а не людей» – наилучшей формой правления, единственно способной помочь в достижении свободы, комфорта, безопасности и, в целом, счастья наибольшему количеству народа в наибольшей степени [8, p. 483-484]. Законодательная власть в такой республике должна принадлежать ассамблее, представляющей в миниатюре все население страны и разделенной на две палаты, исполнительная – ежегодно избираемому губернатору, судебная – пожизненно назначаемым судьям из числа наиболее образованных, рассудительных и высокоморальных членов общества. В американской политической мысли XVIII столетия Адамс был одним из главных сторонников бикамерализма, считая, что однопалатные легислатуры от природы «подвержены всем слабостям, прихотям и порокам, свойственным человеку; подчинены капризам, приступам воодушевления, несправедливостям или предрассудкам и, следовательно, склонны к необдуманным поступкам и нелепым суждениям» [8, p. 485]. Как и многие другие деятели патриотического движения, Адамс акцентировал внимание, прежде всего, на нравственной стороне государственного строительства. В его представлении создание и поддержание существования истинной республики в наибольшей степени зависело от того, насколько присущи ее правителям такие качества, как скромность, милосердие и добродетель, насколько они сумели подавить в себе эгоизм и

любовь к роскоши, насколько они готовы подчинить свои личные желания стремлению к всеобщему благу.

Стремление лидеров патриотического движения ограничить возможный произвол и деспотизм государства наиболее ярко отразилось в конституциях штатов Конфедерации, принятых колониальными legislatures в период Войны за независимость. В одной из статей Конституции Виргинии, утвержденной 29 июня 1776 г., говорилось, что «законодательная, исполнительная и судебная власть должны быть автономны и отделены друг от друга, чтобы, таким образом, ни одна из них не пользовалась властью, принадлежащей, по сути, другой ветви власти» [25]. Законодательная власть вручалась Генеральной Ассамблее штата, состоящей из двух палат – сената (*Senate*) и палаты депутатов (*House of Delegates*). Палата депутатов состояла из двух представителей от всех графств, избиравшихся ежегодно свободными совершеннолетними гражданами, владевшими 100 акров необжитой земли или земельным участком в 25 акров с домом на нем. Сенат состоял из 24 членов, избиравшихся раз в четыре года специально созданными округами. Закон мог вступить в силу только после одобрения обеих палат. Палаты назначали также губернатора и совет, судей высших судов, аудиторов, генерального прокурора, казначея, регистратора земельной конторы и делегатов в конгресс [26, с. 195]. Губернатор – глава исполнительной власти – избирался на три года и по Конституции лишался возможности изменять законы штата, а также в случае несогласия воздействовать силовыми методами на ассамблею – ни прерывать сессию legislatures, ни распускать ее права он не имел. Таким образом, виргинские законодатели отказались от разработанной Монтескье системы «сдержек и противовесов» властей (эта система казалась им монархической и устаревшей). В «Заметках о штате Виргиния» Джефферсон критиковал государственное устройство своей родины (по Конституции 1776 г.) за то, что три ветви власти сходятся в одном органе – законодательной ассамблее, что со временем может привести ее к деспотизму нового рода – «выборному деспотизму» [26, с. 196].

Важным принципом функционирования институтов власти, по мнению лидеров патриотического движения, было представительство (*representation*). Проблема предста-

вительства североамериканского населения во властных структурах штатов Конфедерации встала в период Войны за независимость особенно остро в результате упразднения старой корпоративной системы распределения депутатов. При помощи этой системы колониальные legislatures определяли количество депутатов, которые отправлялись в законодательные ассамблеи из графств, городов и приходов страны. По мнению американской исследовательницы Р. Загарри, корпоративная система представительства во многом являлась отражением особенностей ментальности человека Раннего Нового времени, сохранявшего, несмотря на развитие индивидуалистических установок, ориентацию на традиционные общинные ценности [27, р. 38]. Она позволяла сохранять власть в руках элитарных состоятельных кругов, большая часть которых была сосредоточена в старых и богатых регионах, часто имевших преимущества в количестве депутатов перед новыми регионами, и поддерживалась распространенной в Англии XVIII столетия теорией представительства, основанного на собственности. Политическая элита североамериканских колоний поддерживала позицию английского консервативного мыслителя Э. Берка, что собственность – главное из прирожденных прав человека – не может быть достаточно защищена, пока люди, обладающие ею, не будут доминировать в законодательных органах государства [28]. Недостаток же корпоративной системы заключался в том, что ею было легко манипулировать в интересах определенных групп, приближенных к власти. Кроме того, значительная часть населения колоний вообще не была представлена в legislatures Северной Америки.

Вера отцов-основателей в то, что все люди созданы равными, отразилась в положениях разработанных ими конституций штатов о равном и пропорциональном представительстве. Так, Конституция Пенсильвании 1776 г. провозглашала, что «представительство, пропорциональное числу налогооблагаемых жителей, является единственным принципом, способным во все времена сохранить свободу и превратить голос большинства народа в закон для всей страны» [29]. Согласно принципу пропорционального представительства, количество депутатов, отправляемых в legislatures, напрямую зависело от численности населения конкретно-

го региона страны. В 1-й главе Конституции Массачусетса 1780 г. утверждалось, что для представления в законодательной ассамблее штата «жителей Конфедерации каждый город, имеющий 150 граждан, обладающих правом голоса, может выбрать одного представителя; каждый город, имеющий 375 граждан, обладающих правом голоса, может выбрать двух представителей; каждый город, имеющий 600 граждан, обладающих правом голоса, может выбрать трех представителей; и далее на каждые 225 голосов по одному дополнительному представителю» [30]. Пропорциональное представительство граждан в нижних палатах законодательных органов власти было также провозглашено в конституциях Нью-Хэмпшира, Нью-Йорка, Нью-Джерси и Северной Каролины. Таким образом, в период Войны за независимость на смену средневековому принципу корпоративного представительства стал приходиться нововременный принцип индивидуального представительства.

Подводя итог, мы не можем не указать на особое место, которое занимали размышления о природе власти и ее значении в обществе, об отношениях между властью и свободой в идеологии патриотического движения в североамериканских колониях накануне и в период Войны за независимость. Формирование государственной мысли американских вигов происходило под влиянием усвоения исторического опыта республик и монархий предшествующих эпох, открытий в естественных науках, изменивших мировоззрение людей эпохи Просвещения, а самое главное — динамичного процесса модернизации, охватившего в 1775–1783 гг. социально-политическую сферу колониального общества. В представлениях отцов-основателей совершенное государство, основанное на принципах законности, представительства и разделения властей, являлось не только политическим, но и нравственным феноменом, способным сдерживать пороки и вести человечество к состоянию добродетели, согласия и гармонии.

1. *Пейн Т.* Избранные сочинения / под ред. М.П. Баскина. М., 1959.
2. *Бейлин Б.* Идеологические истоки Американской революции. М., 2010.
3. *Franklin B.* The papers of Benjamin Franklin. 21 vols. New Haven, 1960–1976.

4. *Warren-Adams Letters* / ed. by W.C. Ford. 2 vols. Boston, 1917–1925.
5. *Jefferson T.* The writings of Thomas Jefferson. 3-rd ed. 10 vols. N. Y., 1892–1899.
6. *Richard C.J.* The Founders and the Classics: Greece, Rome and the American Enlightenment. Boston, 1995.
7. *Winterer C.* Model Empire, Lost City: Ancient Carthage and the Science of Politics in Revolutionary // *The William and Mary Quarterly*. 2010. V. 67. № 1. P. 3–30.
8. *Adams J.* The political writings of John Adams / ed. by J.W. Carey. Washington, 2000.
9. *Colbourn T.* The Lamp of Experience. Indianapolis, 1998.
10. *Striner R.* Political Newtonianism: The Cosmic Model of Politics in Europe and America // *The William and Mary Quarterly*. 1995. V. 52. № 4. P. 583–608.
11. *Adams J.* The Works of John Adams. Boston, 1850–1856.
12. The Virginia Declaration of Rights. URL: http://www.archives.gov/exhibits/charters/virginia_declaration_of_rights.html (accessed: 12.11.2013).
13. *Wood G.S.* The Radicalism of the American Revolution. N. Y., 1992.
14. *Main J.T.* Government by the People: The American Revolution and the Democratization of the Legislatures // *The William and Mary Quarterly*. 1966. V. 23. № 3. P. 391–407.
15. *Ramsay D.* A Dissertation on the Manner of Acquiring the Character and Privileges of a Citizen of the United States. 1789. URL: <http://ru.scribd.com/doc/36590701/Ramsay-1789-Dissertation-on-Citizenship> (accessed: 12.11.2013).
16. *Reichley J.* The Life of the Parties: A History of American Political Parties. N. Y., 1992.
17. *Согрин В.В.* Политическая история США. XVII–XX вв. М., 2001.
18. *Jefferson T.* The Papers of Thomas Jefferson. 40 vols. Princeton, 2006.
19. *Trenchard J., Gordon T.* Cato's letters: or, Essays on Liberty, Civil and Religious, and other Important Subjects: in 4 vols. L., 1955.
20. *Reid J.P.* The Concept of Liberty in the Age of American Revolution. Chicago, 1988.
21. *Reid J.P.* In Legitimate Strips: The Concept of “Arbitrary”, the Supremacy of Parliament, and the Coming of the American Revolution // *Hofstra Law Review*. 1977. V. 5. № 3. P. 459–499.
22. *American Political Writings during the Founding Era, 1760–1805* / ed. by C.S. Hyneman, D.S. Lutz. 2 vols. Indianapolis, 1983.
23. *Hamilton A.* The Farmer Refuted, or A More Impartial and Comprehensive View of the Dispute between Great-Britain and the Colonies, Intended as a Further Vindication of the Congress // *The Papers of Alexander Hamilton: The Digital Edition*. URL: <http://rotunda.upress.virginia.edu/founders/default.xqy?keys=ARHN-print->

- 01-01-02-0057&mode=deref (accessed: 12.11.2013).
24. *Монтескье Ш.-Л.* О духе законов. М., 1999.
 25. Constitution of Virginia. 1776. URL: <http://www.nhinet.org/ccs/docs/ma-1776.htm> (accessed: 12.11.2013).
 26. *Джефферсон Т.* Автобиография. Заметки о штате Виргиния / сост. и общ. ред. А.А. Фурсенко. Л., 1990.
 27. *Zagarry R.* The Politics of Size: Representation in the United States, 1776–1850. N. Y., 1987.
 28. *Burke E.* Reflections on the French Revolution. 1790. URL: <http://history.hanover.edu/courses/excerpts/165burke.html> (accessed: 12.11.2013).
 29. Constitution of Pennsylvania. September 28, 1776. URL: http://avalon.law.yale.edu/18th_century/pa08.asp (accessed: 12.11.2013).
 30. Constitution of Massachusetts. 1780. URL: <http://www.nhinet.org/ccs/docs/ma-1780.htm> (accessed: 12.11.2013).
-
1. *Peyn T.* Izbrannye sochineniya / pod red. M.P. Baskina. M., 1959.
 2. *Beylin B.* Ideologicheskie istoki Amerikanskoy revolyutsii. M., 2010.
 3. *Franklin B.* The papers of Benjamin Franklin. 21 vols. New Haven, 1960–1976.
 4. Warren-Adams Letters / ed. by W.C. Ford. 2 vols. Boston, 1917–1925.
 5. *Jefferson T.* The writings of Thomas Jefferson. 3-rd ed. 10 vols. N. Y., 1892–1899.
 6. *Richard C.J.* The Founders and the Classics: Greece, Rome and the American Enlightenment. Boston, 1995.
 7. *Winterer C.* Model Empire, Lost City: Ancient Carthage and the Science of Politics in Revolutionary // The William and Mary Quarterly. 2010. V. 67. № 1. P. 3–30.
 8. *Adams J.* The political writings of John Adams / ed. by J.W. Carey. Washington, 2000.
 9. *Colbourn T.* The Lamp of Experience. Indianapolis, 1998.
 10. *Striner R.* Political Newtonianism: The Cosmic Model of Politics in Europe and America // The William and Mary Quarterly. 1995. V. 52. № 4. P. 583–608.
 11. *Adams J.* The Works of John Adams. Boston, 1850–1856.
 12. The Virginia Declaration of Rights. URL: http://www.archives.gov/exhibits/charters/virginia_declaration_of_rights.html (accessed: 12.11.2013).
 13. *Wood G.S.* The Radicalism of the American Revolution. N. Y., 1992. P. 187.
 14. *Main J.T.* Government by the People: The American Revolution and the Democratization of the Legislatures // The William and Mary Quarterly. 1966. V. 23. № 3. P. 391–407.
 15. *Ramsay D.* A Dissertation on the Manner of Acquiring the Character and Privileges of a Citizen of the United States. 1789. URL: <http://ru.scribd.com/doc/36590701/Ramsay-1789-Dissertation-on-Citizenship> (accessed: 12.11.2013).
 16. *Reichley J.* The Life of the Parties: A History of American Political Parties. N. Y., 1992.
 17. *Sogrin V.V.* Politicheskaya istoriya SShA. XVII–XX vv. M., 2001.
 18. *Jefferson T.* The Papers of Thomas Jefferson. 40 vols. Princeton, 2006.
 19. *Trenchard J., Gordon T.* Cato's letters: or, Essays on Liberty, Civil and Religious, and other Important Subjects: in 4 vols. L., 1955.
 20. *Reid J.P.* The Concept of Liberty in the Age of American Revolution. Chicago, 1988.
 21. *Reid J.P.* In Legitimate Strips: The Concept of "Arbitrary", the Supremacy of Parliament, and the Coming of the American Revolution // Hofstra Law Review. 1977. V. 5. № 3. P. 459–499.
 22. American Political Writings during the Founding Era, 1760–1805 / ed. by C.S. Hyneman, D.S. Lutz. 2 vols. Indianapolis, 1983.
 23. *Hamilton A.* The Farmer Refuted, or A More Impartial and Comprehensive View of the Dispute between Great-Britain and the Colonies, Intended as a Further Vindication of the Congress // The Papers of Alexander Hamilton: The Digital Edition. URL: <http://rotunda.upress.virginia.edu/founders/default.xqy?keys=ARHN-print-01-01-02-0057&mode=deref> (accessed: 12.11.2013).
 24. *Montesk'e Sh.-L.* O dukhe zakonov. M., 1999.
 25. Constitution of Virginia. 1776. URL: <http://www.nhinet.org/ccs/docs/ma-1776.htm> (accessed: 12.11.2013).
 26. *Dzhefferson T.* Avtobiografiya. Zametki o shtate Virginiya / sost. i obshch. red. A.A. Fursenko. L., 1990.
 27. *Zagarry R.* The Politics of Size: Representation in the United States, 1776–1850. N. Y., 1987.
 28. *Burke E.* Reflections on the French Revolution. 1790. URL: <http://history.hanover.edu/courses/excerpts/165burke.html> (accessed: 12.11.2013).
 29. Constitution of Pennsylvania. September 28, 1776. URL: http://avalon.law.yale.edu/18th_century/pa08.asp (accessed: 12.11.2013).
 30. Constitution of Massachusetts. 1780. URL: <http://www.nhinet.org/ccs/docs/ma-1780.htm> (accessed: 12.11.2013).

Поступила в редакцию 12.12.2013 г.

Aleksandra Nikolayevna NIKOLAYEVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, General History Department, e-mail: alexandra.nik@mail.ru

The representation of the perfect state and the mechanisms of its functioning in the ideology of the patriotic movement in the North American colonies before and during the War of Independence are considered. A special place that was occupied by thinking about the nature of power and its importance in society about the relationship between power and freedom in the American Enlightenment is indicated. It is disclosed that the formation of the state of the Whigs thought was influenced by the assimilation of the historical experience of republics and monarchies in previous eras, discoveries in the natural sciences, has changed the outlook of people of the Enlightenment, and most importantly – the dynamic process of modernization, engulfed in 1775–1783 the socio-political sphere of colonial society. It is concluded that in the view of the founding fathers committed by a state based on the principles of the rule of law, representation and the separation of powers was not only a political but also a moral phenomenon, the ability to restrain the vices and lead humanity to a state of virtue, and the consent of harmony.

Key words: patriotic movement; Whigs; ideology of patriotic movement; state; power; rule of law; representation; separation of powers.

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРЕЙСКИХ БОЕВЫХ СИСТЕМ

© Александр Михайлович КОЗЛОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры физического воспитания, e-mail: syutina@tsu.tmb.ru

Рассмотрена история становления боевых искусств на Корейском полуострове с древнейших времен до конца XX в. Выявлено, что первоначальные сведения о формировании рудиментарных приемов борьбы и кулачного боя в Корее восходят к эпохе королевства Чосон (II в. до н. э.) и его завоевания Китаем. Показан значительный вклад в развитие национальных боевых систем института хваранов, первыми дополнивших корейские школы боевых искусств атаками по сложным дугообразным траекториям и эффективной техникой ударов ногами в прыжках. Также исследована деятельность генерала Чхве Хонь Хи по селекции, систематизации и приведению к современным стандартам национального корейского боевого искусства самообороны – тэквон-до. В заключение представлено развитие и соперничество двух ветвей тэквон-до под эгидой Всемирной и Международной федераций, которое способствовало вхождению этого вида спорта в программу олимпийских игр.

Ключевые слова: национальные боевые системы; школы-кваны боевых искусств; у-шу; цюань-шу; тэквон-до; Международный олимпийский комитет.

История Кореи самым тесным образом связана с историей Китайской империи и обусловлена не только близким соседством (общая граница по реке Тэдонган), но и постоянными множественными контактами и общностью всего, что определяется понятиями «взаимодействие», «культура» и «цивилизация».

Так, в 107 г. до н. э. войска китайского императора У-ди (140–86 гг. до н. э.) с завоеванием античного государства Чосон принесли с собой и познакомили корейское население с борьбой «шоу-бо». В Корее этот вид единоборства под названием «субак» (субак-ги), смешиваясь с рудиментарными приемами борьбы, сохранил в своем арсенале многочисленные технические действия, свойственные шоу-бо, и имел в написании те же иероглифы, что и прототип. С этого же периода на полуостров начали проникать и другие виды боевых техник Поднебесной. Поэтому борьба и кулачный бой Кореи впитали в себя многие достижения китайских мастеров у-шу (боевые искусства) и цюань-шу (кулачные искусства), наложившиеся на национальные традиции «Страны утренней свежести».

Большинство исследователей истории Кореи относят процесс возникновения боевых систем на корейском полуострове к Эре Трех Королевств: Когуре, Пекче и Силла. В силу того, что три государства много враждовали между собой и им необходимо было

защищаться от других внешних врагов, в каждом из них существовали свои исторически сложившиеся рудиментарные системы воинского тренинга и рукопашного боя. Об этом свидетельствуют оружие и настенная живопись в гробницах курганах-могильниках близ городов Чольбон, Хвандо, Цзиань и других, изобилующие сценами охоты, борьбы, кулачного боя, фрагментами битв и тренировки воинов [1, с. 6-10].

Однако все историки корейских боевых искусств единодушно выделяют ведущую роль в создании традиционных национальных боевых систем борьбы и боя мастеров государства Силла – хваранов (цветы-юноши). Принято считать, что именно хвараны первыми дополнили национальные школы боевых искусств атаками по сложным дугообразным траекториям и эффективной техникой ударов ногами в прыжках.

«Золотой век» расцвета боевых искусств Кореи приходится на период X–XI вв. древнего государства Коре. Вместе с буддизмом из Поднебесной пришли традиции внешних «жестких» (вай-цзя – кит., вей-кья квонпоп сорим – кор.) стилей у-шу Шаолинь-сы (монастырь Шаолинь), которые наиболее ярко воплотились в стилях: тансу (Танская рука), оренквон (Кулак пяти видов), пигакуль (Искусство рубящих ударов стопой). В этот же период в обстоятельствах необходимости массовой ускоренной подготовки больших воинских контингентов сложился упрощен-

ный комплекс базовых приемов кулачного боя «теген» по типу «удар-блок» – нападение-защита как основа освоения всех других видов воинских профессий, производный от классического шаолиньского цюань-шу, бывшего практически прямым аналогом упражнений Бодхидхармы – миссионера дзэн-буддизма в Китае и основателя боевых искусств Востока [2, с. 5-7].

Столетнее монгольское владычество в Коре (1259–1356 гг.) принесло с собой характерную для степных кочевников разновидность борьбы на поясах алтайско-монголо-тибетского происхождения – «ссыл-нем» («ссирим» – кор.). Она напоминает японское сумо, китайское цзюэди, запрещает все виды ударов, разрешая только броски с использованием рук, ног, корпуса. В северных провинциях Коре развилась привнесенная монголами своеобразная боевая техника «пакчхиги», где удары наносились кулаками, локтями, плечами и головой. Важным оружием являлась длинная коса (обязательная прическа монголов-завоевателей и покоренных ими народов), в которую вплетался острый элемент хлещущего оружия.

В XII–XIV вв. в Коре формировалось и другое – «мягкое», внутреннее нэй-кья – направление квонпопа – «сонге», берущее истоки в даосской йоге, буддийских тантрах, древней мистической традиции корейского шаманизма, наиболее зримо реализованное в различных ипостасях в стилях «ю-суль» (Мягкое искусство), «чхарек» (Заимствованная сила), «тхэккен».

По окончании Имджинской войны (1592–1598 гг.), анализируя опыт военных действий, передовые представители корейской культуры, стремившиеся развивать исконно отечественные разновидности и стили квонпопа, в 1599 г. составили трактат «Муе чебо», куда заносились максимально эффективные техники и приемы боя, включающие комплексы защит и нападения с посохом – основным оружием буддийских монахов-воителей Чосон, мечом и щитом, трезубцем и мечом с длинным лезвием, длинным копьём.

Примерно этим же временным периодом (конец XVI в.) датируется появление двух новых даосских стилей, явившихся результатом творческого поиска, медицинских познаний и личного совершенствования в боевых искусствах. «Пульмудо» напоминает «мягкие» китайские стили и строит свою тактику от обороны, а также характеризуется разнооб-

разным арсеналом бросковой и ударной техники, причем последней отводится ведущая роль. «Хельдо» основано на технике бросков и проведении болевых приемов с воздействием на биологически активные точки.

После опустошительных маньчжурских нашествий (1627–1637 гг.) наиболее дальновидные представители корейской культуры продолжали претворять в жизнь идею возрождения и сохранения национальных боевых традиций и их рудиментарных форм. В конце XVII столетия увидел свет второй трактат «Муе синбо», включавший кулачный бой, приемы боя корейском мечом, копьём, цепом и различными видами лезвий на длинной рукояти. В 1789–1790 гг. был составлен компендиум «Муе тобо тхонджи», который наиболее полно отразил все известные сведения о корейских национальных боевых системах и вобрал в себя все лучшие техники из двух предшествующих трактатов плюс комплексы для всадников с мечом, копьём, корейским цепом и большим мечом. Кулачная техника, включенная в этот фолиант, занимающая одну из самых больших глав, по мнению ряда аналитиков, корнями очень тесно взаимосвязана с китайскими внутренними (нэй-цзя) стилями цюань-шу, но имеет большую простоту, рационализм и отсутствие дополнительных вычурных элементов [3, с. 22].

Период японской оккупации Кореи (1910–1945 гг.) знаменуется политикой завоевателей, направленной на полную японизацию страны, уничтожение корейской культуры, попранием национальных ценностей, замену корейского менталитета японским и преданием забвению корейских национальных боевых искусств. К тому же, т. к. японское «дзю-дзюцу» (мягкое искусство) и корейское «ю-суль» (мягкое искусство), «каратэ-до» (путь китайской руки – по-японски, в раннем варианте прочтения) и «тансу-до» (путь танской руки – по-корейски, танской в значении Великий Китай эпохи Тан) обозначались в этих странах одними и теми же иероглифами, в итоге произошло определенное смешение, подмена понятий и заимствование технических действий и приемов. Все это до настоящего времени является темой серьезной полемики специалистов за приоритеты (особенно в видах спорта, ставших олимпийскими дисциплинами: тэквон-до и тансу-до, дзю-до и ю-суль).

Многих корейцев, получивших в период 1910–1945 гг. образование в Стране восхо-

дящего солнца, привело к занятиям боевыми искусствами влияние японской традиции следовать своду законов чести Буси-до (Путь воина), где боевые искусства имеют максимально высокий рейтинг. Некоторые из них, вначале обучавшиеся какому-то национальному стилю, а затем продолжившие совершенствоваться в одной из японских школ, в дальнейшем стали основоположниками новой волны корейских боевых систем или привнесли свои традиции и техники в японские стили. Так случилось с Чхе Енби, более известным всему миру под своим японским псевдонимом Масутацу Ояма (Умножающий свои достижения, подобно высокой горе) – создателем жесткого контактного стиля «Кёкусинкай Будо каратэ» (Союз искателей абсолютной истины на пути боевых искусств). Так возник «хапки-до» (Путь сосредоточения жизненной энергии), созданный Чхве (Чой) Ёнсом – корейским учеником великого японского мастера Айки-дзюцу школы Дайто-рю (шк. Великого предела) Такэдо-Сокаку – Минамото-Масаси.

Дополняя вышесказанное, уместно заметить, что вторая половина XX столетия явилась чрезвычайно благодатной почвой, на которой в изобилии множились и процветали боевые искусства новой волны. Вследствие чего полностью осветить все новоделы в рамках данной работы практически невозможно. Однако отметим, что Хапквондо, Кихонве, Чхэквондо, Сонмудо, Ханмудо, Квондо, Кимудо, Чи До Кван, Му До Кван, Сон Му Кван, Чун До Кван, Чан Му Кван, Юн Му Кван, Джи До Кван, Ох До Кван, Кан Ду Кван, Субак, Субак-до, Тэгён, Тэсудо, Тансудо Квонбоп, Тэквонбоп и многие другие продолжали в той или иной мере разрабатывать базу каратэ-до и хапки-до, компелируя ее со своими идеями особенностей техники и заимствованиями из других корейских, китайских, японских и иных боевых систем дальневосточно-азиатско-тихоокеанского региона [4, с. 8-9].

С целью возрождения духа нации и древних боевых традиций правительство Южной Кореи санкционировало деятельность целого ряда мастеров, которую возглавил генерал Чхве Хонь Хи (Цой Хонг Хи в западной транскрипции, который в юности занимался национальными боевыми искусствами – муге, а продолжая образование в Японии, упорно тренировался у грандмастера Г. Фунакоси и был удостоен черного пояса

2-й дан стиля Сетокан) по кодификации, систематизации и приведению в современный вид единого национального исконно корейского боевого искусства. 11 апреля 1955 г. Цой Хонг Хи представил специально созданной комиссии, членами которой являлись руководители школ-кванов, грандмастеры, инструкторы, историки и видные государственные деятели, реформированное, упорядоченное и унифицированное им «корейское национальное боевое искусство самообороны» – тэквон-до. Так, в итоге селекции и тщательного отбора лучших национальных рудиментарных техник с привлечением всего передового из японских, китайских и иных боевых систем, проработанных с научных позиций, Цой Хонг Хи создал, развил, обосновал и утвердил фундаментальную базу квинтэссенции всеобъемлющего арсенала корейского боевого искусства – тэквон-до.

Благодаря работе на дипломатических должностях Чхве Хонь Хи имел прекрасную возможность для международной рекламы созданного им детища. В результате неустанно осуществляемой пропаганды, гастрольных поездок, показательных выступлений (в т. ч. в здании ООН в Нью-Йорке в 1963 г.), всевозможных турне лучших обладателей черных поясов, создания национальных федераций и ассоциаций, проведения семинаров, конференций и аттестаций, соревнований, чемпионатов и первенств тэквон-до разлеталось по планете, как огонь на ветру. Цой Хонг Хи, возглавлявший в то время «Корейский союз тэквон-до», организовал конференцию руководителей ассоциаций тэквон-до Вьетнама, Малайзии, Сингапура, ФРГ, США, Турции, Египта и Кореи, на которой 22 марта 1966 г. была образована Международная федерация тэквон-до (ИТФ) со штаб-квартирой в Сеуле, и стал ее президентом [5].

В 1972 г. вследствие политических разногласий с правительством Южной Кореи Цой Хонг Хи был вынужден эмигрировать в Канаду, перенесся в Торонто штаб-квартиру ИТФ. 30 ноября 1972 г. в Сеуле был открыт «Куккивон» – Всемирный центр тэквон-до. Там 25 мая 1973 г. прошел первый чемпионат мира, а по окончании соревнований была образована Всемирная федерация тэквон-до (ВТФ). Последующие годы деятельности обеих международных федераций отмечены острым соперничеством, все более углубляющимся размежеванием в терминологии,

аттестационных комплексах, правилах соревнований и стремлении во всем превзойти друг друга. Тэквон-до ИТФ пользуется в КНДР колоссальной популярностью, примерно такой же, как ВТФ в Южной Корее. Сильны позиции ИТФ в Европе и России.

Постоянно соперничая и конкурируя, обе ветви тэквон-до способствовали прогрессу и превращению национального корейского боевого искусства в современный вид спорта. ВТФ, опираясь на мощную поддержку государства, с первых дней взяло курс на превращение тэквон-до в олимпийский вид спорта. Олимпийская хартия – главный документ, регламентирующий основные требования к виду спорта, претендующему на включение в программу олимпиад. Вся деятельность ВТФ была направлена на то, чтобы тэквон-до соответствовало этим высоким критериям, подобающим образом изменена структура самой ВТФ и ее устав, пересмотрены и четко регламентированы правила соревнований, утверждена спортформа и защитная экипировка спортсменов, создана электронная система судейства и т. д. [5].

17 июня 1980 г. на 83 сессии Международного олимпийского комитета в Москве тэквон-до ВТФ признается предолимпийским видом спорта.

В январе 1992 г. была образована Федерация тэквон-до России, представляющая этот вид спорта в олимпийском комитете страны и международных организациях.

4 сентября 1994 г. 103 сессия МОК официально признает тэквон-до ВТФ олимпийской дисциплиной и включает его в про-

грамму Олимпийских игр 2000 г. в Сиднее (Австралия). С 27–30 сентября 2000 г. проходит первый олимпийский турнир тэквон-до. Более 100 спортсменов встретились в споре за золотые, серебряные и бронзовые медали в 4-х весовых категориях у мужчин и женщин. Успешными в этой дисциплине были выступления россиян. Наталья Иванова завоевала серебро.

-
1. *Гил К., Ким Чур Хван.* Искусство таэквон-до. Три ступени. Ступень 1. К голубому поясу / пер. с нем., предисл. И.С. Соколова. М., 1991.
 2. *Каримов С.К.* Корейские боевые искусства. М., 2003.
 3. *Пайк Й.Х., Сибурн Т.* Таэквон-до: Техника и тактика / пер. с англ. В.Ю. Цветкова. М., 2004.
 4. *Шубский А.* Таэквон-до ВТФ. Пумзэ. М., 2002.
 5. *Чой Сунг Мо, Ярышев С.Н.* Путь тхэквон-до: от белого пояса – к черному. Ростов н/Д, 2003.

-
1. *Gil K., Kim Chur Khvan.* Iskusstvo taekvon-do. Tri stupeni. Stupen' 1. K golubomu poyasu / per. s nem., predisl. I.S. Sokolova. M., 1991.
 2. *Karimov S.K.* Koreyskie boevye iskusstva. M., 2003.
 3. *Payk Y.Kh., Siburn T.* Taekvon-do: Tekhnika i taktika / per. s angl. V.Yu. Tsvetkova. M., 2004.
 4. *Shubskiy A.* Taekvon-do VTF. Pumze. M., 2002.
 5. *Choy Sung Mo, Yaryshev S.N.* Put' tkhekvon-do: ot belogo poyasa – k chernomu. Rostov n/D, 2003.

Поступила в редакцию 16.09.2013 г.

UDC 94(4)+94(5)

GENESIS AND DEVELOPMENT OF NATIONAL KOREAN MARTIAL SYSTEMS

Aleksander Mikhailovich KOZLOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Education, Associate Professor of Physical Education Department, e-mail: syutina@tsu.tmb.ru

The history of the formation of martial arts on the Korean peninsula since ancient times to the end of 20th century is considered. It is disclosed that the initial information about the formation of rudimentary methods of struggle and a fist fight in Korea back to the era of the Joseon Dynasty (II c. BC.) and its conquest of China. A significant contribution to the national institute hvaran combat systems is shown, complementing the first Korean martial arts school attacks on complex arcuate path and effective technique in jumping kicks. Also the activity of General Choi Hon Hee on selection, ordering and bringing them to the modern standards of the national Korean martial art of self-defense, taekwondo, is investigated. In conclusion the development and rivalry between the two branches of taekwondo under the auspices of the World and the International Federations, which facilitated entry of the sport in the Olympics, is presented.

Key words: national combat systems; Kwan martial arts schools; wushu; Chuan Shu, taekwondo; International Olympic Committee.

ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УГРОЗ

© Илья Владимирович ДЬЯЧКОВ

Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва,
Российская Федерация, аспирант, кафедра востоковедения,
преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского
и монгольского языков, e-mail: dyachkov@naver.com

Ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП) – один из основных факторов, формирующих международно-политическую ситуацию в Северо-Восточной Азии (СВА). Она не сводится к северо-корейским ядерным разработкам и является многоплановым международно-политическим явлением. Поэтому необходим комплексный подход для выявления основных угроз и вызовов, связанных с ЯПКП.

Угроза исходящей от КНДР ядерной агрессии крайне мала. Руководство КНДР не пойдет на самоубийственные шаги, да и возможности боевого применения северокорейских ядерных разработок весьма ограничены. Однако военная стабильность в регионе превращает провокации в популярное средство международного «общения», хотя риск эскалации остается высоким. Информационный вакуум, заполняемый дезинформацией, осложняет принятие решений по ЯПКП.

Институциональный вызов также существен. Действия КНДР создают нежелательный прецедент в регионе, где соперничество интенсивно, и указывают на несовершенство международного права. Кроме того, закрепившаяся в СВА постбиполярная конфронтационная логика взаимодействия такова, что провокационные действия любых сторон могут привести к труднопредсказуемому взрыву.

Скептическая оценка перспектив урегулирования широко распространена и отчасти обоснована. Однако говорить о провале шестистороннего процесса и объявлять ЯПКП нерешаемой преждевременно. Главное препятствие урегулированию – недостаток политической воли, а не сам переговорный формат.

Однако даже в гипотетической идеальной ситуации решение ЯПКП в отрыве от остального комплекса «корейских вопросов» едва возможно. Необходимо озаботиться строительством прочной и долговечной системы мира на Корейском полуострове; Россия может существенно помочь достижению этой цели.

Ключевые слова: Корейский полуостров; международная безопасность; Северо-Восточная Азия; ядерное нераспространение; ядерная программа КНДР.

Введение

Ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП) – один из основных факторов, формирующих международно-политическую ситуацию в Северо-Восточной Азии. При анализе ее влияния на международную безопасность следует помнить, что она не сводится к одним лишь северокорейским ядерным разработкам, но является многоплановым, обладающим сложной историей международно-политическим явлением. В качестве примеров *некоторых* ее аспектов можно назвать, например:

- экономические, военно-политические и дипломатические причины обращения КНДР к ядерным исследованиям;
- дипломатическое измерение проблемы (история и перспективы урегулирования, возможность перехода от решения ЯПКП к иным проблемам региональной безопасности и др.);

– видение вопроса странами региона и место ЯПКП в их военных и внешнеполитических стратегиях, внутривнутриполитическом дискурсе.

Лишь всестороннее изучение вопроса, охватывающее наибольшее количество аспектов, позволяет прийти к верным оценкам и указать на возможные пути разрешения проблемы. Данная статья представляет собой попытку применить подобный комплексный подход для выявления основных угроз и вызовов, связанных с ЯПКП, а также рассмотрения перспектив ее разрешения.

Прежде оценки связанных с ЯПКП угроз и вызовов отделим от них гипотетические сценарии, рассуждение о которых трудно вывести в научное поле. В первую очередь, это идея о попадании северокорейских ядерных разработок в руки экстремистов: здесь, не прибегая к фантазии, сложно себе представить, среди прочего, и самих получателей,

и их целеполагание, и условия добровольной или непреднамеренной передачи. Более обсуждаемой (особенно после аварии 2011 г. на АЭС Фукусима-1 в Японии) является вероятность техногенной катастрофы, в т. ч. спровоцированной стихийным бедствием. Оставив в стороне разговоры о реалистичности такого сценария и его вариантах развития, отметим, что он не поддается полноценному осмыслению доступными автору методами истории, политологии или теории международных отношений, поскольку его корни не лежат в общественно-политической сфере.

Военно-политические угрозы

Полагаю, что угроза исходящей от КНДР военной агрессии с применением ядерных сил фактически отсутствует. Во-первых, руководство КНДР действует рационально, а такая акция не только не принесет выгоды, но и станет самоубийственной для режима. В силу правовых, моральных и военных препятствий боевому применению ядерного оружия для Пхеньяна его потенциал как средства политического давления или «разменной фишки» в дипломатическом торге значительно выше [1].

Во-вторых, даже имеющиеся в нашем распоряжении скудные технические сведения указывают, что возможности боевого применения северокорейских ядерных разработок пока весьма ограничены: средства доставки не только несовершенны, но и несовместимы с доступными КНДР ядерными устройствами.

Военный статус-кво на Корейском полуострове действительно весьма стабилен: силовое решение ЯПКИ крайне невыгодно для обеих Корей и их партнеров, поскольку может обернуться колоссальными потерями, как человеческими и материальными, так и политико-имиджевыми.

В таком случае, почему же стороны регулярно допускают акции, которые не могут не вызвать раздражение у партнеров, а иногда и направлены на это? Функциональные причины, в принципе, лежат на поверхности. Изолированная командная экономика Севера давно находится в затяжном кризисе, и Пхеньян привлекает к себе внимание международного сообщества в надежде получить продовольственную, топливную или иную помощь. Провокационные действия иных сторон порой связаны с предвыборными обязательствами и идейными соображениями различных политических групп, для которых

на первом плане находится вопрос получения краткосрочных внутрисполитических выгод, а не долгосрочные соображения международной безопасности. Так, например, с приходом Дж. Буша-младшего к власти США окончательно демонтировали режим Рамочного соглашения 1994 г. [2].

Вспомним также, что понятие «угроза» состоит из двух компонентов: реального и воспринимаемого. Последний в случае ЯПКИ нередко преувеличивается всеми участниками по разным причинам.

С одной стороны, КНДР нередко прибегает к такому искажению информации, добавляя своим символическим действиям «эффектности» и одновременно снижая затраты на их осуществление. Яркий пример северокорейской мистификации – появление макетов межконтинентальных баллистических ракет KN-08 на военном параде в Пхеньяне в апреле 2012 г., весьма алармистски воспринятое западной прессой [3].

С другой – журналисты, а порой и политики заинтересованных держав региона по незнанию или умышленно (исходя из вышеуказанных внутрисполитических соображений) преувеличивают исходящую от КНДР угрозу. Подобное нагнетание обстановки способно оказывать весьма деструктивный эффект само по себе, однако здесь оно разворачивается еще и на фоне крайнего недостатка информации (даже у специалистов), дополнительно затрудняя оценку ситуации и, как следствие, дерационализируя принятие решений.

Кроме того, само ядерное распространение, воспринимаемое как угроза, часто становится мотивацией к приобретению собственного ядерного оружия другими государствами. Популярна афористичная формулировка Дж. Шульца: «Распространение порождает распространение» («Proliferation begets proliferation») [4, p. 18]. Добавим: да, но не во всех случаях и не далеко не одно оно, иначе все государства уже обзавелись бы атомной бомбой. Факторы распространения многочисленны, несводимы к «дурному примеру» и образуют сложный комплекс.

Институциональные вызовы

Еще один вызов, создаваемый ЯПКИ, – институциональный. Во-первых, действия КНДР создают весьма нежелательный прецедент выхода из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г. и обретения военных ядерных технологий в

регионе, где военно-техническое соперничество уже сопровождается политико-экономическую конкуренцию среди сравнительно недавно укрепившихся держав.

Во-вторых, существование ЯПКП в нынешнем виде указывает на несовершенство международного права в данной области. Большинство попыток ограничить распространение политическими методами направлены на подавление т. н. ядерного «предложения» (возможности обрести ядерные технологии [5]). Это, несмотря на добрые намерения, воспринимается КНДР как создание двойного стандарта и дискриминация, а также трудноосуществимо в силу неизбежного распространения ядерных технологий, в т. ч. благодаря обмену информацией и мирному сотрудничеству в рамках режима ДНЯО. Так, Пхеньян получил технологию газографитовых реакторов типа «Магнокс», фигурировавших впоследствии в урегулировании, из открытых источников, присоединившись к МАГАТЭ в 1974 г. [6].

В то же время более сложным, но и более эффективным способом было бы снятие «спроса» на ядерную бомбу (необходимости получить ядерные технологии), в первую очередь, путем недискриминационного укрепления безопасности стран региона. Узость «предложения» не гасит желание обрести «немирный» атом и преодолевается порой даже экономически неблагоприятными державами (Китай в 1964 г.), порой в условиях информационной блокады (собственно КНДР).

Подобный план урегулирования северокорейской ядерной проблемы путем созыва международной конференции по безопасности и безъядерному статусу Корейского полуострова Россия выдвинула еще в 1994 г., в ходе первого обострения ЯПКП, задолго до превращения КНДР в ядерную державу [7, с. 451]. Однако постоянный механизм, который укрепил бы режим ядерного нераспространения в регионе и исключал вероятность развития новой межкорейской конфронтации, так и не был создан, хотя подобные мотивы звучали в урегулировании впоследствии.

КНДР же не только не увидела в имеющейся правовой базе препятствие, но и нашла, как трактовать ее в свою пользу. При этом принятая система международных санкций в силу крайней экономической и политической изолированности страны свою функцию выполнить не смогла. Кроме того, сам факт увеличения количества ядерных госу-

дарств, не включенных в систему ДНЯО, ведет к появлению «альтернативного» ядерного клуба, все же реже прислушивающегося к мнению «старых» ядерных держав [8, с. 347].

Говоря об институциональном аспекте не в правовом, а более международно-политическом плане, следует вспомнить системную причину повторения расшатывающих безопасность акций. Сложившаяся в регионе постбиполярная структура безопасности, консервирующая конфронтационную логику времен «холодной войны», и ее «традиции общения» таковы, что стороны привыкли посылать друг другу и мировому сообществу сигналы, совершая разного рода «эффектные» военно-политические действия. Несмотря на историческую обусловленность такого положения вещей, следует помнить, что каждая провокация и каждый неосторожный шаг, а также эскалационная логика приближают нас к тому, что рано или поздно система не выдержит – и это может произойти внезапно и неожиданно не только для экспертов, но и для самих участников.

Дестабилизирующие акции, к сожалению, стали структурным элементом ЯПКП. Ученые достаточно давно заметили, что жизнь ядерной проблемы подчиняется определенным циклам. Схематично такой «кризисный цикл» можно описать так: провокация – рост напряженности – переговоры – урегулирование – застой – постепенный отход от договоренностей – новые провокации. Воздействия, дестабилизирующие систему безопасности, к сожалению, характерны почти для всех звеньев цикла, даже связанных с урегулированием. На «восходящих» этапах кризиса это сознательные провокации, демарши, громкие расторжения договоренностей (с ними может выступать любая из вовлеченных сторон; к подобным действиям, помимо КНДР, прибегали, в частности, США и Япония). На этапе переговоров и урегулирования это различные попытки продемонстрировать решительность, «поднять ставки» (таким было, например, первое ядерное испытание 9 октября 2006 г.). Этап затухания кризиса характеризуются негативными воздействиями двух типов: провокации, направленные на расторжение договоренностей, и игнорирование договоренностей, ведущее к их обесцениванию.

Перспективы урегулирования

Распространившаяся в последние годы скептическая точка зрения на перспективы

урегулирования имеет основания: главный механизм – шестисторонние переговоры – простаивали уже пять лет, а позиции КНДР и США фактически подразумевали капитуляцию партнера до начала переговоров.

Тем не менее, судя по всему, завышенные требования являются скорее методом заморозки переговоров, чем ее причиной [9]. При появлении политической воли прогресс вполне возможен. Судя по заявлениям и действиям Пхеньяна (в т. ч. провокационным, привлекающим внимание), КНДР к диалогу готова давно: дело за США. Усилия Китая, недавняя встреча дипломатов КНДР и США в Лондоне (акцентированная пуском реактора в Энбене) свидетельствуют об определенном оживлении ситуации. Однако в ближайшей перспективе внутривосточные вопросы, скорее всего, отвлекут Вашингтон от участия в обсуждении.

Причины остановки шестисторонних переговоров были вполне конкретными: они успешно решили свои первые задачи, а пойти дальше не смогли из-за смены власти в РК и США, обострения межкорейских отношений [10], нежелания сторон идти на более принципиальные уступки и отвлечения участников на внутренние проблемы. Иными словами, сам формат не обладает какими-либо изъянами, препятствующими его дальнейшему использованию; наоборот, он зарекомендовал себя как эффективный. Кроме того, трудно себе представить откат к двустороннему решению уже однажды интернационализированной проблемы.

Однако даже в гипотетической идеальной ситуации вряд ли окажется возможным решение ЯПКП в отрыве от остального комплекса корейских вопросов. Как бы это ни было сложно, необходимо поэтапно переводить взаимодействие сторон в неконфронтационное русло, другими словами, развивать межкорейский диалог и сотрудничество, озабоченность строительством прочной и долговечной системы мира на Корейском полуострове, создавать многостороннюю региональную структуру безопасности. Роль помощника и стабилизатора в этом процессе вполне может сыграть Россия.

-
1. Никонов В., Толорая Г., Воронцов А. и др. Корейский полуостров: вызовы и возможности для России // Доклад фонда «Русский мир». URL: <http://www.russkiymir.ru/export/sites/default/russkiymir/ru/fund/docs/ks210910.pdf> (дата обращения: 17.11.2013).

2. Асмолов К. Проблема северокорейских ядерных разработок: история вопроса // Сеульский вестник. URL: <http://vestnik.tripod.com/articles/asmolov-nuclear-problem.html> (дата обращения: 17.11.2013).
3. Лихолетов А. Мистификации по обе стороны Тихого океана // Независимое военное обозрение. 2013. № 39 (780). С. 4-5.
4. Shultz G.P. Preventing the Proliferation of Nuclear Weapons. Washington, D.C.: U.S. Dept. of State, Bureau of Public Affairs, Office of Public Communication, Editorial Division, 1984.
5. Kroenig M. Importing the Bomb: Sensitive Nuclear Assistance and Nuclear Proliferation // Journal of Conflict Resolution. 2009. Vol. 53 (2). P. 164-167.
6. Heinonen O. North Korea's Nuclear Enrichment: Capabilities and Consequences // 38 North.org. 2011. URL: <http://38north.org/2011/06/heinonen062211> (accessed: 17.11.2013).
7. Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М., 2008.
8. Торкунов А.В. Ядерные испытания в КНДР: тактические ошибки и стратегические проблемы // По дороге в будущее / ред.-сост. А.В. Мальгин, А.Л. Чечевишников. М., 2010.
9. Сухинин В.Е. Корейский полуостров: взгляд из Пхеньяна // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1991#top (дата обращения: 17.11.2013).
10. Толорая Г. Очередной цикл корейского кризиса (2008–2010). Российские интересы и перспективы выхода из корейского тупика // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. С. 3-19.

-
1. Nikonov V., Toloraya G., Vorontsov A. i dr. Koreyskiy poluostrov: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii // Doklad fonda "Russkiy mir". URL: <http://www.russkiymir.ru/export/sites/default/russkiymir/ru/fund/docs/ks210910.pdf> (data obrashcheniya: 17.11.2013).
 2. Asmolov K. Problema severokoreyskikh yadernykh razrabotok: istoriya voprosa // Seul'skiy vestnik. URL: <http://vestnik.tripod.com/articles/asmolov-nuclear-problem.html> (data obrashcheniya: 17.11.2013).
 3. Likholetov A. Mistifikatsii po obe storony Tikhogo okeana // Nezavisimoe voennoe obozrenie. 2013. № 39 (780). S. 4-5.
 4. Shultz G.P. Preventing the Proliferation of Nuclear Weapons. Washington, D.C.: U.S. Dept. of State, Bureau of Public Affairs, Office of Public Communication, Editorial Division, 1984.

5. *Kroenig M.* Importing the Bomb: Sensitive Nuclear Assistance and Nuclear Proliferation // *Journal of Conflict Resolution*. 2009. Vol. 53 (2). P. 164-167.
6. *Heinonen O.* North Korea's Nuclear Enrichment: Capabilities and Consequences // 38 North.org. 2011. URL: <http://38north.org/2011/06/heinonen062211> (accessed: 17.11.2013).
7. *Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.I.F.* Koreyskiy poluostrov: metamorfozy poslevoennoy istorii. M., 2008.
8. *Torkunov A.V.* Yadernye ispytaniya v KNDR: takticheskie oshibki i strategicheskie problemy // Po doroge v budushchee / red.-sost. A.V. Mal'gin, A.L. Chechevishnikov. M., 2010.
9. *Sukhinin V.E.* Koreyskiy poluostrov: vzglyad iz Pkhen'yana // Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1991#top (data obrashcheniya: 17.11.2013).
10. *Toloraya G.* Ocherednoy tsikl koreyskogo krizisa (2008–2010). Rossiyskie interesy i perspektivy vykhoda iz koreyskogo tupika // *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2010. № 5. S. 3-19.

Поступила в редакцию 17.12.2013 г.

UDC 94(519)

KOREAN NUCLEAR PROBLEM: APPROACHES TO ASSESSING THREATS

Ilya Vladimirovich DYACHKOV, Moscow State University of International Relations of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation, Post-graduate Student, Asian Studies Department, Lecturer of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages Department, e-mail: dyachkov@naver.com

The Korean nuclear problem (KNP) is a major factor shaping the international situation in North-East Asia. The KNP is a complex and multifaceted international phenomenon; the DPRK's nuclear program is but one part of the picture. So there is a need in a complex approach to disclose main threats and challenges posed by the KNP and hazards some guesses about the prospects of its settlement.

The threat of a nuclear attack coming from the DPRK is extremely low. Firstly, the country's leadership acts rationally and would not commit virtually suicidal acts. Secondly, the actual combat capabilities of North Korean nuclear weapons remain quite modest. Military stability allows various political provocations to continue ceaselessly, making them a popular political tool in the region and dangerously obfuscating the risk of escalation. Disinformation aimed at overstating the North Korean nuclear threat is often disseminated unknowingly or on purpose by the parties (including the DPRK itself), hindering decision-making further.

The institutional challenge is even greater. The DPRK's example sets a dangerous precedent in a competitive region and highlights certain imperfections of relevant international laws. Besides, the conflict-oriented post-bipolar security paradigm still looming over the region is the systemic factor that has contributed to forming and exacerbating the KNP. Actions to destabilize regional security are taken by the parties during the entire 'cycle' of any Korean nuclear crisis, while positive security-enhancing initiatives are scarce and fragile.

The skeptical approach to the prospects of the issue's settlement is widespread and somewhat justified. However, it is premature to proclaim that the six-party talks have failed and the problem is unmanageable in principle. The fault lies with the lack of political will rather than the six-party format itself. However, even ideal conditions do not guarantee that the KNP can be resolved for good separately from other Korean issues. The nature of the problem requires that attempts to build peace and security on the peninsula should be comprehensive; Russia can contribute much to the cause.

Key words: Korean peninsula; international security; North East Asia; nuclear nonproliferation; DPRK's nuclear program.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© Михаил Анатольевич КАЗАКОВ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация, доктор политических наук,
профессор кафедры прикладной политологии, e-mail: kazakov_mihail@list.ru

© Ирина Валентиновна САВЕЛЬЕВА

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация, аспирант, кафедра
прикладной политологии, e-mail: Smogolevairina@mail.ru

Предложено понимание политической элиты как сравнительно естественного в своем начале социального отношения. Его специфика как особого типа разворачивается в контексте онтологических, аксиологических, социальных, политических, функциональных и других факторов в аспектах осуществления статусного признака, самоорганизации общности как субъекта политики, складывания и утверждения механизма реализации и регулирования определенных потребностей и интересов. Характер связей между элитами разных уровней власти РФ и их отношений с социальными группами, соотношение их возможностей – актуальный и принципиальный аспект институционализации элит субъектов Федерации – прослеживаются и фиксируются методами системного, институционального, структурно-функционального, стратегического анализа в сложном взаимодействии процессов. Осмысление и выработка необходимых средств реализации национальных интересов на постсоветском пространстве рассмотрены в тесной связи с процессами возникновения, становления, формирования самих элит регионов, воздействующих (с переменным успехом) как на первый ряд процессов, так и на динамику собственного воспроизводства в условиях складывающихся федеративных отношений и институтов. Исследование указанных процессов потребовало выработки рабочего определения институционализации элит субъектов РФ и национальных интересов. На основе комплексного рассмотрения внутривластной проблематики национальных интересов РФ в фокусе институционализации элит регионов анализируются научно-практические аспекты данного процесса.

Ключевые слова: властные отношения; институционализация; лидерство; политический интерес; национальные интересы; региональные элиты.

Институционализация элит в качестве понятия, употребляемого в отечественной политологии для выделения и анализа специфического властного процесса, отражающего свойства и отношения явления, восходящего к институту, складывается на рубеже XX–XXI вв. Оно меняет традицию исследования элиты как *особой социальной группы* (общности) в терминах возникновения, становления, формирования на более адекватные ее логике развития и организации в настоящих отношениях политические категории. Это соотносится с используемым в современной политической науке термином *институционализация*:

- 1) установление, учреждение каких-либо новых общественных институтов;
- 2) правовое и организационное закрепление тех или иных отношений.

Соответственно, *институционализация региональных элит РФ* – это процесс установления особого типа властных отношений, согласительный и рефлексивный харак-

тер которого на начальном этапе, сменяясь затем нормативным регулированием связей управляющих и управляемых, приводит к закреплению социально-организованного субъекта политической деятельности, ориентирующего поведение людей территориального сообщества на определенные правила.

Не следует упускать из вида и то, что из конкретных технологий управления конфликтом (в данном случае в отношениях между центром и регионами, развивающимися в РФ в 1990-е гг.) большое распространение в современных условиях получил прием институционализации. Его возможности тем шире, как показывают практики не только России, но и политических систем Запада, чем четче в приоритетах власти стабильность ставится выше ее открытости. Это предполагает, «что институализация должна опережать политическое участие и что легитимным является только институтированное участие. ...Ограничивать конкуренцию во имя стабильности и предсказуемости результатов

политического процесса значит лишать общество важнейшей информации о его новых потребностях и ограничивать политическое творчество тех, кто ориентирован на них» [1, с. 257-258].

Уже эти положения показывают, что понятие институционализации элит неразрывно переплетено с феноменом власти. Его проявления в современном обществе, облекаясь в формы эффективности или неэффективности, связаны с изменениями в когнитивном, ценностном и даже эмоциональном восприятии социальной жизни, ее организации, и зависят от того, насколько в представлении граждан они оказываются таковыми. Проблемы (не)эффективности власти, таким образом, соотносятся с проблемами ее легитимности и в отчетливом виде вызовов предстают перед обществом и его элитой.

Чтобы использовать словосочетание «институционализация региональных элит» в качестве термина и инструмента анализа, потребовалось выработать рабочее определение политической элиты (региона) с учетом запросов как исследуемых процессов, так и их контекста. В связи с чем оно представило в следующем виде. *Региональная политическая элита – сложно интегрированная структура социально-политических ценностей, связей и отношений, носителем которой является самовоспроизводящаяся доминирующая общность. Она состоит из специализированных групп (иерархий), концентрирующихся на принятии ключевых решений, продуцировании политических ценностей и непосредственном осуществлении функций управления в социально-политических границах региона, что материализуется в системе институтов контроля, влияния и преемственности руководства.*

Институционализация региональных элит РФ в качестве научно рефлекслируемой проблемы имеет социальные основания и собственные теоретико-методологические (междисциплинарные) платформы изучения. Их понимание меняется при переходе от одного культурного контекста к другому и, прежде всего, касается адекватного (пере)осмысления вклада отечественных и зарубежных исследователей, как классиков, так и современников, заложивших различные подходы и интерпретации политических институтов и, как следствие, институционализации элит.

Правда, среди них, как справедливо заметил М. Доган, некоторые из американских теорий оказались «не валидными» при проверке в других национальных условиях. Но само знание их конструктива (как в случае с первым Президентом США Дж. Вашингтоном, понимавшим, по словам С. Липсета, что его вклад в упрочение нового государства заключается в том, чтобы дать последнему время установить правление людей, руководствующихся законом) отражает как естественный рост элитологии в общей теории политики, так и включение в ее ареал исследований посткоммунистических и постсоветских стран, что привело к большей дифференциации уровней политических отношений, процесса и в этом ракурсе его субъектов – федеральных, региональных, муниципальных элит и лидеров – по степени их консолидации и интеракции.

Институт политического лидерства – неотъемлемый элемент институционализации элит, адресно посылающий этому процессу регулирующие импульсы и наоборот. Утверждение о том, что элита – социальная база и объект репрезентации лидеров, справедливо лишь по отношению к стабильному состоянию общества. Обычно же элитарный статус обретает та общность или группа внутри нее, которая, как отмечал М. Нарта, становится базой выдвижения субъекта лидерства и распространяет на себя его полномочия (влияние) по отношению к другим структурным образованиям общества.

Институционализация элит в национально-государственном масштабе переходного социума связана как «с принципиальным общественным переустройством, так и с возникновением новых общественных потребностей и становлением отношений, взаимодействий по их удовлетворению, а также появлением индивидов и групп, осуществляющих эти взаимодействия» [2, с. 52]. Чуть позже А.В. Дука «сам себя» уточнил: «Под институционализацией элит здесь будут пониматься процессы становления властных групп, возникновения и поддержания устойчивых практик этих групп и норм их регулирования по авторитетному распределению общественных ресурсов, структурированию общественной жизни и собственного воспроизводства. Такое понимание основывается на представлении институтов как рутинной структурированной... деятельности, предполагающей определенность взаимодействия

индивидуальных и коллективных акторов» [3, с. 25].

В отечественной политологии, особенно на фоне нереализованных возможностей федеративного устройства России, данная проблема по-разному актуализировалась, и особым образом артикулировалась как элитами территорий, так и центром в черед периодов 1990-х гг. по текущий момент. Современный политический анализ исходит из сопряженности пространственных и политических категорий, важных своей однозначностью. В таком ракурсе исследования политических процессов на уровне субъектов РФ (ныне – городов и этносов) рассматриваются как вклад в понимание международно-политических феноменов и коммуникаций, таких как власть, демократия, политическое управление, восходящих «снизу вверх», где реальной, совместимой с демократией альтернативы федерализму в России нет. Это означает, что современная модель институционализации элит страны является не описательной, а практически-ориентированной не просто на смену практик, а мышления и элит, и масс.

Она исходит из комбинации факторов и заданных обстоятельств в рамках действующего государства с его стратегическими приоритетами. Обращена к тем системам современного общества, которые могут быть модернизированными (как та же элита) и потому способными к *коллективному созданию солидарного сообщества граждан РФ*. То, что эти процессы в России с трудом, но идут, свидетельствует: спрос на обратную связь общества и государства в стране и мире растет. Более того, в сфере государственного управления запрос на проведение *эффективной внутренней политики* РФ уже вызрел, и модели институционализации элит в этом контексте могут формировать ориентиры и тематику общественных дискуссий, и в этом смысле данный текст с его научно-образовательными задачами вполне «вписывается» в их логику.

Однако прежде чем ставить вопрос о критериях, которые вытекают из них и позволяют судить о действенности институционализации элит субъектов РФ в виде инструментов, нельзя обойти вниманием отдельные фрагменты ее предистории, рассмотрев их сквозь призму такого сложно объективного основания, как *национальные интересы*. Это никоим образом не исключает, что содержание утверждения особого

типа властных отношений, приводящего к закреплению социально-организованного субъекта политической деятельности, реализуется через политический интерес. Напротив, он не только конкретная цель политического действия, но и условие возникновения, формирования национальных интересов, критерий прогрессивности и эффективности усилий их носителей, оказавшихся способными представлять интересы широких слоев, страны.

Национальные интересы формируются в несовпадающих полностью между собой социальных и политических структурах, существует сложнейшая взаимосвязь индивидуальных и групповых (в т. ч. политических) интересов самого различного порядка. Соотношение этих интересов, их взаимодействие и конкуренция создают как устойчивое равновесие внутри общества, так и некоторые договоренности, или «правила игры», позволяющие стране и государству (как ее политической организации) достигать реализации своих стратегических целей, не нарушая одновременно и внутреннего баланса, и занимаемого положения во внешнем мире. Национальные интересы, таким образом, следует первично понимать «как обусловленные внутренним и международным положением страны потребности личности, общества и государства, осознанные и сформулированные на уровне высших органов государственной власти» [4, с. 13].

Современная властная элита, используя роль и объединительное значение этого комплекса и представ «репрезентативным сообществом», стала «моделью целого в массивизирующемся социуме» [5, с. 29], признавшем за ней право определять политический курс. Как его основание национальный интерес выступает в качестве показателя определенности внешней и внутренней политики. Анализ имеющихся в литературе его трактовок позволяет сделать вывод о целесообразности в их обобщении следовать системному подходу. Исходя из чего *национальные интересы – это система осознанных потребностей личности, общества и государства в устойчивом и безопасном развитии*.

Процесс реализации национальных интересов, как минимум, включает в себя: а) формулирование национальных интересов; б) определение целей; в) выбор средств и способов достижения; г) внесение корректив и т. д. Он обеспечивается соответствующей

нормативно-правовой базой и разнообразием средств, высококвалифицированными кадрами руководителей, технологов, исполнителей, участвующих в осуществлении комплексных целевых программ и приоритетных проектов. Процесс реализации национальных интересов связан не только с существующим миропорядком, геополитическим и экономическим положением страны, борьбой за ресурсы (в силу чего строятся различные перспективы национальных интересов), но и со способностями наций и их элит, оказывающих реальное влияние на принимаемые политические решения.

Осознание и формулирование национальных интересов России в постсоветский период прошло определенную эволюцию, обусловленную как кризисным по всем параметрам положением страны (общества), так и состоянием элиты, свойственным этапам ее институционализации, конечная фаза которой еще не достигнута, поскольку сложившийся институт элиты как результат институирования особого типа властных отношений во многом определяется устойчивым обликом самого социума. Наилучшим вариантом его достижения является избегание социально-политических потрясений, чему способствуют и процессы институционализации элит и лидеров. Тем более в тех странах, где принята федеративная форма государственного устройства, но лишь формируются условия, которые определяются понятием *стабильной демократии*.

Институционализация элит регионов в процессе реализации национальных интересов России имеет свои особенности и хронологию, определяемые обстановкой, пределами компетенции региональной и федеральной властей, сменой форм и механизмов их функционирования, взаимодействия в ходе политического процесса РФ. Распространение проблемного поля исследования на эту конкретную общность подчеркивает необходимость уточнения статуса и трех уровней анализа функций элит (микро-, мезо- и макроуровня), дифференциацию последних на ролевые, системные, институциональные.

Элиты субъектов Федерации являются одновременно составной частью общегосударственного механизма власти и ключевым элементом регионального политического пространства. В конструировании себя в виде этой данности, порожденной напряжением между указанными доминантами, они и

проявляют себя в качестве субъекта как политического процесса России, так и более специфических его разновидностей. Они выступают носителями культуры иерархизации федеративного государства и новой культуры его безопасности, продуцирующие в своей основе осмысление новых ценностей, источников опасности, механизмов и форм изменений, политической динамики, со времен В. Парето и П.А. Сорокина связываемой с циркуляцией элит.

Статус элит субнационального уровня в современном федеративном государстве характеризуется: а) наличием у них определенных коммуникационно-технологических возможностей – способностей к взаимодействию с центром, обеспечению горизонтальных отношений между собой и подобными структурами во внешнем мире; б) зависимостью от переменной местной поддержки и паритетом национальных / региональных интересов – быть их представителями и выразителями; в) институционализированной связью между населением и федеральным центром; г) реализацией общенационального курса в субъекте Федерации. Они имеют орган регионального представительства (в РФ – Совет Федерации), располагают конституционно закрепленной компетенцией региональных органов власти (органов власти субъекта Федерации).

В целом, по положению и ресурсам, это своеобразный элемент новой институциональной структуры уже в силу специфики организации политической власти в регионах и значения их элитных групп, способных правильно соотносить и влиять на изменения, происходящие в центре и на местах. Особый интерес вызывает вопрос о качестве их институционализации и миссии в процессе реализации национальных интересов РФ в первое десятилетие нового века.

Анализ трендов первого президентского срока В.В. Путина показывает: политический интерес лидирующей группы – объективное основание властных отношений в процессе институционализации региональных элит РФ. Их специфика во многом определяется необходимостью подтверждения «первым» субъектом своего права на лидерство и своеобразным способом его институирования, включающим формально-юридическую легитимацию себя и элит мезоуровня по «своему образу и подобию». Это согласуется с тем, что главной особенностью положения

элит в федеративном государстве является его зависимость от характера взаимоотношений между уровнями власти. Но особое напряжение создает то, что постоянная трансформация государственности отражается в перманентно переходном состоянии региональных элит РФ.

Основной функцией, или даже миссией элиты в переходном политическом процессе, является снижение неопределенности в обществе, его стабилизация и сплочение. Однако их буквальное воплощение с опорой на складывающиеся в тот период России различные корпорации (власти, бизнеса и пр.), с большими издержками отразилось на другом аспекте институционализации и лидерства и элит, а именно, их духовно-нравственной легитимации. Народ авансировал им признание, но часть элит стала паразитировать на нем, чем заслужила недовольство масс в виде недоверия практически всем институтам власти. Причем в регионах его градус выше, но нет «ни адекватной организации, ни каналлизации», кроме как обращений к президенту.

К началу правления Д.А. Медведева начала складываться долгосрочная стратегия развития. Ее прототипом можно считать практику реализации приоритетных национальных проектов (ПНП) как поискового элемента обеспечения национальных интересов РФ [6, с. 254]. Она способствовала усилению внутренних акцентов национальных интересов посредством проведения целенаправленной социально-экономической политики. Но грянул кризис 2009 г., который стал величиной, проверяющей правильность принятых решений.

Он обнажил не только дефекты концентрации коррумпированной части власти, слабость институтов управления, опасность социального расслоения, экономического и технологического отставания страны, но и собственно *целостность государства* при таких (и других) составляющих, контролировать которые становится практически невозможным. Административные мощности работают на пределе своих возможностей, а увеличить их система «ручного управления» не может. Именно в связи с этим возник дискурс модернизации, призывы к «деоффшоризации» и «национализации» элит. В их институционализации наметились симптомы перемен.

Выяснилось, что при действующей модели государственного управления выполне-

ние элитами субъектов Федерации даже своей созидательной функции носит усеченный характер [7]. Так как они лишь проводники, «транзитеры» идей центра, и, соответственно, национальные интересы даже в виде требуемых программ и проектов должны не только восприниматься, но и исполняться директивно, в русле запущенных федеральных трендов. Это свидетельствует о почти полной утрате элитами территорий своей собственно федеративной субъектности, что признается одним из промежуточных результатов их институционализации.

Обозначившаяся было на волне самоорганизации гражданского общества дилемма «нового транзита» региональных элит разрешилась сама собой с «возвращением» на пост президента национального лидера. Продолжение структурных, нормативных преобразований в системе государственной власти и местного самоуправления и, в частности, связанных с разворачиванием регламентов и практик оказания государственных и муниципальных услуг, обрело былую «командность» и исполнимость задач в тех параметрах и с теми темпами, которые были заданы майскими указами Президента РФ.

Но адекватного задачам стратегического развития импульса институционализация элит регионов не получила. Направление перемен идет как из общества в виде запроса на усиление федеральной роли региональных элит, в т. ч. посредством введения прямых выборов мэров, губернаторов и по одномандатным округам в обе палаты ГД и ниже, так и из науки, где оно видится в изменениях «правил игры», по которым действуют политические институты.

Формирование деятельной творческой личности (гражданина и патриота), модернизационной (ценностно-рациональной) элиты вкуче с социальным запросом на модернизацию и становление на этой основе «общества развития» (модерна) и «государства развития» оказываются как раз теми ориентирами, которые и определяют, по мнению ряда политологов, перспективы России в мире XXI в. «Российским гражданам необходимо через политические реформы укрепить государство, но при этом задать политикам и бюрократам правильную мотивацию, а государство, в свою очередь, становится движущей силой, «способной изменить мотивацию экономических агентов и одновременно стать фокусом модернизации» [8, с. 96]. Таким образом,

скорректировать и оптимизировать практики институционализации элит может воля народа, сообществ территорий как проявление их собственного достоинства.

1. Панарин А.С. Политология. М., 2000.
2. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / под ред. А.В. Дуки. СПб., 2001.
3. Дука А.В. Институционализация и социальное дистанцирование властных элит // Власть, государство и элиты в современном обществе: сборник материалов второго Всероссийского научного семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки, В.П. Мохова. Пермь, 2005.
4. Беляева Е.С. Процесс реализации национальных интересов России на постсоветском пространстве: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2007.
5. Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблемы «элиты» в современной России. М., 2007.
6. Казаков М.А. Национальные интересы России и становление новой субъектности региональных элит // Центр и властная вертикаль: российская политическая традиция: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) / под общ. ред. В.И. Коновалова. Ульяновск, 2009.
7. Нижегородская область и Нижний Новгород в 2008–2015 гг.: основные тенденции и прогнозные гипотезы. Аналитический доклад / под ред. А.В. Дахина. Н. Новгород, 2013.
8. Бусыгина И., Филиппов М. Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски. М., 2012.

1. Panarin A.S. Politologiya. M., 2000.
2. Regional'nye elity Severo-Zapada Rossii: politicheskie i ekonomicheskie orientatsii / pod red. A.V. Duki. SPb., 2001.
3. Duka A.V. Institutsionalizatsiya i sotsial'noe distantsirovanie vlastnykh elit // Vlast', gosudarstvo i elity v sovremennom obshchestve: sbornik materialov vtorogo Vse-rossiyskogo nauchnogo seminaru "Sotsiologicheskie problemy institutov vlasti v usloviyakh rossiyskoy transformatsii" / pod red. A.V. Duki, V.P. Mokhova. Perm', 2005.
4. Belyaeva E.S. Protsess realizatsii natsional'nykh interesov Rossii na postsovetском prostranstve: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. N. Novgorod, 2007.
5. Gudkov L., Dubin B., Levada Yu. Problemy «elity» v segodnyashney Rossii. M., 2007.
6. Kazakov M.A. Natsional'nye interesy Ros-sii i stanovlenie novoy sub"ektnosti regional'nykh elit // Tsentr i vlastnaya vertikal': rossiyskaya politicheskaya traditsiya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) / pod obshch. red. V.I. Konvalova. Ul'yanovsk, 2009.
7. Nizhegorodskaya oblast' i Nizhniy Novgorod v 2008–2015 gg.: osnovnye tendentsii i prognoznnye gipotezy. Analiticheskii doklad / pod red. A.V. Dakhina. N. Novgorod, 2013.
8. Busygina I., Filippov M. Politicheskaya modernizatsiya gosudarstva v Rossii: neobkhodimost', napravleniya, izderzhki, riski. M., 2012.

Поступила в редакцию 12.12.2013 г.

UDC 32.001(075.8)

INSTITUTIONALIZATION OF REGIONAL ELITES IN THE PROCESS OF REALIZATION OF NATIONAL INTERESTS OF MODERN RUSSIA

Mikhail Anatolievich KAZAKOV, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor of Applied Politology Department, e-mail: kazakov_mihail@list.ru

Irina Valentinovna SAVELYEVA, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russian Federation, Post-graduate Student, Applied Politology Department, e-mail: Smogolevairina@mail.ru

The understanding of the concept laid the political elite as a relatively natural in his early social relations is offered. Its specificity as a special type deployed in the context of ontological, axiological, social, political, and other functional aspects of the factors in the status indication, as the subject of self-organization of community policies, folding and approval mechanism for the implementation and management of the specific needs and interests. Nature of the relations between the elites of different levels of RF power and their relationship with social groups, the ratio of their opportunities – current and fundamental aspect of the institutionalization of the elite of the Federation. It is traced and fixed by systemic, institutional, structural-functional, strategic analysis methods in complex interaction processes. Conceptualization, formulation and development of

the necessary means to implement the national interests of the former Soviet Union are considered together with the processes of emergence, formation of regional elites themselves acting (with varying success) as the first set of processes and the dynamics of its own reproduction in conditions prevailing federal relations and institutions. The research of these processes required institutionalization of development of a working definition of the elite of Russian regions and national interests. Based on a comprehensive review of the political problems in Russia's national interests in the focus of elites regions institutionalization, the scientific and practical aspects of the process are analyzed.

Key words: relations of power; institutionalization; leadership; political interest; national interests; regional elites.

ПРАВО

УДК 340

КЛАССИФИКАЦИЯ И ИЕРАРХИЯ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ТЕОРИИ ПРАВА

© **Нина Сергеевна ЦИНЦАДЗЕ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
доцент кафедры гражданского права, e-mail: NinaTsintsadze2010@yandex.ru

На основе изучения теоретико-правовой литературы советского и новейшего времени исследуется проблема видов и иерархии правовых ценностей. Рассматриваются взгляды сторонников утилитарной и абсолютно-ценностной концепции аксиологии права. Отмечается, что любая классификация, в т. ч. и правовых ценностей, условна, поскольку правовые ценности синкретичны, подвижны и историчны; выбор критерия для классификации и градации правовых ценностей зависит от типа правопонимания.

Поддерживается подход С.С. Алексеева о делении правовых ценностей на ценности правовой системы и отдельных ее отраслей, которые, в свою очередь, существуют в качестве ценностей частного и публичного права. Иерархия ценностей права представлена главными и второстепенными ценностями. К главным правовым ценностям отнесены такие базовые идеи-концепты, как право, отрасль права, институт права, правовые принципы, закон, законность, правопорядок, правовая стабильность, эффективность права и пр. Делается вывод о том, что иерархия и градация ценностей государства и права – объективная и точная характеристика формы государства и права любой страны; подчеркивается единство государственно-правовых ценностей.

Ключевые слова: теория государства и права; аксиология права; теория ценностей; правовые ценности; классификация правовых ценностей; иерархия правовых ценностей; отраслевые правовые ценности.

Система права базируется на определенной иерархии ценностей, которая задает основное направление для правоприменения и правового поведения субъектов общественных отношений. Успешному теоретическому осмыслению проблемы правовых ценностей в немалой степени способствует их научно обоснованная классификация и иерархия, позволяющая постичь онтологическую сущность права, определить место ценностей права в структуре иных социальных ценностей. Любая классификация, в т. ч. и правовых ценностей, условна, поскольку правовые ценности синкретичны и подвижны. Иерархия правовых ценностей строится по различным критериям. В их качестве выступают потребности, интересы, цели индивида, общества и государства, на основе которых они формируют свое отношение к ценностям, соотносят их, выстраивают по значимости. В аксиологии права, как и в целом в теории

аксиологии, сложилось множество подходов к классификации правовых ценностей. Их разнообразие определяется социо-политическими, философскими, теоретико-правовыми взглядами их авторов.

В советской теории права доминировала общеправовая теория ценностей, предложенная в середине 1960-х гг. В.П. Тугариновым. Ученый выделял ценности жизни и ценности культуры, последние подразделял на материальные, социально-политические и духовные ценности; наличные (экзистенциальные), целевые и нормативные, последние делил на просто нормативные и идеальные; общественные и личные ценности [1, с. 28-29, 35-36]. В соответствии с таким подходом в аксиологии права была сформулирована утилитарно-потребностная концепция правовых ценностей, которые обуславливались человеческими интересами и потребностями [2].

Н. Неновски, сторонник указанного подхода, считал, что «ценностными критериями в сфере права являются общественные интересы и потребности, идеально осознанные и переработанные как принципы, цели и идеалы». При этом они исторически обусловлены [3, с. 152, 154]. Ценностные критерии находятся в оценивающем субъекте. Системе правовых ценностей соответствует система правовых норм [3, с. 181, 183]. Отмечая многообразие оснований для классификации правовых ценностей, ученый особо выделял группу основных ценностей, среди которых он называл человека [3, с. 184]. Иерархизация правовых ценностей, по мнению Н. Неновски, вначале происходит в правосознании, затем закрепляется в законе, потом объективизируется в правовом поведении. Закрепление правовых ценностей в законе осуществляется по иерархическому принципу: главные из них закрепляются в законах высшей юридической силы, менее важные – в нормативных актах рангом ниже [3, с. 186]. В соответствии с таким подходом правоведа выделял ценности-цели и ценности-средства, обеспечивающие достижение первых. Помимо этого он различал существующие (экзистенциальные, наличные) и целевые ценности, последние делил на ценности-идеалы, ценности-желания и ценности-обязанности [3, с. 187, 206]. По убеждению Н. Неновски, право как нормативная система представляет собой ценность-средство, а отдельные элементы права (принципы, институты и пр.) – ценности-цели [3, с. 220].

В начале 1970-х гг. в противовес инструментально-утилитарной концепции права С.С. Алексеевым была выдвинута концепция собственной ценности права, где ядром являлся человек и его права свободы. Новизна и значимость его подхода заключалась в признании за правом его самостоятельной, внутренней, абсолютной ценности, что дало импульс последующим исследованиям в этом направлении [4]. Классик теории права высказал суждение о существовании ценности правовой системы в целом и отдельных ее отраслевых режимов [5]. Этот посыл стал конкретизироваться в исследованиях ценностей отдельных отраслей права, преимущественно публично-правовой сферы. Так, изучая отраслевую ценность советского уголовного права, А.В. Кузнецов выделял реальные и

идеальные правовые ценности. Все правовые ценности он считал относительными, т. к. не рассматривал право в качестве универсального средства решения проблем [6]. В постсоветское время интерес к ценности отраслей права вновь усилился, что было отмечено появлением ряда работ преимущественно в сфере аксиологии конституционного права [7–11].

На проблему научного осмысления классификации и ранжирования правовых ценностей обратил внимание В.В. Лазарев на симпозиуме, посвященном политико-правовым ценностям, прошедшем в Институте государства и права РАН в 1997 г. Ученый считает обоснованным выделение вечных и переходящих ценностей права [12, с. 85].

Сторонник конструктивной аксиологии А.Н. Бабенко по своему содержанию выделяет абсолютные правовые ценности, или ценности-цели, имеющие общее для всех наивысшее значение; правовые ценности среднего уровня, определяющие степень развития и тип правовой культуры общества и личности, а также инструментальные правовые ценности, используемые для урегулирования и построения конкретных правоотношений и предполагающие защиту иных типов ценностей. Как считает ученый, типология разновидностей ценностных иерархий в зависимости от доминирования тех или иных правовых ценностей предполагает: этатистскую (доминирование ценности государства и уравнительности); либеральную (приоритет ценности свободы); утилитарную (первоочередное восприятие инструментальных ценностей); равновесную (правовые ценности гармонично взаимодействуют, выступая в своем формально-правовом выражении) [13, с. 12].

В рамках авторской коммуникативной теории права А.В. Поляков выделяет эйдети́ческие и социокультурные правовые ценности. Под эйдети́ческими правовыми ценностями юрист понимает ценности самого права, прежде всего, субъективные права. Они имеют конкретное социокультурное значение в разных обществах, раскрываются в специфических для них ценностях [14, с. 219–220, 228]. С подобным подходом к классификации ценностей права солидаризируется Н.А. Гущина [15, с. 121].

По мнению О.В. Мартышина, все ценности делятся на универсальные и прикладные.

Государство и право являются наиболее общими правовыми ценностями. Помимо них есть и специальные правовые ценности, обеспечивающие отдельные аспекты государства и права: равноправие, права человека, демократизм, законность, презумпция невиновности в правосудии и т. п. Они являются правовым преломлением универсальных ценностей, таких как свобода, равенство и т. п., их юридической формой [16].

И.В. Фабрика, основываясь на том, что ценности обычно подразделяются на первичные и вторичные, основные и инструментальные, право в целом относит к ценностям вторичным и инструментальным. Первичными, основными ценностями являются жизнь, свобода человека, собственность, честь и достоинство. В самом праве исследователь выделяет ценности позитивного права и ценности естественного права. Она подчеркивает важность некоторых социальных ценностей, которые с течением времени приобретали характер правовых ценностей – это свобода, равенство, справедливость, мир. Наряду с ними, как считает И.В. Фабрика, существуют и специфические правовые ценности общего значения, такие как идея права, идея стабильной законности и т. д. Эти ценности одновременно являются идеалами и реальной человеческой практикой. В качестве правовых ценностей они имеют вид юридических прав и свобод личности в ее индивидуальных и коллективных проявлениях. В своей диалектической сущности они обрисовывают человека как высшую ценность. Человек есть центр, средоточие всех ценностей и сам является ценностью в последней инстанции [17].

В рамках аксиологического подхода С.В. Михайлов, с некоторой долей условности, выделяет три блока ценностей: «абстрактные ценности» – свободу, справедливость, равенство, демократию, правопорядок; «основные (высшие) ценности», под которыми понимается человек и те ценности, которые с ним неразрывно связаны и опосредованы его неотъемлемыми правами (жизнь, здоровье, честь, достоинство); «специальные ценности», которые, будучи в своем большинстве опосредованы также его правами, охватывают безопасность, частную собственность, свободу вероисповедования и т. п. Кроме того, правовые ценности юрист подразделяет на ценности-принципы, основопо-

лагающие начала, модели общего и специального характера, являющие собой основные критерии оценки юридических явлений на предмет их соответствия ценностям права, закрепленные, как правило, в конституциях государств; ценности-правила, выражающие при определенных условиях разрешение или требование совершить или воздержаться от совершения правомерного или неправомерного поступка, содержатся в кодексах и иных нормативно-правовых актах; ценности-процедуры выражают официально установленный, предусмотренный правилами способ и порядок действий в процессе формирования правоотношения, разграниченный по кругу лиц и по видам регулируемых отношений [18, с. 19].

В зависимости от типов правового регулирования и соответствующих им частей современной правовой системы исследователь также выделяет правовые ценности конституционного, частного и публичного, а также социального права. К принципиально значимым и основополагающим правовым ценностям, по мнению С.В. Михайлова, относятся конституционные, международно-правовые, гражданско-правовые и трудовые ценности. Правовед также предлагает разделить ценности права в зависимости от сферы действия на три группы: правовые ценности как специфическое выражение ценностей общего характера (например, свобода, справедливость, законопослушание); правовые ценности, определяющие сущность и содержание законов, регулирующих разные сферы жизнедеятельности общества (законность, легитимность и т. д.); институционализированные правовые ценности, т. е. существующие в виде различных социальных институтов (адвокатура, суд, правоохранительные органы и т. д.) [18, с. 20]. Четко проводя различие между идеальными и реальными ценностями, С.Н. Лебедев выделяет три группы правовых ценностей: ценности-идеалы, ценности-цели и ценности-средства [19].

В общеправовом смысле В.Н. Жуков выделяет уникальные и общезначимые, национальные и общечеловеческие; абсолютные и относительные; позитивные и негативные ценности; ценности природы и ценности культуры. Право и государство исследователь относит к общепризнанным, в формальном смысле – к общезначимым, в материальном – к уникальным ценностям [20, с. 27-29].

По сфере человеческой деятельности ученый выделяет юридические ценности, которые делятся на базовые ценности – государство и право, и производные – явления политико-правовой действительности [20, с. 30]. При этом такие ценности, как справедливость, равенство и свобода, В.Н. Жуков признает в качестве этических, которые приобретают юридический характер только в контексте государства и права. Фундаментальной ценностью ученый считает жизнь [20, с. 31].

По мнению М.В. Осиповой, иерархия юридических ценностей обусловлена иерархией социальных ценностей. Исследователь проранжировала правовые ценности, выделив вначале правовые принципы и правовые состояния, обеспечивающие благоприятную среду удовлетворения потребностей и реализации интересов субъектов; затем – субъективные права и юридические обязанности как средства, непосредственно используемые субъектами для реализации своих потребностей; наконец – юридические средства обеспечения результата удовлетворения потребностей, включая средства юридической защиты. Системообразующим и формально закрепляющим компонентом в предложенной иерархии является право [21, с. 8].

В последнее время в теоретико-правовой литературе появилось скептически-нигилистическое отношение к целесообразности классификации ценностей права. Так, Е.В. Сидорова, не отрицая наличие и необходимость для права ценностей, считает нецелесообразным их классифицировать и ранжировать. Правовые ценности, согласно ее взглядам, абсолютны, незаменимы, что не позволяет их сравнивать и сопоставлять между собой. Ценности права равнозначны и выражаются друг через друга [22, с. 26].

В.П. Малахов считает, что все правовые ценности абсолютны, представляют собой некую данность правосознания, объект рефлексии. При этом, по мнению ученого, в современной системе права отсутствуют ценности, а есть лишь ценение как правовой способ организации жизни людей. Иерархия ценностей права, согласно взглядам В.П. Малахова, уничтожает его моральную основу и само право. Право является ценностью в целом, а не в частностях – элементах правовой системы. В конечном итоге юрист подчерки-

вает религиозно-трансцендентную сущность права и его ценностей [23, с. 100-104].

Итак, ценностную систему в области права можно сравнить с пирамидой, в верхней части которой расположены правовые цели и идеалы, а в нижней – обширная и развитая система юридических прав и обязанностей, различных предписаний, постановлений, запретов. Пирамида правовых ценностей отражает иерархичность всей государственно-правовой системы. Правовые ценности как часть универсального социального регулятора – права – являются результатом социального компромисса. Считаем верным мнение В.Н. Жукова о том, что «классификация ценностей – это всегда мировоззренческая позиция» [20, с. 25]. Однако в независимости от индивидуальных и коллективных убеждений, неизменными социальными ценностями, облеченными в правовую форму, должны быть человек и его жизнь, справедливость, равенство, свобода, мир. В последнее время особую актуальность приобрела ценность безопасности. При этом базовыми, системообразующими правовыми ценностями являются, безусловно, государство и право.

Выбор критерия для классификации и градации правовых ценностей зависит от типа правопонимания [24], а также от разделяемой исследователем теории ценностей (потребностно-утилитарная и абсолютная). Классификацию правовых ценностей, на наш взгляд, необходимо расширить и дополнить государственными ценностями, рассматривая целостный феномен государственно-правовых или юридических ценностей. Правовые ценности всегда историчны, привязаны к конкретной эпохе, государству. Оно же определяет иерархию правовых ценностей общества. В России исторически сложился приоритет ценностей государства над ценностями права. При этом изучать иерархию ценностей в переломные, переходные этапы развития государства и общества очень сложно: социально-ценностная структура находится в трансформации. Принимая во внимание, что юридические ценности являются частью духовных, социальных ценностей, их необходимо рассматривать в контексте этических, эстетических, политических, философских и иных ценностей, что позволит изучить их в едином социокультурном пространстве.

На наш взгляд классификация именно правовых ценностей должна быть предельно ясной и лаконичной, не слишком дробной. В этом смысле обоснованным и научно жизнеспособным может стать выделение, исходя из структуры права, ценностей правовой системы и ценностей отраслей права. Первые являются главными, вторые – производными. По нашему мнению, при иерархизации ценностей права и государства необходимо избегать таких понятий, как «абсолютные», «универсальные», т. к. ценностная структура – «тонкая материя», обусловленная историческим, идеологическим, цивилизационным контекстом. Например, ценность правового государства в странах западной и восточной культуры понимается по-разному: для первых она органична, для вторых – чуждая на уровне менталитета. В пределах даже одной страны эта ценность воспринималась неодинаково: например, в СССР она не считалась абсолютной, в современной России – возведена в ранг ценности-идеала.

Такие ценности, как свобода, равенство и справедливость, по нашему мнению, являются социальными, а не правовыми. К главным правовым ценностям необходимо отнести такие базовые идеи-концепты, как право, отрасль права, институт права, правовые принципы, закон, законность, правопорядок, правовая стабильность, эффективность права и пр. Безусловно, этот перечень не претендует на исчерпанность и однозначность понимания. Отраслевые правовые принципы – предмет отдельных всесторонних исследований. Целесообразным с точки зрения теории права было бы разделение их на ценности частного и публичного права.

В настоящее время дискуссионная проблема классификации правовых ценностей все еще не решена по существу. Теоретико-методологическая необходимость определенной, разделяемой большинством научного сообщества классификации правовых ценностей определяется тем, что она позволит глубже и всесторонне постигнуть закономерности правовых явлений и процессов в конкретно исторические периоды, проникнуть в социомеханику восприятия ценностей права его субъектами, определить адекватность нормативно закрепленных ценностей социальным запросам, эффективность государственно-общественного диалога в этой

сфере. В конечном итоге, иерархия и градация ценностей государства и права есть объективная и точная характеристика формы государства и права любой страны.

1. *Тугаринов В.П.* Теория ценностей в марксизме. Л., 1968.
2. *Рабинович П.М.* Социалистическое право как ценность. Львов, 1985.
3. *Неновски Н.* Право и ценности. М., 1987.
4. *Алексеев С.С.* Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971.
5. *Алексеев С.С.* Структура советского права. М., 1975.
6. *Кузнецов А.В.* Уголовное право и личность. М., 1977.
7. *Крусс В.И.* Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 7-14.
8. *Зорькин В.Д.* Аксиологические аспекты Конституции России // Конституционные ценности в теории и судебной практике: сборник докладов. М., 2009. С. 7-20.
9. *Автономов А.С.* Ценность Конституции // Государство и право. 2009. № 3. С. 5-11.
10. *Семенов А.В.* К вопросу о ценностной природе конституционных норм // Конституционное право России: межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2010.
11. *Маврин С.П.* Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 3. С. 1-13.
12. *Лаптева Л.Е.* Политико-правовые ценности: история и современность (симпозиум) // Государство и право. 1997. № 7. С. 84-86.
13. *Бабенко А.Н.* Правовые ценности и освоение их личностью: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 2002.
14. *Поляков А.В.* Общая теория права. СПб., 2001.
15. *Гущина Н.А.* Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика. СПб., 2003.
16. *Мартышин О.В.* Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 5-14.
17. *Фабрика И.В.* К вопросу о ценности права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. № 40. С. 30-32.
18. *Михайлов С.В.* Правовые ценности: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2011.
19. *Лебедев С.Н.* Теория ценности и ценности права: история и методология // История государства и права. 2011. № 21. С. 6-10.

20. Жуков В.Н. Введение в юридическую аксиологию (вопросы методологии) // Государство и право. 2009. № 6. С. 20-31.
21. Осипова М.В. Иерархия юридических ценностей в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2011.
22. Сидорова А.В. Миф о правовых ценностях // История государства и права. 2011. № 21. С. 24-25.
23. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М., 2013.
24. Цинцадзе Н.С. Концептуальные аспекты аксиологической теории права // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 5 (121). С. 251-259.
11. Mavrin S.P. Konstitutsionnye tsennosti i ikh rol' v rossiyskoy pravovoy sisteme // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. 2012. № 3. S. 1-13.
12. Lapteva L.E. Politiko-pravovye tsennosti: istoriya i sovremennost' (simpozium) // Gosudarstvo i pravo. 1997. № 7. S. 84-86.
13. Babenko A.N. Pravovye tsennosti i osvoeniye ikh lichnost'yu: avtoref. dis. ... d-ra yur. nauk. M., 2002.
14. Polyakov A.V. Obshchaya teoriya prava. SPb., 2001.
15. Gushchina N.A. Pooshchritel'nye normy rossiyskogo prava: teoriya i zakonodatel'naya praktika. SPb., 2003.
16. Martyshin O.V. Problema tsennostey v teo-rii gosudarstva i prava // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 10. S. 5-14.
17. Fabrika I.V. K voprosu o tsennosti prava // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 40. S. 30-32.
18. Mikhaylov S.V. Pravovye tsennosti: teoreti-kopravovoy aspekt: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. Volgograd, 2011.
19. Lebedev S.N. Teoriya tsennosti i tsennosti prava: istoriya i metodologiya // Istoriya gosudarstva i prava. 2011. № 21. S. 6-10.
20. Zhukov V.N. Vvedenie v yuridicheskuyu aksiologiyu (voprosy metodologii) // Gosudarstvo i pravo. 2009. № 6. S. 20-31.
21. Osipova M.V. Ierarkhiya yuridicheskikh tsennostey v pravovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. Saratov, 2011.
22. Sidorova A.V. Mif o pravovykh tsennostyakh // Istoriya gosudarstva i prava. 2011. № 21. S. 24-25.
23. Malakhov V.P. Mify sovremennoy obshchepравовой teorii: monografiya. M., 2013.
24. Tsintsadze N.S. Kontseptual'nye aspekty aksiologicheskoy teorii prava // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2013. Vyp. 5 (121). S. 251-259.
1. Tugarinov V.P. Teoriya tsennostey v marksizme. L., 1968.
2. Rabinovich P.M. Sotsialisticheskoe pravo kak tsennost'. L'vov, 1985.
3. Nenovski N. Pravo i tsennosti. M., 1987.
4. Alekseev S.S. Sotsial'naya tsennost' prava v sovetskom obshchestve. M., 1971.
5. Alekseev S.S. Struktura sovetskogo prava. M., 1975.
6. Kuznetsov A.V. Uголовное pravo i lichnost'. M., 1977.
7. Kruss V.I. Rossiyskaya konstitutsionnaya aksiologiya: aktual'nost' i perspektivy // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2007. № 2. S. 7-14.
8. Zor'kin V.D. Aksiologicheskie aspekty Konstitutsii Rossii // Konstitutsionnye tsennosti v teorii i sudebnoy praktike: sbornik dokladov. M., 2009. S. 7-20.
9. Avtonomov A.S. Tsennost' Konstitutsii // Gosudarstvo i pravo. 2009. № 3. S. 5-11.
10. Semenov A.V. K voprosu o tsennostnoy prirode konstitutsionnykh norm // Konstitutsionnoe pravo Rossii: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey. Saratov, 2010.

Поступила в редакцию 10.12.2013 г.

UDC 340

CLASSIFICATION AND HIERARCHY OF LEGAL VALUES IN THEORY OF LAW

Nina Sergeyevna TSINTSADZE, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor of Civil Law Department, e-mail: NinaTsintsadze2010@yandex.ru

Based on the study of the theoretical and legal literature in the Soviet and contemporary studies the problem of species and the hierarchy of values are disclosed. The views of supporters of utilitarian and absolutely concept of value-axiology law are considered. It is noted that any classification, including legal values, nominal, as legal values are syncretic, mobile and historical; selection criteria for classification and grading of legal values depends on the type of legal thinking.

The approach of S.S. Alekseev's division of legal values for the values of the legal system and its individual sectors, which, in turn, existing values as private and public law is supported. Hierarchy of legal values is represented by major and minor values. Among the main legal values it is included such basic concepts as ideas – law, branch of law, law Institute, the legal principles of law, rule of law, legality, legal stability, effectiveness of the law, etc. The conclusion is that the hierarchy of values and the gradation of state and law – objective and accurate description of the form of state and law of any country, emphasizes the unity of state and legal values.

Key words: theory of state and law; axiology of law; theory of values; legal values; classification of legal values; hierarchy of legal values; branch legal value.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

© Ольга Алексеевна КУЗНЕЦОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии, e-mail: vera1705@mail.ru

Коррупция как транснациональное явление представляет угрозу всему мировому сообществу. Противодействие коррупции осуществляется в разных странах исходя из их исторического, а иногда и религиозного развития. Антикоррупционная борьба в этих странах проходит с различным эффектом и по различным направлениям. При этом реализация единой международной антикоррупционной стратегии, состоящей из различных профилактических мероприятий и репрессивных мер, на современном этапе развития мирового сообщества была бы более эффективна, нежели разрозненные действия отдельных профилактических субъектов в разных странах.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе мер антикоррупционного противодействия в некоторых зарубежных странах. Для достижения поставленной цели решаются задачи по раскрытию содержания международной антикоррупционной стратегии, а также анализу наиболее эффективных мер противодействия коррупции.

Исследование зарубежного опыта противодействия коррупционной преступности основывается на анализе особенностей ее восприятия правительством и правоохранительными органами зарубежных стран. Из чего исходит и построение системы противодействия данному виду преступных деяний, включающей процедурные и институциональные меры.

Сделан вывод о том, что борьба с коррупцией – чрезвычайно сложная и многоплановая задача, которая далеко не всегда успешно решается за рубежом, где нужны политическая воля и целенаправленные государственные усилия. Предлагается также исследовать и применять эффективный опыт зарубежных стран в сфере борьбы с коррупцией.

Раскрываются наиболее эффективные меры антикоррупционного противодействия, такие как система мониторинга возможных точек возникновения коррупционных действий в государственных и общественных организациях; система подбора лиц на должности, опасные с точки зрения коррупции; система наказаний за коррупционные действия; система поощрений позитивных действий должностных лиц. Исследуются меры противодействия коррупции, применяемые в Ботсване, – повышение заработной платы чиновникам с одновременным сокращением их числа и упрощением структуры государственных учреждений, а также немедленные и неотвратимые санкции за любые проявления коррупции. Обосновывается утверждение о том, что успехи антикоррупционной политики Сингапура определяются идеей антикоррупционной политики, которая заключается в стремлении минимизировать или исключить условия, создающие как стимул, так и возможность склонения личности к совершению коррупционных действий.

Важность исследования зарубежного опыта противодействия коррупции заключается в необходимости разработки международной антикоррупционной стратегии противодействия, состоящей из различных профилактических мероприятий и репрессивных мер.

Ключевые слова: антикоррупционные программы; антикоррупционная стратегия; коррупция; преступление; противодействие коррупции.

Сегодня коррупция является транснациональным явлением и в связи с этим представляет угрозу всему мировому сообществу. Борьба с ней в разных странах осуществляется с различным эффектом и по различным направлениям, но, на наш взгляд, необходима международная антикоррупционная стратегия противодействия, состоящая из различных профилактических мероприятий и репрессивных мер.

Идея вычленения антикоррупционных программ, доказавших на практике свою эффективность, представляет огромные перспективы для заимствования положительного

зарубежного опыта, особенно в условиях отсутствия, как известно, отечественного реально действующего механизма борьбы с коррупцией, а также для выработки единой международной антикоррупционной политики.

Сегодня, оценивая уровень коррупции в мире, можно говорить об условной градации всех стран на две большие категории – те, которые успешно справляются с этой проблемой, и те, для которых коррупция представляет неразрешимые трудности [1].

Достаточно чистыми в отношении коррупции странами, которые входят в первую двадцатку держав, характеризующихся сфор-

мированностью на государственном уровне антикоррупционной стратегии, являются Финляндия, Дания, Новая Зеландия, Исландия, Сингапур, Швеция, Канада, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Австралия, Швейцария, Япония, Израиль и ряд других стран.

Некоторые особенности организации антикоррупционной деятельности в вышеуказанных странах сводятся к следующему – коррупция осознается правительствами этих стран как серьезная угроза национальной безопасности. При этом коррупция рассматривается как внешняя и внутренняя проблема. Поэтому усилия по ограничению коррупции в этих странах масштабны и, как правило, институционализированы.

Например, система борьбы с коррупцией в Нидерландах включает, в частности, следующие ключевые процедурные и институциональные меры:

- система мониторинга возможных точек возникновения коррупционных действий в государственных и общественных организациях и строгого контроля за деятельностью лиц, находящихся в этих точках. Система подбора лиц на должности, опасные с точки зрения коррупции;

- система наказаний за коррупционные действия, при этом основной мерой является запрещение работать в государственных организациях и потеря всех социальных льгот, которые предоставляет государственная служба;

- система поощрений позитивных действий должностных лиц, направленная на то, чтобы чиновнику было выгодно и в материальном, и в моральном плане вести себя честно и эффективно;

- создана система государственной безопасности по борьбе с коррупцией типа специальной полиции, обладающей значительными полномочиями по выявлению случаев коррупции.

Схожие меры применяются также в Израиле и Канаде.

В других странах также практикуют успешно зарекомендовавшие себя антикоррупционные меры. В частности, гражданское общество как институт, присущий демократическому режиму, способно повысить эффективность деятельности независимых комиссий по борьбе с коррупцией. Успешно подобные органы функционируют в Гонконге, Сингапуре, Малайзии, Тайване. В ЮАР уровень коррупции сегодня низкий, т. к. там су-

ществует обязанность правительства отчитываться перед парламентом, а также обязательной подачи чиновниками и депутатами имущественной декларации, вообще максимальной открытости государственной системы, регулярного проведения публичных заседаний государственного комитета по контролю за расходованием государственных средств.

Другой пример – Ботсвана. Там с бурным ростом коррупции помогли справиться следующие меры: повышение заработной платы чиновникам с одновременным сокращением их числа и упрощением структуры государственных учреждений, а также немедленные и неотвратимые санкции за любые проявления коррупции [2].

Эталоном назвали новый закон Южной Кореи «О борьбе с коррупцией», вступивший в силу с 1 января 2002 г., но уже получивший широкое международное признание. В соответствии с ним право начинать расследование о коррупции фактически предоставлено любому совершеннолетнему гражданину страны: Комитет по аудиту и инспекции (так называется в стране главный антикоррупционный орган) обязан начать расследование обвинений по любому заявлению.

Антикоррупционная политика Сингапура впечатляет своими успехами. Главная идея антикоррупционной политики заключается в «стремлении минимизировать или исключить условия, создающие как стимул, так и возможность склонения личности к совершению коррумпированных действий». Это достигается за счет целого ряда антикоррупционных принципов, в частности: 1) оплата труда государственных служащих согласно формуле, привязанной к средней заработной плате успешно работающих в частном секторе лиц; 2) контролируемая ежегодная отчетность государственных должностных лиц об их имуществе, активах и долгах; прокурор вправе проверять любые банковские, акционерные и расчетные счета лиц, подозреваемых в нарушении Акта о предотвращении коррупции; 3) большая строгость в делах о коррупции именно в отношении высокопоставленных чиновников для поддержания морального авторитета неподкупных политических лидеров; 4) ликвидация излишних административных барьеров для развития экономики.

Борьба с коррупцией является одним из ключевых факторов экономического успеха Сингапура.

Как видно, за рубежом антикоррупционное законодательство развивается в сторону использования всего арсенала правовых средств борьбы (не только уголовно-правовых) и с акцентом на предупреждение коррупции.

Среди спорных вопросов относительно международных мер антикоррупционного воздействия мы можем назвать китайский опыт репрессивных мер, где показательные расстрелы провинциальных чиновников давно стали «обычным делом». Использование только репрессивных мер при кажущейся эффективности вряд ли даст желаемый результат – взяточников если и убавится, то ненамного, а суммы взяток автоматически взлетят до небес как плата за повышенный риск. Во всяком случае, в Китае дело обстоит именно так – всех не перестреляешь. Кроме того, репрессивные меры могут привести к резкому усилению одной из «коррупций чиновничества» – правоохранительных органов, которые получают монопольное право решать, кого казнить, а кого миловать, со всеми вытекающими последствиями.

Как видим, борьба с коррупцией – чрезвычайно сложная и многоплановая задача, которая далеко не всегда успешно решается за рубежом. Здесь нужны политическая воля и целенаправленные государственные усилия. В связи с этим целесообразно исследовать и применять эффективный опыт зарубежных стран в сфере борьбы с коррупцией.

-
1. *Есаян А.К., Петросян О.Ш., Трунцевский Ю.В.* О первоочередных мерах, предпринимаемых в органах внутренних дел по борьбе с коррупцией // *Российский следователь*. 2008. № 17.
 2. *Гилевская М.А.* Передовые национальные антикоррупционные стратегии. URL: <http://www.corrupti.net/rus/2/html>. Загл. с экрана.

-
1. *Esayan A.K., Petrosyan O.Sh., Truntsevskiy Yu.V.* О первоочередных мерах, предпринимаемых в органах внутренних дел по борьбе с коррупцией // *Rossiyskiy sledovatel'*. 2008. № 17.
 2. *Gilevskaya M.A.* Peredovye natsional'nye anti-korrupsionnye strategii. URL: <http://www.corrupti.net/rus/2/html>. Zagl. s ekrana.

Поступила в редакцию 12.12.2013 г.

UDC 343

FOREIGN EXPERIENCE IN CORRUPTION STRUGGLE: PROBLEMS AND EFFICIENCY

Olga Alekseevna KUZNETSOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Law and Criminology Department, e-mail: vera1705@mail.ru

Corruption as a transnational phenomenon poses a threat to the entire international community. Anti-corruption is carried out in different countries on the basis of their historical and sometimes religious development. Anti-corruption struggle in these countries goes with different effects and in different directions. The realization of a unified international anti-corruption strategy, consisting of a variety of prevention and repression, at the present stage of development of the world community would be more effective than isolated actions of individual preventive entities in different countries.

The purpose of the study is to identify and analyze measures to counter anti-corruption in some foreign countries. To achieve this goal the problems by disclosing the content of international anti-corruption strategy are solved as well as analysis of the most effective anti-corruption measures.

The study of foreign experience combating corruption crime, based on the analysis of the features of its perception of the government and law enforcement agencies in foreign countries. What comes and build a system to counter this type of criminal acts, including procedural and institutional arrangements.

It is concluded that the fight against corruption is an extremely complex and multifaceted task that is not always successfully solved abroad where necessary political will and concerted government effort. It is offered to explore and implement effective experience of foreign countries in the fight against corruption.

The most effective measures to counter anti-corruption such as monitoring system possible points of corruption in government and public organizations; matching system for individual positions, dangerous from the standpoint of corruption; system of penalties for corrupt practices; reward system of affirmative action officers are revealed. The anti-corruption measures applied in Botswana – higher wages to officials, while reducing their number and simplify the structure of state institutions, as well as immediate and enforceable sanctions for all forms of corruption are considered. The claim that the success of anti-corruption policy of Singapore determined ideas of anti-corruption policy, which is an effort to minimize or eliminate the conditions that create both incentives and the ability of the person declines to commit corrupt acts substantiated.

The importance of studying foreign experience in combating corruption is the need to develop an international strategy to counter anti-corruption, which consists of various preventive measures and repressive measures.

Key words: anti-corruption programs; anti-corruption strategy; corruption; crime; struggle against corruption.

ПОЖАРНЫЙ УСТАВ КАК ИСТОЧНИК ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРАВА: ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

© Ирина Геннадьевна ПИРОЖКОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
конституционного права, e-mail: viktor_krasnikov@list.ru

Исследован российский Пожарный устав 1857 г. Изучается его структура, принципы организации нормативного материала, юридическая техника. Основой применяемой методологии является принцип историзма и формально-юридический метод анализа нормативного акта. Для анализа градостроительных норм, сформулированных в уставе, применяются компаративистские методы сравнения формы и сути изложения правовой нормы. Для исследования были использованы разные редакции устава.

На основе анализа формулировок Пожарного устава ставится вопрос о типе реализованной в нем систематизации. Выявлено, что качество систематизации Пожарного устава приближается к инкорпорации за счет механического присоединения к нему некоторых второстепенных нормативных актов и включения их в единый свод.

Выявляются связи устава с основным документом в области градостроительного нормирования XIX в. – Строительным уставом. При анализе текстов данных нормативных актов стали очевидны смысловые повторы. Сделан вывод о значительной роли Пожарного устава в области регулирования градостроительства в условиях постоянной пожарной опасности в русских городах XIX в. Отмечен социальный аспект норм, содержащих положения о помощи населению в случаях пожаров.

Ключевые слова: градостроительство; Пожарный устав; противопожарная безопасность; систематизация градостроительного законодательства; Строительный устав.

В ходе кодификации первой трети XIX в. градостроительное регулирование выделилось с помощью Строительного устава в отдельную область. Однако некоторые аспекты градостроительной (градоохранной) деятельности регулировались рядом смежных нормативных актов. В частности, значительное место занимал Пожарный устав [1].

При составлении Свода законов Российской империи в 1832 г. Пожарный устав попал в XII том и составлял основу Уставов государственного благоустройства наряду со Строительным уставом, Уставом кредитным, Торговым, Уставом о промышленности, Уставами путей сообщения, Уставом о городском и сельском хозяйстве, Уставом о благоустройстве в казенных селениях и о колониях иностранцев в империи.

В Пожарном уставе были сформулированы основные противопожарные требования на производстве и в быту (так, в нем описывалось, как зажигать огонь и пользоваться им в жилых комнатах домов, в подвалах и на чердаках, на воде и на суше, в церквях и постоянных дворах и пр.). Особо были выделены разделы, в которых говорилось о противопожарных требованиях при строи-

тельстве зданий, о правилах тушения пожаров и возмещении убытков, нанесенных огненной стихией. Из последнего издания свода 1898 г. Пожарный устав был исключен. Отдельные его нормы были включены в разные акты, значительная его часть – Положение о взаимном страховании от огня – продолжало фигурировать в XII томе.

Юридическая техника этого документа, приемы кодификации противопожарных норм, с одной стороны, показательны и типичны в ряду градостроительных положений Российской империи, с другой – устав имеет свои особенности построения.

Пожарный устав включает 150 статей, неоднородных по объему, значимости, степени обобщения. Он состоит из 7 глав, 5 из которых имеют сложную структуру (табл. 1).

Как и прочие упомянутые ранее кодифицированные источники, устав не содержит общей части или общих определений. Однако в самом начале присутствуют абстрактно сформулированные нормы административного характера о том, что служащие пожарных команд в поселениях входят в состав полиции, и об определении должности брандмайора и брандмейстера.

Таблица 1

Структура нормативного материала Пожарного устава

№ глав и отделений	Наименование разделов, глав, отделений, частей	Количество статей
Глава 1	Об устройстве пожарной части	26
Отделение 1	Устройство пожарной части в городах	20
Отделение 2	Устройство пожарной части в селениях	6
Глава 2	О мерах предосторожности от пожаров	45
Отделение 1	О предосторожностях от пожаров в городах и селениях	17
Отделение 2	О предосторожностях от пожаров вне жилищ	16
Отделение 3	О предосторожностях от пожаров на воде	12
Глава 3	О тушении пожаров	16
Отделение 1	О тушении пожаров в городах и селениях	11
Отделение 2	О тушении пожаров вне жилищ	5
Глава 4	О розыскании причин пожара	4
Глава 5	О вознаграждении убытков, понесенных от пожара	29
Отделение 1	Положения общие	7
Отделение 2	О вспоможении духовенству в особенности	9
Отделение 3	О вспоможении казенным поселянам в особенности	12
Отделение 4	О вспоможении удельным поселянам в особенности	1
Глава 6	О наградах и пособиях чинам команд пожарных и наряжаемых на пожары от войск	14
Глава 7	О взысканиях и наказаниях за несоблюдение предосторожностей от пожара и за причинение оногo	16
Отделение 1	О пожарах от неосторожности	14
Отделение 2	О зажигательстве	2
Общее количество статей		150

Примечание: таблица составлена на основе Пожарного устава 1857 г.

Деление Пожарного устава на части (главы и отделения) в целом логично и последовательно, однако название разделов с точки зрения современного читателя не всегда соответствует принципам логики и тематике изложенных в них норм. Так, глава вторая «О мерах предосторожности от пожаров» содержит три отделения, из которых только в третьем титул полностью соответствует тематике нормативного материала. Рассмотрим остальные два отделения.

Первое отделение «О предосторожностях от пожаров в городах и селениях», нормативный материал которого соответствует титулу, включает нормы превенции пожарной опасности в поселениях любого типа. Некоторая внутренняя рассогласованность построения выражается в общих для законодательства того периода повторях. Приведем пример ошибок построения в последовательности статей, идущих после ст. 41, которая содержит слова: «...поступать с огнем осторожнее... по правилам ниже сего постановленным», хотя сами правила изложены ранее, во всех предыдущих статьях.

Второе отделение «О предосторожностях от пожаров вне жилищ» не содержит нормативного материала о предосторожностях обращения с огнем собственно вне жи-

лищ – домов, флигелей и прочих строений, или, если применять принятый и привычный термин того времени, – вне домовладения. В этом отделении нет норм о предотвращении пожарных случаев на улицах и площадях в городах и селах (они находятся в предыдущем отделении). В данной части Пожарного устава под термином «вне жилища» подразумеваются пространства за границами городских и сельских поселений: она регламентирует «выжигание» в полях, степях, лесах, «жнивях». Такое наполнение части устава с данным названием не совсем логично, во-первых, потому что «вне жилищ» означало буквально вне жилых помещений согласно принятой нормативной терминологии того времени, т. е. рядом с ними, в городе; во-вторых, пространство поселения застроено не только жилыми сооружениями, но также и промышленными, казенными и другими по назначению зданиями. Пожаротушение ни в одном из типов построек в данном отделении также не рассматривается.

Анализируемая часть устава очень выделяется среди других юридической техникой и содержит большее, чем обычно количество казусных норм, рожденных по частным случаям в разное время и при составлении уста-

ва собранных в нем без внутренней переработки.

Статей, содержащих общие нормы, насчитывается всего три. Они запрещают раскладывать огонь на больших дорогах и вблизи лесов и строений, выжигать поляны в лесу, также предписывают окрестным жителям тушить огонь, вывешивать противопожарные правила на постоянных дворах и трактирах (ст. 44, 45, 59). Остальные статьи основаны на частных узаконениях разных лет, касающихся отдельных местностей (Оренбургского края, Западной Сибири, Новороссии, Бессарабии), отдельных сословных и профессиональных групп (государственных крестьян, проходящих воинских команд, «промышленников, прогоняющих скот»).

В рассматриваемом отделении есть также часто встречающиеся повторы относительно правил производства каких-то действий, например: ст. 54 начинается со слов «сии же самые предосторожности должны быть применяемы к...». Есть повторяющиеся по смыслу статьи, которые соотносятся как общее с частным. Так, например, ст. 47, основывающаяся на узаконении 1775 г., предписывает «соблюдать крайнюю осторожность» при выжигании земли для сельскохозяйственных надобностей, чем и ограничивается, остается «пустой», никак не отделяя осторожные действия от неосторожных. В чем именно состоят осторожные действия, проясняют другие статьи (ст. 51-54). То есть в данном случае законодатель прибегает к непоследовательному изложению одной нормы в многочисленных статьях, что затрудняет их прочтение и понимание, уменьшает их «вес».

Пожарный устав в сравнении с иными кодифицированными актами, регулирующими в той или иной мере градостроительство, имеет много бланкетных норм, отсылающих не к определенной статье данного нормативного правового акта, а к другому акту вообще [2]. В частности, в Пожарном уставе по частным вопросам читателя отсылают к Строительному уставу, Уставу о предупреждении и пресечении преступлений, Сельскому полицейскому уставу для государственных крестьян (Уставу казенных селений), морским постановлениям, Лесному и Торговому уставам, Уложению о наказаниях, Уставам карантинным, Уставу сельскому судебному, Своду военных постановлений. Также в тексте есть отсылка к Табелю о со-

ставе пожарной части и двум актам, регулирующим взаимное страхование жителей от пожара (данные акты носили сначала временный, «опытный» характер, затем их приняли окончательно и включили в Пожарный устав).

Одним из дискуссионных вопросов, возникающих при рассмотрении любого из перечисленных систематизированных нормативных актов, регулирующих градостроительство, является вопрос о природе его систематизации. Являются ли они консолидацией, инкорпорацией или кодификацией.

Зачастую данные нормативные акты называют кодифицированными, основываясь на самых разных критериях, один из которых – необходимость отграничивать исторические периоды действия законодательства до и после эпохи появления Свода законов Российской империи (далее – СЗРИ) и Полного собрания законов Российской империи (далее – ПСЗРИ), т. е. до и после 1830-х гг. Однако уровень кодификации единодушно признается весьма слабым. Из всех перечисленных нормативных актов к кодексу ближе всех стоит Строительный устав, хотя и в нем прослеживаются свойства, в некоторой степени перечеркивающие принадлежность к этому, наиболее полному виду систематизации. Пожарный устав нельзя назвать кодексом из-за явных нарушений логики в структуре изложения нормативного материала и попаданием в него без внутренней смысловой переработки разрозненных актов, узаконений частного характера.

Научный анализ Пожарного устава с точки зрения уровня и качества его систематизации нам неизвестен за исключением работы, где он характеризуется как «...своего рода **консолидированный** акт, вобравший в себя все действовавшие до того и не утратившие силу узаконения, вошедшие в состав ПСЗ Российской Империи» [3, с. 124]. Действительно, черты консолидации в рассматриваемом документе прослеживаются явно: форма изложения Пожарного устава, где прямо указываются узаконения (их номера и даты), которые послужили основой для его создания; отсутствие переработок в структуре материала. При этом сохраняется ключевое для консолидации свойство – сводный акт остается без изменения содержания. Качество консолидации при этом в сравнении с иными нормативными актами в сфере градостроительства, на наш взгляд, невысоко. На-

пример, некоторые тождественные по содержанию нормативные предложения в один пункт не объединяются, не всегда устраняются длинноты (что, впрочем, может объясняться также особенностями юридического языка того времени), допускаются повторы, тавтология, наличие равновесных по изложению частных и более общих норм, принципов и конкретных правил каких-то действий.

На первый взгляд, при такой переработке исторического нормативного материала Пожарный устав однозначно можно назвать консолидацией, т. е. он в основном содержит консолидированные (объединенные) в единый сводный акт нормативно-правовые акты, регулирующие одну и ту же область общественных отношений, без изменения их содержания [4, с. 249].

Однако если считать его итогом иного типа систематизации, т. е. инкорпорации – создания «разного рода сборников в определенном порядке» [5] при сохранении нормативного содержания актов, то черты инкорпорации Пожарного устава состоят, по нашему мнению, в следующем.

К Пожарному уставу «механически» присоединены такие акты, как:

1) Табель о составе пожарной части. Сделано это бланкетным способом, т. е. присоединенный табель не изменил структуру устава, при этом в ст. 4 дана краткая характеристика значения и применения табеля;

2) Положение о взаимном страховании строений в казенных селениях от пожара и Правила о взаимном обязательном обеспечении строений от пожаров в Оренбургском казачьем войске. В этом случае в устав внесены два примечания к ст. 92, которые прямо указывают на «прилагаемые при сем» (т. е. «сведенные», «собранные» с Пожарным уставом) акты.

Недвусмысленным подтверждением сути инкорпорации как систематизации права («объединение в сборники, собрание действующих нормативно-правовых актов в определенном порядке без изменения их содержания» [4, с. 212]) содержится в названии раздела XII тома, где помещен рассматриваемый документ: Свод (т. е. собрание, сборник) уставов (дано во множественном числе) пожарных.

Для анализа свойств градостроительного нормирования в целом представляет интерес в первую очередь отделение 1 «О предосторожностях от пожаров в городах и селениях»

главы 2 Пожарного устава в сравнении его с аналогичными нормами Строительного устава [5]. Есть некоторые пересечения, противоречия и двусмысленности в регламентирующих нормах двух исследуемых уставов, рассмотрим наиболее показательные из них.

Ст. 28, предписывающая сохранять всякого рода здания от пожара Пожарного устава, является наиболее общей и делает отсылку к Строительному уставу, который в разных своих частях, с помощью разных узаконений и неоднократно делает тоже самое. Специально в ст. 29 говорится о промышленных зданиях (кузницах, банях, пивоварнях, сушильнях), которые так или иначе «действуют силой огня» и должны размещаться вблизи воды, отдельно от прочих сооружений. Данная норма пересекается с нормой Строительного устава, изложенной в ст. 747 (редакция 1832 г.) о «вредных жилищах людей» заводах, которые должны быть удалены от жилья.

Предписывающая испрашивать Высочайшее разрешение на освещение газом домов и улиц ст. 35 Пожарного устава вступает в противоречие с нормой 1857 г., призывающей лиц, дающих разрешение на постройку (т. е. городских и губернских архитекторов, а позже – инженеров), учитывать этот опасный в пожарном отношении фактор при выдаче разрешений (ст. 172 Строительного устава, редакция 1900 г.).

Некоторые ключевые для пожарной безопасности поселений нормы имеют рекомендательное значение. Так, упомянутая ст. 28 говорит о необходимости удалять потенциально опасные заведения от других строений только лишь «по возможности», ст. 30 с той же формулировкой рекомендует иметь колодцы внутри дворов.

Ряд статей рассматриваемого отделения Пожарного устава посвящен не столько регламентации строительных аспектов, сколько административным правилам хранения разного рода материальных ценностей (дров, рогожи, пеньки, льна и др.), среди которых фигурирует солома (ст. 37-38, 40).

Однако эти нормы не по форме, а по сути вступают в противоречие с нормой Строительного устава о разрешенных материалах для кровли крыш. В ст. 371-372 (редакция 1857 г. Строительного устава) был закреплен более широкий, чем прежде список материалов для крыш. В него добавили «полированный войлок и несгораемую бума-

гу», а в отдаленных районах некоторых уездных городов разрешили использовать для этой цели и солому в случае недостатка других материалов (ранее категорически требовалось крыть любое строение «железом, тесом, гонтом» (узаконение 1718–1722 гг., ст. 370)).

Современному читателю могут показаться странными, наивными некоторые нормы, закрепляемые в Пожарном уставе, регламентирующие устройство частного, внутрижилого пространства и поведения людей в нем. Так, запрещалось ходить с зажженной лучиной или свечой без фонаря на чердак, в конюшни, в сараи и другие «домашние строения» (ст. 36, узаконения 1755, 1774 г.); жителям Петербурга запрещалось разогревать самовары под лестницами, на галереях, в сенях (разрешалось только на кухне), «курить трубки, сигареты на улицах и площадях (!), а также на конюшнях, сеновалах и чердаках и тому подобных описанных местах» (ст. 40).

Соблюдение этих норм практически невозможно было проконтролировать, т. к. они претендовали на установление более или менее полного административного контроля за бытовыми аспектами жизнедеятельности. В этом смысле они стоят в одном ряду с аналогичными нормами, внедряющими идеалы и высокие стандарты архитектурно-художественной и градостроительной регламентации, соответствующие понятию «регулярный город» и недостижимые для подавляющего большинства застройщиков. Наличие значительного количества таких норм в системе регулирования каких-либо общественных отношений показывает некоторый «правовой идеализм» терминологии, сложившейся в отечественной теории права [6–8].

Несоблюдение разнообразных изложенных правил влекло за собой уголовное наказание в случае, если было доказано «зажигательство», т. е. умысел. Предупреждать неосторожное обращение с огнем законодательство настойчиво призывало самих горожан, обращаясь к ним как индивидуально, так и в качестве членов, городского или сельского сообщества, общины (предписания домовладельцам проверять регулярность очистки труб и печей, осматривать домовладения на предмет соблюдения домочадцами разных правил, помогать соседям при тушении пожаров).

Некоторое сходство Пожарный и Строительный уставы обнаруживают в наличии

норм, имеющих обучающий, просветительский характер, характер конкретных технических инструкций, что было свойственно законодательству XVIII в., которое активно внедряло разного рода градостроительные новинки, и пошло на спад в законодательстве XIX в. Подобного рода рекомендации – не редкость для Строительного устава 1832–1842 гг.: в нем встречаются описания устройства мостовых, напоминаются приемы мазанкового строительства, дается инструкция по внутреннему устройству культовых протестантских построек (Строительный устав 1900 г., ст. 147). Показательно, что среди учебных по функциям статей в Строительном уставе 1900 г., существующих уже в качестве редкого исключения, остаются и нормы, обучающие навыкам обращения с печами. Одновременно с этим в Пожарном уставе сформулированы несколько статей с теми же рекомендациями.

Таким образом, подводя итог, можно утверждать, что Пожарный устав (редакции с 1832 по 1857 г.) в целом содержал неоригинальные градостроительные нормы, во многом дублирующие положения Строительного устава и еще более – разнообразных противопожарных актов, изданных до него и параллельно с ним. Данное положение не исключает оригинальности и своевременности нормирования организационно-кадровых и технических аспектов пожарной безопасности.

По типу систематизации Пожарный устав определяется как консолидация с элементами инкорпорации, чем отличается от остальных крупных источников строительного законодательства, которые больше соответствовали свойствам кодификации.

Данный нормативный акт интересен не только с точки зрения содержания технических норм, входящих в него, но и прежде всего нормами социального характера. Так, он содержит элементы нормирования, обеспечивающего социальную поддержку (объемы и условия оказываемого вспомоществования погорельцам), элементы экологического права, социально-правовые конструкты особого статуса некоторых сословных групп (духовенства, разные категории крестьян). Перечисленные элементы нормирования еще нуждаются в изучении и способны дополнить социальную картину, сформированную в рамках исторической урбанистики [9].

1. Пожарный Устав // Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая I составленный. Спб., 1857. Т. 12. Ч. 1.
2. *Пирожкова И.Г.* Эволюция типологии градостроительных объектов в нормативно-правовой базе Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 5 (31): в 2 ч. Ч. 1. С. 149-151.
3. *Смирнова А.А., Опарина Т.И.* Место Пожарного устава в системе законодательства Российской империи о пожарной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. 2013. № 3. URL: <http://vestnik.igps.ru/wp-content/uploads/V53/21.pdf> (дата обращения: 03.11.2013).
4. *Барихин А.Б.* Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2004.
5. Свод законов Российской империи. Т. 12. Уставы государственного благоустройства. Строительный устав. Спб., 1900.
6. *Матузов Н.И.* В плену правового идеализма // История. Право. Политика. 2011. № 2. С. 66-70.
7. *Матузов Н.И.* Правовой идеализм как специфическая форма деформации общественного сознания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 19-27.
8. *Пирожкова И.Г.* К вопросу о правовом идеализме в нормативном регулировании градостроительства в Российской империи XVIII в. // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 2 (19). С. 12-19.
9. Теория государства и права: курс лекций / под ред. проф. А.В. Малько. URL: <http://www.bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-1/72.htm> (дата обращения: 03.11.2013).
1. *Pozharnyy Ustav // Svod Zakonov Rossiyskoy Imperii, povelaniem Gosudarya Imperatora Nikolaya I sostavlennyy. Spb., 1857. T. 12. Ch. 1.*
2. *Pirozhkova I.G.* Evolyutsiya tipologii gradostroitel'nykh ob"ektov v normativno-pravovoy baze Rossiyskoy imperii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2013. № 5 (31): v 2 ch. Ch. 1. S. 149-151.
3. *Smirnova A.A., Oparina T.I.* Mesto Pozharnogo ustava v sisteme zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii o pozharnoy bezopasnosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta GPS MChS Rossii. 2013. № 3. URL: <http://vestnik.igps.ru/wp-content/uploads/V53/21.pdf> (data obrashcheniya: 03.11.2013).
4. *Barikhin A.B.* Bol'shoy yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M., 2004.
5. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii. T. 12. Ustavy gosudarstvennogo blagoustroystva. Stroitel'nyy ustav. Spb., 1900.*
6. *Matuzov N.I.* V plenu pravovogo idealizma // Istoriya. Pravo. Politika. 2011. № 2. S. 66-70.
7. *Matuzov N.I.* Pravovoy idealizm kak spetsificheskaya forma deformatsii obshchestvennogo soznaniya // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2013. № 4 (93). S. 19-27.
8. *Pirozhkova I.G.* K voprosu o pravovom idealizme v normativnom regulirovanii gradostroitel'stva v Rossiyskoy imperii XVIII v. // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2011. № 2 (19). S. 12-19.
9. *Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy / pod red. prof. A.V. Mal'ko.* URL: <http://www.bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-1/72.htm> (data obrashcheniya: 03.11.2013).

Поступила в редакцию 14.12.2013 г.

UDC 93(09); 62(09)

FIRE CHARTER AS A SOURCE OF TOWN-PLANNING LAW: FEATURES OF SYSTEMATIZATION

Irina Gennadyevna PIROZHKOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Constitutional Law Department, e-mail: viktor_krasnikov@list.ru

The Russian Fire charter of 1857 is studied. Its structure, principles of organization of a standard material, legal equipment are considered. Fundamentals of applied methodology are the principle of historicism and a legalistic method of the analysis of the statutory act. For the analysis of the town-planning norms in the charter, comparative methods of comparison of a form and an essence of a statement of the rule of law are applied. For research the different editions of Charter were used.

On the basis of the analysis of formulations of the Fire charter the question of type of the realized systematization is raised. It is disclosed that quality of systematization of the Fire charter comes nearer to incorporation due to mechanical accession to it some minor regulations and their inclusion in the uniform Arch.

The links of the charter with the main document in the sphere of town-planning regulation of 19th century – the Building charter come to light. In the analysis of texts of these regulations semantic repetitions became obvious. It is concluded that a

significant role of the Fire charter in the field of town planning regulation in the conditions of constant fire danger in the Russian cities of 19th century. The social aspect of the norms containing regulations on the help to the population in cases of fires is noted.

Key words: town building; Fire charter; fire safety; systematization of town-planning norms; Building charter.

УДК 343.8

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

© Михаил Юрьевич ДВОРЕЦКИЙ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат юридических наук,
профессор кафедры уголовного права и процесса, e-mail: dvoreckiy-68@mail.ru

Анализируются направления оптимизации ответственности за преступления на современном этапе противодействия преступности. Предметом исследования выступает комплекс теоретических и практических проблем уголовной ответственности, т. е. ее понятие, основание, система форм, видов, их реализация и эффективность в уголовно-правовой теории, законодательной и правоприменительной практике. Целью работы предстает комплексный анализ современного состояния отечественного отраслевого законодательства, его возможностей по реализации уголовной ответственности в части ее понятия, основания, содержания, форм, видов и их эффективности; изучение проблем в правоприменительной практике; выявление противоречий с принципами уголовно-правовой политики и уголовного права; выработка на этой основе направлений государственной политики в уголовно-правовой сфере, внесение предложений по ее оптимизации. Достижение поставленной цели обеспечивалось решением следующего ряда исследовательских задач: рассмотрение истории возникновения и становления уголовно-правовой категории «уголовная ответственность» в отечественной общей теории права и отраслевом законодательстве; сравнение использования отечественным законодателем уголовно-правовой категории «уголовная ответственность» в Уголовном кодексе Российской Федерации с нормами современного уголовного законодательства зарубежных государств; исследование уголовно-правовых отношений и правовых последствий в механизме уголовно-правового регулирования; определение и уточнение сущности уголовной ответственности; определение критериев эффективности форм и видов уголовной ответственности; разработка концептуальных направлений совершенствования государственной политики, отраслевого законодательства, обеспечивающего эффективную реализацию уголовной ответственности.

Ключевые слова: виды наказания; эффективность; иные меры уголовно-правового характера; уголовная ответственность; Уголовный кодекс Российской Федерации.

Несмотря на то, что ответственность является одной из основных категорий права, в Уголовном кодексе Российской Федерации отечественным законодателем формулируется только лишь ее основание, регламентируются специфические особенности реализации в отношении различных групп лиц, а также используется для характеристики иных уголовно-правовых институтов. Поскольку в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации также много норм посвящено привлечению к ней, то все эти обстоятельства требуют проанализировать разнообразные ее аспекты. Необходимость теоретического исследования уголовной ответственности определяется также некоторыми общенаучными и прикладными обстоятельствами. На сегодняшний день в отечественной уголовно-правовой теории имеется как минимум шесть различных вариантов определения данного понятия при отсутствии нормативно закреплённого в Уголовном кодексе. Так, согласно первой позиции,

уголовная ответственность – это реализация уголовно-правовых санкций, т. е. данная категория тождественна наказанию. В соответствии со второй позицией уголовная ответственность отождествляется с уголовно-правовым отношением, вариативно от совокупности уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных отношений до ее представления в качестве межотраслевого института. На основании третьей позиции уголовная ответственность является отрицательной оценкой, общественным порицанием, осуждением виновного лица за совершенное им преступление. Исходя из положений четвертой позиции, уголовная ответственность выступает основополагающим элементом уголовно-правового отношения, представляя собой обязанность виновного лица подвергнуться наказанию за совершенное им преступление. Согласно пятой позиции констатируется, что уголовная ответственность – это мера официального принуждения, представляющая уголовно-право-

вую форму вынужденного признания правовым государством наличия в цивилизованном обществе разнообразных социальных противоречий, неспособности власти устранить причины и условия преступности, обеспечить безопасность общества и защитить законные права и свободы личности от общественно-опасных посягательств. По представлению сторонников шестой позиции, уголовная ответственность – это уголовно-правовая форма разрешения социальных противоречий между обществом и государством, обществом и личностью, а также между ними всеми посредством государственной власти.

На наш взгляд, в современной отраслевой науке, законодательной и право-исполнительной практике, прежде всего, акцентируется внимание на некоторых аспектах оптимизации и отдельных проблемах реализации этого уголовно-правового института [1, с. 47]. На сегодняшний день в юриспруденции нельзя ограничиваться только рассмотрением уголовной ответственности лишь в одном методологическом контексте, установив одни общие закономерности. Недопустимо отрывать данный уголовно-правовой институт также от общих социальных, политических, экономических, научных, нравственных аспектов развития цивилизованного общества и правового государства. Как нам представляется, в естественно-научном плане его исследование предполагает рассмотрение социально-психологических и психофизиологических аспектов уголовной ответственности. Уголовное право никак не может игнорировать биологические аспекты, философские основы теории, т. к. нельзя определить сущность, механизм наиболее оптимального действия на психофизиологию лица, в отношении которого реализуется уголовная ответственность [2, с. 56]. В свою очередь, в экономическом плане уголовная ответственность как мера государственного принуждения предполагает детерминированность всей преступности, а также отдельного общественно-опасного деяния существующим прогрессивным конфликтом между производительными силами общества и его производственными отношениями, являясь социальной, экономической, политической и правовой формой максимально эффективного его разрешения. Таким образом, разнооб-

разные аспекты уголовной ответственности, ее реализации и эффективности по-прежнему остаются актуальной научно-прикладной проблемой [3, с. 20].

Поскольку уголовная ответственность, будучи формой и средством разрешения социальных противоречий, является также и причиной других конфликтов социума с его членами, то внутренняя сущность отражается в нормативных актах, обеспечивающих материальное принуждение лиц, ее несущих. Априори асоциальные формы отношений регулярно воспроизводят общественно-опасные деяния и, в конце концов, – преступность как стабильно негативное массовое явление и систематическое государственное принуждение, как адекватную декларируемую реакцию на них. Возрастающая потребность современного цивилизованного общества и правового государства в максимально эффективной уголовно-правовой репрессии требует наукоемкого анализа и нормативного формулирования законодателем понятия, сущности, системы, оптимальной разработки принципов и правового механизма эффективной реализации форм и видов уголовной ответственности [4, с. 3-28]. Важной является проблема ее места и роли как государственной репрессии в контексте осуществления комплексных мер правового регулирования социальных отношений. Вследствие того, что отечественную теорию уголовного права отличают разнообразие, противоречивость, полемика и дискуссионность научных концепций и позиций ученых по общим и отдельным проблемам уголовной ответственности, эти обстоятельства не могут не сказываться на состоянии современной правоприменительной практики.

На наш взгляд, защита интересов отдельных лиц, общества и государства от совершения общественно-опасных деяний реализуется как путем превентивной угрозы уголовной ответственности, так и ее возложением на виновных субъектов. В этой связи важно, чтобы она как фактор, удерживающий граждан от совершения преступлений, была максимально ясной. Поскольку отечественному законодателю также необходимо отредактировать в реализации уголовной ответственности ее аспекты, изначально не обеспечивающие решения задач, стоящих перед УК РФ, следует решать проблемы ос-

нования этой базовой уголовно-правовой категории. По нашему мнению, когда законодательство обеспечивает решение задач уголовного права, оно способно эффективно работать в интересах личности, общества и государства. Если же оно не отвечает в полном объеме этим требованиям, уголовная ответственность не обеспечивает их оптимальным образом, мешая выполнению нормативно закрепленных задач, препятствуя формированию правового государства и функционированию цивилизованного общества [5, с. 137-141].

Состояние учения об уголовной ответственности отражается в наличии ряда обстоятельств. В XVIII – первой половине XIX в. в произведениях Ч. Беккариа, Ф. Вольтера, Г. Гегеля, Р. Декарта, И. Канта, Ш. Монтескье, И.Г. Фихте, Л. Фейербаха и других философов были сформулированы общетеоретические основы учения об уголовной ответственности. Изучение проблем правового регулирования отношений, связанных с реализацией уголовной ответственности, было отражено в отечественной юриспруденции XIX–XX вв. в фундаментальных трудах А.Ф. Кистяковского, Н.Д. Сергиевского, П.И. Люблинского, Н.С. Таганцева, С.В. Познышева, И.Я. Фойницкого. Весьма плодотворным оказался советский период в развитии отечественной теории уголовного права. Исследование проблем уголовной ответственности в СССР связано с именами таких ученых, как З.А. Астемиров, Н.А. Беляев, И.М. Гальперин, А.А. Герцензон, И.И. Горелик, А.Э. Жалинский, А.Н. Игнатов, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Г.А. Кригер, А.И. Марцев, И.С. Ной, А.А. Пионтковский, Ф.Р. Сундуков, М.Д. Шаргородский. Проблемы правового регулирования отношений, связанных с реализацией уголовной ответственности, в современной российской науке продолжают изучать Р.А. Базаров, Р.Р. Галиакбаров, И.Я. Козаченко, Л.Л. Кругликов, В.П. Малков, С.Ф. Милуков, А.С. Михлин, С.В. Полубинская, А.И. Рарог и другие авторы. Проблемы эффективной реализации уголовной ответственности, ее форм и их видов продолжают постоянно дискутироваться в отечественной уголовно-правовой теории Ю.М. Антоняном, Х.Д. Аликперовым, Д.Н. Бахрахом, А.Г. Безверховым, В.Г. Бе-

ляевым, Г.Н. Борзенковым, А.И. Бойцовым, Е.В. Благовым, Я.М. Брайнным, С.Н. Братусем, А.В. Бриллиантовым, Ю.И. Бытко, Б.В. Волженкиным, Г.В. Вериной, Л.Д. Гаухманом, Я.И. Гилякинским, А.Я. Гришко, М.Г. Детковым, А.И. Долговой, М.Д. Дурмановым, В.К. Дуоновым, А.П. Дьяченко, М.П. Журавлевым, И.Э. Звечаровским, Н.Г. Ивановым, Л.В. Иногамовой-Хегай, Н.Г. Кадниковым, С.Г. Келиной, Т.В. Кленовой, З.Ф. Ковригой, В.С. Комиссаровым, Ю.А. Красиковым, П.К. Кривошеиным, Н.М. Кропачевым, Т.А. Лесниевски-Костаревой, Д.А. Липинским, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеевым, А.В. Малько, А.А. Магомедовым, С.В. Максимовым, В.Б. Малининым, В.В. Мальцевым, И.М. Мацкевичем, В.В. Меркурьевым, Г.М. Миньковским, Т.Ф. Миняевой, А.В. Наумовым, З.А. Незнамовой, Б.С. Никифоровым, Н.А. Огурцовым, Э.Ф. Побегайло, Т.Г. Понятовской, В.В. Похмелкиным, В.С. Прохоровым, Ю.Е. Пудовочкиным, Б.Т. Разгильдиевым, М.С. Рыбаком, А.Б. Сахаровым, Р.А. Сабитовым, Н.А. Стручковым, А.Н. Тарбагаевым, А.Н. Трайниным, В.С. Устиновым, В.Д. Филимоновым, Р.Л. Хачатуровым, В.Ф. Цепелевым, А.И. Чучаевым, В.Е. Эминовым, В.А. Якушиным, П.С. Яни и другими современными учеными [6, с. 78].

Вследствие того, что в настоящее время имеются работы по методологическим основам уголовной ответственности, то на сегодняшний день комплексно не изучались оптимальные аспекты ее реализации, эффективность форм и видов данной уголовно-правовой категории. Проблема ответственности многообразна и сложна и до сих пор остается предметом постоянной полемики в отечественной науке, как в философии, так и в теории права и отраслевых правовых дисциплинах [7, с. 238]. Во многих фундаментальных работах по уголовному праву неоднократно предпринимались попытки решить данную проблему, сформулировать определение уголовно-правовой категории ответственности в этой отраслевой дисциплине [8, с. 85, 90, 95]. Так, только за последние 25 лет многие аспекты понятия уголовной ответственности, ее содержания, реализации отдельных форм и видов плодотворно исследовались в следующих докторских диссертациях: В.С. Прохорова «Преступления и уголов-

ная ответственность» (Л., 1987); В.А. Номоконова «Преступное поведение: механизм детерминации, причины, ответственность» (М., 1991); И.Э. Звечаровского «Правовое стимулирование посткриминального поведения личности» (СПб., 1993); А.Н. Тарбагаева «Ответственность в уголовном праве» (СПб., 1994); О.Д. Ситковской «Психологические основы уголовной ответственности» (М., 1996); Р.И. Михеева «Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика)» (Владивосток, 1995); В.М. Хомича «Формы реализации уголовной ответственности» (Мн., 1997); А.А. Магомедова «Уголовная ответственность и освобождение от нее. Эволюция правовых воззрений и современность» (М., 1998); Т.А. Лесниевски-Костаревой «Дифференциация уголовной ответственности» (М., 1999); Н.М. Кропачева «Механизм уголовно-правового регулирования: уголовная ответственность» (СПб., 2000); В.С. Епанешникова «Юридическая ответственность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы» (М., 2000); Н.А. Шулепова «Теоретические основы реализации уголовной ответственности военнослужащих» (М., 2001).

Многие аспекты современной уголовно-правовой доктрины, в т. ч. понятие уголовной ответственности, ее содержание, реализация ее форм и отдельных видов, их эффективность и направления дальнейшего законодательного совершенствования так и не нашли единообразного толкования [9, с. 207]. Российский законодатель в УК РФ занимает иную позицию, нежели его советский коллега в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и УК РСФСР 1960 г., действовавших долгое время и имевших представительную практику. Однако многие аспекты данной научно-практической проблемы разрешались с позиции доминировавшей тогда идеологии, которая декларировала другие морально-нравственные ценности (например, «Моральный кодекс строителей коммунизма»). Потребность в изучении понятийно-терминологического аппарата и анализе внутреннего содержания основополагающей уголовно-правовой категории «уголовная ответственность» объясняется, прежде всего, включением в УК РФ принципов, соблюдение кото-

рых осуществляется посредством реализации данной уголовно-правовой категории.

В настоящее время учение о категории «уголовная ответственность» в отечественной науке представлено целостной системой знаний, концептуальных построений, категорий и понятий, реализации форм и их видов, будучи частью уголовно-правовой теории и практики ее применения [10, с. 12; 11, с. 43; 12, с. 129]. Это учение выступает как методологической, так и общетеоретической первоосновой для разработки и оптимального осуществления эффективной уголовно-правовой политики государства, дальнейшего развития его правовой системы. Посредством наличия в отечественном отраслевом законодательстве таких составляющих категорий, как норма, правоотношение и уголовная ответственность, образующих механизм уголовно-правового регулирования, реализуется функция формирования правового сознания, идеологии, методологии, теории и правоприменительной деятельности [13, с. 191; 14, с. 227; 15, с. 19].

Уголовная ответственность, будучи уголовно-правовой категорией отраслевого законодательства, имеет социально-политическую, экономическую и морально-нравственную сущность. Поскольку уголовная ответственность выступает в качестве официальной социально-политической реакции и отрицательной морально-нравственной оценки государством и обществом совершенного преступником общественно-опасного деяния, она в то же время предстает в качестве средства разрешения социальных противоречий, порождаемых преступлением, которое воплощает конфликт между социумом и его членом, т. е. отдельной личностью.

Поскольку методологический аспект категории «уголовная ответственность» недостаточно разработан, необходимо использование диалектического, системного и комплексного подходов при анализе проблем и практики ее реализации. Также требуется придерживаться принципов взаимосвязи, причинной обусловленности правовых явлений реальными экономическими, социально-политическими, естественнонаучными, духовными факторами развития общества, историзма [16, с. 82; 17; 18, с. 395]. Именно такой подход обеспечивает наиболее оптимальное научное обоснование социальной

сущности, теории и правоприменительной практики категории «уголовная ответственность». Таким образом, методологию уголовной ответственности можно определить как учение о разносторонней сущности этой уголовно-правовой категории, ее взаимосвязи с фундаментальными обстоятельствами общественной жизни, о системе принципов и методов научного исследования и практики реализации ее форм и их видов в окружающей социальной действительности.

В любом государственно-организованном обществе фактическое формулирование официального правового установления предопределяет появление и существование в дальнейшем ответственности [19, с. 31; 20, с. 7; 21, с. 42]. Поскольку ответственность присутствует в сознании индивида и заключается в понимании им необходимости соблюдения правил общественного поведения, нарушение предписания, запрета или дозволения приводит к возникновению другой ее формы, связанной с осуждением лица, совершившего противоправное деяние. Уголовная ответственность – это фундаментальная уголовно-правовая категория, которая представляет собой, исходя из имеющейся социальной практики, естественную реакцию общества на попытки отдельных его членов причинить ему вред, нарушить общественно полезные отношения между законопослушными людьми, и поэтому выступает необходимым средством обеспечения условий для нормальной жизнедеятельности всего социума. Системообразующими признаками уголовной ответственности являются ее фундаментальность как уголовно-правовой категории и триединая сущность – социально-политическая, нравственная и уголовно-правовая.

Уголовная ответственность реализуется путем добровольного выполнения физическим лицом уголовно-правовых предписаний либо путем принудительного применения видов наказания и иных мер уголовно-правового характера к субъекту преступления. Таким образом, уголовная ответственность субъекта в системе уголовно-правовых отношений состоит в реализации комплекса следующих ее составляющих:

1) обязанность физического лица воздержаться от совершения им в дальнейшем общественно-опасного деяния, содержащего

все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ, под угрозой применения уголовного наказания и (или) иных мер уголовно-правового характера к виновному;

2) при совершении преступления, обязанность субъекта применения – лица, совершившего противоправное деяние, подвергнуться за него наказанию, иным мерам уголовно-правового характера и осуждению, состоящему в лишении и (или) ограничении законных прав и свобод виновного, которое осуществляется через государственное принуждение, т. е. насилие в пределах и формах, предусмотренных нормами УК РФ;

3) субъектом назначения официально выступает правоохранительный орган и (или) суд как орган исполнительной и судебной ветвей государственной власти Российской Федерации;

4) вина преступника в совершении общественно-опасного деяния является субъективным основанием для дальнейшей уголовно-правовой реализации уголовной ответственности.

Вследствие того, что уголовная ответственность выступает в качестве отражения единства и противоположности объективной и субъективной сторон, первая из которых состоит в ее формах, видах, в системе правоотношений и структурных элементов, образующих каждый из них в отдельности и всю систему целиком. Субъективная составляющая заключается в персонифицированных элементах и оценках ее сущности, необходимости и социальной роли, в правосознании на его разных уровнях, находящихся в зависимости от состояния теории уголовного права и правовой идеологии государства. Поскольку уголовная ответственность выступает важным средством осуществления уголовно-правовой политики Российской Федерации, в настоящее время ее наиболее перспективная цель состоит, исходя из определения оптимальных приоритетов и направлений эффективной борьбы с преступностью, в мобилизации усилий как государственных, так общественных институтов [22, с. 13-15]. Современная правоприменительная практика уголовного законодательства должна соответствовать концепции «гуманизации» и (или) «либерализации» уголовно-правовой политики в отношении осужденных за раз-

личные категории преступлений и осуществляться законодателем следующим образом:

- во-первых, применение наиболее строгих форм и видов реализации уголовной ответственности только к виновным, совершившим тяжкие или особо тяжкие общественно-опасные деяния;

- во-вторых, применение наименее репрессивных форм и видов реализации уголовной ответственности только к виновным, совершившим общественно-опасные деяния небольшой или средней тяжести.

Термины «уголовная ответственность» и «наказание» – не тождественные уголовно-правовые понятия, что подтверждается содержанием части 2 ст. 84 УК РФ, где законодателем говорится об освобождении от уголовной ответственности или наказания. Цели уголовной ответственности носят системный характер и включают в себя восстановительные или социально-ретроспективные, исправительно-воспитательные и общие и частные превентивные аспекты. Уголовная ответственность, обладая качеством трансформации, может в ходе реализации изменять свой характер, размер, досрочно или условно-досрочно прекращаться в зависимости от поведения или состояния здоровья осужденного. Уголовная ответственность призвана решать задачи отраслевого законодательства, определенные в ст. 2 УК РФ. Хотя УК РФ 1996 г. и объективные условия развития страны на данном историческом этапе законодательно и не декларировали необходимость перевоспитания осужденного, нормативное закрепление этой цели в ныне действующем уголовном законе желательно и целесообразно из-за ее социальной важности для современного российского общества [23].

Вследствие того, что система уголовной ответственности представлена целостной и упорядоченной совокупностью ее форм, их видов, построенных на единых принципах и подчиненных целям, предусмотренным УК РФ, основными критериями структурного построения являются следующие обстоятельства:

- 1) множественность, определенность форм, их видов;

- 2) упорядоченность на основе единых принципов;

- 3) соответствие целям, предусмотренным УК РФ;

- 4) относительная плавность и равнозначность перехода от одной формы к другой, от одной ее разновидности к другой.

Уголовная ответственность как результат основанного на УК РФ общественного порицания, выражающего со стороны государства отрицательную уголовно-правовую оценку совершенного общественно-опасного деяния и виновного лица, его совершившего, официально формулируется в обвинительном приговоре суда. Суд возлагает на осужденного уголовную ответственность и освобождает от нее, например, в следующих случаях. Во-первых, если у лица после совершения им противоправного деяния наступило психическое расстройство, лишаящее его возможности осознавать характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ч. 1 ст. 81 УК РФ). Во-вторых, если истекли сроки давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ). В этих случаях уголовная ответственность реализуется, однако, не сопровождается назначением каких-либо мер государственного принуждения за совершенное преступление [24, с. 18].

Реализация уголовной ответственности может проходить в следующих формах:

- условно назначенное наказание (ст. 73 УК РФ);

- назначенное, но отсроченное наказание (ст. 82 УК РФ);

- назначенное, но отсроченное наказание больным наркоманией (ст. 82¹ УК РФ);

- назначение не наказания, а принудительных мер воспитательного воздействия, например, применяемых к несовершеннолетним (ст. 90–92 УК РФ) и др.

Уголовная ответственность реализуется без исполнения наказания также тогда, когда оно отбыто, однако виновное лицо продолжает нести ее, исходя из непогашенного или неснятого уголовно-правового института судимости.

Поскольку с содержательной стороны меры уголовной ответственности должны быть общественно полезными, в современном обществе это, в первую очередь, связано с охраной прав и свобод человека и гражданина, восстановлением нарушенного преступлением правопорядка. Однако система форм и отдельных видов уголовной ответственности, закрепленная действующим отрас-

левым законодательством, в настоящее время не соответствует потребностям эффективной практики ее реализации [25, с. 69]. К сожалению, значительное число форм уголовной ответственности, предусмотренных УК РФ, является невостребованным, не применяясь на практике, не соответствуя возможностям государства, отечественным традициям и психологии большинства российских граждан. Качество введенных отечественным законодателем изменений и дополнений в УК РФ оставляет желать лучшего, поскольку они вопреки декларируемой им цели приводят к отрицательным результатам, прежде всего, к нарушению системы и структуры уголовного закона, рассогласованности положений Общей и Особенной частей, к росту числа коллизий, влекущих затруднения в правоприменительной деятельности.

1. *Зразжевская Т.Д.* Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж, 1980.
2. *Боброва Н.А.* Ответственность как средство укрепления законности в государственно-правовых отношениях // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1977.
3. *Елеонский В.А.* Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань, 1979.
4. *Тархов В.А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973.
5. *Ореховский А.И.* Ответственность и ее социальная природа. Томск, 1978.
6. *Смирнов В.Г.* Функции советского уголовного права. Л., 1965.
7. *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.
8. *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М., 1976.
9. *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987.
10. *Радько Т.Н.* Юридическая ответственность как общая форма реализации социальных функций в праве // Юридическая ответственность в советском обществе. Волгоград, 1974. С. 11-23.
11. *Разгельдеев Н.Т.* Ответственность по советскому природоохранительному праву. Саратов, 1986.
12. *Малько А.В.* Законный интерес как правовая категория // Вопросы теории государства и права: межвузовский научный сборник. Саратов, 1986. Вып. 7. С. 121-131.
13. *Черных Е.В.* О двух аспектах правовой ответственности в социалистическом обществе // Вопросы теории государства и права: межвузовский научный сборник. Саратов, 1976. Вып. 4. С. 191-204.
14. *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981.
15. *Ситковская О.Д.* Психологические основы уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 1996.
16. *Кузнецова Н.Ф.* Цели и механизм реформы УК РФ // Государство и право. 1992. № 2.
17. *Астемиров З.А.* Уголовная ответственность // Энциклопедия уголовного права. СПб., 2007. Т. 8. С. 55-56.
18. *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009.
19. *Милуков С.Ф.* Российская система наказаний. СПб., 1998.
20. *Разумов С.* Преступления и наказания. К вопросу о соразмерности установленных УК РФ мер ответственности // Российская юстиция. 2002. № 11. С. 7-9.
21. *Петрухин И.* Новый Уголовный кодекс: проблема наказания // Уголовное право. 1999. № 3. С. 42-45.
22. *Дзигарь А.Л.* Уголовные наказания: эволюция и перспективы: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д, 2001.
23. *Осадчая Н.Г.* Обязательные работы как новый вид наказания в российском уголовном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д, 1999.
24. *Чернов А.Д.* Основные направления развития видов наказания, не связанных с лишением свободы на современном этапе // Российский следователь. 1999. № 3. С. 17-19.
25. *Тараленко К.Н.* О содержании наказания в виде обязательных работ // Развитие альтернативных санкций в российской уголовной юстиции: опыт и перспективы: сборник материалов международной конференции. М., 2002. С. 67-71.

1. *Zrazhevskaya T.D.* 'Otvetstvennost' po sovetskomu gosudarstvennomu pravu. Voronezh, 1980.
2. *Bobrova N.A.* 'Otvetstvennost' kak sredstvo ukrepleniya zakonnosti v gosudarstvenno-pravovykh otnosheniyakh // Yuridicheskie garantii primeneniya prava i rezhim sotsialisticheskoy zakonnosti v SSSR. Yaroslavl', 1977.
3. *Eleonskiy V.A.* Ugolovnoe nakazanie i vospitanie pozitivnoy otvetstvennosti lichnosti. Ryazan', 1979.

4. *Tarkhov V.A.* Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu. Saratov, 1973.
5. *Orekhovskiy A.I.* Otvetstvennost' i ee sotsial'naya priroda. Tomsk, 1978.
6. *Smirnov V.G.* Funktsii sovetskogo ugovnogo prava. L., 1965.
7. *Kudryavtsev V.N.* Pravovoe povedenie: norma i patologiya. M., 1982.
8. *Bratus' S.N.* Yuridicheskaya otvetstvennost' i zakonnost'. M., 1976.
9. *Matuzov N.I.* Pravovaya sistema i lichnost'. Saratov, 1987.
10. *Rad'ko T.N.* Yuridicheskaya otvetstvennost' kak obshchaya forma realizatsii sotsial'nykh funktsiy v prave // Yuridicheskaya otvetstvennost' v sovetском obshchestve. Volgograd, 1974. S. 11-23.
11. *Razgel'deev N. T.* Otvetstvennost' po sovetskomu prirodookhranitel'nomu pravu. Saratov, 1986.
12. *Mal'ko A.V.* Zakonnyy interes kak pravovaya kategoriya // Voprosy teorii gosudarstva i prava: mezhdunarodnyy nauchnyy sbornik. Saratov, 1986. Vyp. 7. S. 121-131.
13. *Chernykh E.V.* O dvukh aspektakh pravovoy otvetstvennosti v sotsialisticheskom obshchestve // Voprosy teorii gosudarstva i prava: mezhdunarodnyy nauchnyy sbornik. Saratov, 1976. Vyp. 4. S. 191-204.
14. *Leyst O.E.* Sanktsii i otvetstvennost' po sovetskomu pravu. M., 1981.
15. *Sitkovskaya O.D.* Psikhologicheskie osnovy ugovnoy otvetstvennosti: avtoref. dis. ... d-ra yur. nauk. M., 1996.
16. *Kuznetsova N.F.* Tseli i mekhanizm reformy UK RF // Gosudarstvo i pravo. 1992. № 2.
17. *Astemirov Z.A.* Ugolovnaya otvetstvennost' // Entsiklopediya ugovnogo prava. SPb., 2007. T. 8. S. 55-56.
18. *Zhalinskiy A.E.* Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyy analiz. M., 2009.
19. *Milyukov S.F.* Rossiyskaya sistema nakazaniy. SPb., 1998.
20. *Razumov S.* Prestupleniya i nakazaniya. K voprosu o sorazmernosti ustanovlennyykh UK RF mer otvetstvennosti // Rossiyskaya yustitsiya. 2002. № 11. S. 7-9.
21. *Petrukhin I.* Novyy Ugolovnyy kodeks: problema nakazaniya // Ugolovnoe pravo. 1999. № 3. S. 42-45.
22. *Dzigar' A.L.* Ugolovnye nakazaniya: evolyutsiya i perspektivy: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. Rostov n/D, 2001.
23. *Osadchaya N.G.* Obyazatel'nye raboty kak novyy vid nakazaniya v rossiyskom ugovnom zakonodatel'stve: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. Rostov n/D, 1999.
24. *Chernov A.D.* Osnovnye napravleniya razvitiya vidov nakazaniya, ne svyazannykh s lisheniem svobody na sovremennom etape // Rossiyskiy sledovatel'. 1999. № 3. S. 17-19.
25. *Taralenko K.N.* O soderzhanii nakazaniya v vide obyazatel'nykh rabot // Razvitie al'ternativnykh sanktsiy v rossiyskoy ugovnoy yustitsii: opyt i perspektivy: sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii. M., 2002. S. 67-71.

Поступила в редакцию 17.12.2013 г.

UDC 343.8

CRIMINAL RESPONSIBILITY IN DOMESTIC LAW IN THE CONTEXT OF THE EFFECTIVENESS OF IMPLEMENTATION: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Mikhail Yuryevich DVORETSKY, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Law, Professor of Criminal Law and Process Department, e-mail: dvoreckiy-68@mail.ru

Optimization of responsibility of direction for crimes at the present stage of fighting crime is analyzed. The subject of research is the complex theoretical and practical problems of criminal responsibility, its concept, the base, the system forms, types, their implementation and effectiveness of criminal law theory, legal and law enforcement. The aim is a comprehensive analysis of the current state of the domestic industry legislation, its ability to implement the criminal liability regarding its concept base, content, forms, types and their effectiveness, the study of problems in law enforcement, identification of conflicts with the principles of criminal law and criminal policy law, on that basis to the state policy in the criminal justice field, making suggestions for its optimization. Achieving this goal is ensured by the decision of the next series of research tasks: review the history and formation of the criminal law category of "criminal responsibility" in the domestic general theory of law and sector-specific legislation, comparing use of domestic legislator criminal legal concept of "criminal responsibility" in the Criminal Code of the Russian Federation with the norms of modern criminal law of foreign countries, investigation of criminal legal relations and legal implications in the mechanism of legal regulation, the definition and clarification of the essence of criminal liability, the definition of performance criteria forms and types of criminal responsibility, the development of conceptual ways to improve public policy, sectoral legislation, ensuring effective implementation of criminal responsibility.

Key words: types of penalties; efficiency; other measures under criminal law; criminal responsibility; Criminal Code of the Russian Federation.

РЕЦИДИВ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ФАКТОР, СОЗДАЮЩИЙ УГРОЗУ ОБЩЕСТВЕННОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© **Виталий Вячеславович КИДЯЕВ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, соискатель, кафедра
уголовного права и криминологии, e-mail: sawa13@mail.ru

Рассмотрено понятие рецидива преступности как вида множественности преступления, теоретические вопросы правовой природы рецидива, его причины и последствия как в рамках российского законодательства, так и на примере зарубежных государств. Раскрыто понятие «террористического рецидива», исследована его опасность для государства и общества. Проведено сравнение российского уголовного законодательства в отношении рецидива с уголовным законодательством зарубежных государств. Изучены статистические данные и приведены показатели повторной преступности в Тамбовской области, являющиеся угрожающим фактором по отношению к национальной и общественной безопасности. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовной и уголовно-исполнительной политики Российской Федерации. Сделан вывод о том, что для предотвращения и пресечения рецидива преступлений террористической направленности необходимы более тесное межведомственное сотрудничество, государственная поддержка, ужесточение ответственности за преступления, связанные с терроризмом и религиозным экстремизмом. Кроме того, осуществляя работу в исправительных учреждениях по подготовке осужденных за повторные преступления к освобождению, необходимо понимать особую важность постпенитенциарной реабилитации данной категории лиц.

Ключевые слова: терроризм; экстремизм; национальная безопасность; общественная безопасность; рецидив; уголовная ответственность; осужденный, законодательство.

В настоящее время в Российской Федерации большой актуальностью в обществе, среди правозащитных организаций, а также ОНК (общественные наблюдательные комиссии) пользуется идея гуманизации системы «исполнения наказания» [1]. Вместе с тем процент повторного совершения тяжких и особо тяжких преступлений среди лиц, ранее освобожденных условно-досрочно из мест лишения свободы, остается достаточно высоким. Особое внимание следует уделить разделу № 9 УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Термин «национальная безопасность» в нашем государстве стал использоваться с 1997 г. Заимствованный у западных государств, он первоначально вызвал немало споров в силу смыслового различия, вкладываемого в определение «национальный», и многонациональности нашего государства, однако впоследствии упомянутый термин прочно вошел в научный оборот. По мнению А.В. Герасимова, национальная безопасность – это такое состояние защищенности интересов личности, общества и государства, включающее политические, экономические, военные, социальные, экологические, информационные

и иные аспекты. М.В. Александров понимает под национальной безопасностью совокупность факторов, обеспечивающих жизнедеятельность государства в системе международных отношений, его способность отражать возникающие внешние угрозы и действовать в соответствии со своими национальными интересами [2, с. 2-3].

В современной науке утвердилось два подхода к национальной безопасности:

- первый подход заключается в том, что национальная безопасность обеспечена тогда, когда обеспечена безопасность личности. Это подход западного толка;
- второй подход – в том, что на передний план в национальной безопасности выдвигается безопасность государства и общества. Второй подход ближе нашему национальному характеру, чем первый.

Федеральным законом Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» понятие безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [3, с. 2]. В данное понятие включаются следующие виды безопасности:

- государственная (национальная);

- экономическая;
- общественная;
- оборонная;
- информационная;
- экологическая;
- иные виды безопасности (радиационная, безопасности продуктов питания и др.).

Центральное место среди видов безопасности занимает государственная (национальная) безопасность.

Рецидив преступления (от лат. *recidivus* – возобновляющийся, возвращающийся) – вид множественности преступлений. В соответствии с ч. 1 ст. 18 УК РФ рецидив – это совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление [4, с. 1].

Рецидив преступлений признается опасным:

а) при совершении лицом умышленного преступления, за которое оно осуждается к лишению свободы, если ранее это лицо два или более раза было осуждено за умышленное преступление средней тяжести к лишению свободы;

б) при совершении лицом тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено за умышленное тяжкое или особо тяжкое преступление к реальному лишению свободы.

Рецидив преступлений признается особо опасным:

а) при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это

лицо два раза было осуждено за тяжкое преступление к реальному лишению свободы

б) при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно два раза было осуждено за тяжкое преступление или ранее осуждалось за особо тяжкое преступление.

Председатель Верховного суда РФ В.М. Лебедев отметил, что в 2005 г. 24 % осужденных (почти каждый четвертый) совершали преступление повторно. При этом 26 % рецидивных преступлений приходится на долю осужденных условно и условно-досрочно освобожденных, а 32 % из них совершили преступления в течение испытательного срока при условном осуждении.

В настоящее время ввиду проводимой государством политики, связанной с ресоциализацией лиц, ранее осужденных к лишению свободы, уровень повторной преступности значительно снизился, но, как видно из рис. 1, общий показатель повторной преступности на территории Тамбовской области значительно выше общероссийского.

Из шести показателей, установленных Федеральной службой исполнения наказаний (ФСИН) России для определения рейтинговой деятельности в Тамбовской области, хуже среднероссийского значения следующие:

- 1) уровень повторной преступности;
- 2) уровень продления испытательного срока;
- 3) уровень возложения дополнительных обязанностей.

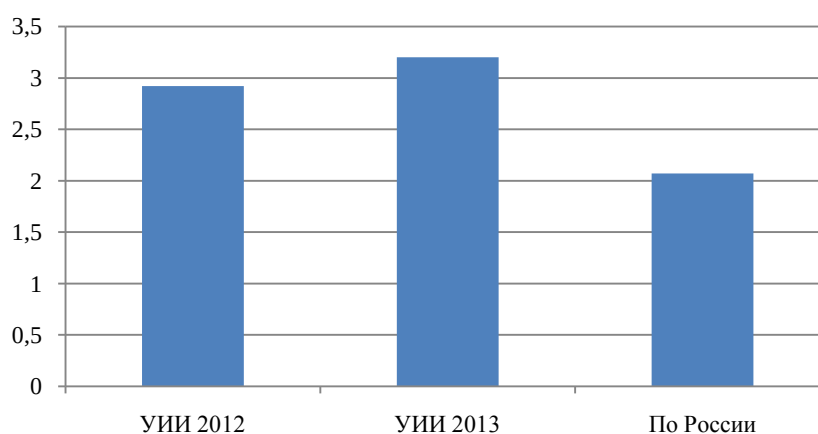

Рис. 1. Уровень повторной преступности

В Тамбовской области выявлено 237 осужденных, совершивших повторные преступления в 2013 г. Это составляет 3,2 % от числа прошедших по учетам (211

фактов, или 2,92 %) при среднероссийском значении – 2,07 %.

По итогам 2013 г. показатель продления испытательного срока составил 15,99 %

(2012 г. – 19,37 %) при среднероссийском значении – 18,49 %.

Уровень возложения на условно осужденных дополнительных обязанностей составляет 12,4 % (2012 г. – 13,1 %) при среднероссийском значении – 13,2 %.

Плановые показатели деятельности, установленные приказом Минюста России от 29 марта 2013 г. № 43 «Об утверждении Отчета о деятельности Федеральной службы исполнения наказаний за 2012 г., Плана работы и Показателей деятельности Федеральной службы исполнения наказаний на 2013 год», Федеральным казенным учреждением Уголовно-исполнительная инспекция (ФКУ УИИ) выполнены:

- уровень привлечения осужденных к отбыванию наказания в виде исправительных работ – 97,72 % (плановый 93,34 %), что несколько выше среднероссийского значения – 97,5 %;

- уровень привлечения осужденных к отбыванию наказания в виде обязательных

работ – 99,67 % (плановый 97,22 %), что также выше среднероссийского значения – 97,7 % [5, с. 4].

В ходе проведенного исследования был составлен график «уровня преступности по филиалам», разделенный на районы и города Тамбовской области и представленный на рис. 2.

Изучив рис. 2, мы приходим к выводу, что уровень преступности в целом по Тамбовской области превышает общероссийский в несколько раз.

Особенно актуальной в настоящее время является проблема «террористического рецидива». Существует угроза того, что террористическая деятельность может стать одним из методов реализации стратегии «нагнетания напряженности» (или «контролируемой напряженности», известной по истории Италии 1970-х гг.), достижения своих целей теми или иными политическими силами.

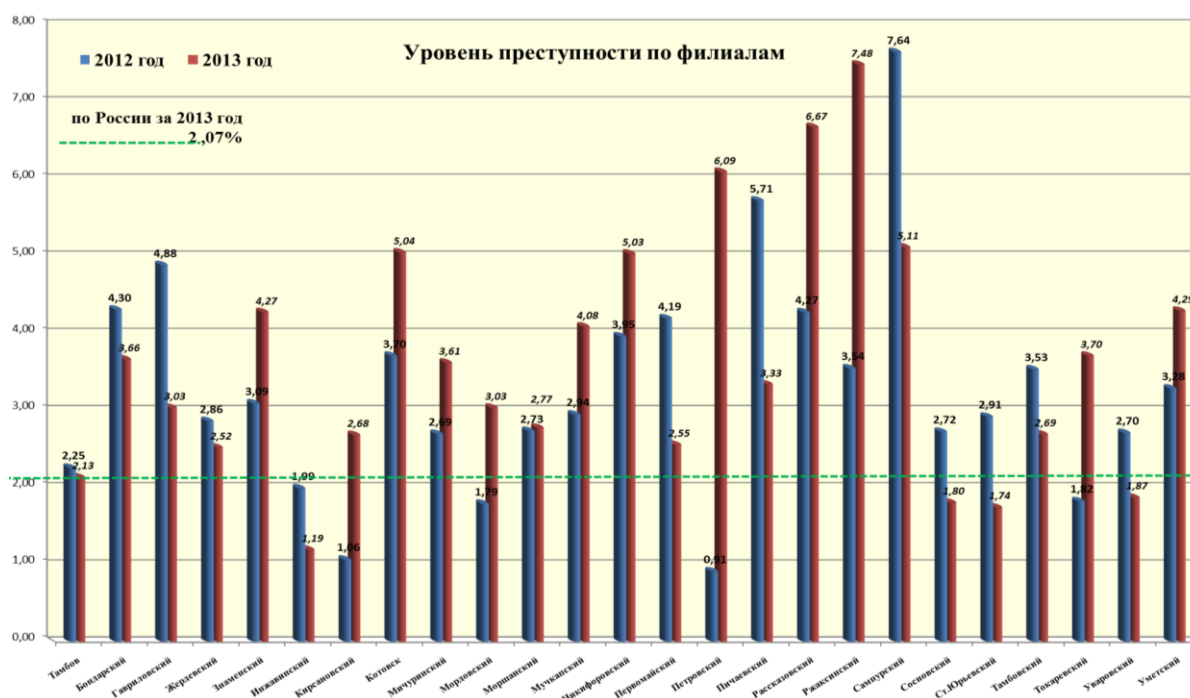

Рис. 2. Уровень преступности по филиалам

Следует также отметить, что в период роста и активизации террористической деятельности (1991–1994 гг.) проводились недостаточно продуманные и рациональные преобразования в системе правоохранитель-

ных органов и армии, что, возможно, было связано с недооценкой степени общественной опасности подобного рода явлений.

В «Концепции национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной

Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24266, под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти [6, с. 3].

В последние годы появилась новая угроза т. н. «тюремного джихада», когда проповедники нетрадиционных для России течений радикал-исламизма вербуют себе сторонников среди осужденных, содержащихся в ИУ и СИЗО.

В связи с этим по инициативе ФСИН России 21 ноября 2013 г. состоялась Всероссийская конференция по теме «О мерах по противодействию распространению в исправительных учреждениях радикализма, религиозного экстремизма». В мероприятии приняли участие представители Администрации Президента Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Верховного суда Российской Федерации, Национального антитеррористического комитета, Государственного антинаркотического комитета, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства регионального развития Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, общественных объединений, религиозных и правозащитных организаций, образовательных учреждений.

По мнению участников конференции, уголовная среда может стать наиболее благоприятным источником вербовки в свои ряды «новых воинов джихада», поскольку уголовная субкультура предполагает презрение не только к сотрудникам правоохранительных органов, но и государству в целом. Эксперты считают, что осужденный, находящийся в исправительном учреждении и активно проповедующий идеологию радикального ислама, способен за короткий срок привлечь в ряды своих сторонников 5–7 и более человек [7].

Радикально ориентированные группировки, стремясь перетянуть на свою сторону больше сторонников, широко используют в

качестве инструмента религиозные экстремистские материалы. С начала текущего года в исправительных учреждениях УИС уже зафиксировано 97 случаев изъятия запрещенных на территории Российской Федерации экстремистских материалов. По состоянию на 1 октября 2013 г., в местах лишения свободы на учете состоят 426 осужденных, исповедующих экстремистскую идеологию. По сравнению с прошлым годом их число выросло на 40 %. ФСИН России констатирует в настоящее время также рост с 1056 в 2012 г. до 1119 числа осужденных за преступления террористического и экстремистского характера.

Понятие рецидива существует также в законодательстве зарубежных государств. Но необходимо отметить, что между уголовно-правовыми системами имеются существенные различия в определении понятия рецидива.

Согласно УК стран СНГ, рецидивом преступлений признается «совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление».

В УК Вьетнама содержится сходная формулировка, которая, однако, допускает наличие рецидива при совершении по неосторожности тяжкого или особо тяжкого преступления (первое осуждение должно быть за умышленное преступление).

В большинстве стран при определении рецидива законодатель не придает значения форме вины. Так, по УК Боливии рецидив наличествует в случае, если осужденный по окончательному приговору в стране или за рубежом совершает новое преступление, и с момента отбытия первого наказания прошло менее 5 лет.

Уголовное законодательство ряда стран (Аргентина, КНР, Республика Корея, Швейцария, Япония) при определении рецидива учитывает только серьезные преступления, влекущие лишение свободы.

Так, по УК Аргентины рецидивом признается совершение преступления лицом, отбывшим полностью или частично назначенное судом страны наказание в виде лишения свободы, если новое преступление подлежит такому же наказанию.

Согласно УК КНР, рецидив образуется при повторном осуждении к срочному лишению свободы и более высокой мере наказания.

По УК Японии рецидивом признаются только случаи, когда лицо, приговоренное к лишению свободы с принудительным трудом, в течение пяти лет со дня окончания исполнения наказания или дня освобождения от его исполнения опять совершило преступление, за которое должно быть назначено срочное лишение свободы с принудительным трудом [8, с. 7-8].

По УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются судимости:

а) за умышленные преступления небольшой тяжести;

б) за преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет;

в) за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись, и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, а также снятые или погашенные судимости [4, с. 1-2].

В заключение хотелось бы добавить, что рецидив преступлений – это, пожалуй, сегодня одна из тех проблем, которые необходимо изучать более глубоко как представителям научного сообщества, так и законодательной власти. Для предотвращения и пресечения рецидива преступлений террористической направленности необходимы более тесное межведомственное сотрудничество, государственная поддержка, ужесточение ответственности за преступления, связанные с терроризмом, религиозным экстремизмом, а также грамотная кадровая подготовка сотрудников исправительных учреждений и активная контрпропагандистская работа. Кроме того, осуществляя в исправительных учреждениях работу по подготовке осужденных к освобождению, необходимо понимать особую важность постпенитенциарной реабилитации данной категории лиц.

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.: утверждена распоряжением правительства от 14.10.2010 г. № 1772-р. URL: http://fsin.su/document/index.php?ELEMENT_ID=6663 (дата обращения: 20.11.2013).
2. Гуськов Н.М. Рецидив преступлений и уголовная ответственность. М., 2007.
3. О безопасности: федеральный закон 28.12.2010 г. № 390-ФЗ. Доступ из информационно-правового портала ГАРАНТ.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации (в ред. от 02.11.2013 г.). М., 2013.
5. Об утверждении Отчета о деятельности Федеральной службы исполнения наказаний за 2012 г., Плана работы и Показателей деятельности Федеральной службы исполнения наказаний на 2013 г.: приказ Минюста РФ от 29.03.2013 г. № 43. Доступ из информационно-правового портала ГАРАНТ.
6. Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ от 10.01.2000 г. № 24266. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html> (дата обращения: 20.11.2013).
7. О мерах по противодействию распространению в исправительных учреждениях радикализма, религиозного экстремизма: резолюция Всероссийской конференции от 29.11.2011 г. URL: http://www.fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=111459 (дата обращения: 20.11.2013).
8. Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М., 2009.

1. Kontseptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii do 2020 g.: utverzhdena rasporyazheniem pravitel'stva ot 14.10.2010 g. № 1772-r. URL: http://fsin.su/document/index.php?ELEMENT_ID=6663 (data obrashcheniya: 20.11.2013).
2. Gus'kov N.M. Retsidiv prestupleniy i ugolovnaya otvetstvennost'. M., 2007.
3. O bezopasnosti: federal'nyy zakon 28.12.2010 g. № 390-FZ. Informatsionno-pravovoy portal GARANT.
4. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (v red. ot 02.11.2013 g.). M., 2013.
5. Ob utverzhdenii Otcheta o deyatel'nosti Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy za 2012 g., Plana raboty i Pokazateley deyatel'nosti Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy na 2013 g.: prikaz Minyusta RF ot 29.03.2013 g. № 43. Informatsionno-pravovoy portal GARANT.
6. Kontseptsiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii, utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 10.01.2000 g. № 24266. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html> (data obrashcheniya: 20.11.2013).
7. O merakh po protivodeystviyu rasprostraneniyu v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh radikalizma, religioznogo ekstremizma: rezolyutsiya Vserossiyskoy konferentsii ot 29.11.2011 g. URL: http://www.fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=111459 (data obrashcheniya: 20.11.2013).
8. Esakov G.A., Krylova N.E., Serebrennikova A.V. Ugolovnoe pravo zarubezhnykh stran. M., 2009.

Поступила в редакцию 19.12.2013 г.

UDC 343.9(075)

RELAPSE OF CRIME AS A FACTOR ENDANGERING THE PUBLIC AND NATIONAL SECURITY OF RUSSIAN FEDERATION ON EXAMPLE OF TAMBOV REGION

Vitaliy Vyacheslavovich KIDYAYEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Competitor, Criminal Law and Criminology Department, e-mail: sawa13@mail.ru

The concept of relapse as a kind of plurality of crimes, theoretical questions of the legal nature of the recurrence of crime, its causes and consequences, both in the framework of the Russian legislation, and on the example of foreign countries is considered. The significance of the «terrorist recurrence» of its danger to the state and society is disclosed. A comparison of the Russian criminal legislation against relapse criminal law of foreign countries is given. Statistics and indicators of repeated crime in the Tambov region are studied, which are threat factor in relation to national security and public safety. Proposals to improve the criminal and penal policy of the Russian Federation are formulated. It is concluded that, to prevent and suppress terrorist crimes relapse a closer inter-agency cooperation, state support, tightening liability for crimes related to terrorism and religious extremism are needed. Furthermore, carrying out work in correctional facilities for the preparation of a repeat offender convicted of liberation it is necessary to understand the particular importance of post-penitentiary rehabilitation of this category of persons.

Key words: terrorism; extremism; national security; public security; relapse; criminal responsibility; convict; legislation.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ НАКАЗАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕАЛИЗАЦИИ

© Владимир Юрьевич СТРОМОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса, проректор
по экономико-правовым вопросам и инфраструктурному развитию,
e-mail: vladimir_stromov@mail.ru

Рассмотрены отдельные виды наказания, не связанные с лишением свободы, за преступления на современном этапе противодействия преступности. Внесены предложения по их оптимизации в контексте повышения эффективности уголовной ответственности. Указано, что многие аспекты уголовно-правовой доктрины, в т. ч. понятие наказания, его формы, виды и содержание, так и не нашли единообразного толкования. Проведен анализ ныне действующих норм Общей части УК РФ, регламентирующих уголовно-правовые последствия для лиц, совершивших преступления, карающихся данными видами наказания. Рассмотрены основания для применения штрафа, исправительных и принудительных работ в качестве мер наказания, проанализировано взаимодействие уголовно-правовых отношений и уголовной ответственности в механизме уголовно-правового регулирования данных видов наказания. Исследованы пути реализации видов наказания, не связанных с лишением свободы, степень их эффективности, способы оптимизации, а также направления законодательного совершенствования в целях предупреждения преступлений и преступности. Предложены проекты уголовно-правовых норм относительно реализации штрафа, исправительных и принудительных работ в качестве видов наказания.

Ключевые слова: виды наказания; штраф; принудительные работы; исправительные работы; эффективность реализации; иные меры уголовно-правового характера; уголовная ответственность; Уголовный кодекс Российской Федерации.

В отечественной уголовно-правовой доктрине на современном этапе ее развития многие аспекты, в т. ч. понятия наказания, его целей, функций, содержания и методов реализации, так и не нашли единообразного толкования. Под целями наказания мы понимаем ожидаемые общественно-полезные социальные изменения в результате его реализации, а под функциями – специфические свойства, формы, виды применения, выражающиеся в основных направлениях их воздействия как на виновных, так и на других лиц. Необходимо констатировать, что в числе разновидностей наказания, не связанных с лишением свободы, особое место благодаря оптимальной реализуемости и максимальной эффективности занимает штраф.

Штраф представляет собой денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных ч. 1 ст. 46 УК РФ, которое осуществляется путем лишения осужденного части имущества, выраженной в определенной сумме. Законодатель выделяет общую и специальную функции реализации штрафа. К общей функции реализации штрафа относятся:

1) социальная интеграция отдельных индивидов в жизнь общества;

2) материально-имущественное устрашение виновного и других, неустойчивых и склонных совершать правонарушения и преступления лиц;

3) удовлетворение ущемленного чувства социальной справедливости потерпевшего лица.

Специальная функция реализации штрафа включает следующие составляющие:

1) индивидуально-фискальная сущность, которая заключается в оказании материального воздействия на осужденного;

2) устранение имеющихся социальных противоречий между преступным поведением виновного и последующими нравственно-профессиональными требованиями, предъявляемыми к характеру его работы при производстве назначенных судом удержаний из зарплаты осужденного в порядке рассрочки уплаты штрафа.

Будучи видом т. н. «имущественного наказания», штраф характеризуется целым рядом положительных черт, преимуществ по отношению к другим разновидностям наказания:

1) максимальное воздействие на преступника без применения к нему чрезвычайных и строгих мер государственного принуждения;

2) потенциальная гибкость индивидуализации данной меры и высокая эффективность при назначении в качестве основного вида наказания;

3) необходимость сокращения удельного веса лишения свободы в структуре наказуемости преступлений и снижение наполненности отечественных пенитенциарных учреждений;

4) отсутствие необходимости специальной исполнительной системы;

5) повышение доходов государственного бюджета.

Кроме того, согласно содержанию уголовной политики Российской Федерации и в соответствии с положениями, закрепленными в «Токийских правилах» ООН 1990 г. и Резолюции Комитета министров Совета Европы «О некоторых мерах наказания, альтернативных лишению свободы» 1976 г., необходимо отдавать предпочтение наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества [1].

Поскольку штраф назначается в пределах, предусмотренных УК РФ, то на основании положений ч. 2 ст. 46 он устанавливается в размере от 5 тыс. до 1 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет либо исчисляется в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки. При этом штраф в размере от 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период свыше трех лет может назначаться только лишь за тяжкие и особо тяжкие преступления в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ, за исключением случаев исчисления размера штрафа, исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа или взятки. Вследствие того, что отечественный законодатель предпринял столь «радикальное решение» об установлении кратных размеров штрафа за совершение целого ряда коррупционных составов преступлений, то основная идея данных коррелирующих состояла в оптимизации уголовно-правовых мер по более эффективному противодействию коррупции в Российской Федерации [2]. В результате предпринятых су-

щественных изменений и дополнений УК РФ в настоящее время штрафы за получение взятки, дачу взятки, посредничество во взяточничестве и коммерческий подкуп исчисляются по унифицированному для санкций данных составов преступлений принципу: чем больше размер взятки либо чем наиболее общественно-опасным является то или иное квалифицирующее обстоятельство, тем выше кратность штрафа, который вправе назначить суд. Как нам представляется, такой концептуальный подход законодателя и созданная разработчиками «оценочная шкала» уголовно-правового измерения уровня общественной опасности содеянного деяния вполне оправданы и достаточно оптимальны. Однако при этом данные положения не соответствуют принципу неотвратимости уголовной ответственности, создавая трудности в исправлении осужденного и эффективной реализации целей наказания. Так, например, согласно ч. 6 ст. 290 УК РФ, за получение взятки в особо крупном размере предусматривается штраф в 80–100-кратном размере суммы взятки. Соответственно, верхний предел штрафа на основании положений ч. 2 ст. 46 УК РФ составляет 500 млн руб., создавая при реализации закономерные трудности, приводя к исполнению только лишь чуть больше трети приговоров судов Российской Федерации к данному виду наказания.

Анализируя эффективность реализации наказания в виде штрафа, на наш взгляд, следует рассмотреть целый ряд обстоятельств, систематически препятствующих его оптимальному исполнению на практике. Во-первых, исходя из положений ст. 31 УИК РФ, осужденный обязан уплатить штраф в течение 30 дней со дня вступления приговора суда в законную силу. Однако на практике оштрафованные лица нередко избегают добровольной его уплаты, используя различные способы в виде предоставления медицинских справок, иных официальных документов, удостоверяющих нетрудоспособность или отсутствие какого-либо имущества, подлежащего описи. Во-вторых, предусмотренный в соответствии с ч. 1 ст. 31 УИК РФ тридцатидневный срок используется осужденными для того, чтобы скрыть имущество, источники своих доходов, осуществить манипуляции с объектами недвижимости, что систематически затрудняет исполнительное производство. В-третьих, на основании положений ст. 32 УИК РФ в отношении осужденных,

злостно уклоняющихся от уплаты штрафа, судебный пристав-исполнитель направляет в суд представление о его замене другим видом наказания. Таким образом, «злостность» подразумевается в случае, когда оштрафованный гражданин имел возможность уплаты штрафа, но избегал этого, скрывая доходы, имущество от описи или укрывая уже описанные предметы. В случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, исходя из положений ч. 5 ст. 46 УК РФ, он заменяется иным наказанием за исключением лишения свободы. Поскольку законодатель не определил виды наказаний, назначаемых в качестве замены штрафа, то в случае злостного уклонения, исходя из положений постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» имеется возможность действовать в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей или частью статьи Особенной части УК РФ¹. Предпринятая законодателем необоснованная редакция ч. 5 ст. 46 УК РФ в Федеральном законе РФ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ привела к дестабилизации практики порядка замены, и эту ошибку необходимо исправить в настоящее время.

Отечественная система наказаний на сегодняшний день является одной из самых представительных по своему объему и наиболее дифференцированных среди национальных уголовных законодательств, будучи при этом недостаточно оптимально реализуемой и по сути своей неэффективной [3–13]. Несмотря на то, что она была расширена законодателем Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ за счет принудительных работ на основании пункта «з. 1» ст. 44, ст. 53¹ УК РФ и в настоящее время содержит три вида наказания, связанные с трудом осужденных лиц. Хотя именно в ситуации продолжающегося мирового экономического кризиса и сохраняющейся в стране массовой безработицы предпринятые корреляции алогичны. Например, некоторые но-

веллы УК РФ (как принудительные работы, так и арест) не обеспечены ни материально-техническим, ни организационным образом и могут из-за отсутствия в настоящее время специализированных учреждений – исправительных центров и арестных домов – стать традиционными для отечественного законодательства т. н. «отложенными видами наказания». Вследствие того, что ч. 2 ст. 60¹ УИК РФ допускает отбывание принудительных работ в иных местах, расположенных на территории любого другого субъекта Федерации, в котором имеются условия для их размещения (привлечения к труду), то это нарушает принцип равенства и влечет снижение воспитательного потенциала данного вида, назначаемого как альтернатива лишению свободы.

Поскольку немало вопросов возникает как в теории уголовного права, так и в правоприменительной практике в связи с существенными корреляциями системы наказания, то наиболее актуальной проблемой является включение в УК РФ ст. 53.1 «Принудительные работы» [14–15]. Принудительные работы применяются в качестве альтернативы лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого общественно-опасного деяния впервые. Так, согласно положениям ч. 2 ст. 53.1 УК РФ: «Если, назначив наказание в виде лишения свободы, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без отбывания наказания в местах лишения свободы, он постановляет заменить осужденному наказание в виде лишения свободы принудительными работами. При назначении судом наказания в виде лишения свободы на срок более пяти лет принудительные работы не применяются». В соответствии со ст. 37 Конституции РФ труд свободен, и каждый вправе заниматься любой трудовой деятельностью по своему выбору. На основании данного конституционного положения свобода труда, включая право на труд, который каждый трудоспособный выбирает или на который соглашается, право каждого лица распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род трудовой деятельности несовместимы с принудительным трудом и (или) дискриминацией. Исходя же из положений ратифицированной Российской Федерацией Европейской

¹ См. напр.: БВС РФ. 1994. № 5. С. 7; БВС РФ. 1994. № 6. С. 15-16; БВС РФ. 1996. № 3. СЮ; БВС РФ. 1997. № 4. С. 7; БВС РФ. 1997. № 5. С. 17; БВС РФ. 1999. № 3. С. 20; БВС РФ. 1999. № 5. С. 11-12; БВС РФ. 1999. № 7. С. 9; БВС РФ. 2000. № 1. С. 9-10; БВС РФ. 2000. № 3. С. 16-17; БВС РФ. 2002. № 9. С. 15; БВС РФ. 2002. № 12. С. 7; БВС РФ. 2003. № 8. С. 21; БВС РФ. 2003. № 12. С. 17.

социальной хартии от 3 мая 1996 г. перечисленные в части первой этого акта права и принципы («Каждый человек должен иметь возможность зарабатывать себе на жизнь трудом путем свободного выбора профессии и занятий») официально признаны в качестве целей внутренней политики государства. По нашему мнению, само наименование законодателем ст. 53.1 УК РФ «Принудительные работы» противоречит положениям ч. 2 ст. 37 Конституции РФ, т. к. нормы Основного закона государства прямо и без каких-либо оговорок закрепляют запрет принудительного труда. Каждое лицо, осужденное на принудительные работы, обязано трудиться только в тех местах и на тех видах работ, которые определены администрацией исправительных центров, обязанной, исходя из наличия рабочих мест, привлекать данных лиц к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и (по возможности) специальности. Вместе с тем на практике осужденные к принудительным работам привлекаются к труду в организациях любой организационно-правовой формы. Также у осужденного из заработной платы систематически производятся удержания в доход государства и перечисляются на счет соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы в размере, установленном официально правовым результатом, согласно приговору суда и в пределах от пяти до двадцати пяти процентов заработанного. В случае же уклонения от отбывания данный вид наказания заменяется лишением свободы из расчета один день лишения свободы на один день принудительных работ. По нашему мнению, проведенный сравнительный анализ этих положений УК РФ показал мало отличий в содержании данного вида наказания от уже существовавших с момента принятия уголовного закона исправительных работ. Основные различия между видами наказания состоят в наличии следующих обстоятельств:

- во-первых, исправительные работы могут отбываться осужденным на месте его работы, а принудительные работы исполняются только в местах, определенных судом, – исправительных центрах;

- во-вторых, максимальный срок исправительных работ составляет до двух лет, а принудительных работ – до пяти лет;

- в-третьих, принудительные работы не назначаются несовершеннолетним лицам.

Вследствие того, что законодателю вообще не было никакой необходимости, нарушив конституционный запрет, вводить в систему еще один вид наказания, назначавшийся крайне редко, несмотря на свою многолетнюю историю, и похожий по своему содержанию на уже имеющиеся в ней исправительные работы, то на основании вышеизложенного мы можем сделать вывод о необходимости исключения принудительных работ из УК РФ.

-
1. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 (с изм. на 17.07.2009) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3608.
 2. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 г. № 6 (с изм. на 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5.
 3. *Дворецкий М.Ю., Стромов В.Ю.* Система уголовных наказаний: история развития, сущность, цели, применение и эффективность. Тамбов, 2007.
 4. *Дворецкий М.Ю.* Направления совершенствования системы отдельных видов уголовных наказаний и иных мер исправления и безопасности в контексте оптимизации уголовной ответственности по УК ФРГ // «Черные дыры» в российском законодательстве». 2009. № 5. С. 86-88.
 5. *Дворецкий М.Ю.* Эффективная реализация уголовной ответственности как оптимальное средство предупреждения преступлений и преступности. Тамбов, 2009.
 6. *Дворецкий М.Ю.* Эффективная реализация уголовной ответственности и процессы глобализации // Сборник материалов 5 Российского конгресса уголовного права / отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2010. С. 651-655.
 7. *Дворецкий М.Ю., Стромов В.Ю.* Эффективная реализация уголовной ответственности // Сборник материалов 7 Российского конгресса уголовного права / отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2012. С. 51-60.
 8. *Дворецкий М.Ю., Стромов В.Ю., Кононыхин С.Ю., Курманова О.Н.* Проблемы назначения наказания в контексте оптимизации уголовной ответственности: вопросы уголовно-правовой теории и эффективной правоприменительной практики. Тамбов, 2011.
 9. *Дворецкий М.Ю.* Иные меры уголовно-правового характера в системе видов уголовной ответственности: оценка состояния и эффективности // Законодательство в борьбе с преступностью: материалы Всероссийской науч-

- но-практической конференции / отв. ред. О.С. Капинус; Академия Генеральной прокуратуры РФ. М., 2010. С. 30-35.
10. Дворецкий М.Ю. Уголовная ответственность: реализация и эффективность // Уголовное право: стратегия развития в XXI в.: материалы 7 Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2010. С. 16-19.
 11. Дворецкий М.Ю. Эффективная реализация уголовной ответственности и процессы глобализации // Материалы 5 Российского конгресса уголовного права / отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2010. С. 651-655.
 12. Дворецкий М.Ю. Предложения по оптимизации отдельных видов уголовной ответственности в контексте повышения их эффективности // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. Вып. 11 (91). С. 280-282.
 13. Дворецкий М.Ю. Эффективная реализация уголовной ответственности // Вестник Воронежского университета МВД России. Воронеж, 2011. Вып. 1. С. 52-58.
 14. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон № 79-ФЗ (с изм. на 25.12.2008) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6235.
 15. О муниципальной службе в Российской Федерации: федеральный закон от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ (с изм. на 25.12.2008) // СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152; СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6235.
-
1. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (с изм. на 17.07.2009) // SZ RF. 1995. № 47. Ст. 4472; SZ RF. 2009. № 29. Ст. 3608.
 2. О судебной практике по делам о взятках и коммерческом подкупе: постановление Plenuma Verkhovnoy Suda RF от 10.02.2000 г. № 6 (с изм. на 06.02.2007) // Byulleten' Verkhovnoy Suda RF. 2000. № 4; Byulleten' Verkhovnoy Suda RF. 2007. № 5.
 3. Дворецкий М.Ю., Стромов В.Ю. Система уголовных наказаний: история развития, сущность, цели, применение и эффективность. Тамбов, 2007.
 4. Дворецкий М.Ю. Направления совершенствования системы отдельных видов уголовных наказаний и иных мер исправления и безопасности в контексте оптимизации уголовной ответственности по УК РФ // "Черные дыры" в российском законодательстве". 2009. № 5. С. 86-88.
 5. Дворецкий М.Ю. Эффективная реализация уголовной ответственности как оптимальное средство предупреждения преступлений и преступности. Тамбов, 2009.
 6. Дворецкий М.Ю. Эффективная реализация уголовной ответственности и процессы глобализации // Сборник материалов 5 Российского конгресса уголовного права / отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2010. С. 651-655.
 7. Дворецкий М.Ю., Стромов В.Ю. Эффективная реализация уголовной ответственности // Сборник материалов 7 Российского конгресса уголовного права / отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2012. С. 51-60.
 8. Дворецкий М.Ю., Стромов В.Ю., Конюшкин С.Ю., Курманова О.Н. Проблемы назначения наказания в контексте оптимизации уголовной ответственности: вопросы уголовно-правовой теории и эффективной правоприменительной практики. Тамбов, 2011.
 9. Дворецкий М.Ю. Иные меры уголовно-правового характера в системе видов уголовной ответственности: оценка состояния и эффективности // Законодательство в борьбе с преступностью: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. О.С. Капинус; Академия Генеральной прокуратуры РФ. М., 2010. С. 30-35.
 10. Дворецкий М.Ю. Уголовная ответственность: реализация и эффективность // Уголовное право: стратегия развития в XXI в.: материалы 7 Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2010. С. 16-19.
 11. Дворецкий М.Ю. Эффективная реализация уголовной ответственности и процессы глобализации // Материалы 5 Российского конгресса уголовного права / отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2010. С. 651-655.
 12. Дворецкий М.Ю. Предложения по оптимизации отдельных видов уголовной ответственности в контексте повышения их эффективности // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. Вып. 11 (91). С. 280-282.
 13. Дворецкий М.Ю. Эффективная реализация уголовной ответственности // Вестник Воронежского университета МВД России. Воронеж, 2011. Вып. 1. С. 52-58.
 14. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон № 79-ФЗ (с изм. на 25.12.2008) // SZ RF. 2004. № 31. Ст. 3215; SZ RF. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6235.
 15. О муниципальной службе в Российской Федерации: федеральный закон от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ (с изм. на 25.12.2008) // SZ RF. 2007. № 10. Ст. 1152; SZ RF. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6235.

Поступила в редакцию 17.12.2013 г.

UDC 343.8

SEPARATE TYPES OF PUNISHMENT: PROBLEMS AND SUGGESTIONS FOR IMPLEMENTATION

Vladimir Yuryevich STROMOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Law and Process Department, Vice Rector for Economical and Law Questions and Infrastructural Development, e-mail: vladimir_stromov@mail.ru

The separate types of punishments without imprisonment for crimes at the present stage of fighting crime are analyzed. Suggestions are made for their optimization in the context of improving the efficiency of criminal responsibility. It is shown that many aspects, including the concept of punishment, its content, the implementation of individual species and their effectiveness have not found a uniform interpretation in domestic criminal law doctrine. The analysis of the current norms of the General Part of the Criminal Code regulating the penal consequences for the perpetrators of crimes is given. The foundation of fines, correctional works as a punishment are considered, the interaction of criminal legal relations and criminal responsibility in the mechanism of criminal legal regulation is analyzed. The implementation of punishment types without imprisonment, the effectiveness, optimization ways, improvement of legislative direction in order to prevent crime and delinquency are disclosed. Projects of criminal law regarding realization of fines, correctional works as punishment types are proposed.

Key words: types of penalties; fine; forced labor; correctional work; effectiveness of implementation; other measures of criminal law; criminal liability; Criminal Code of the Russian Federation.

СПЕЦИФИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© Николай Алексеевич ОГНЕРУБОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор медицинских наук,
профессор, зав. кафедрой онкологии, оперативной хирургии
и топографической анатомии, e-mail: ognrubov_n.a@mail.ru

Проведен криминологический анализ медицинских преступлений, в частности криминальных ятрогений. Отсутствие статистически учтенной ятрогенной преступности ведет к высокому уровню ее латентности, пассивности органов предварительного расследования по делам данной категории, безнаказанности преступников и, как правило, к росту числа преступлений, совершаемых в сфере профессиональной медицинской деятельности. Подчеркивается высокий уровень общественной опасности профессиональных преступлений в сфере деятельности. В результате этих преступлений значительная часть населения лишается возможности получить высококвалифицированную медицинскую помощь в срок и в необходимом объеме, что приобретает социальное и правовое значение, в связи с нарушением конституционных прав граждан на охрану здоровья, оказание медицинской помощи и, в конечном счете, – права на жизнь (ст. 20, 41 Конституции РФ). Представлены факторы, способствующие росту медицинских преступлений. Даны уголовно-правовые признаки, характеризующие личность преступника и мотивацию преступной деятельности медицинских работников.

Ключевые слова: медицинские преступления; криминологический анализ; личность преступника.

Преступления в сфере медицинской деятельности представляются наиболее общественно опасными в ряду преступных деяний, совершаемых в рамках профессиональной деятельности, поскольку во взаимоотношениях «медицинский работник – пациент» последний сознательно и добровольно доверяет жизнь и здоровье врачу, рассчитывая на надежность его профессиональных знаний и высокие нравственные качества. В силу доверительных отношений между врачом и пациентом криминальные ятрогении обладают высокой степенью латентности, а в силу ценности объекта взаимодействия преступника и жертвы – высочайшим уровнем общественной опасности.

Криминологический анализ преступности традиционно осуществляется на основе следственно-судебной практики, а также статистических данных зарегистрированных преступлений. Особенностью криминальных ятрогений является тот факт, что вышеуказанные материалы по данному виду преступности практически отсутствуют. Фактическое представление о состоянии преступности в сфере оказания профессиональной медицинской помощи можно получить преимущественно из материалов, публикуемых

в средствах массовой информации, либо из обращений граждан.

Так, в частности по данным медицинских источников, криминальные ятрогении наиболее часто встречаются при диагностировании в результате постановки неверного диагноза (11–34 %) и ошибочном лечении. Так, например, при хирургическом лечении в Санкт-Петербурге – 72,9 %, в Москве – 73,03 %; терапевтическом – соответственно 13,84 и 18,54 %; при лечении физическими методами – 4,38 и 5,06 % [1, с. 43].

Кроме того, проведенные социологические опросы граждан, медицинских работников, а также сотрудников правоохранительных органов показали, что общее состояние сферы здравоохранения оставляет желать лучшего, а борьбу с преступлениями, совершаемыми при оказании профессиональной медицинской помощи, нельзя назвать эффективной. Так, 40 % опрошенных граждан относят сферу здравоохранения к самой коррумпированной сфере деятельности. При этом, по данным прокуратуры Воронежской области, за 2009 г. было раскрыто только 112 преступлений, из них 2 – причинение смерти по неосторожности, в результате ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, 10 – получение взяток.

ки (в т. ч. 8 – за выдачу фиктивной медицинской справки на право вождения автомобиля, 1 – за выдачу фиктивного листа нетрудоспособности, 1 – за выписку фиктивного больничного листа). За период с 1 января 2011 г. по 1 августа 2012 г. было раскрыто еще меньше – 98 преступлений, из них 83 – нарушение правил уничтожения наркотических и психотропных веществ, 6 – выдача фиктивного медицинского заключения, 5 – злоупотребление служебным положением, 4 – внесение в медицинский акт ложных сведений. Приведенные показатели, с одной стороны, свидетельствуют о, безусловно, положительной тенденции к росту раскрываемости служебных преступлений, совершаемых в сфере медицинской деятельности, с другой, – о полном отсутствии учета преступлений против жизни и здоровья, совершаемых с использованием профессиональных навыков и знаний, т. е. специальным субъектом – медицинским работником. Высокий уровень латентности и отсутствие соответствующей информации явились причинами того, что 48 % опрошенных граждан считают, что истинное число преступлений в сфере здравоохранения не будет известно никогда, тогда как 52 % полагают, что это возможно при должной настойчивости и решительности правоохранительных органов. При этом опрошенные сотрудники правоохранительных органов в своем подавляющем большинстве – 87 % – вообще не сталкивались в своей практике с составами криминальных ятрогений, остальные 13 % отмечали отсутствие судебной перспективы подобных уголовных дел, поскольку 77 % уголовных дел прекращаются на стадиях досудебного производства, а в отношении 15 % подсудимых – медицинских работников – выносятся оправдательные приговоры. Таким образом, только один из двенадцати лиц, обвиняемых в совершении криминальной ятрогении, подвергается уголовному преследованию. Кроме того, большинство следователей и дознавателей не имеют даже теоретического представления о методике расследования уголовных дел о преступлениях, совершаемых медицинскими работниками, что в условиях высокого уровня корпоративности в медицинской сфере (в т. ч. среди судебно-медицинских экспертов), по мнению 69 % респондентов, является серьезным препятствием к выявлению, расследованию и раскрытию преступлений в

сфере профессиональной медицинской деятельности.

Высокая степень общественной опасности криминальных ятрогений помимо вышеизложенного заключается также и в снижении авторитета и престижа системы здравоохранения. Как показали результаты социологического опроса, большинство нареканий со стороны граждан вызывает халатное отношение медицинского персонала к своим обязанностям (38 %), при этом служебная халатность повлекла за собой причинение вреда здоровью 26 % респондентов. С точки зрения пациентов, платная медицинская помощь не гарантирует качество ее оказания (49,5 %), при этом с обманом, касающимся характера заболевания, необходимой диагностики, обязательных лечебных процедур и лекарств в государственной медицине столкнулись 8 % опрошенных, а в частной медицинской практике – 56 %. В качестве причин подобной ситуации назывались: низкий уровень материального обеспечения медицинских работников (22 %), недостаточное финансирование всей системы здравоохранения (64 %), несовершенство законодательства (11 %), иные причины (3 %). Заметим, что состояние медицины работниками указанной сферы оценивается как критическое (37 %), плохое (31 %), на уровне конца 1980-х гг. (9 %), при этом отмечается значительный износ оборудования, оснащение медицинских учреждений менее дорогой и уже изначально морально устаревшей техникой, отток высокопрофессиональных кадров при отсутствии возможности повышения уровня квалификации специалистов. Медицинские работники (73 %) отмечают тенденцию к формированию государственной «элитной» медицины, учреждения которой имеют приоритетное финансирование. Совершенно очевидно, что сложившаяся в сфере здравоохранения ситуация никоим образом не согласуется с декларируемой государственной политикой, проводимой в рамках реализации национального проекта «Здоровье», одной из целей которого является создание условий для нормального психического и физического развития населения посредством: оснащения муниципальных учреждений здравоохранения диагностическим оборудованием и службы скорой медицинской помощи санитарным транспортом; повышения уровня оплаты труда участковых врачей-терапевтов и участковых врачей-педиатров, врачей об-

щей практики (семейных врачей) и медицинских сестер; дополнительной подготовки медицинских работников всех уровней; строительством новых центров высоких медицинских технологий в субъектах Российской Федерации [2].

Проводимые специальные исследования по смежным научным направлениям показывают, что реализация приоритетного национального проекта «Здоровье» сопровождается ростом имущественных преступлений (мошенничество – 43 %, присвоение или растрата – 6 %), в то время как Президент РФ возложил на правоохранительные органы обязанность по правовой охране бюджетных средств, выделяемых на финансирование социальной сферы в целом и здравоохранения в частности. Примечательно, что по пяти уголовным делам, возбужденным по ст. 159, 160 УК РФ в отношении медицинских работников в г. Москва ущерб составил 80 тыс. 983 руб., притом что ни к одному лицу мера пресечения в виде заключения под стражу не избиралась, а возмещения причиненного вреда бюджету не зафиксировано [3, с. 16].

Криминальные ятрогении имеют криминологическую специфику, связанную с характеристиками субъекта преступления. В целях выявления наиболее типичных характеристик и личностных особенностей преступников из числа медицинских работников нами было проведено анкетирование сотрудников правоохранительных органов, проанализированы материалы 134 уголовных дел, 118 заключений судебно-медицинских экспертиз. Одним из основных социально-демографических признаков в характеристике личности преступника – медицинского работника – является пол. Исследование показало, что подавляющее большинство преступлений совершаются женщинами – 77,6 % – и только 22,4 % – мужчинами. Такие показатели обусловлены двумя основными обстоятельствами. Во-первых, анализ занятости в сфере здравоохранения показывает, что медицинские работники – это преимущественно женщины. Во-вторых, на выбор профессии достаточно часто влияют полоролевые факторы. Так, женщины традиционно предпочитают профессии, которые позволяют им больше внимания уделять семье, в связи с чем профессии врача, педагога, воспитателя считаются традиционно женскими [4, с. 59].

Одним из важнейших криминологических признаков, характеризующих личность

преступника, является возраст, который не только определяет физическое состояние и возможности лица, но и круг его интересов, жизненные установки, профессиональную и иные ориентации [5]. От возраста зачастую зависят характер и интенсивность противоправного поведения. Анализ статистических данных показал, что 31,8 % медицинских работников, совершивших преступления, находится в возрастной группе от 46 до 55 лет; достаточно велика доля преступников среди медицинских работников в возрасте 30–39 лет (29,2 %) и в возрасте 40–45 лет (24 %). Возрастные группы 18–29 лет и от 55 лет по общему объему совершаемых преступлений являются менее криминализованными (5,9 и 9,1 %, соответственно).

Лица в возрасте 30–39 лет в основном совершают умышленные преступления против жизни и здоровья с использованием профессиональных навыков и знаний в качестве способа их совершения (40 %), при этом для данной группы достаточно высок процент совершения неосторожных преступлений в сфере лечебной и эстетической медицины (25 %). В возрастной группе 46–55 лет наиболее часто совершаются неосторожные преступления против личности (38,3 %). На долю крайних возрастных групп по совокупности приходится относительно небольшое количество умышленных преступлений (7 %) и иных преступлений (5,3 %), но крайне велик процент совершения неосторожных преступлений против жизни и здоровья (94,1 и 93,6 %, соответственно).

Особый интерес с точки зрения профилактики преступлений в сфере здравоохранения представляет такая характеристика личности преступника как образовательный уровень. Следует отметить, что подавляющее большинство преступлений совершается лицами, имеющими высшее медицинское образование, что характерно для врачебной деятельности в целом (78,6 %); медицинские работники со средним профессиональным образованием совершают 21,4 % преступлений. Несмотря на приведенные показатели, нельзя не отметить, что уровень профессиональной подготовки медицинских работников в настоящее время ужасающе низок, что отмечается самими медиками и выявляется посредством социологических опросов, в соответствии с данными которых российские граждане убеждены (45 %), что современные врачи обладают низким уровнем квалифика-

ции и профессиональных знаний [6]. От 40 до 60 % пациентов сталкивались с ошибками и бездеятельностью врачей, при этом 80 % криминальных ятрогений остаются безнаказанными [7].

К числу уголовно-правовых признаков, характеризующих личность преступника, традиционно относятся характер совершенного преступления, его тяжесть, наличие рецидива преступления, групповой или одиночный характер совершенного преступления. Необходимо отметить, что умышленные преступления с использованием профессиональных знаний и навыков достаточно часто совершались в группе лиц по предварительному сговору (около 12 %), в некоторых случаях медицинские работники участвовали в деятельности преступных сообществ (например, при незаконной трансплантации органов и (или) тканей), однако никто из осужденных ранее не имел судимости за аналогичные преступления. Е.В. Червонных, анализируя сведения, характеризующие осужденных медицинских работников с социальной позиции, приходит к следующим результатам: в целом медицинские работники характеризуются положительно как по месту жительства (66,4 %), так и по месту работы (54,1 %). При этом респонденты, давая отрицательную характеристику виновных медицинских работников, ссылались на такие качества как замкнутость характера, грубость, безответственность, отсутствие заинтересованности и в ряде случаев на злоупотребление с их стороны спиртными напитками, что, например, в большинстве преступлений, совершаемых в сфере лечебной и эстетической медицины, стало решающим фактором для наступления опасных для жизни и здоровья пациентов последствий [8, с. 45].

Следственно-судебная практика показывает, что установление мотивации преступной деятельности медицинских работников является достаточно сложным ввиду того,

что неосторожная форма вины, характерная, как уже было отмечено, для большинства криминальных ятрогений, предполагает бессознательный характер мотивов, поскольку медицинские работники не всегда точно понимают внутреннее содержание своей психической деятельности. Тем не менее, наиболее часто встречаются следующие мотивы: реальная или мнимая боязнь противоположного результата медицинских манипуляций;

лень, выражающаяся в поиске кратчайших путей выполнения стоящих задач с минимальными усилиями; опора на неэффективные, устаревшие, но привычные методы диагностики и лечения; равнодушное отношение к пациентам [9–18].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что значительная часть населения, в т. ч. и по обстоятельствам, обуславливающим рост криминальных ятрогений, лишается возможности получения высококвалифицированной медицинской помощи в срок и в необходимом объеме. Таким образом, названная проблема уже не относится к разряду сугубо медицинских, а приобретает социальное и правовое значение. Последнее объясняется, прежде всего, тем, что нарушаются конституционные права граждан на охрану здоровья, оказание медицинской помощи и, в конечном счете – право на жизнь (ст. 20, 41 Конституции РФ). Проведенный анализ показывает, что отсутствие статистически учтенной ятрогенной преступности ведет к высокому уровню ее латентности, пассивности органов предварительного расследования по делам данной категории, безнаказанности преступников и, как следствие, к росту числа преступлений, совершаемых в сфере профессиональной медицинской деятельности.

1. *Никитина И.О.* Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения): автореф. дис. ... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2007.
2. Российская газета. 2005. № 86; 2006. № 97.
3. *Бахирев А.А.* Реализация приоритетного национального проекта «Здоровье»: проблемы уголовно-правовой статистики, теории и практики // Юридический мир. 2009. № 7.
4. *Волков Б.С.* Основы профессиональной ориентации. М., 2007.
5. *Кургузкина Е.Б.* Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 2003.
6. Медицинский вестник. 2007. № 18 (403). 30 мая. С. 23.
7. *Саверский А.* До страхования надо «дозреть»; *Невинная А.* Белая халатность // Российская газета. 2007. 30 марта.
8. *Червонных Е.В.* Криминологическая характеристика личности преступника – медицинского работника // Общество и право. 2008. № 3.

9. Бойко В.В. Энергия эмоций. СПб., 2004.
10. Burisch M. In search of theory: some ruminations on the nature and etiology of burnout // Professional Burnout: Recent Development in Theory and Research / ed. by W.B. Schaufeli, C. Maslach, T. Marek. L., 1993. P. 75-93.
11. Балахонов А.В., Белов В.Г., Пятибрат Е.Д., Пятибрат А.О. Эмоциональное выгорание у медицинских работников как предпосылка астенизации и психосоматической патологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 11. 2009. Вып. 3. С. 57-71.
12. Кайбышев В.Т. Профессионально детерминированный образ жизни и здоровье врачей в условиях современной России // Медицина труда и промышленная экология. 2006. № 12. С. 21-26.
13. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: Диагностика и профилактика. СПб., 2005.
14. Хетагурова А.К., Касимовская Н.А. Социально-демографические и психологические факторы, влияющие на уход из профессии медицинских сестер на современном этапе // Экономика здравоохранения. 2007. № 2-3 (112). С. 25-29.
15. Арутюнов А.В. Изучение синдрома эмоционального выгорания у врачей-стоматологов и методы его профилактики: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2004.
16. Психология здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. СПб., 2003.
17. Касимовская Н.А. Внедрение школ профессионального здоровья в методологию диспансеризации – одно из направлений сохранения здоровья медицинских работников // Общественное здоровье, управление здравоохранением и подготовка кадров: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 85-летию кафедры общественного здоровья и здравоохранения с курсом экономики им. И.М. Сеченова. М., 2007. С. 179-181.
18. Юрьева Л.Н. Профессиональное выгорание у медицинских работников: Формирование, профилактика, коррекция. К., 2004.
5. Kurguzkina E.B. Teoriya lichnosti prestupnika i problemy individual'noy profilaktiki prestupleniy: avtoref. dis. ... d-ra yur. nauk. M., 2003.
6. Meditsinskiy vestnik. 2007. № 18 (403). 30 maya. S. 23.
7. Saverskiy A. Do strakhovaniya nado «dozret»; Nevinnaya A. Belaya khalatnost' // Rossiyskaya gazeta. 2007. 30 marta.
8. Chervonnykh E.V. Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika – meditsinskogo rabotnika // Obshchestvo i pravo. 2008. № 3.
9. Boyko V.V. Energiya emotsiy. SPb., 2004.
10. Burisch M. In search of theory: some ruminations on the nature and etiology of burnout // Professional Burnout: Recent Development in Theory and Research / ed. by W.B. Schaufeli, C. Maslach, T. Marek. L., 1993. P. 75-93.
11. Balakhonov A.V., Belov V.G., Pyatibrat E.D., Pyatibrat A.O. Emotsional'noe vygoranie u meditsinskikh rabotnikov kak predposylka astenizatsii i psikhosomaticheskoy patologii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 11. 2009. Vyp. 3. S. 57-71.
12. Kaybyshev V.T. Professional'no determinirovanny obraz zhizni i zdorov'e vrachey v usloviyakh sovremennoy Rossii // Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya. 2006. № 12. S. 21-26.
13. Vodop'yanova N.E. Sindrom vygoraniya: Diagnostika i profilaktika. SPb., 2005.
14. Khetagurova A.K., Kasimovskaya N.A. Sotsial'no-demograficheskie i psikhologicheskie faktory, vliyayushchie na ukhod iz professii meditsinskikh sester na sovremennom etape // Ekonomika zdavookhraneniya. 2007. № 2-3 (112). S. 25-29.
15. Arutyunov A.V. Izuchenie sindroma emotsional'nogo vygoraniya u vrachey-stomatologov i metody ego profilaktiki: avtoref. dis. ... kand. med. nauk. M., 2004.
16. Psikhologiya zdorov'ya / pod red. G.S. Nikiforova. SPb., 2003.
17. Kasimovskaya N.A. Vnedrenie shkol professional'nogo zdorov'ya v metodologiyu dispanserizatsii – jedno iz napravleniy sokhraneniya zdorov'ya meditsinskikh rabotnikov // Obshchestvennoe zdorov'e, upravlenie zdavo-okhraneniem i podgotovka kadrov: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 85-letiyu kafedry obshchestvennogo zdorov'ya i zdavookhraneniya s kursom ekonomiki im. I.M. Sechenova. M., 2007. S. 179-181.
18. Yur'eva L.H. Professional'noe vygoranie u meditsinskikh rabotnikov: Formirovanie, profilaktika, korrektsiya. K., 2004.

Поступила в редакцию 16.12.2013 г.

UDC 616-035.7

SPECIFICITY OF CRIMES COMMITTED BY MEDICAL PROFESSIONALS IN THE FIELD OF PROFESSIONAL ACTIVITY: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

Nikolay Alekseyevich OGNERUBOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Medicine, Professor, Head of Oncology, Operative Surgery and Topographical Anatomy Department, e-mail: ognerubov_n.a@mail.ru

The criminological analysis of medical crimes, the criminal iatrogenesis in particular is given. The absence of statistically accounted iatrogenic crime leads to a high level of its latency, passivity of the preliminary investigation of cases in this category, impunity and, as a rule, to an increase in the number of crimes committed in the field of professional medical practice. The high rate of public danger from professional crimes in the sphere of medical activities is considered. As a result of these crimes a lot of the population loses the opportunity to obtain high quality medical care in time and to the extent necessary, that acquires social and legal significance, and in connection with violation of the constitutional rights of citizens to health protection, medical care and ultimately – the right to life (Article 20, 41 of the Constitution). The modern role of factors range is shown that contributes to the increase of medical crimes. The criminal laws elements are given that characterize the criminal personality and criminal activity motivation of health workers.

Key words: medical crimes; criminological analysis; criminal personality.

ХРОНИКА

УДК 821.161.1

НАУЧНЫЙ ЗАМЯТИНСКИЙ ЦЕНТР В ТАМБОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ К 130-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е.И. ЗАМЯТИНА

© Лариса Васильевна ПОЛЯКОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук, профессор,
научный руководитель института филологии, e-mail: ruslit09@rambler.ru

Содержится подробная информация о конкретных результатах работы Международного научно-го центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина, созданного решением Ученого совета ТГУ им. Г.Р. Державина на филологическом факультете (в институте филологии) на базе кафедры истории русской литературы. Деятельность центра в области исследования культурного наследия Е.И. Замятина анализируется на фоне общего состояния современного отечественного и зарубежного замятиноведения и оценивается как активная, многосторонняя и плодотворная.

Изложены цели и задачи создания Замятинского центра как научно-исследовательского, научно-вспомогательного, научно-организационного, учебно-методического структурного образования университета. Освещены основные формы работы центра: написание докторских, кандидатских, магистерских диссертаций, дипломных, курсовых проектов; генерирование новых идей и концепций; укрепление творческих контактов с отечественными и зарубежными специалистами; подготовка к печати монографий, сборников научных трудов, энциклопедий, библиографических указателей, тематических путеводителей и другой литературы; проведение международных и всероссийских научных форумов, в т. ч. молодежных, творческих мастерских ведущих отечественных и зарубежных ученых, научных семинаров, «круглых столов», выставок; организация научных стажировок; создание информационно-библиографической базы данных для коллективного пользования; привлечение финансовых средств для осуществления конкретных научных проектов (грантодеятельность); выступления в СМИ. Приведены конкретные статистические показатели.

За 20 с лишним лет существования научный центр развивался быстрыми темпами, обогатил науку реальными достижениями, общепризнанными новаторскими идеями и подходами.

Ключевые слова: Замятин; Международный научный центр изучения творческого наследия Е.И. Замятина; результаты работы.

В результативности осмысления творчества Е.И. Замятина (1884–1937) по объективным причинам отечественное литературоведение до недавнего времени значительно уступало зарубежному, представленному монографическими трудами А. Шейна (США), Л. Шеффлер (Германия), Р. Гольдта (Германия), А. Гильднер (Польша) и других авторов [1–5]. В процессе «возвращения» Замятина на родину начиная с 1986 г., когда возобновилась публикация его произведений в Рос-

сии, многое сделано: теперь писателю посвящены фундаментальные монографии, обзорные брошюры, многочисленные статьи, докторские и кандидатские диссертации, библиографические указатели. В этой активной и многосторонней деятельности по возрождению имени выдающегося русского писателя и по изучению его творческого наследия значительное место принадлежит Тамбовскому государственному университету им. Г.Р. Державина.

В конце 2012 г. свое 20-летие отметил Международный научный центр изучения творческого наследия Е.И. Замятина в Тамбове. Год от года он развивался достаточно быстрыми темпами. Во время работы 5 Ме-

¹ Статья представляет собой расширенный вариант доклада Л.В. Поляковой на Международной конференции «Русская литература – преемственность и инновация» в Китае (Китайская ассоциация по исследованию русской литературы). Вэйхай, 2013. 23–27 июля.

ждународных Замятинских чтений (2004) Мишель Парфенов (Франция) высоко оценил деятельность центра и подчеркнул: «Центр имеет не только международное, но, учитывая реальную работу центра и обширные международные контакты, и мировое значение» [6, с. 4]. В этой характеристике есть, конечно, преувеличение, однако реально центр активно работает и активизирует научно-исследовательскую мысль не только в пределах Тамбовской области.

Центр выполняет научно-исследовательскую, научно-вспомогательную, научно-организационную, учебно-методическую и координирующую функции прежде всего в реализации возможностей ведущей научной школы Тамбовского региона «Исследование русской литературы в национальном культурном контексте», ее основной специализации «замятиноведение».

В кабинете центра собран богатый диссертационный, книжный и документальный фонд, включающий более 800 единиц хранения, в том числе многочисленные автографы. Он служит базой для прохождения стажировок специалистов, представителей научных центров России и зарубежья, учителей. В текущем учебном году стажировку прошли аспиранты Валентина Бертола (Католический университет в Милане, Италия) и Наталья Аксенова (Томский государственный политехнический университет, Россия).

Целью организации Замятинского центра стало создание на родной для Е.И. Замятина земле научно-исследовательской, информационно-библиографической, учебно-методической базы для изучения проблемных вопросов истории русской литературы XX столетия через освоение сложной творческой судьбы «русского англичанина».

В *задачи* центра входят: приобщение к изучению наследия писателя новых исследователей; активный обмен результатами анализа, в т. ч. с зарубежными коллегами; собирание, сохранение и распространение необходимой научной информации; обеспечение возможности работы с созданной в Тамбове базой данных молодым и опытным филологам не только в соседних с тамбовским, но и в отдаленных от центра России регионах; максимальное использование потенциала замятинского творчества в рамках филологического воспитания учащейся молодежи.

Основными формами работы центра являются: написание докторских, кандидатских, магистерских диссертаций, дипломных, курсовых проектов; подготовка к печати монографий, сборников научных трудов, энциклопедий, библиографических указателей, тематических путеводителей и другой литературы; проведение международных и всероссийских научных форумов, в т. ч. молодежных, творческих мастерских ведущих отечественных и зарубежных ученых; организация научных стажировок; создание информационно-библиографической базы данных для коллективного пользования; проведение научных семинаров; привлечение финансовых средств для осуществления конкретных научных проектов (грантодеятельность); выступления в СМИ.

Российские и зарубежные творческие контакты:

- Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН;
- Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
- Ягеллонский университет (Польша, Краков) (филиал центра, рук. профессор А. Гильднер, Х. Вашкелевич);
- Лозаннский университет (Лозанна, Швейцария) (представительство центра, профессор Л. Геллер);
- Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (филиал центра, рук. профессор Н.Н. Комлик);
- Мичуринский государственный педагогический институт (Лаборатория по изучению языка Е. И. Замятина, рук. профессор Е.В. Алтабаева);
- отделы Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (главным образом, доктор культурологии М.Ю. Любимова);
- библиотека Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (И.А. Брюханова);
- ведущие специалисты из университетов Парижа (Франция), Пекина (КНР), Майнца (Германия), Оксфорда (Великобритания), Остравы (Чехия), Варшавы (Польша), Чикаго (США), Луцка (Украина), Минска (Беларусь), Караганды (Казахстан), Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Твери, Саратова, Великого Новгорода, Йошкар-Олы, Томска, Ишима, Тюмени, Барнаула, Волгограда,

Петрозаводска, Липецка, Белгорода, других учебных заведений России и зарубежья.

На базе центра, помимо работ по иной разнообразной историко-литературной и литературно-теоретической проблематике, написаны и успешно защищены 3 докторские [7–9] и 26 кандидатских диссертаций [10–35] по творчеству Е.И. Замятина.

Уже традиционным научным форумом по обсуждению проблемных вопросов замятиноведения стали *Международные Замятинские чтения в Тамбове*. Сегодня Тамбов, наряду с Санкт-Петербургом и Лозанной (Швейцария), является ведущим исследовательским центром, где на протяжении более двадцати лет проводится интенсивная работа по «возвращению» к российскому читателю творческого наследия выдающегося писателя, родившегося в тамбовской Лебедяни (ныне Липецкая область). Международные Замятинские чтения организуются совместно с Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Проводятся научные конференции и в Елецком государственном университете им. И.А. Бунина. Международные чтения стали ярким катализатором современных приоритетов в замятиноведении. Они сориентировали исследователей на изучение художественного мира, самобытной поэтики Замятина. На чтениях закрепились устойчивая тенденция к комплексному изучению творческого наследия писателя. Замятин, пожалуй, впервые освободился от политических оценочных клише и впервые предстал как выдающийся «словопоклонник», мастер русского художественного слова.

Роман «Мы» по-прежнему находится в центре внимания отечественных и зарубежных замятиноведов, однако совершенно четко прослеживается изменение угла зрения исследователей на самое знаменитое произведение писателя. На втором плане остались социально-идеологические споры вокруг романа, на первый же выдвинулись проблемы «дешифровки» оригинальной поэтики, изучение литературно-философского и историко-культурного контекстов замечательного творения Замятина. Обозначился стойкий интерес к жанровому своеобразию романа.

От чтений к чтениям расширяется не только исследовательская проблематика, но и география их участников. Ряды известных, маститых замятиноведов постоянно попол-

няют новые имена: молодые доктора и кандидаты наук, аспиранты, студенты. Это будущее науки о Замятине.

Чтения проводятся с 1992 г. Всего на них прочитано около 900 научных докладов и сообщений. Наиболее интересные из них опубликованы.

Своими первыми впечатлениями от чтений (Вторые Замятинские чтения, 1994) на страницах парижской газеты «Русская мысль» поделился с читателями известный французский и швейцарский славист профессор Л. Геллер. Он высказал ряд чрезвычайно интересных мыслей не только о состоянии современного замятиноведения, но и о культурном возрождении новой России. «Не исключено, что рождается новая академическая традиция: Тамбов застолбил Замятина как «своего писателя», благо родился тот в недалекой Лебедяни, – писал Л. Геллер. – Автора этих строк, запуганного постоянными воплями русских и западных «Средств массовой информации» о крушении культуры в России, тамбовские чтения несколько успокоили, показав, что провинциальные центры как будто обретают ту культуру, которая отличала их до революции» [36].

В 2009 г. расширен формат Замятинских чтений, они преобразованы в Конгресс литературоведов, и в Тамбове состоялся Первый Международный конгресс «Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. К 125-летию Е.И. Замятина». В начале осени юбилейного для Замятина 2014 г. планируется проведение Второго Международного конгресса совместно с Восточноевропейским национальным государственным университетом им. Леси Украинки (г. Луцк, Украина).

Разнообразна *издательская деятельность центра*. Учитывая малый тираж тамбовских изданий, для специалистов приведу проблематику исследований в соответствии с оглавлениями изданий. В 1992 г. в Тамбове вышло небольшое издание «Творчество Евгения Замятина. Проблемы изучения и преподавания. Материалы Первых российских Замятинских чтений 21–23 сентября 1992 года»: Ванюков А.И. Повести Е. Замятина: поэтика жанра; Ачкасова Л.С., Шаронова В.С. Е. Замятин и А. Чаянов (идеи социального прогнозирования в прозе 20-х годов); Полякова Л.В. Евгений Замятин и Октябрь: писа-

тель в современной критике и творчестве; *Стрельцов А.М.* Художественное мышление писателя и художественная цельность произведения (Роман «Мы» в контексте творчества Замятина); *Мущенко Е.Г.* Об одном из источников стиливого своеобразия прозы Е. Замятина; *Харчевников А.В.* Е.И. Замятин и «школа А.М. Ремизова»; *Иванова Т.В.* Художественные миры Евгения Замятина: «Россия» и «Русь» (Автор и его герои в рассказах «Пещера» и «Русь»); *Колядич Т.М.* Язык и образ. О стиливых особенностях воспоминаний Е. Замятина; *Черников А.П.* И. Шмелев и Е. Замятин (К проблеме изображения «маленького человека» в русской литературе 1910-х годов); *Трофимов В.М.* Е. Замятин и русская эпика. Особенности эстетики и поэтики; *Попков В.И.* Русскость, женскость, древность города Кустодиева («Пестрое узорчье присловий» в рассказе Е.И. Замятина «Русь»); *Филат Т.В.* Гуманизм ранних рассказов Е. Замятина («Уездное», «Непутевый», «Три дня»); *Резун М.А.* Жанровое своеобразие повестей Е.И. Замятина 1910-х годов; *Пилипчук Е.Л.* Сказовая полифоничность в повести Е.И. Замятина «На куличках»; *Золототрубова Н.Н.* Пространственные представления и их решение в повестях Е. Замятина «Алатырь» и «Островитяне»; *Сваровская А.С.* Тема материнства в прозе Е.И. Замятина 10–20-х годов; *Дмитриева Л.И.* Поэтика сказки Е. Замятина «Ангел Дормидон»; *Михеев Ю.Э.* Структура художественного времени в цикле сказок Е.И. Замятина про Фиту; *Иванов А.И.* Русская провинция в повести Е. Замятина «Уездное» и в окуповском цикле М. Горького; *Бондарь В.С.* Евгений Замятин о русском национальном характере; *Владимиров О.Н.* И. Бунин и Е. Замятин (К проблеме национального характера); *Искржицкая И.Ю.* Е. Замятин и «математический код» русского символизма; *Мирюшкин В.Д.* Проблема гуманизма в рассказах Е. Замятина; *Шенцева Н.В.* Художник и время в литературно-критических и публицистических статьях Е. Замятина 20-х годов; *Пилипчук Е.Д.* О пародийном использовании штампов русского и немецкого романтизма XIX века (из наблюдений над стилем Е. Замятина); *Яковлева И.П.* Человек и мир в творчестве Е. Замятина и обэриутов; *Хворова Л.Е.* Поэтика неореализма (С.Н. Сергеев-Ценский и Е.И. Замятин); *Архангельская Н.Н.*

Поэтика рассказа Е. Замятина «Наводнение»; *Авдошенко Е.В.* Замятин-критик; *Алтабаева Е.В.* Оптативные предложения в прозе Е. Замятина; *Лемещенко В.А.* Е. Замятин в школьном изучении; *Палабугин В.К.* Провидец печального будущего России; *Бесчетникова С.В.* Гротеск как средство художественного прогнозирования в романе-антиутопии Е. Замятина «Мы»; *Тихонов И.А.* Мифологическое в романе Е.И. Замятина «Мы»; *Караган Т.А.* Мифопоэтическая традиция в романе Е. Замятина «Мы»; *Мотричкина-Борисова Е.Г.* Проблема художественного времени в романе Е. Замятина «Мы»; *Спиридонова И.А.* «Чевенгур» А. Платонова в зеркале «Мы» Е. Замятина (к вопросу жанрового своеобразия); *Каньков Ю.С., Герасимова Н.И.* Традиции романа Е. Замятина «Мы» в английской литературе (Хаксли, Оруэлл); *Гончаров П.А.* Природное и механическое в ценностной иерархии Е. Замятина; *Селезнева Л.Д.* Женская тема в романах-антиутопиях «Мы» Е. Замятина и «1984» Д. Оруэлла; *Черноярова М.Ю.* Антиутопические мотивы произведений Достоевского в романе Замятина «Мы»; *Гостилович Т.А.* Сходство социально-экономических воззрений А. Чаянова и Е. Замятина; *Аносов А.В.* Традиции антиутопии Е. Замятина в произведениях современной социальной фантастики; *Старыгина Н.Н.* Характер и маска? (К проблеме интерпретации темы талантливости русского человека Н.С. Лескова в «Левше» и Е.И. Замятина в «Блохе»); *Красовская С.И.* Идеи гуманизма в творчестве Е. Замятина и А. Платонова; *Ляпаева Л.В.* Личность писателя в оценке Е.И. Замятина (по очеркам «Андрей Белый», «М. Горький»); *Потанина Н.Л.* Герберт Уэллс в оценке Е. Замятина; *Матушкина В.И.* Эссе Е. Замятина «Москва – Петербург» (писатель о судьбе культуры); *Пейкова А.К.* Тема будущего в творчестве Е. Замятина и В. Маяковского; *Ильина Т.А.* Е. Замятин и М. Булгаков (к истории творческих взаимоотношений); *Нечаева М.В.* Замятин и Осоргин; *Косякова С.А.* Некоторые вопросы роли критика в творчестве Е. Замятина и А. Мерзлякова; *Блохина Н.Г.* Лингвистический анализ текста рассказа Е. Замятина «Русь».

С начала 1994 г. выходит многотомное серийное издание «Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня». Вышло 14 книг. Издание включает материалы Меж-

дународных Замятинских чтений, состоявшихся в Тамбове, а также Международного интернет-семинара «Теория синтетизма Е.И. Замятина и художественная практика писателя: эстетический ресурс русской литературы XX–XXI веков» [38]. Известные и молодые ученые из разных стран исследуют яркое многожанровое наследие замечательного русского писателя. На страницах издания анализируются вопросы уникальной замятинской поэтики, особенности творческой эволюции художника-«еретика», традиции и новаторство прозаика, драматурга, публициста, литературного критика и теоретика, переводчика, воспитателя литературной молодежи, его роль в литературно-общественном движении первых десятилетий XX в. Предлагаются оригинальные интерпретации отдельных художественных произведений. Приведу годы издания и объем книг: кн. I (1994, 304 с.), кн. II (1994, 270 с.), кн. III (1997, 203 с.), кн. IV (1997, 236 с.), кн. V (1997, 170 с.), кн. VI (1997, 175 с.), кн. VII (2000, 192 с.), кн. VIII (200, 188 с.), кн. IX (2000, 196 с.), кн. X (2000, 176 с.), кн. XI (2003, 266 с.), кн. XII (2004, 388 с.), кн. XIII (2004, 254 с.), кн. XIV (2007, 266 с.).

По результатам Первого Международного конгресса литературоведов в Тамбове «Литературоведение на современном этапе: «Теория. История литературы. Творческие индивидуальности» вышел объемный том (более 61 п.л.) материалов этого научного форума. Известные и молодые ученые из России, Украины, Казахстана, Белоруссии, Польши, Германии, Англии, Швейцарии, Китая, Южной Кореи представили свои труды о ярком многожанровом наследии выдающегося русского писателя, других классиков русской и мировой литературы, о поисках современных писателей. На страницах издания представлены разные научные школы, историко-литературные концепции, освещаются методологические и теоретические аспекты литературоведения [39]. Материалы о Замятине сосредоточены в Части второй этой коллективной монографии.

Следует уточнить, что редколлегия этих коллективных изданий по материалам Замятинских чтений и конгресса во всех случаях оставляет датировку замятинских произведений авторами публикуемых материалов, намеренно демонстрируя тем самым «парад»

хронологических несоответствий и подтверждая острую необходимость издания академического собрания сочинений Е.И. Замятина. Не только датировка художественных произведений и других работ писателя, но и система их подлинных названий, текстологические несовпадения, как свидетельствуют опубликованные на страницах «Творческого наследия Евгения Замятина...» и коллективной монографии «Литературоведение на современном этапе...» материалы, – целая научная, текстологическая проблема, требующая безотлагательного решения.

Научно-исследовательские поиски и идеи тамбовских замятиноведов, формировавшиеся в процессе многочисленных дискуссий, апробированы на страницах десяти монографических работ [7–9; 40–46]. Изложу авторские аннотации книг.

В первой главе монографии И. М. Поповой «Чужое слово» в творчестве Е.И. Замятина (Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский) – «Гоголевское слово» в творчестве Е. И. Замятина 1910–1920-х годов» – анализируются гоголевские цитаты, введенные в тексты замятинских рассказов «Уездное», «Чрево», «Алатырь» с целью художественного воссоздания «абсурда бытия». «Омертвление душ» Замятин изображал посредством перикодирования образов-масок Н.В. Гоголя, обнаруживая динамику от резкой сатиры к гоголевскому «одушевлению лиризмом». Во второй главе – «Сатира М.Е. Салтыкова-Щедрина как система-прототип эстетической концепции творчества Е.И. Замятина 1914–1920-х годов» – исследуется поэтика замятинского интертекстуального диалога со своим предшественником, который обнаруживается в циклах сказок писателя «Большим детям сказки». Замятин выстраивает свои произведения на реминисценциях из сказок и «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина, развивая щедринские «смеховые модели» в романе «Мы». Третья глава монографии «Слово» Ф.М. Достоевского в творчестве Е.И. Замятина» связана с изучением аллюзийной системы, созданной из идей, образов, цитат творчества Достоевского («Непутевый», «Знамение», «Сподручница грешных», «Землемер»). С помощью «слова Достоевского» формируются в прозе Замятина мотивы «спасительной детскости человечества» –

женственности, милосердной любви, «свободы духа» («Землемер», «Дракон», «Мамай», «Пещера», «Детская» и многие другие). Концептуальным является сопоставление Благодетеля в романе «Мы» и Великого Инквизитора из «Братьев Карамазовых».

В 2000 г. в издательстве ТГУ им. Г.Р. Державина вышла монографическая работа руководителя научной школы и Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина в Тамбове Л.В. Поляковой «Евгений Замятин в контексте оценок истории русской литературы XX века как литературной эпохи», рекомендованная УМО классических университетов в качестве курса лекций для студентов-филологов. На страницах этой монографии подведены предварительные итоги исследовательской работы тамбовских литературоведов в области замятиноведения, обозначена научная перспектива, сформулированы основные пути развития отечественного литературоведения. Здесь разработана общая научная концепция творчества Е.И. Замятина, писатель «примерян» к представлениям Н.А. Бердяева о русском антиренессансном трагическом характере гуманизма отечественной литературы, к иным философским теориям этого и других мыслителей, поставлен в контекст полемики «западников» и «славянофилов». Разработана периодизация творческой эволюции, проанализированы ведущие художественные произведения, публицистические, литературно-теоретические, литературно-критические работы и эпистолярное наследие Е.И. Замятина. Отдельные страницы монографического труда посвящены проблеме творческого метода писателя и характеристике современного состояния науки о Е.И. Замятине.

В процессе осмысления творчества Замятина зарубежным литературоведением автор монографии констатирует своего рода крен, «модернизацию» и «западнизацию» писателя-реалиста. Замятин-неореалист, по ее утверждению, продолжал традиции, прежде всего, классиков национальной литературы – Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Чехова, Лескова, народной культуры, культуры русской провинции, «лебедянского» культурного контекста, работал в общем литературно-философском контексте не только с Ницше, Шопенгауэром, Шпенглером,

но, в первую очередь, с русскими философами – В.С. Соловьевым, Н.А. Бердяевым, И.А. Ильиным, Г.П. Федотовым, Н.Ф. Федоровым, П.А. Флоренским. Руководитель Замятинского центра считает возможным говорить о существовании в русской литературе XX в. феномена «замятинского» человека, характеризующегося самим Е.И. Замятиным таким качеством мировидения и поведения, как «скифство». Образ «скифа» и стал сердцевиной замятинской довольно-таки стройной общефилософской и гуманистической доктрины. Не отвергая огульно западные достижения, на протяжении всего своего творческого пути Замятин пытался «проинтегрировать» специфику русского национального характера и русской истории в параметрах мировой и прежде всего европейской цивилизации. В монографии прочерчены основные ориентиры в освоении национально выразительного пласта замятинского наследия, обозначены этапы творческой эволюции и сформулированы основные положения, характеризующие научные принципы и подходы тамбовской литературоведческой школы к обозначенной проблеме.

По наблюдению автора курса лекций, Е.И. Замятина на протяжении всей жизни преследовал парадокс: именно произведения, в которых он художественно осмысливал подчеркнуто русскую жизнь и русский характер, подвергались самой острой критике (известная реакция цензуры на повесть «На куличках», А. Воронского на рассказ «Дракон», В. Фриче на «Слово предоставляется товарищу Чурыгину», другие многочисленные примеры). О национальной выразительности замятинского творчества до недавнего времени чаще и ярче писали зарубежные слависты. В наши дни это автор польской монографии о Е.И. Замятине А. Гильднер, немецкий исследователь Р. Гольдт.

Проблема национального, культурно-провинциального колорита творчества Замятина чрезвычайно перспективна для замятиноведения. Освещение этого вопроса способствует не только постижению особенностей художественного мира писателя, но и более полному представлению о всем том общем историко-литературном, историко-философском, историко-культурном контексте, в который волею своей творческой судьбы вписан автор романа «Мы». Приверженность

писателя этой проблематике свидетельствова-
ло о постоянстве его интересов и пристра-
стий, о возможностях и масштабах историко-
генетического, социально-исторического ма-
териала, о трудностях и сложностях художе-
ственного постижения противоречий и зако-
номерностей современной русской действи-
тельности и особенностей русского характера.

Книга Н.Н. Комлик «Творческое насле-
дие Е.И. Замятина в контексте традиций рус-
ской народной культуры» открыла замеча-
тельную страницу в исследовании творчества
писателя. Проблема национальной вырази-
тельности творческого наследия Е. Замятина,
несмотря на кажущуюся ее очевидность,
долгое время находилась в тени политиче-
ских и идеологических оценок личности и
творчества писателя, связанных прежде всего
с романом «Мы». Политико-идеологические
формулы, в которые пытались вложить
сложное, многообразное, «брызжащее талан-
том» творчество Замятина, приводили к ис-
кажению облика самобытного русского писа-
теля, в результате чего Замятин превращался
в «европейца», «англичанина», «не русского
по своей творческой манере художника». Монография Н.Н. Комлик – убедительное до-
казательство узости такого подхода.

В основе предпринятого Н.Н. Комлик
системного исследования творчества Е. За-
мятина лежит идея органической сопричаст-
ности наследия писателя народной культуре,
народному мироощущению, ставших фунда-
ментом его образной системы. Это «генное»
начало творческой индивидуальности писа-
теля послужило средством укрупнения важ-
нейших сюжетных коллизий и образов, воп-
лощающих в произведениях раздумья ху-
дожника о вечных вопросах бытия, и в пер-
вую очередь национального.

Укорененность творчества Е. Замятина в
народной культуре обусловила и осуществ-
ленный в монографии способ раскрытия
уникальности его таланта – через анализ бо-
гатейшей системы народной поэзии, народ-
ных традиций, обычаев, мироощущения и
миропонимания народа, в их тесном внут-
реннем соотношении с оригинальной художе-
ственной системой писателя.

В монографии с исчерпывающей полно-
той воссоздан комплекс элементов, состав-
ляющих понятие «русская народная культу-
ра» и осуществлен филигранный анализ ее

«проникновения» на разные уровни замятин-
ского текста – от типологии характера до по-
этики сна и сновидения. Пронизанность тек-
стов замятинских произведений народно-
поэтической образностью необычайно мета-
форизует их художественную структуру, де-
лает ее суггестивной и «избыточной» по
смыслу, раздвигает пространственно-времен-
ную протяженность текстов писателя, стано-
вится средством проявления авторского го-
лоса, способствует символизирующей кон-
центрации художественно-философской
мысли произведений, уходящей в подтекст.
Исследуя наследие писателя как синхронную
художественную систему, в которой поверх
жанровых барьеров, и несмотря на внешнюю
проблемно-тематическую многослойность,
действуют с начала творческого пути писа-
теля и до его завершения одни и те же зако-
номерности, автор монографии выявляет це-
лостность замятинского Космоса. В резуль-
тате замятинское наследие в книге предстает
как метатекст – стройный, устойчивый и с
точки зрения репертуара мотивов и фор-
мальных приемов, и с позиций исследования
оттенков замятинской образной мысли, ко-
торая и оказывается главным «героем» моно-
графии.

В монографии Н.Ю. Желтовой «Проза
Е.И. Замятина: пути художественного воп-
лощения русского национального характе-
ра» аргументируется мысль о том, что в фун-
даменте творчества писателя – русская
жизнь, православные, культурные, нравст-
венно-этические основы бытия русского на-
рода, его яркий и непосредственный харак-
тер, тип поведения русского человека (мыс-
ли, поступки, стремления, чувства, идеалы,
мечты, переживания, речь).

В работе осуществляется попытка ос-
мысления художественно-семантической спе-
цифики прозы Е.И. Замятина через анализ
особенностей поэтического воплощения ха-
рактера русского человека и образа русской
жизни в произведениях писателя, имеющих
циклическую завершенность. Основное вни-
мание уделено идейно-художественной
структуре произведений двух хронологиче-
ски развивающихся циклов: «северного»
(«Кряжи», «Африка», «Север», «Ёла», «Дра-
кон», «Ловец человеков», «Островитяне») и
т. н. «космогонического» («Чрево», «Спод-
ручница грешных», «Мы», «Рассказ о самом

главном», «Наводнение»). Циклы в художественном мышлении писателя представляют собой своеобразный строительный материал, из которого складывается цельная философско-эстетическая концепция Е.И. Замятина, в основе которой лежит его известная идея об «интегральном образе».

Выразительность Замятина-художника обусловлена контекстом традиций национальной жизни. Характерные для всего творческого наследия писателя циклы «северных» произведений и «космогонической» прозы отмечены пристрастием автора к лирико-драматическим сюжетам, напряженно-событийным конфликтам и коллизиям, символически насыщенному хронотопу, многоплановой композиции, «звукописи» и «цветописи», обращением к былинным мотивам, конкретным приемам устного народного творчества, духовным канонам русского православия, образам-архетипам, страстным мужским и женским характерам, вниманием к идейно-тематическому постоянству, подтексту и названиям произведений.

Такой угол зрения, по оценке Н.Ю. Желтовой, позволяет признать национальное начало как доминирующее и основополагающее в формировании поэтики Е.И. Замятина, в становлении его творческой индивидуальности, оценить уникальность творческого почерка писателя, выйти на новый уровень осмысления его прозы именно в контексте традиций народной культуры, разрушить многочисленные мифы о Замятине-«европейце» и таким образом о подражательности или вторичности многих его художественных решений.

В книге И.М. Поповой «Литературные знаки и коды в прозе Е.И. Замятина: функции, семантика, способы воплощения» анализируется функциональность культурного (литературного) компонента прозы Е.И. Замятина, которая рассматривается на материале интертекстовых связей с творчеством Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова и А.П. Чехова. Проводится многоаспектное системное исследование литературного пласта творчества Е.И. Замятина как важнейшей составляющей его художественного мира.

Монография О.Е. Чернышевой (Видной) «Жанр сказки Е.И. Замятина: историко-литературный контекст и структурно-поэти-

ческая специфика» издана в 2003 г. и стала определенным этапом в изучении замятинской литературной сказки. Автор монографии привлекла внимание к специфике малых форм писателя, при этом активно трансформируя опыт предыдущих исследователей, затрагивающих вопросы жанровой эволюции писателя и индивидуальности его стиля. В монографии подчеркивается особое место сказочной прозы в творческой эволюции писателя.

Жанровая природа сказочных текстов, по мысли автора монографии, обусловлена особенностями художественного метода писателя и уникальностью творческого почерка. Сказки стали одним из этапов эволюции художественного метода Замятина, который он называл неореализмом или синтетизмом. В них писатель продемонстрировал принципы новой поэтики: синтез фантастики и быта, интегральность образа, сжатость стилистики, динамизм и кинематографичность.

В издании предпринята попытка охарактеризовать принцип иронии, обусловленный, прежде всего, характером миропредставления Замятина и имеющий для эстетики писателя основополагающее значение. Ирония лежит в основе совершенствования особой манеры повествования писателя, включающей в себя приемы сказа, многоголосья, композиционных оппозиций, многослойности и театральности.

В первой главе монографии Е.А. Лядовой «Пьеса «Атилла» как воплощение историко-философских взглядов Замятина» выявляются механизмы, объясняющие стремление писателя обратиться к данному историческому сюжету и к образу Атиллы; показаны внутренние, сугубо творческие причины, востребованность временем таких сюжета и героя, стремление ответить на вопросы, поставленные современностью, ощущение необходимости и желание выполнить своеобразный социальный заказ. Убедительно показана растерянность современников (и не только!) перед авторской позицией в пьесе, перед «белой любовью» Замятина, любовью гражданина и патриота, основанной не на умилении, а на высокой требовательности. Пьеса рассматривается как логическое продолжение замятинской прозы, драматургии, публицистики. Однако, как убедительно показывает автор, дело даже не в том, что писа-

тель в «Атилле» создает конгломерат уже не раз обыгрывавшихся тем, мотивов, приемов. Суть в том, что пьеса явилась продолжением разрабатываемой Замятиным темы свободы личности, человека-борца, «еретика», пытающегося противостоять общепринятым нормам. Опираясь на контекст творчества Замятина, Е.А. Лядова констатирует, что тема свободы, мотив освобождения от догм, правил у писателя всегда связан с темой смерти, гибели как платы за свободу. Проведя параллель «скиф» – «еретик» и доказав правомерность ее у Замятина, Е.А. Лядова представляет творчество писателя как единый текст; отсылки к замятинским прозе, драматургии и публицистике только подтверждают это. Во второй главе «Система характеров и поэтическая структура «Атилле» освещаются следующие вопросы: 1) время и пространство в пьесе – хронотоп; 2) сюжетостроение; 3) спроецированность на сюжет пьесы сказочных и других фольклорных мотивов, их трансформация и причины этого явления; 4) система характеров в пьесе; 5) ритмический рисунок пьесы.

В монографической работе Е.В. Бороды «Отечественная фантастика как реализация эстетического ресурса русской литературы начала XX века: братья Стругацкие и Евгений Замятин» творческое наследие Евгения Замятина рассматривается как художественная система, послужившая основой для развития отечественной фантастики второй половины XX в. В соответствии с суждениями автора, художественная модель научно-фантастического мира Аркадия и Бориса Стругацких, которые являются наиболее яркими представителями этого направления литературы, во многом опирается на воззрения Замятина. Социальная направленность, гуманистический пафос, ирония, логически обоснованный прогноз, эстетические пристрастия – все это роднит писателей, творчество которых принадлежит к разным эпохам. Замятин и Стругацкие находились по разные стороны советской эпохи. Автор романа «Мы» наблюдал становление нового государства, Стругацкие стали свидетелями его крушения. По мысли исследователя, Стругацкие подводят своеобразный итог социально-философским и историческим размышлениям Замятина, обосновывают целесообраз-

ность художественных прогнозов своего предшественника.

В другой монографии Е.В. Бороды – «Художественные открытия Е.И. Замятина в контексте поисков русской литературы второй половины XX – начала XXI вв.» – имя Замятина впервые вписано в контекст современной литературы. На страницах монографии открытия отдаленных десятилетий рассматриваются не столько в качестве традиции, сколько художественного ресурса. С этой целью не только выявлены и охарактеризованы пути, особенности, закономерности пребывания замятинского текста в литературе второй половины XX – начала XXI в., но и предложена разработка теории ресурсности в литературе как явления. Концептуальные положения сформулированы на основе анализа прозы И.А. Ефремова, братьев А.Н. и Б.Н. Стругацких, В.Г. Распутина, Ч.Т. Айтматова, В.С. Маканина, В.Н. Войновича, В.О. Пелевина, П.В. Крусанова и некоторых других.

Монографическая работа Е.В. Алтабаевой, Е.А. Лебедевой, В.Е. Маясова, Ю.Ю. Фотиновой «Замятинский текст как явление русской культуры и духовности» посвящена исследованию языка и концептосферы произведений Замятина, рассматриваются концепты *пространство, время, человек*, воплощающие в языке замятинского текста важнейшие национально-культурные и духовные ценности Центральной России, русского народа. Книга включает 4 главы: «Замятинский текст как достояние русской культуры», «Национальное пространство замятинского текста», «Национально-культурная специфика времени в замятинском тексте», «Человек говорящий в замятинском тексте».

В результате многолетней систематической и плодотворной работы тамбовской научной школы по изучению творческого наследия Е.И. Замятина в контексте исследования проблем развития народной культуры и, прежде всего, культуры среднерусской провинции стало возможным написание региональной энциклопедии – «Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст» [47]. Коллектив авторов, проживающих на малой родине Замятина и располагающий уникальными историко-культурными документами, поставил целью «проинтегрировать», выра-

жаясь языком Замятина, его творческую биографию, содержание и названия произведений, характер героев особенностями социокультурного пространства среднерусской провинции, включая не только регионы, ранее входившие в Тамбовскую губернию, но и Воронеж, где с 1897 по 1902 гг. будущий писатель учился в гимназии.

В работах отечественных и зарубежных исследователей на сегодняшний день не выверены не только история создания отдельных произведений, их публикации, заглавия, но и многие биографические сведения. Не определены и иные текстологические реалии. Это – существенный фактор, располагающий к мысли о продуктивности идеи создания Замятинской энциклопедии, которая бы имела не только справочный характер, но и в необходимых случаях могла быть источником комментария. Целесообразность издания региональной энциклопедии обусловлена, прежде всего, отсутствием современного академического собрания сочинений Е.И. Замятина.

В энциклопедию включены статьи, раскрывающие лебедянскую атрибутику творчества Замятина в исчерпывающем виде. В ней нашли отражение история среднерусского края, его святоотеческие традиции, топография и этнография, географические приметы и специфический язык, родословная Замятина и его лебедянское окружение. Приведены библиографические списки. Издание проиллюстрировано фотоматериалами из фондов Лебедянского краеведческого музея и других источников. Структура энциклопедии: «От редактора», «Введение в энциклопедию», «Социокультурные реалии среднерусской провинции», «Лексика народных говоров», «Фотоприложение», «Предметный указатель», «Лексический свод народных говоров».

Особое место в научно-исследовательской деятельности Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина занимает подготовка и издание *аннотированной библиографии* работ о писателе, опубликованных на страницах тамбовских изданий. Библиография может быть прочитана как самостоятельный литературоведческий текст, в котором представлены проблематика и терминология замятинovedения, его методология. Подготовка тамбовских выпусков аннотированного указателя

«Е.И. Замятин. Материалы к библиографии» – один из шагов на пути к систематизации отечественных научных трудов о писателе. В настоящее время вышло 3 выпуска указателя: в 1997 г. (208 описаний), в 2000 г. (170 описаний) и в 2003 г. (157 описаний). Все выпуски библиографического указателя охватывают период с 1992 по 2002 гг. В указателе учтены авторефераты диссертаций, монографии, статьи, тезисы докладов, рецензии, другие отклики, опубликованные в Тамбове. В первую часть включены работы, увидевшие свет в период с 1992 по 1996 гг.; во вторую – с 1997 по 1999 гг.; в третью – с 2000 по 2002 гг. [48]. Особое значение тамбовской библиографии придает тот факт, что в ней собраны и описаны, кроме монографических работ и диссертаций, зафиксированных в других справочных указателях, материалы, которые были опубликованы в периодических изданиях Тамбовского университета, например, в журнале «Кредо» [49] и как бы «затерялись» здесь. Исследования о Замятине регулярно публикует «Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки», который выходит с середины 1996 г.

Параллельно с изданием указателей создавалась электронная база данных. В настоящее время продолжается работа по составлению следующей части тамбовской библиографии.

При Замятинском центре работает постоянный *научный семинар* преподавателей, аспирантов и студентов «Русская литература: взгляд из сегодня», который посещают и учителя, старшеклассники. По итогам семинарских дискуссий издается сборник материалов молодых исследователей «Диалоги о русской литературе» [50]. Семинар организует и активизирует, концентрирует научную работу, прежде всего, аспирантов и студентов: на его занятиях они проходят подготовку к выступлениям на научных конференциях разных уровней, в т. ч. международных; работают над статьями и рецензиями; овладевают навыками научной полемики.

Продуктивная научно-исследовательская деятельность молодых филологов дает возможность в кабинете центра регулярно устраивать *выставки научных работ* с демонстрацией свидетельств о победах авторов на конкурсах и в олимпиадах.

С целью предоставления одаренным молодым филологам открытой площадки для высказывания своих идей и их апробации руководство Замятинского центра приняло решение о проведении в Тамбове *Всероссийского с международным участием проблемно-тематического конкурса научных студенческих работ «Литература русского зарубежья: Е.И. Замятин»*. Проведение конкурсов приурочено к юбилейным датам Е.И. Замятина. Это студенческое состязание обретает свои традиции и не теряет актуальности. По итогам конкурсных программ в свет вышли два сборника научных трудов студентов [51; 52].

Научный центр расположен в институте русской филологии ТГУ им. Г.Р. Державина (392000, г. Тамбов, ул. Советская, 181-и, ауд. 311, e-mail: ruslit09@rambler.ru).

1. Gildner A. Proza Jewgienija Zamiatina. Krakow, 1993.
2. Goldt R. Thermodynamik als Textem. Die Entropiesatz als poetologische Chiffre bei E.I. Zamjatin. Mainz, 1995.
3. Cooke B. Human Nature in Utopia: Zamyatin's We. Northwestern University Press, 2002.
4. Shane A. The Life and Works of Evgenij Zamjatin. Berkeley; Los Angeles, 1968.
5. Scheffler L. Evgenij Zamjatin. Sein Weltbild und seine literarische Thematik. Köln; Wien, 1984.
6. Международный научный центр изучения творческого наследия Е.И. Замятина. 1994–2009 // Вестник Тамбовского университета. Приложение к журналу. Тамбов, 2009.
7. Попова И.М. «Чужое слово» в творчестве Е.И. Замятина (Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский). М., 1997.
8. Комлик Н.Н. Творческое наследие Е.И. Замятина в контексте традиций русской народной культуры. Тамбов, 2001.
9. Борода Е.В. Художественные открытия Е.И. Замятина в контексте поисков русской литературы второй половины XX – начала XXI веков. Тамбов, 2011.
10. Желтова Н.Ю. Проза Е.И. Замятина: поэтика русского национального характера. Тамбов, 1999.
11. Копельник В.И. Английские реалии в творчестве Е.И. Замятина. Тамбов, 2001.
12. Капустина С.Н. Русский дом и семья в творческой эволюции Е.И. Замятина: пути художественных решений. Тамбов, 2002.
13. Борода Е.В. Проза Е.И. Замятина: поэтика конфликта в замкнутом пространстве. Тамбов, 2003.
14. Селеменова М.В. Проблема мещанства и ее художественное решение в творчестве Е.И. Замятина. Елец, 2003.
15. Баранова И.И. Е.И. Замятин и его современники: философский и историко-культурный аспекты публицистики писателя. Тамбов, 2004.
16. Губанова Т.В. «Чеховское слово» в творчестве Е.И. Замятина. Тамбов, 2005.
17. Коржов А.С. Русский офицер в прозе первой трети XX века: типология и поэтика характера. Тамбов, 2005.
18. Кудрявцева О.Н. Художественная феноменология Е.И. Замятина: нравственно-религиозный аспект. Тамбов, 2005.
19. Панкова И.А. Блез Сандра и русская литература: пути становления творческой индивидуальности писателя. Тамбов, 2006.
20. Седова О.В. Поэтика цвета в прозе Е.И. Замятина. Елец, 2006.
21. Селезнева Е.Н. Женская парадигма прозы Е.И. Замятина в контексте русских народных культурных традиций. Тамбов, 2007.
22. Осмоловский А.А. Художественная функция массовых сцен в прозе Е.И. Замятина. Тамбов, 2008.
23. Дзайкос Э.Н. Е.И. Замятин и Ю.П. Анненков. Проблема творческого взаимодействия. Тамбов, 2009.
24. Жукова Е.А. Традиции народной смеховой культуры в творчестве Е.И. Замятина. Тамбов, 2009.
25. Панов А.Ю. Трагедия Е.И. Замятина «Аттила» в ракурсе теории этногенеза Л.Н. Гумилева. Тамбов, 2009.
26. Полякова И.Е. «Смеховой мир» Е.И. Замятина в контексте народно-праздничной культуры. Елец, 2009.
27. Дьякова К.В. Своеобразие звукового пространства художественной прозы Е.И. Замятина. Тамбов, 2011.
28. Веселова А.С. Творческое наследие Е.И. Замятина во франкоязычной критике. Тамбов, 2011.
29. Захарова Е.В. Эстетика русского быта и бытия в прозе Е.И. Замятина. Тамбов, 2011.
30. Маясов В.Е. Глаголы речевой деятельности в концептуальном пространстве замятинского текста. Тамбов, 2011.
31. Орлова Е.А. Концепт «душа» в прозе Е.И. Замятина. Тамбов, 2011.
32. Лебедева Е.А. Категория времени и средства ее представления в замятинском тексте. Тамбов, 2012.
33. Толмачева О.В. Современное отечественное замятиноведение: итоги и перспективы. Тамбов, 2012.

34. *Фотинова Ю.Ю.* Концептуальная семантика пространства в замятинском тексте. Тамбов, 2012.
 35. *Краснова Т.В.* Особенности сюжетостроения в прозе Е.И. Замятина. Тамбов, 2013.
 36. *Геллер Л.* Замятинские чтения в Тамбове // Русская мысль. LA PENSÉE RUSSE. Париж, 1995. № 4059. 5–11 января.
 37. Творчество Евгения Замятина. Проблемы изучения и преподавания: материалы Первых российских Замятинских чтений 21–23 сентября 1992 года / отв. ред. Л.В. Полякова. Тамбов, 1992.
 38. Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: в 14 кн. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы / под ред. Л.В. Поляковой. Тамбов, 1994, 1997, 2000, 2003, 2004, 2007.
 39. Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: материалы Международного конгресса литературоведов. К 125-летию Е.И. Замятина / науч. ред. Л.В. Полякова. Тамбов, 2009.
 40. *Полякова Л.В.* Евгений Замятин в контексте оценок истории русской литературы XX века как литературной эпохи. Тамбов, 2000.
 41. *Попова И.М.* Литературные знаки и коды в прозе Е.И. Замятина: функции, семантика, способы воплощения. Тамбов, 2003.
 42. *Чернышова (Видная) О.Е.* Жанр сказки Е.И. Замятина: историко-литературный контекст и структурно-поэтическая специфика. Тамбов, 2003.
 43. *Лядова Е.А.* Трагедия «Атилла» в творческой эволюции Е.И. Замятина. Тамбов, 2004.
 44. *Борода Е.В.* Отечественная фантастика как реализация эстетического ресурса русской литературы XX века: братья Стругацкие и Евгений Замятин. Тамбов, 2007.
 45. *Борода Е.В.* Художественные открытия Е.И. Замятина в контексте поисков русской литературы второй половины XX – начала XXI веков. Тамбов, 2010.
 46. *Алтабаева Е.В., Лебедева Е.А., Маясов В.Е., Фотинова Ю.Ю.* Замятинский текст как явление русской культуры и духовности / под ред. Е.В. Алтабаевой. Тамбов, 2011.
 47. Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст: материалы, исследования, документы, справки. Межвузовский региональный проект / рук. проекта и науч. ред. Л.В. Полякова; автор «Введения в энциклопедию» Н.Н. Комлик. Тамбов; Елец, 2004.
 48. Е.И. Замятин: материалы к библиографии. Ч. 1 / под ред. Л.В. Поляковой; сост. Г.Б. Буянова, С.А. Косякова, О.В. Нечаева. Тамбов, 1997; Ч. 2 / сост. Г.Б. Буянова, С.А. Косякова. Тамбов, 2000; Ч. 3 / сост. Е.В. Борода. Тамбов, 2003.
 49. Кредо. Ежемесячный научно-популярный и литературно-художественный областной независимый журнал / председ. ред. совета. В.М. Юрьев; отв. ред. Н.Э. Кулин. Тамбов, 1992–1996.
 50. Диалоги о русской литературе: сборник работ молодых исследователей / науч. ред. Л.В. Полякова; сост. Н.Ю. Желтова. Тамбов, 2008.
 51. Литература русского зарубежья: Е.И. Замятин: материалы Всероссийского с международным участием конкурса научных студенческих работ, ноябрь 2002 г. / отв. ред., сост. Н.В. Сорокина; науч. ред. Л.В. Полякова. Тамбов, 2004/
 52. Литература русского зарубежья: Е.И. Замятин: материалы Всероссийского с международным участием конкурса научных студенческих работ, ноябрь 2004 г. / отв. ред., сост. Н.В. Сорокина; науч. ред. Л.В. Полякова. Тамбов, 2006.
-
1. *Gildner A.* Proza Jewgienija Zamiatina. Krakow, 1993.
 2. *Goldt R.* Thermodynamik als Textem. Die Entropiesatz als poetologische Chiffre bei E.I. Zamjatin. Mainz, 1995.
 3. *Cooke B.* Human Nature in Utopia: Zamyatin's We. Northwestern University Press, 2002.
 4. *Shane A.* The Life and Works of Evgenij Zamjatin. Berkeley; Los Angeles, 1968.
 5. *Scheffler L.* Evgenij Zamjatin. Sein Weltbild und seine literarische Thematik. Köln; Wien, 1984.
 6. Mezhdunarodnyy nauchnyy tsentr izucheniya tvorcheskogo naslediya E.I. Zamyatina. 1994–2009 // Vestnik Tambovskogo universiteta. Priozhenie k zhurnal. Tambov, 2009.
 7. *Popova I.M.* "Chuzhoe slovo" v tvorchestve E.I. Zamyatina (N.V. Gogol', M.E. Saltykov-Shchedrin, F.M. Dostoevskiy). M., 1997.
 8. *Komlik N.N.* Tvorcheskoe nasledie E.I. Zamyatina v kontekste traditsiy russkoy narodnoy kul'tury. Tambov, 2001.
 9. *Boroda E.V.* Khudozhestvennye otkrytiya E.I. Zamyatina v kontekste poiskov russkoy literatury vtoroy poloviny KhKh – nachala KhKhI vekov. Tambov, 2011.
 10. *Zhelтова N.Yu.* Proza E.I. Zamyatina: poetika russkogo natsional'nogo kharaktera. Tambov, 1999.
 11. *Kopel'nik V.I.* Angliyskie realii v tvorchestve E.I. Zamyatina. Tambov, 2001.
 12. *Kapustina S.N.* Russkiy dom i sem'ya v tvorcheskoy evolyutsii E.I. Zamyatina: puti khudozhestvennykh resheniy. Tambov, 2002.

13. *Boroda E.V.* Proza E.I. Zamyatina: poetika konflikta v zamknutom prostranstve. Tambov, 2003.
14. *Selemeneva M.V.* Problema meshchanstva i ee khudozhestvennoe reshenie v tvorchestve E.I. Zamyatina. Elets, 2003.
15. *Baranova I.I.* E.I. Zamyatin i ego sovremenniki: filosofskiy i istoriko-kul'turnyy aspekty publitsistiki pisatelya. Tambov, 2004.
16. *Gubanova T.V.* "Chekhovskoe slovo" v tvorchestve E.I. Zamyatina. Tambov, 2005.
17. *Korzhev A.S.* Russkiy ofitser v proze pervoy treti XX veka: tipologiya i poetika kharaktera. Tambov, 2005.
18. *Kudryavtseva O.N.* Khudozhestvennaya fenomenologiya E.I. Zamyatina: nravstvenno-religioznyy aspekt. Tambov, 2005.
19. *Pankova I.A.* Blez Sandrar i russkaya literatura: puti stanovleniya tvorcheskoy individual'nosti pisatelya. Tambov, 2006.
20. *Sedova O.V.* Poetika tsveta v proze E.I. Zamyatina. Elets, 2006.
21. *Selezneva E.N.* Zhenskaya paradigma prozy E.I. Zamyatina v kontekste russkikh narodnykh kul'turnykh traditsiy. Tambov, 2007.
22. *Osmolovskiy A.A.* Khudozhestvennaya funktsiya massovykh stsen v proze E.I. Zamyatina. Tambov, 2008.
23. *Dzaykos E.N.* E.I. Zamyatin i Yu.P. Annenkov. Problema tvorcheskogo vzaimodeystviya. Tambov, 2009.
24. *Zhukova E.A.* Traditsii narodnoy smekhovoy kul'tury v tvorchestve E.I. Zamyatina. Tambov, 2009.
25. *Panov A.Yu.* Tragediya E.I. Zamyatina «Atilla» v rakurse teorii etnogeneza L.N. Gumileva. Tambov, 2009.
26. *Polyakova I.E.* «Smekhovoy mir» E.I. Zamyatina v kontekste narodno-prazdnichnoy kul'tury. Elets, 2009.
27. *D'yakova K.V.* Svoeobrazie zvukovogo prostranstva khudozhestvennoy prozy E.I. Zamyatina. Tambov, 2011.
28. *Veselova A.S.* Tvorcheskoe nasledie E.I. Zamyatina vo frankoyazychnoy kritike. Tambov, 2011.
29. *Zakharova E.V.* Estetika russkogo byta i by-tiya v proze E.I. Zamyatina. Tambov, 2011.
30. *Mayasov V.E.* Glagoly rechevoy deyatel'nosti v kontseptual'nom prostranstve zamyatinskogo teksta. Tambov, 2011.
31. *Orlova E.A.* Kontsept "dusha" v proze E.I. Zamyatina. Tambov, 2011.
32. *Lebedeva E.A.* Kategoriya vremeni i sredstva ee predstavleniya v zamyatinskom tekste. Tambov, 2012.
33. *Tolmacheva O.V.* Sovremennoe otechestvennoe zamyatinovedenie: itogi i perspektivy. Tambov, 2012.
34. *Fotinova Yu.Yu.* Kontseptual'naya semantika prostranstva v zamyatinskom tekste. Tambov, 2012.
35. *Krasnova T.V.* Osobennosti syuzhetostroeniya v proze E.I. Zamyatina. Tambov, 2013.
36. *Geller L.* Zamyatinskie chteniya v Tambove // Russkaya mysl'. LA PENSÉE RUSSE. Parizh, 1995. № 4059. 5–11 yanvarya.
37. Tvorchestvo Evgeniya Zamyatina. Problemy izucheniya i prepodavaniya: materialy Pervykh rossiyskikh Zamyatinskiykh chteniy 21–23 sentyabrya 1992 goda / otv. red. L.V. Polyakova. Tambov, 1992.
38. Tvorcheskoe nasledie Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya: v 14 kn. Nauchnye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezis / pod red. L.V. Polyakovoy. Tambov, 1994–2007.
39. Literaturovedenie na sovremennom etape: Teoriya. Istoriya literatury. Tvorcheskoe individual'nosti: materialy Mezhdunarodnogo kongressa literaturovedov. K 125-letiyu E.I. Zamyatina / nauch. red. L.V. Polyakova. Tambov, 2009.
40. *Polyakova L.V.* Evgeniy Zamyatin v kontekste otsenok istorii russkoy literatury XX veka kak literaturnoy epokhi. Tambov, 2000.
41. *Popova I.M.* Literaturnye znaki i kody v proze E.I. Zamyatina: funktsii, semantika, sposoby voploshcheniya. Tambov, 2003.
42. *Chernyshova (Vidnaya) O.E.* Zhanr skazki E.I. Zamyatina: istoriko-literaturnyy kontekst i strukturno-poeticheskaya spetsifika. Tambov, 2003.
43. *Lyadova E.A.* Tragediya "Atilla" v tvorcheskoy evolyutsii E.I. Zamyatina. Tambov, 2004.
44. *Boroda E.V.* Otechestvennaya fantastika kak realizatsiya esteticheskogo resursa russkoy literatury XX veka: brat'ya Strugatskie i Evgeniy Zamyatin. Tambov, 2007.
45. *Boroda E.V.* Khudozhestvennye otkrytiya E.I. Zamyatina v kontekste poiskov russkoy literatury vtoroy poloviny KhKh – nachala KhKhI vekov. Tambov, 2010.
46. *Altabaeva E.V., Lebedeva E.A., Mayasov V.E., Fotinova Yu.Yu.* Zamyatinskiy tekst kak yavlenie russkoy kul'tury i dukhovnosti / pod red. E.V. Altabaevoy. Tambov, 2011.
47. Zamyatinskaya entsiklopediya. Lebedyanskiy kontekst: materialy, issledovaniya, dokumenty, spravki. Mezhevuzovskiy regional'nyy proekt / ruk. proekta i nauch. red. L.V. Polyakova; avtor "Vvedeniya v entsiklopediyu" N.N. Komlik. Tambov; Elets, 2004.
48. E.I. Zamyatin: materialy k bibliografii. Ch. 1 / pod red. L.V. Polyakovoy; sost. G.B. Buyanova, S.A. Kosyakova, O.V. Nechaeva. Tambov, 1997; Ch. 2 / sost. G.B. Buyanova, S.A. Kosyakova. Tambov, 2000; Ch. 3 / sost. E.V. Boroda. Tambov, 2003.

49. Kredo. Ezchemesyanyy nauchno-populyarnyy i literaturno-khudozhestvennyy oblastnoy nezavisimyy zhurnal / predsed. red. soveta. V.M. Yur'ev; otv. red. N.E. Kulin. Tambov, 1992–1996.
50. Dialogi o russkoy literature: sbornik rabot molodykh issledovateley / nauch. red. L.V. Polyakova; sost. N.Yu. Zheltova. Tambov, 2008.
51. Literatura russkogo zarubezh'ya: E.I. Zamyatin: materialy Vserossiyskogo s mezhdunarodnym uchastiem konkursa nauchnykh studencheskikh rabot, noyabr' 2002 g. / otv. red., sost. N.V. Sorokina; nauch. red. L.V. Polyakova. Tambov, 2004.
52. Literatura russkogo zarubezh'ya: E.I. Zamyatin: materialy Vserossiyskogo s mezhdunarodnym uchastiem konkursa nauchnykh studencheskikh rabot, noyabr' 2004 g. / otv. red., sost. N.V. Sorokina; nauch. red. L.V. Polyakova. Tambov, 2006.

Поступила в редакцию 16.12.2013 г.

UDC 821.161.1

SCIENTIFIC ZAMYATIN'S CENTER IN TAMBOV UNIVERSITY
TO 130th ANNIVERSARY OF E.I. ZAMYATIN'S BIRTHDAY

Larisa Vasilyevna POLYAKOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Scientific head of Institute of Philology, e-mail: ruslit09@rambler.ru

The detailed information about the specific results of the International center for the study of the creative heritage of E.I. Zamyatin created by the Academic Council of TSU named after G.R. Derzhavin at Philology Faculty (Institute of Philology) at the Department of History of Russian Literature is contained. The activity of the center in the study of cultural heritage of E.I. Zamyatin is analyzed against the general state of contemporary domestic and foreign zamyatin studies and evaluated both active and fruitful multilateral.

The description of the purpose and objectives of creating by Zamyatin center as research, auxiliary science, scientific, organizational, educational and methodical structural formation of the University is included. The major forms of the center such as writing doctoral thesis, master's theses, dissertations, course projects, to generate new ideas and concepts; strengthen creative contacts with domestic and foreign experts, preparing to print monographs, collections of scientific works, encyclopedias, bibliographic indexes, thematic guides and other literature, conducting international and national scientific meetings, including youth, creative workshops leading Russian and foreign scientists, research seminars, "round tables", exhibitions, organization of scientific training, the creation of information and bibliographic database for communities, fundraising for implementation of specific research projects (grant activity) speech in the media are considered. The concrete statistics is given.

For more than 20 years of existence, this center has developed rapidly, enriched science with real achievements, and recognized innovative ideas and approaches.

Key words: Zamyatin; International center for study of creative heritage of E.I. Zamyatin; results of works.

УДК 32(051)

**ЖУРНАЛ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ НАУКИ
И РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА:
ЖУРНАЛУ «PRO NUNC: СОВРЕМЕННЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ» – 10 ЛЕТ**

© **Дмитрий Григорьевич СЕЛЬЦЕР**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор политических наук,
профессор, директор института гуманитарного
и социального образования, e-mail: seltser@yandex.ru

Рассматривается история создания и содержание журнала «PRO NUNC. Современные политические процессы», оцениваются его влияние на тамбовское политологическое и политическое сообщество, интеграция издания в общественную жизнь и общий научный поток.

Ключевые слова: политика; политическая наука; политология; политолог; политические процессы; общественно-политическая жизнь; регион; журнал.

В 2014 г. исполняется 10 лет журналу «PRO NUNC. Современные политические процессы» (учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»).

«PRO NUNC» имеет свою предысторию и историю. Как всякий «живой» научный журнал, «PRO NUNC» одновременно выполняет и утилитарные функции, являясь надежным инструментом развития науки, и воздействует на публичное пространство, фактически формируя его и в каком-то смысле являясь субъектом политического процесса.

Специальность «Политология» открыта в Тамбовском государственном университете в 2002 г., а первый набор был успешно проведен летом 2003 г. Организаторам политологии в регионе было понятно, что специальность не состоится без высокой деятельности активности, широкого представительства в публичном пространстве региона, СМИ. Научная же жизнь предполагала наличие своего печатного органа. Оттого было решено инициировать издание журнала. Его название обсуждалось среди преподавателей Института истории и политологии и в итоге было предложено к. и. н., доцентом кафедры всеобщей истории И.Р. Блохиной. «PRO NUNC» в переводе с латинского – «на настоящий момент», «сейчас». Такое название органично прекрасно сочеталось с замыслом

создателей журнала, и поэтому было с благодарностью ими принято.

Открытие специальности фактически совпало по времени с электоральным циклом 2003–2004 гг. (федеральные кампании по выборам депутатов ГД ФС РФ, президента РФ и избрание главы администрации Тамбовской области). Эти выборные события и стали тем полигоном, где оттачивалось (скорее, затачивалось) перо молодых тамбовских политологов. Большой общественно-политический резонанс (внимание прессы, административно-политических, думских, партийных элит, общественности) имел политологический семинар «Россия между думскими и президентскими выборами (декабрь 2003 – март 2004 гг.)». Он был проведен в тамбовском медиа-центре силами студентов 1 курса (!) специальности «Политология». Аналогов такому событию в области до той поры не было. Материалы семинара легли в основу первого, пилотного, выпуска журнала «PRO NUNC. Современные политические процессы», ставшего, по сути, студенческим [1]. Традиции писать развернутые научные тексты о политике в области еще не было, да и делать это, кроме студентов, было некому.

В том же 2004 г. была предпринята успешная попытка выведения журнала на новый, гораздо более высокий, уровень. С участием ведущих российских (О.В. Гаман-Голутвина) и украинских (В.М. Якушик, А.П. Голобуцкий) политологов, отечественных политических историков (В.В. Журав-

лев, В.В. Шелохаев) был проведен политологический семинар «Политические партии и выборы в российских регионах». Его материалы составили второй выпуск журнала [2]. Важно подчеркнуть, что при подготовке семинара и издания сложилось партнерство ТГУ им. Г.Р. Державина, избирательной комиссии Тамбовской области и созданного к тому времени Тамбовского регионального отделения Российской ассоциации политической науки (ТРО РАПН). Партнерство за эти годы стало в высокой степени институциональным.

Третий выпуск журнала «Принципы и перспективы формирования власти в современной России» вновь представлял собой соединение опыта и молодости [3]. Наряду с текстами докторов политических наук, профессоров О.В. Гаман-Голутвиной и В.Ф. Пенькова, в номере были опубликованы статьи студентов-политологов, участвующих в конкурсе избирательной комиссии Тамбовской области. Причем тексты, во-первых, уже давали общее представление о формировании научно-исследовательской проблематики молодых тамбовских политологов и, во-вторых, содержали их собственную позицию по поводу новаций российского избирательного права, в тот момент предпринятого администрацией В.В. Путина.

Выпуск 4 «Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации» [4] приобрел известную научную респектабельность благодаря участию в нем группы ведущих политологов России (О.В. Гаман-Голутвина, Р.Ф. Туровский, А.С. Ахременко, Г.В. Голосов, А.В. Глухова) и известного японского профессора К. Мацузато. Номер был целиком посвящен выборной проблематике.

Выпуск 5 «Диалоги о политике: материалы российско-американских студенческих семинаров по политологии и международным отношениям (ТГУ им. Г.Р. Державина, РФ – Клемсонский университет, США), г. Тамбов, 2005–2006 гг.», как видно из названия, стал полностью студенческим и подводил промежуточные итоги уникальному опыту взаимодействия тамбовского и клемсонского университетов [5]. Номер был сделан как билингвальный – на английском и русском языках. 40 статей американских и российских студентов были разбиты на со-

держательные рубрики – «Молодежная культура России и Америки в условиях глобализации», «Международная безопасность: российские и американские подходы», «Политические процессы в России и странах СНГ», «Политические процессы в США и России. Выборы: взрослые игры?», «Избирательная система и избирательный процесс в современной России».

Выпуск 6 «Проблемы избирательного права и избирательного процесса в Российской Федерации (конкурсные работы студентов тамбовских вузов)» был вновь студенческим и представлял собой лучшие работы участников конкурса избирательной комиссии Тамбовской области [6]. Этот выпуск журнала продемонстрировал возросшее мастерство студентов-политологов ТГУ им. Г.Р. Державина, занявших все призовые конкурсные места.

Два следующих номера формировались председателем исследовательского комитета РАПН по политической элитологии, заведующей кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ д. полит. н., профессором О.В. Гаман-Голутвиной и Д.Г. Сельцером и стали, мне представляется, смотром лучших сил отечественных элитологов. В номере 7 «Субъектное поле политики. Элита. Номенклатура. Бюрократия» [7] и номере 8 «Политические элиты в условиях электро-ального формата трансформации власти» [8], где были изданы материалы секции «Политическая элитология» Четвертого Всероссийского конгресса политологов, опубликовались О.В. Гаман-Голутвина, В.П. Мохов, А.С. Ахременко, А.В. Понеделков, А.М. Старостин, А.В. Дука, А.Е. Чирикова, В.Г. Ледаев, А.Г. Чернышов, Н.Ю. Лапина и другие лидеры отечественной политической элитологии.

В выпуске 9 «Российская политика в региональном измерении» была реализована идея комплексного и системного анализа политической ситуации, сложившейся в российских регионах [9]. Материалы отбирались одним из наиболее продуктивных исследователей региональных политических процессов д. полит. н., профессором МГУ им. М.В. Ломоносова, заместителем директора Фонда «Центр политических технологий» Р.Ф. Туровским и Д.Г. Сельцером. Тексты политологов из российских регионов (В.С. Авдонин,

Э.Д. Дагбаев, В.А. Ковалев, О.В. Кузнецова, А.В. Кынев, А.К. Магомедов, В.Ф. Пеньков, О.С. Скороходова и др.) изобиливали массой тонких наблюдений и оценок. Статьи в основном анализировали ситуацию в российских регионах и центр-периферийные отношения.

Выпуск 10 «Актуальные проблемы изучения политики и преподавания политической науки» был подготовлен в партнерстве с Национальной коллегией преподавателей политологии и вышел под научной редакцией председателя коллегии, заведующего кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова, д. филос. н., профессора В.И. Коваленко [10]. В статьях В.И. Коваленко, Т.Н. Митрохиной, Я.А. Пляйса, А.В. Зимина, Л.В. Сморгунова, В.В. Романова, В.В. Асташина, О.Е. Гришина, О.И. Ковриковой и других авторов показывалось состояние и перспективы развития политической науки и политологического образования в России, его разнообразных предметных областей (сравнительной политологии, истории и теории международных отношений, политической рекламы, методов политологических исследований, производственных практик).

В 2012 г. Институт гуманитарного и социального образования ТГУ им. Г.Р. Державина, кафедра Международных отношений и политологии совместно с Избирательной комиссией Тамбовской области, Комитетом образования администрации Тамбова и Центром оценки качества образования провели конкурс сочинений школьников «Выборы в политической истории России». В какой-то момент было решено опубликовать тексты участников, добавив к ним статьи аспирантов, соискателей, магистрантов и бакалавров направления подготовки «Политология». Так появился № 11 журнала с темой выпуска «Российская политика: «первая строка» (сочинения начинающих политологов)» [11]. У авторов был разный опыт исследовательской практики. Вместе с тем, всех их объединяли молодость и желание работать в логике политической науки. Для большинства авторов публикация в журнале, действительно, стала «первой строкой». Смысл издания был в том, чтобы стимулировать исследовательскую деятельность молодежи и чтобы за первой последовали новые строки. К нашему удивлению, некоторые школьники, опубли-

ковавшиеся в журнале, стали студентами-политологами ТГУ им. Г.Р. Державина. Значит, были верны и их выбор участия в конкурсе, и наша идея осуществления проекта.

* * *

Создавая журнал, его организаторы хотели решить, по крайней мере, две главные задачи: способствовать развитию политологии на Тамбовщине и формированию регионального политического пространства. Вводная статья автора этих строк в первом номере журнала недвусмысленно называлась «Организация регионального политического пространства: подача «снизу»» [1, с. 6-9]. Прошли 10 лет, и мы видим, что журнал стал важным фактором становления политической науки в регионе и, в каком-то смысле, даже в России и развития публичного пространства Тамбовской области. В общей сложности в журнале опубликовано 238 статей. В нем публикуются ведущие политологи России, губернатор, председатели избирательной комиссии Тамбовской области, избирательных комиссий субъектов РФ, депутаты Тамбовской областной Думы, эксперты. Привлечением лучших сил российских политологов удалось не допустить самого плохого сценария – провинциализации журнала. В то же время была решена другая задача – мотивированного привлечения к написанию текстов о политике аспирантов, студентов и даже, в отдельном примере, школьников. Четыре тамбовских студента-политолога, публиковавшиеся в нашем журнале, за это время стали кандидатами политических наук, двое – кандидатами исторических наук. Кроме того, семинарами «PRO NUNC: Современные политические процессы» и журнальными статьями нам удалось привнести в спокойное течение региональной политической жизни вполне определенную политическую интригу.

Полагаю, у журнала есть приличная перспектива. Мы постараемся делать его по-прежнему содержательным, политически заостренным, одновременно сохраняя академический принцип и стиль его издания. Мы продолжим практику публикации работ молодых политологов. Уверен, молодые политологи, равно как опытные политики и добившиеся признания ученые, должны иметь возможность презентации собственных пред-

ставлений и интерпретаций политических процессов.

1. PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 1: Россия между думскими и президентскими выборами (декабрь 2003 – март 2004 гг.) / науч. ред. Д.Г. Сельцер. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. 53 с.
 2. PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 2: Политические партии и выборы в российских регионах / редкол.: В.М. Юрьев (пред.), В.Ф. Пеньков, С.В. Самгин, Д.Г. Сельцер (отв. ред.); админ. Тамб. обл.; Тамб. обл. Дума; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; Ин-т истории и политологии; Тамб. обл. избир. комиссия; Тамб. отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. 212 с.
 3. PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 3: Принципы и перспективы формирования власти в современной России / редкол.: В.Ф. Пеньков, А.А. Сазонов, Д.Г. Сельцер. Тамбов: Юлис, 2005. 171 с.
 4. PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 4: Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / редкол.: Г.Ю. Валеева, В.Ф. Пеньков, А.С. Пучнин, А.А. Сазонов (пред.), Д.Г. Сельцер; админ. Тамб. обл.; Тамб. обл. дума; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; Тамб. обл. избир. комиссия; Тамб. отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов: Юлис, 2006. 265 с.
 5. PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 5: Диалоги о политике: материалы российско-американских студенческих семинаров по политологии и международным отношениям (ТГУ им. Г.Р. Державина, РФ – Клемсонский университет, США), г. Тамбов, 2005–2006 гг. / редкол.: М.Д. Кросстон, В.В. Романов, Д.Г. Сельцер; Федеральное агентство по образованию; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; Клемсонский ун-т. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. 179 с.
 6. PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 6: Проблемы избирательного права и избирательного процесса в Российской Федерации (конкурсные работы студентов тамбовских вузов) / редкол.: Г.Ю. Валеева, В.Ф. Пеньков, А.С. Пучнин, А.А. Сазонов, Д.Г. Сельцер; Тамб. обл. избир. комиссия; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; Тамб. отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов: Юлис, 2006. 190 с.
 7. PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 7: Субъектное поле политики. Элита. Номенклатура. Бюрократия / редкол.: О.В. Гаман-Голутвина (пред.), В.Ф. Пеньков, Д.Г. Сельцер; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; Избирательная комиссия Тамбовской области; Исследовательский комитет РАПН по политической элитологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. 254 с.
 8. PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 8: Политические элиты в условиях электорального формата трансформации власти / редкол.: О.В. Гаман-Голутвина (пред.), В.Ф. Пеньков, А.С. Пучнин, Д.Г. Сельцер, В.М. Юрьев; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Избирательная комиссия Тамбовской области; Исследовательский комитет РАПН по политической элитологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. 399 с.
 9. PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 9: Российская политика в региональном измерении / редкол.: Р.Ф. Туровский (пред.), В.Ф. Пеньков, А.С. Пучнин, Д.Г. Сельцер, В.М. Юрьев; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; Избирательная комиссия Тамбовской области; Тамбовское отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. 256 с.
 10. PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 10: Актуальные проблемы изучения политики и преподавания политической науки / редкол.: В.И. Коваленко (пред.), В.Ф. Пеньков, В.В. Романов, Д.Г. Сельцер; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; Национальная коллегия политологов-преподавателей; Тамбовское отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. 196 с.
 11. PRO NUNC: Современные политические процессы. 2012. № 11. Российская политика: «первая строка» (сочинения начинающих политологов).
1. PRO NUNC: Sovremennye politicheskie protsessy. Vyp. 1: Rossiya mezhdu dumskimi i prezidentскими vyborami (dekabr' 2003 – mart 2004 gg.) / nach. red. D.G. Sel'tser. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2004. 53 s.
 2. PRO NUNC: Sovremennye politicheskie protsessy. Vyp. 2: Politicheskie partii i vybory v rossiyskikh regionakh / redkol.: V.M. Yur'ev (pred.), V.F. Pen'kov, S.V. Samgin, D.G. Sel'tser (otv. red.); admin. Tamb. obl.; Tamb. obl. Duma; Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina; In-t istorii i politologii; Tamb. obl. izbir. komissiya; Tamb. otdelenie Ros. assotsiatsii polit. nauki. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2004. 212 s.

3. PRO NUNC: Sovremennye politicheskie protsessy. Vyp. 3: Printsipy i perspektivy formirovaniya vlasti v sovremennoy Rossii / redkol.: V.F. Pen'kov, A.A. Sazonov, D.G. Sel'tser. Tambov: Yulis, 2005. 171 s.
4. PRO NUNC: Sovremennye politicheskie protsessy. Vyp. 4: Izbiratel'noe pravo i izbiratel'nyy protsess v Rossiyskoy Federatsii / redkol.: G.Yu. Valeeva, V.F. Pen'kov, A.S. Puchnin, A.A. Sazonov (pred.), D.G. Sel'tser; admin. Tamb. obl.; Tamb. obl. дума; Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina; Tamb. obl. izbir. komissiya; Tamb. otделение Ros. assotsiatsii polit. nauki. Tambov: Yulis, 2006. 265 s.
5. PRO NUNC: Sovremennye politicheskie protsessy. Vyp. 5: Dialogi o politike: materialy rossiysko-amerikanskikh studencheskikh seminarov po politologii i mezhdunarodnym otноsheniyam (TGU im. G.R. Derzhavina, RF – Klemsonskiy universitet, SShA), g. Tambov, 2005–2006 gg. / redkol.: M.D. Krosston, V.V. Romanov, D.G. Sel'tser; Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu; Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina; Klemsonskiy un-t. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2006. 179 s.
6. PRO NUNC: Sovremennye politicheskie protsessy. Vyp. 6: Problemy izbiratel'nogo prava i izbiratel'nogo protsessa v Rossiyskoy Federatsii (konkursnye raboty studentov tambovskikh vuzov) / redkol.: G.Yu. Valeeva, V.F. Pen'kov, A.S. Puchnin, A.A. Sazonov, D.G. Sel'tser; Tamb. obl. izbir. komissiya; Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina; Tamb. otделение Ros. assotsiatsii polit. nauki. Tambov: Yulis, 2006. 190 s.
7. PRO NUNC: Sovremennye politicheskie protsessy. Vyp. 7: Sub'ektnoe pole politiki. Elita. Nomenklatura. Byurokratiya / red-kol.: O.V. Gaman-Golutvina (pred.), V.F. Pen'kov, D.G. Sel'tser; Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina; Izbiratel'naya komissiya Tambovskoy oblasti; Issledovatel'skiy komitet RAPN po politicheskoy elitologii. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2006. 254 s.
8. PRO NUNC: Sovremennye politicheskie protsessy. Vyp. 8: Politicheskie elity v usloviyakh elektoral'nogo formata transformatsii vlasti / redkol.: O.V. Gaman-Golutvina (pred.), V.F. Pen'kov, A.S. Puchnin, D.G. Sel'tser, V.M. Yur'ev; Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina, Izbiratel'naya komissiya Tambovskoy oblasti; Issledovatel'skiy komitet RAPN po politicheskoy elitologii. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2008. 399 s.
9. PRO NUNC: Sovremennye politicheskie protsessy. Vyp. 9: Rossiyskaya politika v regional'nom izmerenii / redkol.: R.F. Turovskiy (pred.), V.F. Pen'kov, A.S. Puchnin, D.G. Sel'tser, V.M. Yur'ev; Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina; Izbiratel'naya komissiya Tambovskoy oblasti; Tambovskoe otделение Ros. assotsiatsii polit. nauki. Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2009. 256 s.
10. PRO NUNC: Sovremennye politicheskie protsessy. Vyp. 10: Aktual'nye problemy izucheniya politiki i prepodavaniya politicheskoy nauki / redkol.: V.I. Kovalenko (pred.), V.F. Pen'kov, V.V. Romanov, D.G. Sel'tser; Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina; Natsional'naya kollegiya politologov-prepodavateley; Tambovskoe otделение Ros. assotsiatsii polit. nauki. Tambov: Izdatel'skiy dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2011. 196 s.
11. PRO NUNC: Sovremennye politicheskie protsessy. 2012. № 11. Rossiyskaya politika: «pervaya stroka» (sochineniya nachinayushchikh politologov).

Поступила в редакцию 17.12.2013 г.

UDC 32(051)

JOURNAL AS FACTOR OF ESTABLISHMENT OF SCIENCE AND DEVELOPMENT PUBLIC SPACE OF REGION: 10 YEARS OF “PRO NUNC: MODERN POLITICAL PROCESSES” JOURNAL

Dmitriy Grigoryevich SELTSE, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Politology, Professor, Director of Institute of Humanitarian and Social Education, e-mail: seltser@yandex.ru

The history of creation and content of “PRO NUNC: Modern political processes” journal is considered, its influence on Tambov politological and political society, journal's integration in public life and general scientific flow are valued.

Key words: politics; political science; politology; politologist; political processes; socio-political life; region; journal.

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 057.4

ПРОФЕССОР АНАТОЛИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ШАРАНДИН И ТАМБОВСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

© Владимир Георгиевич РУДЕЛЕВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка, заслуженный работник высшей
школы РФ, член Союза российских писателей, e-mail: ifg06@mail.ru

Рассмотрен вклад профессора А.Л. Шарандина в деятельность Тамбовской лингвистической школы, в ее формирование и развитие.

Ключевые слова: А.Л. Шарандин; научная школа; Тамбовская лингвистическая школа; теоретико-информационный метод.

Анатолий Леонидович Шарандин – один из наиболее ярких и одаренных представителей Тамбовской лингвистической школы; с его именем связаны и начало названной школы, и все ее взлеты и поиски, и успехи и трудности, и научные связи, и конференции, и важнейшие публикации. Его именем Школа гордится и становится известной как в России, так и за рубежом,

Профессор А.Л. Шарандин родился 60 лет назад в Тамбове в рабоче-крестьянской семье. Имя и облик его прекрасного предка высвечивается во французской фамилии нашего дорогого героя – «Sharandin». Видимо, сдавшийся в плен в 1813 г. французский солдат-гренадер месье Шарандэн, попав в неволю, стал русским крестьянином, возможно, – крепостным. От него и пошли высокие, сильные русские крестьяне с гордой французской фамилией. Будучи студентом Тамбовского педагогического института и жителем города Тамбова, Анатолий Леонидович не забывал свою крестьянскую бабушку Авдотью Фоминичну, помогал ей выращивать и убирать картофель и иные овощи. Вкус тамбовского (французско-русского) картофеля вспоминается мне до сих пор как нечто самое великолепное и приятное, как лучшее, что приходилось есть...

Однако со дня моего приезда в город Тамбов (сентябрь 1972 г.) до дня моего при-

косновения к тамбовскому картофелю было еще немало дней, месяцев и даже лет. Студент пединститута Анатолий Шарандин увлекался далекой от меня еще в ту пору литературой, поэтическим творчеством Николая Добролюбова. Еще бы не увлечься! Ведь он попал в счастливый круг учеников самого талантливого и вдохновенного педагога С.Б. Прокудина, великолепного артиста и непревзойденного мастера своего дела, глубочайшего знатока классической русской литературы. Мне приходилось несколько раз быть на лекциях Станислава Борисовича (голос прекрасного мастера звучит до сих пор в моих ушах), и скажу по совести: лучше этих дивных спектаклей я в жизни, наверное, ничего не слышал. Однако потом Анатолий Леонидович прикоснулся к теоретической лингвистике; его учителем стал блестящий знаток общего языкознания Олег Василькович Озаровский; он увлек одаренного потомка месье Шарандэна русскими языковыми законами *утверждения и отрицания*. Вот уж где потребовались и труд, и терпение, и молодой талант будущего известного ученого-лингвиста. Учителям А.Л. Шарандина только и оставалось радоваться заметным успехам их ученика...

Скажу и я: таланта и трудолюбия у Анатолия Леонидовича было предостаточно. Этими качествами Шарандина снабдили, не-

сомненно, его прекрасные родители Леонид Михайлович и Татьяна Яковлевна. Леонида Михайловича я уж не застал, а с Татьяной Яковлевной успел познакомиться и был несказанно счастлив от общения с этой мудрой, чистой и доброй женщиной. Она хорошо чувствовала людей и учила сына различать Добро и Зло, отдавая предпочтение Добру. Это трудное искусство Анатолий Леонидович постиг довольно рано, потому и работать с ним было легко и свободно.

Он поступил ко мне в аспирантуру в конце 1970-х гг. и был аспирантом, прямо скажу, блестящим: быстро усвоил почти невозможную в смысле познания фонологическую теорию Н.С. Трубецкого – со всеми модификациями, которые я позволял себе при чтении курса фонологии (именно фонологии, а не фонетики, как было обозначено в «программах»). За пределами «фонетики» Н.С. Трубецкого даже упоминать в те годы было не позволено. Но мы с Анатолием Леонидовичем уже пытались применить метод оппозиций и нейтрализаций при изучении содержательных структур, вплоть до поэтических. Не все давалось легко: *пражский структурализм*, как и всякий иной *структурализм*, не вязался с *языковым реализмом*, обязательным в СССР. Помнится, в Министерстве просвещения РСФСР, где я состоял членом комиссии по проверке качества преподавания русского языка в педагогических вузах, мне пришлось выдержать долгую беседу, кажется, с заместителем министра по поводу причастия к пражскому структурализму (были соответствующие «сигналы» на этот счет); в конце этой беседы мне было сказано: «*Читайте свои лекции, как читали, но не слишком увлекайтесь расширением аудитории...*».

Так мы и делали потом. Почти – так! Помню: сосредоточились на глаголе. Тут как раз начиналось наше проникновение в проблемы взаимодействия *грамматики* и *лексической семантики*. Это был первый этап становления Тамбовской лингвистической школы. И к этому началу был в полной мере причастен талантливый исследователь А.Л. Шарандин. Он как-то спокойно, чересчур уж спокойно глядел на первые кафедральные опыты, связанные с попытками представить *грамматику* (*морфологию*) как своего рода *шифрующее устройство*, передающее *лекси-*

ческую семантику. Успешные диссертационные сочинения, выполненные моими учениками: Р.П. Афанасьевой (Козловой) [1], И.К. Носовой [2], М.И. Ивановой [3] – его, конечно, радовали, но в уме и душе зрело что-то совсем иное. В конце концов А.Л. Шарандин не выдержал и выразил неудовлетворение тем, что происходит: «Исследуются, – взволнованно говорил наш молодой коллега, – *зеркальные категории* русских частей речи (глагола и прилагательного), а главные категории того же глагола и того же прилагательного (*имманентные, внутренние*) остаются в стороне». «Я имею в виду, – добавлял молодой ученый, – категории *вида, залога, времени* – у глагола и *сравнения* – у прилагательного. Считаю нужным заняться имманентными категориями, поскольку ими шифруются наиболее важные семантические признаки глагола и качественно-предикативного слова (прилагательного)».

Все было ясно: молодой ученый, будучи абсолютно прав, обрекает себя на тяжелейший труд – без начала и без конца, даже – без предполагаемых результатов. Но это было решение настоящего ученого, бесстрашного исследователя. И мне пришлось его на этот труд благословить. Именно – пришлось: спорить было бесполезно! Диссертация А.Л. Шарандина [4] защищалась в ученом совете Воронежского университета, но это было только в 1982 г.

Пришлось мне благословлять Анатолия Леонидовича и на труд, связанный с написанием докторской диссертации. Следует отметить, что пребывание и обучение его в докторантуре ныне Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена стало этапным как в научном, так и в чисто человеческом смысле. Научным консультантом А.Л. Шарандина была назначена член-корреспондент Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор Сакмара Георгиевна Ильенко, дружбой с которой я гордился, поскольку она была не только известным ученым, но прекрасным человеком, мудрым наставником многих одаренных и ныне не менее известных и талантливых лингвистов. Общение с ней позволило А.Л. Шарандину в своих научных поисках осознать главное для ученого – целесообразность и востребованность предлагаемых решений, их научную

состоятельность и непритязательность на абсолютную истину. Душевная и научная щедрость С.Г. Ильенко была с благодарностью впитана А.Л. Шарандиным. И после окончания докторантуры и защиты в 1992 г. докторской диссертации он предстал уже ученым, научные взгляды которого привнесли в развитие Тамбовской лингвистической школы новые свежие идеи, что позволило учесть их, прежде всего, в диссертационных исследованиях, выполненных в рамках научной школы. Однако возвратимся к 1980-м гг.

*

В 1980 г. я переживал глубокий научный и всякий иной (душевный, житейский) кризис. Спасением своим я счел пешее путешествие из Тамбова хотя бы в Рязань (первоначально предполагался – Киев). Намечавшиеся спутники идти вместе со мной отказались: был дождливый и необычно холодный июль легендарного 1980 г. Идти было *почти* невозможно. А одному – без всяких «*почти*», опасно и бесполезно. Я – все-таки пошел, и моим единственным спутником стал аспирант А.Л. Шарандин, который был на пороге защиты диссертации.

Зачем было нужно это путешествие? Ни-за-чем! Оно не имело ни цели, ни смысла. Оно было чисто донкихотским предприятием. Нас уговаривали – не идти! А мы пошли. И уж чуть ли не через день были вознаграждены каким-то невероятным чудом. Мы вошли в самое начало новой эры, в эпоху, которая была, явно, протославянской и даже балто-славянской (между тем балто-славянское единство именно в эти годы начали вдруг ни с того, ни с сего все дружно отрицать). Мы вошли в село по имени «*Aty Jasy*», что означало <Отец Небесный>...

И это было чудо. Это было наслаждение. В ряду с именем, звучавшим в наше время как «*Атъясы*», стояли имена: «*Тамбов*», «*Цна*», «*Сампур*»... Как же это все осталось цело! В селе *Атъясы* все колодцы были наполнены соленой водой. Пить ее нам, по крайней мере, было невозможно. Ручей, протекавший по селу, был безнадежно грязный: ни напиться, ни умыться. А уже наступал вечер. И вот вечером внезапно все преобразовалось. Ручей стал чистым, вода в нем оказалась холодной и вкусной. Мы словно уви-

дели древних насельников села *Аты Ясы*, еще не покоренных гуннами и говорящих на древнейшем протославянско-балтийском языке, оставившем нам несколько древнейших названий, сохраненных благодаря гуннскому языку-суперстрату, который стал и *языком-эрзя*, и *языком-мокша*, а далеко на Западе, благодаря тем же законам и тем же механизмам сложения, он стал *мадьярским* (венгерским) языком...

*

В 1995 г. отмечалось 20-летие Тамбовской лингвистической школы [5]. К этому времени по кафедре русского языка Тамбовского государственного университета было защищено 12 кандидатских диссертаций, наиболее важными (значащими) из которых, кроме уже упомянутой диссертации А.Л. Шарандина [4], были диссертационные сочинения Н.В. Челюбеевой (Сафоновой) [6], О.А. Дриняевой [7], О.А. Руделевой [8], Л.Н. Клоковой [9]. В 1978 г. в Тамбове была проведена межвузовская конференция языковедов Центрально-Черноземной зоны на тему «*Семасиология и грамматика*», привлекая внимание не только большого числа провинциальных лингвистов, но и многих крупных ученых Москвы и Ленинграда [10]. Само открытие в Тамбове *государственного университета* (на базе педагогического вуза) было результатом наличия и успешной деятельности нескольких подлинно научных школ [11], в числе которых, кроме известной в СССР школы истории физики профессора П.С. Кудрявцева, отмечалась и научная лингвистическая школа профессора В.Г. Руделева [12].

В статье Б.З. Винокурова [12] точнее всего были перечислены признаки научной школы, самым главным из которых было наличие **метода** – нового способа исследования, благодаря применению которого разрешаются парадоксы и совершаются открытия; их при старых методах исследования разрешить и совершить было невозможно. Пока тамбовские исследователи русского языка не применили в своих работах теоретико-информационный метод Н.С. Трубецкого, превратив его в универсальный, всеобщий применительно к содержательным материям, создав таким образом некий аналог теории информации К. Шеннона, ни о какой серьезной лингвистической теории, тем более о

научной школе, говорить было преждевременно.

Очень часто составители научных отчетов и описаний научных школ используют для последних произвольные названия, в которых отражаются темы исследования, названия лабораторий или имена создателей и руководителей коллективов, претендующих на звание *школы*. Однако сущности школы такие названия не отражают. Так, Тамбовскую лингвистическую школу нередко именуют по названию лаборатории «*Экология языка и речи*», которая, просуществовав некоторое время и выполнив свою роль, прекратила бытие, став, однако, темой очень многих исследований, проводимых в рамках Тамбовской лингвистической школы, пафосом этих исследований и т. д. Сама же упомянутая школа не только сохранилась, но и окрепла – без каких-либо новых дополнительных названий; она их не имеет и не нуждается в них. Что же касается *теоретико-информационного метода*, на котором держится Тамбовская лингвистическая школа, то он был подробно описан в ряде наших сочинений и сочинений наших коллег [13–15].

Этот метод заимствован из работы великого русского ученого Н.С. Трубецкого «Основы фонологии» (перевод на русский язык был сделан только в 1960 г.). Даже в работах по русской и всякой иной фонетике метод Н.С. Трубецкого, который мы теперь называем теоретико-информационным, применяется или хотя бы упоминается редко (ср. [16]). Суть его заключается в констатации измеряемых оппозиций фонем: измерения происходят путем установления маркированных и немаркированных фонологических элементов. Констатируются также нейтрализации фонологических оппозиций, в которых происходят уподобления маркированных элементов немаркированным. Традиционному изучению фонетических (материальных) единиц (*звуков* или *фонем*) в фонологии Н.С. Трубецкого противопоставляется исследование *отношений* между упомянутыми единицами. Это, с точки зрения ученых-материалистов, оказывается явным идеализмом и потому неприемлемо. Но это – чистейший воды анахронизм, явная метафизика: отношения между исследуемыми элементами – такая же реальность, как и сами элементы, и даже бóльшая реальность, поскольку конста-

тирует системные образования на месте обыкновенных совокупностей (ср. с системой Менделеева).

Не следует, однако, думать, что фонологическая модель Н.С. Трубецкого вошла в наши исследования механически, без каких-либо модификаций и, смеем сказать, усовершенствований. Во-первых, мы сочли возможным поставить в зависимость наличие оппозиций с нейтрализациями их в слабых положениях (ср. [17]): оппозиция существует тогда и только тогда, когда она исчезает, подвергается в особых положениях *нейтрализации*. В этом суть *динамических моделей* (открыто В.В. Колесовым). Во-вторых, мы открыли, что *привативная (одномерная)* оппозиция является частью, звеном более сложной оппозиции, построенной по крайней мере на двух разновидностях (вариантах) одного и того же признака: $/a \rightarrow b/$ и $/b \leftarrow c/$ ($/a \rightarrow b \leftarrow c/$). Это открытие было сделано нашей студенткой Г.Ф. Горват и развито А.Л. Шарандиным [18]; оно поставило теоретико-информационную модель Н.С. Трубецкого выше теоретико-информационного метода К. Шеннона, и это было сделано как раз в то время, когда тамбовские лингвисты заявили, что фонологический метод Н.С. Трубецкого безграничен и может с успехом применяться за пределами фонологии [19].

*

Тамбовская лингвистическая школа не узурпирует и не собирается узурпировать пространства, освоенные другими лингвистическими школами. Напротив, подлинные научные лингвистические школы не конкурируют, а сотрудничают. Основатель и руководитель научной школы тамбовских лингвистов профессор В.Г. Руделев был одним из самых близких друзей известного своим нестандартным мышлением уфимского, а затем воронежского ученого профессора И.П. Распопова. Кстати говоря, после смерти И.П. Распопова в Воронеже его научная синтаксическая школа сошла на нет, увяла, угасла и вряд ли сейчас еще существует; между тем в Тамбове она получила заметное развитие [20]. То же самое можно сказать о дружбе профессора В.Г. Руделева и главы Орловской ономазиологической школы профессора И.С. Торопцева (ни имя профессора Торопцева, ни его работы не упомянуты в энцик-

лопедических справочниках, изданных в России). То же самое можно сказать о профессоре В.М. Маркове и руководимой им школе казанских исследователей русского языка; дружба профессоров Маркова и Руделева была недолгой, но яркой и действенной; открытие казанским языковедом Марковым семантического способа словообразования было высоко оценено тамбовским ученым Руделевым и проигнорировано составителями энциклопедических словарей, как и само имя нестандартного языковеда В.М. Маркова. То же самое можно сказать о взаимном уважении друг к другу профессоров В.Г. Руделева и В.Н. Мигирова и – те же самые отношения к тому и другому упоминаемых энциклопедий.

Герой нашей статьи Анатолий Леонидович Шарандин в отношении научных школ и участников этих прекрасных парадов тоже вполне лоялен: его связывает дружба с руководителем Тамбовской школы когнитологов профессором Н.Н. Болдыревым и участие в когнитологической деятельности, которой, видимо, принадлежит будущее. Такая же дружба у А.Л. Шарандина с воронежским профессором А.А. Кротовым, алмаатинцем профессором В.С. Ли. А.Л. Шарандин везде нужен, везде свой. Помыслы его чисты, успехи заметны. Будущее Тамбовской лингвистической школы, несомненно, – в его руках.

*

Мне осталось осветить в этой статье еще лишь один момент, касающийся Тамбовской лингвистической школы, как и всякой научной школы вообще. Было бы наивно думать, что своими успехами Тамбовская школа лингвистов обязана только себе. Ее бы не было, этой школы, если бы в начале 1970-х гг. в Тамбове в кругу правящих партийно-советских лиц не возникла страстная жажда возродить в нашем городе закрытый когда-то Университет. Я называю сейчас эти 70-е гг. XX в. и все последующие годы вплоть до открытия в 1994 г. Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина **Тамбовской Весной**. Я помню ту деятельную заботу о бывших уже тогда научных школах профессора П.С. Кудрявцева (история физики), профессора А.Л. Хайкина (философия). Помню заботу о себе, приглашенном на работу в будущий Тамбовский уни-

верситет из далекого Оренбурга, в котором об университете и не мечтали (до поры до времени, конечно). Помню прекрасные лица высоких персон, подаривших мне и другим приглашенным ученым Тамбовскую Весну: В.И. Черного, О.К. Сазонову, Г.Т. Мукину, М.И. Дробжеву, Н.И. Кулагину. Помню нашего ректора В.Д. Виноградова и его чудодеев проректоров (того же Л.М. Минченко). Позже были и совсем другие ректора и проректора. Помню один из них мне сказал чуть ли не прилюдно: «Что это вы, профессор, со своей наукой все мельтешите, мельтешите! Нам наука-то сейчас не очень нужна. Мы ведь в нашем педагогическом институте учителей для сельской местности готовим!». Однако когда я прошел по конкурсу в Тартуский университет (несмотря на то, что не успел представить характеристику), когда уже стоял в расписании рядом с профессором Ю.С. Лотманом (у меня была третья пара, а у Ю.С. Лотмана – вторая!) и мне уже позарез была нужна эта самая характеристика, тот же самый ректор мне эту самую характеристику не дал. Может быть, и правильно сделал, что не дал. Тамбовская Весна-то все-таки возрождается.

Я хочу, чтобы у моего преемника Анатолия Леонидовича Шарандина она не кончалась...

1. *Афанасьева Р.П.* Семантико-грамматические классы русского глагола (к проблеме взаимодействия грамматики и семантики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1978.
2. *Носова И.К.* Семантико-грамматическая классификация имени прилагательного в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1979.
3. *Иванова М.И.* Семантико-деривационные классы наречия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991.
4. *Шарандин А.Л.* Грамматические категории и лексико-грамматические классы русского глагола: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1982.
5. *Орлицкий Ю.* Международная научная конференция «Слово», посвященная 20-летию Тамбовской лингвистической школы // Вестник гуманитарной науки. М., 1995. № 6.
6. *Челобеева Н.В. (Сафонова).* Семантико-грамматические признаки качественно-предика-

- тивных слов в говорах Тамбовской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
7. *Дриняева О.А.* Некоторые аспекты существительного и субстантивных форм в современном русском языке (на материале текстов, изучаемых в начальной школе): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1989.
 8. *Руделева О.А.* Существительное и его семантико-грамматические классы (на материале поэзии Андрея Вознесенского). Саратов, 1991.
 9. *Клокова Л.Н.* Система форм и семантико-грамматические классы существительных в говорах Тамбовской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 1995.
 10. Семасиология и грамматика: краткие тез. докл. и сообщ. к научн. конф. языковедов Центр.-Черн. зоны / отв. ред. В.Г. Руделев. Тамбов, 1978.
 11. *Зубец В.М.* Мечта становится реальностью // Тамбовский государственный университет. Спецвыпуск. 1995. Февр. № 1–6.
 12. *Винокуров Б.З.* Тамбовские научные школы. Опыт исторического изучения // Наука и власть: научные школы и профессиональные общества в историческом измерении: материалы научной конференции. М., 2002. С. 99–100.
 13. *Шарандин А.Л., Пискунова С.В., Руделева О.А.* Тамбовская лингвистическая школа // В лабиринте сознания, времени и языка: сборник статей в честь 80-летия профессора В.Г. Руделева. Тамбов, 2013. С. 14–22.
 14. *Бирюков С.Е.* Эпоха Руделева. 80 лет со дня рождения профессора В.Г. Руделева // Вестник Тамбовского центра краеведения. Провинциальные записки. № 1. Тамбов; Москва; Санкт-Петербург; Баку; Вена; Гамбург, 2012. № 23.
 15. *Сафонова О.В., Руделев В.Г.* Названия животных как средство создания героического образа (к реконструкции и герменевтической обработке «Слова о полку Игореве»). Тамбов, 2010.
 16. *Руделев В.Г.* Фонология слова: Спецкурс по русскому языку. Тамбов, 1975.
 17. *Руделев В.Г.* Типы нейтрализации и классификация оппозиций (на материале русского языка) // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972. С. 319–333.
 18. *Шарандин А.Л., Горват Г.Ф.* Семантические оппозиции по признаку пола // Семантика и грамматика: сборник статей. Тамбов, 1978. С. 25–30.
 19. *Дриняева О.А., Каменская Н.В., Руделева О.А.* Фонологические методы, их универсальность и применение за пределами фонологии // Исследования по русской фонологии. Тамбов, 1987. С. 115–123.
 20. *Цыпин О.А.* Типология предикатов в русском языке (на материале драматических текстов Александра Вампилова). Тамбов, 2002.
-
1. *Afanas'eva R.P.* Semantiko-grammaticheskie klassy russkogo glagola (k probleme vzaimodeystviya grammatiki i semantiki): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 1978.
 2. *Nosova I.K.* Semantiko-grammaticheskaya klassifikatsiya imeni prilagatel'nogo v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 1979.
 3. *Ivanova M.I.* Semantiko-derivatsionnye klassy narechiya v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 1991.
 4. *Sharandin A.L.* Grammaticheskie kategorii i leksiko-grammaticheskie klassy russkogo glagola: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 1982.
 5. *Orlitskiy Yu.* Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Slovo», posvyashchennaya 20-letiyu Tambovskoy lingvisticheskoy shkoly // Vestnik gumanitarnoy nauki. M., 1995. № 6.
 6. *Chelyubeeva N.V. (Safonova).* Semantiko-grammaticheskie priznaki kachestvenno-predikativnykh slov v govorakh Tambovskoy oblasti: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. L., 1988.
 7. *Drinyayeva O.A.* Nekotorye aspekty sushchestvitel'nogo i substantivnykh form v sovremennom russkom yazyke (na materiale tekstov, izuchaemykh v nachal'noy shkole): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 1989.
 8. *Rudeleva O.A.* Sushchestvitel'noe i ego semantiko-grammaticheskie klassy (na materiale poezii Andrey Voznesenskogo). Saratov, 1991.
 9. *Kloкова L.N.* Sistema form i semantiko-grammaticheskie klassy sushchestvitel'nykh v govorakh Tambovskoy oblasti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 1995.
 10. Semasiologiya i grammatika: kratkie tez. dokl. i soobshch. k nauchn. konf. yazykovedov Tsentr.-Chern. zony / otv. red. V.G. Rudelev. Tambov, 1978.
 11. *Zubets V.M.* Mechta stanovitsya real'nost'yu // Tambovskiy gosudarstvennyy universitet. Spetsvypusk. 1995. Fevr. № 1–6.
 12. *Vinokurov B.Z.* Tambovskie nauchnye shkoly. Opyt istoricheskogo izucheniya // Nauka i vlast': nauchnye shkoly i professional'nye obshchestva v istoricheskom izmerenii: materialy nauchnoy konferentsii. M., 2002. S. 99–100.
 13. *Sharandin A.L., Piskunova S.V., Rudeleva O.A.* Tambovskaya lingvisticheskaya shkola // V labirinte soznaniya, vremeni i yazyka: sbornik

- statey v chest' 80-letiya professora V.G. Rudeleva. Tambov, 2013. S. 14-22.
14. *Biryukov S.E.* Epokha Rudeleva. 80 let so dnya rozhdeniya professora V.G. Rudeleva // *Vestnik Tambovskogo tsentra kraevedeniya. Provintsial'nye zapiski.* № 1. Tambov; Moskva; Sankt-Peterburg; Baku; Vena; Gamburg, 2012. № 23.
 15. *Safonova O.V., Rudelev V.G.* Nazvaniya zhivotnykh kak sredstvo sozdaniya geroicheskogo obraza (k rekonstruktsii i germenevticheskoy obrabotke "Slova o polku Igoreve"). Tambov, 2010.
 16. *Rudelev V.G.* Fonologiya slova: Spetskurs po russkomu yazyku. Tambov, 1975.
 17. *Rudelev V.G.* Tipy neytralizatsii i klassifikatsiya oppozitsiy (na materiale russkogo yazyka) // *Problemy strukturnoy lingvistiki.* 1971. M., 1972. S. 319-333.
 18. *Sharandin A.L., Gorvat G.F.* Semanticheskie oppozitsii po priznaku pola // *Semantika i grammatika: sbornik statey.* Tambov, 1978. S. 25-30.
 19. *Drinyaeva O.A., Kamenskaya N.V., Rudeleva O.A.* Fonologicheskie metody, ikh universal'nost' i primeneniye za predelami fonologii // *Issledovaniya po russkoy fonologii.* Tambov, 1987. S. 115-123.
 20. *Tsypin O.A.* Tipologiya predikatov v russkom yazyke (na materiale dramaticheskikh tekstov Aleksandra Vampilova). Tambov, 2002.
- Поступила в редакцию 14.12.2013 г.

UDC 057.4

PROFESSOR ANATOLY LEONIDOVICH SHARANDIN AND TAMBOV LINGUISTIC SCHOOL

Vladimir Georgiyevich RUDELYOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, Honored Worker of High School of Russia, Member of Russian Union of Writers, e-mail: ifg06@mail.ru

Professor A.L. Sharandin's contribution to the work of Tambov linguistic school, in its formation and development is considered.

Key words: A.L. Sharandin; scientific school; Tambov linguistic school; information-theoretic method.

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 9(075)

**РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ:
АЙРАПЕТОВ А.Г., АКОЛЬЗИНА М.К. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ.
ЧАСТЬ 1. НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ (XVII в. – 1870 г.).
ТАМБОВ: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ТГУ ИМ. Г.Р. ДЕРЖАВИНА, 2013. 252 с.**

© Семен Федорович БЛУМЕНАУ

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,
г. Брянск, Российская Федерация, доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой всеобщей истории, e-mail: blumenausf@mail.ru

Рецензируемое учебно-методическое пособие содержит разнообразные материалы, способствующие формированию необходимых компетенций, заявленных двумя авторами во введении к своей работе: подробную программу курса, материалы к лекциям, объемную библиографию, темы и планы семинарских занятий, задания и материалы для реферативных сообщений, вопросы для общих дискуссий, глоссарий. Несомненное достоинство пособия состоит в удачной попытке представить не «событийную», т. е. фактографическую историю, а подлинно научную – проблемную. Авторы приводят обильные цитаты из трудов видных историков, знакомят с концепциями того или иного исторического явления, сталкивают различные версии, не навязывая категорично свою точку зрения.

Обратившись к 12 лекционным темам, авторы учебно-методического пособия смогли разобрать большое количество важных и дискуссионных проблем – демографические процессы, экономические изменения, социальные связи, сословную иерархию, образование, идеологию, религиозные верования, – сравнить революции XVII–XIX вв. в разных странах, поразмышлять об абсолютизме, национализме и Просвещении. Обращает на себя внимание шестая тема лекций «Общественно-политическая мысль, идеология, религия и церковь в Западной Европе XIX века», в которой предпринят содержательный анализ консервативных и либеральных идей, слабо изученной религиозно-церковной истории. Полезным представляется использование авторами такого методического средства, как таблицы. Вместе с тем недостаточно полно освещена история Просвещения и повседневной жизни населения.

Ключевые слова: Новая история; абсолютизм; революция; общественная мысль; национализм; демографические процессы; религия; церковь; промышленный переворот; образование; социально-экономическое и политическое развитие.

Рецензируемое учебно-методическое пособие чрезвычайно полезно для студентов-историков, обучающихся по программе бакалавриата. Оно подготовлено преподавателями кафедры всеобщей истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина: профессором, доктором исторических наук А.Г. Айрапетовым и доцентом, кандидатом исторических наук М.К. Акользиной. Пособие содержит самые разнообразные материалы, способствующие формированию необходимых компетенций, заявленных двумя авторами во введении к своей работе. Многое направлено здесь на достижение высокого конечного результата: подробная программа курса, объемная библиография, темы и планы семинарских занятий, задания и ма-

териалы для реферативных сообщений, вопросы для общих дискуссий. Добавить к этому можно было бы только оценочные средства: тесты и вопросы к экзамену. Центральным пунктом являются, конечно, лекционные материалы, заслуживающие особого внимания.

Наиболее сильная сторона данного учебного пособия состоит в удачной попытке представить не «событийную», т. е. фактографическую историю, а подлинно научную – проблемную. Авторы приводят обильные цитаты из трудов видных историков, знакомят с концепциями того или иного исторического явления, сталкивают различные версии, не навязывая категорично свою точку зрения. Все это побуждает студентов об-

ращаться в поисках ответов непосредственно к историческим исследованиям. Они овладевают необходимыми для выпускника навыками научного анализа. Одновременно студентов подготавливают к освоению других учебных дисциплин: «Источниковедение», «Историография». Наконец, подход, осуществленный А.Г. Айрапетовым и М.К. Акользиной, обостряет интерес к нашей науке. Тамбовским коллегам удалось сделать едва ли не самое сложное для нескольких поколений вузовских преподавателей всеобщей истории – вырваться из плена страноведческого дискурса. В лекционных материалах речь идет не об отдельно взятых государствах, а о процессах и явлениях, охватывавших большую часть западного мира. Любопытны и тексты, в которых дан сравнительный анализ того, что происходило в странах, лидерах европейской цивилизации XVII–XIX вв. – Англии и Франции.

Обратившись к 12 темам, А.Г. Айрапетов и М.К. Акользина смогли разобрать большое количество важных и дискуссионных проблем. Им удалось объять экономические изменения, социальные связи, сословную иерархию, образование, идеологию, религиозные верования, сравнить революции XVII–XIX вв. в разных странах, поразмышлять об абсолютизме, национализме и Просвещении. Особенно ценно внимание авторов пособия к демографии – проблематике, весьма запущенной в нашей стране. Между тем от происходившего в этой сфере во многом зависело и все остальное, включая хозяйственную жизнь. К сожалению, нередко в учебных пособиях и монографиях «гуляют» цифры, некритически заимствованные из литературы позапрошлого столетия. Так, например, население Франции перед Революцией 1789 г. оценивается в некоторых солидных учебниках в 25 млн человек, тогда как, согласно современным исследованиям, страну населяло 28,6 млн жителей, что совсем не одно и то же. Рецензируемое же пособие позволяет проследить демографические сдвиги и формирует у студентов необходимые представления.

Удачно разработана шестая тема учебного пособия «Общественно-политическая мысль, идеология, религия и церковь в Западной Европе XIX века». Здесь, в частности, предпринят содержательный анализ кон-

сервативных идей, и, прежде всего, классического труда Э. Бёрка «Размышления о революции во Франции». В советское время консерватизм нередко и необоснованно приравнивался к реакционности и на этом основании не столько рассматривался и обсуждался, сколько безоговорочно осуждался.

А.Г. Айрапетов и М.К. Акользина зримо продемонстрировали обстоятельность доводов Э. Бёрка в оспаривании революционных идей. Английский мыслитель противопоставлял абстракциям, умозрительности и утопизму, с которыми революционеры обычно подходили к прошлому и будущему своих стран, традиции, исторический опыт и политическую практику. Подход Э. Бёрка лег в основу современного консерватизма – влиятельного политического течения. Освоение его творчества студентами должно подвигнуть их к продуктивной мысли об отсутствии прямых и легких путей общественного прогресса.

Столь же тщательному анализу подверглись в учебном пособии либеральные теории первой половины XIX в. Дополнительным плюсом стало обращение к взглядам людей, не столь известных в России, о которых студенты могли знать, в лучшем случае, лишь понаслышке. Речь, конечно, идет об Иеремии Бентэме и Бенжамене Констане. Идеи первого представляют интерес не только для специалистов по истории философии. Утилитаризм во многом проливает свет на умонастроения среднего класса в викторианской Англии, до времени которой Бентам немного не дожил. Его, казалось бы, бесхитростные мысли об индивидуальной и общественной пользе, о роли государства сохраняют известное значение в т. ч. и для нашей страны, в которой британский интеллектуал побывал, будучи гостем князя Г. Потемкина. На лекциях авторов пособия, конечно, приводятся данные о большой популярности И. Бентэма среди русской элиты начала XIX в., о его переписке с императором Александром I, о стремлениях содействовать либеральным реформам в России.

Крупной фигурой либерального лагеря во Франции был Б. Констан. Авторы пособия правомерно акцентировали внимание студентов на его мыслях о личной инициативе, общественной самодетельности граждан. Тем самым в творчестве философа и писате-

ля действительно отразился процесс отделения гражданского общества от государства. Любопытно и оригинально учение Констанана о пяти органах государственной власти. Оно характеризовало своеобразие политического режима, установившегося во Франции в период реставрации Бурбонов.

Краткий очерк общественно-политической мысли Западной Европы первой половины XIX в. получился насыщенным и, несомненно, полезным для будущих бакалавров истории. Он приобрел бы, на наш взгляд, совсем уж заверченный характер благодаря анализу радикальных идей того времени.

Заслугой двух авторов стало широкое обращение к религиозно-церковной истории. Если в советский период эти сюжеты разбирались мало, то сегодня их рассмотрению часто не хватает систематичности. Со своей стороны, А.Г. Айрапетов и М.К. Акользина подошли к данной тематике с большим тщанием. Они уделили значительное место не только противостоянию католиков и протестантов, но и религиозным течениям в Английской революции, успехам веротерпимости в XVIII в. и даже противоположным тенденциям в политике римской курии позапрошлого столетия. Тем самым текст пособия открывает перед будущими бакалаврами возможность цельного представления о религии и церкви в Западной Европе XVI–XIX вв.

Тем не менее отдельные характеристики авторов кажутся нам все же спорными. Несколько упрощенно обрисован конфликт реформатских церквей с католицизмом. Недооценивается способность последнего к глубокой перестройке. Речь, конечно, идет не об обновлении догматов, но о серьезных сдвигах в подготовке священников, об изменении их морального облика, о решительной активизации миссионерской деятельности как в самой Европе, так и далеко за ее пределами.

За рамками пособия остался значимый материал об успехах в Англии XIX в. нового неконформизма. Если для ортодоксальной англиканской церкви того времени свойственна определенная самоуспокоенность, утрата наступательной позиции, то британские евангелисты, напротив, сумели оказать сильное и позитивное воздействие на обще-

ственное мнение, умонастроения миллионов граждан.

В пособии сообщены интересные сведения об антицерковных мероприятиях французских якобинцев, в т. ч. о революционном календаре. Здесь в текст вкралась небольшая фактическая ошибка: календарь прекратил свое действие не в 1799 г., а позднее – в 1806 г.

Заслуживает похвалы обращение авторов пособия к такому средству обучения, как таблицы. Одна из них, заимствованная из монографии П. Ласлетта, проливает свет на иерархию сословий и рангов в Англии XVII в. Эта таблица очень полезна, поскольку студенты плохо представляют себе сословную структуру, оперируя лишь общими понятиями: «дворянство», «духовенство», «крестьянство», «купечество». Еще меньше они знают о дворянских титулах.

Интересны таблицы, связанные с подготовкой к семинарским занятиям. Они характеризуют и сравнивают европейские революции 1848–1849 гг., выделяют основные положения французских конституций 1791, 1793, 1795 гг. Подобный самостоятельный анализ хорош тем, что полученные таким образом знания запоминаются прочно и надолго.

Пособие, несомненно, заинтересует широкую студенческую аудиторию как глубиной подхода, так и стремлением охватить многие стороны общественной жизни. И все же остаются отдельные пробелы в освещении истории Запада XVII–XIX вв. Речь идет о том, что обычно называют повседневной жизнью. Важно утолить интерес будущих специалистов, расширить их представления об одежде людей и быстро меняющейся моде, о жилищах бедняков, особняках богачей, дворцах королей и знати, об особенностях питания в разных странах и разной социальной среде. Любопытны для студентов и отношения в семье, в т. ч. к детям и пожилым людям в Новое время. Определенное развитие получила в последние десятилетия и гендерная история. Конечно, невозможно объять все в небольшом учебном пособии, но в какой-то форме стоило обсудить эти вопросы со студентами, если не на лекциях, то в рамках семинаров.

Некоторые претензии можно предъявить к избранной проблематике Просвещения. Она находит отражение и в «Материалах к

лекциям», и особенно в планах практических занятий. Но в данном пособии феномен Просвещения рассматривается традиционно. Главной задачей, на наш взгляд, не должно стать стремление разобрать взгляды как можно большего количества идеологов. Современная наука уже несколько десятилетий решает другой вопрос: как идеи просветителей транслировались и трансформировались в широкой общественной среде?

Действительно сами по себе мысли нескольких десятков даже гениальных людей не способны вызвать мощное социально-политическое брожение, а тем более грандиозное революционное движение. Студентам важно понять механизм, благодаря которому резко критические настроения смогли проникнуть в «толщу» народа, часто неграмотного. А сделано это было посредством широкой аудитории Просвещения, составлявшей, например, во Франции полмиллиона человек. Образованные и мыслящие люди входили в ячейки общественного пространства, среди которых следует назвать не только масонские ложи, но также литературные и агрономические общества, провинциальные акаде-

мии, салоны и другие объединения. Здесь новые идеи обсуждались и «обкатывались». Далее благодаря адвокатам сельских общин, вступавших в судебные процессы с сеньорами, приходским кюре и иным представителям городской культуры до крестьянской массы в упрощенной, адаптированной форме доводились «взрывоопасные» мысли. Результатом стало осознание многомиллионным крестьянством к концу XVIII в. глубинной несправедливости сеньориального режима, хотя его конкретные тяготы и сильно преувеличены. Все это могло бы быть рассмотрено студентами с помощью современной переводной научной литературы.

Высказанные нами отдельные замечания носят дискуссионный характер. Последнее слово остается за авторами чрезвычайно нужного, полезного пособия. Написанное к тому же хорошим слогом, оно привлечет к себе заинтересованное внимание как студенчества, так и преподавательского корпуса.

Поступила в редакцию 11.12.2013 г.

UDC 9(075)

REVIEW OF EDUCATIONAL HANDBOOK: AIRAPETOV A.G., AKOLZINA M.K. MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY. PART 1. MODERN HISTORY OF EUROPE AND AMERICA (17th CENTURY. – 1870). TAMBОВ: PUBLISHING HOUSE TSU NAMED AFTER G.R. DERZHAVIN, 2013. P. 252.

Semen Fedorovich BLUMENAU, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovskiy, Bryansk, Russian Federation, Doctor of History, Professor, Head of General History Department, e-mail: blumenausf@mail.ru

Peer-reviewed teaching manual contains a variety of materials, contributing to the formation of the necessary competencies, two authors stated in the introduction to his work a detailed program of the course, materials for lectures, volume bibliography, themes and plans of seminars, assignments and materials for abstracting messages for common questions discussions, glossary. Undoubted merit aid is not a successful attempt to introduce “an event”, that is a factual story, and truly scientific-problematic. The authors provide abundant quotations from the works of eminent historians familiar with the concept of a historical phenomenon, faces different versions, without imposing a categorical point of view.

Referring to the 12 lecture topics authors of the manual could disassemble a large number of important and controversial issues such as demographic trends, economic change, social cohesion, social hierarchy, education, ideology, and religious beliefs; compare the Revolution of 17th – 19th centuries in different countries to reflect on absolutism, nationalism and Enlightenment. The sixth lecture “Political thought, ideology, religion and the church in Western Europe of the 19th century”, which taken meaningful analysis of conservative and liberal ideas, poorly studied religious and church history, attracts attention. Helpful is the use of methodological tools authors such as tables. And there is an insufficient complete coverage of the Enlightenment and the history of everyday life.

Key words: New History; absolutism; revolution; social thought; nationalism; demographic processes; religion; church; industrial revolution; education; socio-economic and political development.